

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY
OF ECONOMICS AND MANAGEMENT

VESTNIK NSUEM

2018

№ 4

Novosibirsk

2018

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

ВЕСТНИК НГУЭУ

2018
№ 4

Новосибирск
2018

The journal was founded in 2008.

The journal appears 4 times a year.

The Editor in Chief

Vladimir V. Glinskiy, Doctor of sciences, Professor

Editorial Council:

Valery V. Kuleshov, Doctor of sciences, Professor, Academician of RAS

Yury I. Shokin, Doctor of sciences, Professor, Academician of RAS

Viktor I. Suslov, Doctor of sciences, Professor, corresponding member of RAS

Andrey P. Avrov, PhD, Professor (Almaty, Kazakhstan)

Sofija Adzic, Doctor, Professor (Subotica, Republic of Serbia)

Vladimir N. Afanasyev, Doctor of sciences, Professor (Orenburg)

Yury P. Voronov, PhD, Professor

Eduard Gerhard, Professor (Coburg, Germany)

Anatoly I. Gretchenko, Doctor of sciences, Professor (Moscow)

Yury V. Gusev, Doctor of sciences, Professor

Oleg A. Donskikh, Doctor of sciences, Professor

Davar Ezra, Doctor of sciences, Professor (Netanya, Esrael)

Victor P. Ivanitsky, Doctor of sciences, Professor (Yekaterinburg)

Hans Kaminski, PhD, Professor (Oldenburg, Germany)

Alexander A. Kiselnikov, Doctor of sciences, Professor

Yusuf Karodia, PhD, Professor (Durban, SA)

Mikhail N. Kulapov, Doctor of sciences, Professor (Moscow)

Lyudmila I. Nivorozhkina, Doctor of sciences, Professor (Rostov-na-Donu)

Yury G. Odegov, Doctor of sciences, Professor (Moscow)

Svyatoslav V. Ponurov, PhD (Moscow)

Viktor I. Samarukha, Doctor of sciences, Professor (Irkutsk)

Vyacheslav E. Seliverstov, Doctor of sciences, Professor

Gennady N. Chebotaryov, Doctor of sciences, Professor (Tyumen)

Vladimir V. Shcherbakov, Doctor of sciences, Professor (St. Petersburg)

Gyula Horvath, Professor (Hungary)

Marian Cingula, Professor (Croatia)

Editorial Board:

Alexander V. Novikov, Doctor of sciences, Professor

Leonid K. Bobrov, Doctor of sciences, Professor

Sergey A. Smirnov, Doctor of sciences, Professor

Svetlana A. Ilyinykh, Doctor of sciences, Professor

Executive secretary

Lyudmila K. Serga, PhD, Associate Professor of Statistics

Editor

Svetlana M. Pogudina

Translator

Sergey P. Suhov

Журнал основан в 2008 г.

Выходит 4 раза в год.

Главный редактор

Глинский Владимир Васильевич, докт. экон. наук, профессор

Редакционный совет:

Кулешов Валерий Владимирович, докт. экон. наук, профессор, академик РАН

Шокин Юрий Иванович, докт. физ.-мат. наук, профессор, академик РАН

Суслов Виктор Иванович, докт. экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН

Авров Андрей Петрович, канд. экон. наук, профессор (Алматы, Казахстан)

Аджич София, доктор, профессор (Суботица, Сербия)

Афанасьев Владимир Николаевич, докт. экон. наук, профессор (Оренбург)

Воронов Юрий Петрович, канд. экон. наук

Герхард Эдуард, профессор (Кобург, Германия)

Гретченко Анатолий Иванович, докт. экон. наук, профессор (Москва)

Гусев Юрий Васильевич, докт. экон. наук, профессор

Донских Олег Альбертович, докт. филос. наук, профессор

Давар Эзра, докт. экон. наук, профессор (Нетания, Израиль)

Иваницкий Виктор Павлович, докт. экон. наук, профессор (Екатеринбург)

Камински Ханс, PhD, профессор (Ольденбург, Германия)

Кисельников Александр Андреевич, докт. экон. наук, профессор

Кародиа Юсуф, PhD, профессор (Дурбан, ЮАР)

Кулапов Михаил Николаевич, докт. экон. наук, профессор (Москва)

Ниворожкина Людмила Ивановна, докт. экон. наук, профессор (Ростов-на-Дону)

Одегов Юрий Геннадьевич, докт. экон. наук, профессор (Москва)

Понуров Святослав Владимирович, канд. экон. наук (Москва)

Самаруха Виктор Иванович, докт. экон. наук, профессор (Иркутск)

Селиверстов Вячеслав Евгеньевич, докт. экон. наук, профессор

Чеботарев Геннадий Николаевич, докт. юрид. наук, профессор (Тюмень)

Щербаков Владимир Васильевич, докт. экон. наук, профессор (Санкт-Петербург)

Хорват Дьюла, профессор (Венгрия)

Цингула Мариан, профессор (Хорватия)

Редакционная коллегия:

Новиков Александр Владимирович, докт. экон. наук, профессор

Бобров Леонид Куприянович, докт. техн. наук, профессор

Смирнов Сергей Алевтинович, докт. филос. наук, профессор

Ильиных Светлана Ивановна, докт. социол. наук, профессор

Ответственный секретарь

Серга Людмила Константиновна, канд. экон. наук, доцент

Редактор

Погудина Светлана Максимовна

Переводчик

Сухов Сергей Павлович

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-30505

CONTENT

SOCIETY AND ECONOMY: PROBLEMS OF DEVELOPMENT

<i>Kolomak E.A., Sumsкая T.V.</i> Analysis of Sub-Federal Budget Sufficiency and Inter-Budget Transfers: Methods and Results	10
<i>Apenko S.N., Romanenko M.A.</i> Professional Competence of the Team in Terms of Flexible Technologies in Project Activities	29
<i>Velikorossov V.V., Kulapov M.N., Karyakin A.M., Nikolskaya E.N.</i> Virtual Teams: Development of the Theory of Team Working Practice	41
<i>Markeev A.I., Tsukerblat D.M.</i> The Role of Intellectual Property in the Innovative Development of the Region	50

STATISTICS AND ECONOMIC DIMENSION

<i>Glinskiy V.V., Serga L.K., Kiselnikov A.A., Khramtsova T.G.</i> On the Ways of Impact of Territorial Differentiation on Economic Growth of the Country	64
<i>Avrov A. P., Khramtsova T.G., Yaroslavtseva L.P.</i> The Scheme of the Analysis of Utilization Efficiency of Performance Potential of the Population of Kazakhstan	72

FINANCE, ACCOUNTING AND ANALYSIS

<i>Tumanyants K.A., Fisher O.V.</i> Ways of Improving the Performance of Budget-Tax Measures to Stimulate Small Entrepreneurship in Russia	80
<i>Belousova S.V.</i> Tax Exemptions as the Most Important Tool of Spatial Development Regulation	95
<i>Vasilyeva N.S., Pichugina E.P.</i> The Analysis of Clustering of Russian Agricultural Enterprises Via the Company Cost Parameter	115
<i>Sholban L.Kh., Maksimova G.V.</i> The Methods of Preparation of Interim Liquidation Balance Sheet	126
<i>Nadezhdina S.D., Voronina N.I., Pyankova L.M.</i> Useful Life of Fixed Assets in Accounting and Tax Accounting: Problems and Solutions	135

FACTS, APPRAISALS, PERSPECTIVES

<i>Gulakova O.I.</i> Social and Economic Development of the Far East: Analysis and Estimation	143
<i>Petrovskaya Yu.A., Shekina I.V.</i> Implementation of the Innovative Development Strategy of the Russian Federation up to 2020: Results and Prospects	157

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

<i>Коломак Е.А., Сумская Т.В.</i> Анализ субфедеральной бюджетной обеспеченности и межбюджетных трансфертов: методы и результаты	10
<i>Апенько С.Н., Романенко М.А.</i> Профессиональные компетенции команды в условиях гибких технологий проектной деятельности	29
<i>Великороссов В.В., Кулапов М.Н., Карякин А.М., Никольская Е.Н.</i> Виртуальные команды: развитие теории практики командной работы	41
<i>Маркеев А.И., Цукерблат Д.М.</i> Роль интеллектуальной собственности в инновационном развитии региона	50

СТАТИСТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

<i>Глинский В.В., Серга Л.К., Кисельников А.А., Храмцова Т.Г.</i> О направлениях воздействия территориальной дифференциации на экономический рост	64
<i>Азров А.П., Храмцова Т.Г., Ярославцева Л.П.</i> Схема анализа эффективности использования трудового потенциала населения Казахстана	72

ФИНАНСЫ, БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ И АНАЛИЗ

<i>Туманянц К.А., Фишер О.В.</i> Способы улучшения результативности бюджетно-налоговых мер стимулирования малого предпринимательства в России	80
<i>Белоусова С.В.</i> Налоговые льготы как важнейший инструмент регулирования пространственного развития	95
<i>Васильева Н.С., Пичугина Е.П.</i> Анализ кластеризации российских предприятий отрасли сельского хозяйства через показатель стоимости организации	115
<i>Шолбан Л.Х., Максимова Г.В.</i> Методика составления промежуточного ликвидационного баланса	126
<i>Надеждина С.Д., Воронина Н.И., Пьянкова Л.М.</i> Срок полезного использования основных средств в бухгалтерском и налоговом учете: проблемы и решения	135

ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Гулакова О.И.</i> Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: анализ и оценка	143
<i>Петровская Ю.А., Шекина И.В.</i> Реализация стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 года: результаты и перспективы	157

SOCIOLOGY

<i>Volovskaya N.M., Plyusnina L.K., Rusina A.V., Inozemtseva A.V.</i> Unoccupied Population and Entrepreneurship: Preferences and Business Practice (Following Social Research)	171
<i>Bogdan I.V., Gurylina M.V., Chistyakova D.P.</i> Methods of Healthy Lifestyle Promotion by Medical Staff Based on Medical Sociological Analysis	188
<i>Prokhorova L.V.</i> The Role of Social Networks in Overcoming Social Exclusion of Elderly People in Modern Society	199
<i>Nagaytsev V.V., Pustovalova E.V.</i> The Experience of Research Methodology of Human Social Space: Interdisciplinary Approach	207
<i>Schelokov D.V.</i> Sociological Analysis of Public Institutions in the USA and Russia	214

THEORETICAL SEARCH AND OFFERS

<i>Kondratenko A.V., Logachova O.M., Logachov A.V.</i> Probabilistic Economic Theory. General Axioms, Concepts and Principles	226
<i>Ashurov S.A.</i> Development Factors of Car Maintenance Stations	246
<i>Terentyeva I.V.</i> The Current Stage of Pension System Reform in Russia: Assessment of Results and Prospects	253

СОЦИОЛОГИЯ

Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В., Иноземцева А.В. Незанятое население и предпринимательство: предпочтения и практика ведения бизнеса (по материалам социологических исследований) 171

Богдан И.В., Гурылина М.В., Чистякова Д.П. Методы распространения здорового образа жизни медицинскими работниками: опыт медико-социологического анализа 188

Прохорова Л.В. Роль социальных сетей в преодолении социальной эксклюзии пожилых людей в современном обществе 199

Нагайцев В.В., Пустовалова Е.В. Опыт методологии исследования социального пространства человека: междисциплинарный подход 207

Щёлоков Д.В. Социологический анализ общественных институтов США и России 214

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Кондратенко А.В., Логачёва О.М., Логачёв А.В. Вероятностная экономическая теория. Основные аксиомы, концепции и принципы 226

Аиуоров С.А. Факторы развития станций технического обслуживания автомобилей 246

Терентьева И.В. Современный этап реформирования пенсионной системы России: оценка результатов и перспективы 253

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

УДК 336.14

АНАЛИЗ СУБФЕДЕРАЛЬНОЙ БЮДЖЕТНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ И МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ТРАНСФЕРТОВ: МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ¹

Коломак Е.А.

Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: ekolomak@academ.org

Сумская Т.В.

Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: t.v.sumskaya@ngs.ru

Финансовая самостоятельность региональных и местных бюджетов является важнейшим условием их эффективного функционирования. На субфедеральном уровне в России сконцентрирован основной объем социально значимых расходов. Целью исследования является анализ основных направлений формирования и использования средств субфедеральных бюджетов в Российской Федерации. Выполненный комплекс расчетов на материалах консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации позволил выявить особенности формирования их доходов и расходов. Результаты исследования могут быть использованы при изучении возможностей совершенствования бюджетной политики в направлении выравнивания и стимулирования субъектов Федерации к укреплению собственной доходной базы. Кроме того, проведенный анализ позволил охарактеризовать бюджетную ситуацию на субфедеральном уровне с точки зрения достаточности средств для осуществления собственных и переданных полномочий.

Ключевые слова: доходы бюджетов, расходы бюджетов, субъекты Федерации, налоговые доходы, неналоговые доходы, безвозмездные перечисления, трансферты, дефицит бюджета, профицит бюджета, бюджетная политика.

¹ Статья выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН в рамках приоритетных направлений XI.171 (Проект XI.171.1.2, номер регистрации 0325-2017-0001 в ИСГЗ ФАНО) и XI.173 (Проект XI.173.1.1, номер регистрации 0325-2017-0004 в ИСГЗ ФАНО).

ANALYSIS OF SUB-FEDERAL BUDGET SUFFICIENCY AND INTER-BUDGET TRANSFERS: METHODS AND RESULTS

Kolomak E.A.

Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian
Academy of Sciences, Novosibirsk National Research State University
E-mail: ekolomak@academ.org

Sumskaya T.V.

Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian
Academy of Sciences, Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: t.v.sumskaya@ngs.ru

The financial independence of regional and local budgets is the most important condition for its effective functioning. In Russia the most of socially significant expenditures is concentrated at the sub-federal level. The purpose of the study is to analyze the main directions of the formation and directions of the use of sub-federal budgets in the Russian Federation. The executed complex of calculations on materials of consolidated budgets of the subjects of the Russian Federation has allowed to reveal features of formation of revenues and expenditures of sub-federal budgets. The results of the research can be used to study the possibilities of improving the budget policy in the direction of equalization and stimulation of subjects of the Federation to strengthen their own revenue base. In addition, the analysis made it possible to characterize the budget situation at the sub-federal level from the point of view of the sufficiency of the financial resources for exercising its own and transferred powers.

Keywords: budget revenues, budget expenditures, subjects of the Federation, tax revenues, non-tax revenues, grants, transfers, budget deficit, budget surplus, budget policy.

Важным направлением регулирования регионального развития является бюджетная политика. Она позволяет определять основные задачи и количественные параметры доходов и расходов бюджетов разных уровней. Ее эффективное проведение обеспечивает рост объемов финансовых поступлений и, соответственно, возможных расходов на цели социально-экономического развития регионов. Основу региональной бюджетной политики составляет отлаженная система бюджетного федерализма, особым звеном которой являются совместные бюджетные и налоговые полномочия Федерации и ее субъектов. Создание устойчиво растущей национальной экономики невозможно без решения проблем выравнивания межрегиональных различий, преодоления кризисных явлений и отставания в развитии отдельных территорий.

Неоднородность России по всем параметрам экономического и социального развития отмечается во многих исследованиях, посвященных анализу региональных аспектов развития страны. Контрасты между равными по статусу субъектами Российской Федерации начинаются с площади территории и кончаются показателями экономической активности и производительности. Высокий уровень межрегиональной дифференциации стал основной причиной больших различий в финансовом потенциале и в структуре доходов субъектов Федерации, что является причиной значительных межбюджетных перераспределений в виде трансфертов и безвозмездных поступлений.

Тема политики в отношении субфедеральных бюджетов и трансфертов постоянно присутствует в отечественной научной дискуссии. Обсуждается распределение налоговых и расходных полномочий [5, 6, 12, 19], обязательств между уровнями власти в Российской Федерации [1, 2, 8], типы и размеры межбюджетных перераспределений [9, 12], правовые и методические проблемы выделения трансфертов [7, 10, 11, 18, 20]. Реформирование межбюджетных отношений рассматривается через призму эффективности [3, 14, 16, 17] и ресурсов экономического роста [4, 15]. При этом в публикациях редко приводится в качестве обоснования развернутый эмпирический анализ бюджетной статистики. В данной работе демонстрируются различные приемы анализа субфедеральной бюджетной обеспеченности и результативности трансфертов и показывается зависимость получаемых выводов от методов работы с выборкой.

Основными доходными статьями региональных бюджетов являются налоговые доходы, неналоговые доходы и безвозмездные поступления. Причем устойчивой основой доходной базы регионов можно считать только налоговые доходы, которые связаны с экономическим потенциалом региона. Большая часть неналоговых источников доходов является либо временной, либо нестабильной, такие, например, статьи, как доходы от продажи имущества, доходы от продажи земель, штрафы и административные платежи, и поэтому не могут рассматриваться как стабильный источник дохода регионального бюджета.

Распределение регионов по доле налоговых доходов в бюджетах субъектов Федерации в 2016 г. представлено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение регионов по долям налоговых доходов

Интервал доли налоговых доходов, %	Количество регионов, попавших в группу	Интегральный процент
10–20	1	1,18
20–30	4	5,88
30–40	4	10,59
40–50	6	17,65
50–60	9	28,24
60–70	16	47,06
70–80	25	76,47
80–90	19	98,82
Свыше 90	1	100,00

Большая часть регионов имеет долю налоговых доходов в интервале от 60 до 90 %, модальным является интервал 70–80 %. Вариация показателя доли налоговых доходов в пределах 30 % – уже характеристика достаточно больших региональных различий финансовой стабильности, однако размах вариации этого признака в стране – гораздо больше и составляет около 80 %.

Самую низкую долю налоговых доходов в доходах бюджета имеет Республика Ингушетия – 13,21 %. Вторая группа включает Чеченскую Рес-

публику, республики Тыву, Алтай и Крым, доля налоговых поступлений в которых составляет от 20 до 30 %. В третью группу вошли республики Калмыкия, Дагестан, Карачаево-Черкесия и Камчатский край, в этих регионах налоговые доходы не превышают 40 % от общих бюджетных доходов. С другой стороны, существуют регионы, в которых доля налоговых доходов превышает 85 % поступлений в региональный бюджет, к ним относятся Московская, Мурманская, Тюменская области, г. Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

Таким образом, значительная часть регионов страны не имеет устойчивой доходной базы бюджета. В такой ситуации какие-либо планомерные действия региональных экономических ведомств по развитию экономики территории невозможны.

Неналоговые доходы бюджетов субъектов Федерации, хотя и нельзя рассматривать как базу экономической политики субъектов Федерации, все же относятся к категории собственных источников развития. Распределение доли неналоговых доходов представлено в табл. 2.

Таблица 2

Распределение регионов по долям неналоговых доходов

Интервал доли неналоговых доходов, %	Количество регионов, попавших в группу	Интегральный процент
0–5	25	29,41
5–10	55	94,12
10–15	4	98,82
15–20	1	100,00

Неналоговые доходы для большинства регионов составляют незначительную часть бюджета территории. Модальным интервалом является интервал 5 – 10 %, для более чем 90 % субъектов Федерации эта величина меньше 10 %, у четырех регионов она составляет меньше 2 %, это Республика Ингушетия (0,81 %), Чеченская Республика (1,20 %), Республика Тыва (1,97 %) и Чукотский АО (1,56 %). Долю неналоговых доходов выше 10 % имеют г. Москва (11,41 %), Ненецкий АО (18,96 %), Республика Башкортостан (14,27 %), Кемеровская (12,35 %) и Сахалинская (14,98 %) области.

Причем часть регионов с низкой долей налоговых поступлений имеет и невысокую долю неналоговых доходов (Чеченская Республика, республики Ингушетия, Тыва, Алтай), что свидетельствует о невысоких собственных доходах и о формировании бюджетов этих территорий в основном за счет безвозмездных поступлений.

Чтобы проанализировать уровень самостоятельности бюджетов территорий, было оценено распределение доли полученных (налоговых и неналоговых) доходов в совокупном доходе субъектов Федерации, которое представлено в табл. 3.

Доля полученных доходов для большей части регионов находится в пределах 60–90 %, при модальном интервале 80–90 %, однако размах вариации – около 84 %.

Таблица 3

Распределение регионов по долям полученных доходов

Интервал доли полученных доходов, %	Количество регионов, попавших в группу	Интегральный процент
10–20	1	1,18
20–30	3	4,71
30–40	3	8,24
40–0	4	12,94
50–60	7	21,18
60–70	12	35,29
70–80	15	52,94
80–90	29	87,06
Свыше 90	11	100,00

Самую низкую долю полученных доходов имеют республики Ингушетия (14,02 %) , Тыва (24,47 %), Алтай (29,96 %) и Чеченская Республика (21,51 %). К регионам с низкой долей полученных доходов относятся республики Крым (34,76 %), Дагестан (34,14 %), Калмыкия (46,41 %), Карачаево-Черкесия (40,70 %), Калининградская область (48,59 %), г. Севастополь (47,39 %) и Камчатский край (39,54 %).

С другой стороны, имеется одиннадцать территорий, для которых налоговые и неналоговые доходы превышают 90 % совокупных доходов. К ним относятся Московская (94,85 %), Ленинградская (93,16 %), Мурманская (90,64 %), Свердловская (90,62 %), Тюменская (94,48 %) и Сахалинская (96,53 %) области, города Москва (95,82 %) и Санкт-Петербург (95,15 %), Республика Коми (90,32 %), Ханты-Мансийский (95,76 %) и Ямало-Ненецкий (98,00 %) автономные округа.

Особый интерес представляет та часть безвозмездных доходов, которая обеспечена безвозмездными перечислениями из вышестоящего (федерального) бюджета. Распределение доли трансфертов в общих доходах региональных бюджетов представлено в табл. 4.

Таблица 4

Распределение регионов по долям безвозмездных перечислений из федерального бюджета

Интервал доли налоговых доходов, %	Количество регионов, попавших в группу	Интегральный процент
0–10	14	16,47
10–20	29	50,59
20–30	14	67,06
30–40	13	82,35
40–50	4	87,06
50–60	4	91,76
60–70	4	96,47
70–80	2	98,82
80–90	1	100,00
Свыше 90	0	100,00

К числу регионов, в которых доля безвозмездных поступлений менее 5 %, относятся г. Москва (3,90 %), г. Санкт-Петербург (4,93), Ханты-Мансийский (3,00 %), Ямало-Ненецкий (1,27 %) автономные округа и Сахалинская область (2,32 %).

Для половины субъектов Федерации безвозмездные поступления из вышестоящего бюджета составляют менее 20 %. Но для остальных регионов финансовые поступления из федерального центра играют существенную роль в формировании доходной части бюджетов. Существуют регионы, в которых безвозмездные поступления составляют больше половины бюджетных доходов: Калининградская область (51,19 %), Республики Калмыкия (53,51 %), Крым (68,28 %), Дагестан (64,29 %), Ингушетия (85,21 %), Тыва (72,44 %), Алтай (69,61 %), Карачаево-Черкесская (59,58 %) и Чеченская (77,86 %) республики, г. Севастополь (56,60 %) и Камчатский край (61,25 %).

Ситуацию, когда трансферты из федерального центра играют решающую роль в бюджете субъектов Федерации, нельзя назвать нормальной для федеративного государства, реализующего принцип бюджетного федерализма, и свидетельствует о высокой степени централизации финансовых средств в России. Такое положение пытаются оправдать необходимостью сглаживания существенных межрегиональных различий для сохранения единства страны. Однако даже с учетом действительно большой внутренней неоднородности страны трудно найти объяснение тому, что все регионы – субъекты Российской Федерации получают поддержку из федерального центра, при формировании федерального бюджета за счет экономической деятельности, осуществляемой в тех же самых регионах.

Следующим логическим шагом является анализ того, насколько декларированная цель необходимости концентрации финансовых ресурсов в центре отвечает целям выравнивания уровня социально-экономического развития различных субъектов Федерации.

В качестве характеристик неоднородности совокупности используются показатели разброса, такие как размах асимметрии, рассеивание, эксцесс рассеивания, стандартное отклонение и коэффициент вариации. Свойства этих показателей различаются, поэтому есть смысл использовать несколько индикаторов для подтверждения устойчивости выводов.

Размах асимметрии (W) характеризует асимметрию через отношение максимального к минимальному значению показателя по регионам Российской Федерации, т.е.

$$W = \frac{X_{\max}}{X_{\min}}.$$

Индикатор рассеивания (S) субъектов Федерации рассчитывается по формуле

$$S = \sum_{i=1}^N \frac{|X_a - X_i|}{N},$$

где X_a – среднее значение показателя по регионам; X_i – значение показателя для i -го субъекта Федерации; N – количество регионов.

Эксцесс рассеивания (Θ) применяется для характеристики формы рассеивания субъектов Федерации и рассчитывается по формуле

$$\Theta = \frac{X_a}{X_M},$$

где X_M – медиана, т.е. значение показателя для региона, занимающего среднее положение между равным числом субъектов Федерации, имеющих, с одной стороны, меньшие, а с другой – большие значения этого показателя. Если число регионов является четным, то X_M рассчитывается как среднее арифметическое от значений показателей двух соседних регионов, занимающих среднее положение.

Расчет стандартного отклонения (M) проводится по следующей формуле:

$$M = \sqrt{\sum_{i=1}^N \frac{(X_i - X_a)^2}{N}}.$$

Коэффициент вариации (V) рассчитывается как отношение стандартного отклонения к среднему значению доходов бюджетов, умноженное на 100 %, т.е.

$$V = \frac{M}{X_a} \cdot 100 \, \%.$$

Совокупности, имеющие коэффициент вариации больше 30–35 %, принято считать неоднородными.

С ростом однородности по выборке показатели разброса должны уменьшаться. Для этого на первом этапе были оценены показатели разброса полученных (налоговых и неналоговых) бюджетных доходов на душу населения, т.е. доходов субъектов Федерации без перечислений в региональные бюджеты средств вышестоящего бюджета, а на втором этапе проводилась оценка располагаемых доходов субъектов Федерации, т.е. доходов регионов с учетом безвозмездных перечислений. Результаты приведены в табл. 5.

Таблица 5

Показатели неоднородности уровня бюджетных доходов на душу населения

Показатели	Полученные доходы	Располагаемые доходы
Размах асимметрии	40,00	20,45
Рассеивание	36,15	45,06
Эксцесс рассеивания	1,45	1,52
Стандартное отклонение	62,31	86,99
Коэффициент вариации	108,28	110,90

Полученные данные свидетельствуют о том, что размах асимметрии между регионами после перечисления средств из федерального бюджета сокращается в 2 раза. Рассеивание субъектов Федерации по налоговым и неналоговым и совокупным доходам увеличивается на четверть (с 36,15 до 45,06 %). Эксцесс рассеивания в обоих случаях больше 1, таким образом половина регионов с меньшими значениями налоговых и неналоговых бюд-

жетных доходов на душу населения более близки между собой по данным показателям, чем другая половина субъектов Федерации.

Значительный рост стандартного отклонения располагаемых доходов по сравнению со стандартным отклонением полученных доходов объясняется увеличением среднего уровня варьируемого показателя из-за добавления безвозмездных перечислений. Такой эффект имеет место в случае, если рост показателя затрагивает большую часть элементов выборки. Если бы безвозмездные перечисления направлялись только для подтягивания бюджетов с низкими доходами до среднего уровня, стандартное отклонение должно было бы снизиться. Но из-за большой централизации финансовых средств часть перечислений, скорее всего, оказывается не связанной с функцией выравнивания уровня развития, поэтому необходимо исключить эту часть финансовых поступлений. То есть оценить изменение неоднородности с учетом изменения средней величины доходов бюджетов. В качестве такого показателя использовался коэффициент вариации по стандартному отклонению, рассчитанный как отношение стандартного отклонения к среднему значению доходов бюджетов, умноженное на 100 %. Как видно из табл. 5, показатель располагаемых доходов имеет больший коэффициент вариации, т.е. неоднородность в бюджетных доходах субъектов Федерации после осуществления безвозмездных перечислений увеличивается.

Чтобы рассмотреть, за счет каких групп регионов происходило изменение агрегированных показателей разброса, необходимо оценить изменение характера распределения бюджетных доходов регионов в результате получения средств из вышестоящего бюджета. В табл. 6 представлено распределение регионов по уровню полученных и располагаемых бюджетных доходов на душу населения, а в табл. 7 приведены те же, но централизованные значения (разность со средним уровнем по стране).

Таблица 6

Распределение регионов по уровню доходов

Доходы на душу населения, тыс. руб.	Полученные доходы		Располагаемые доходы	
	Количество регионов, попавших в группу	Интегральный процент	Количество регионов, попавших в группу	Интегральный процент
0–10	1	1,18	0	0,00
10–20	7	9,41	0	0,00
20–30	15	27,06	0	0,00
30–40	21	51,76	10	11,76
40–50	18	72,94	27	43,53
50–60	5	78,82	19	65,88
60–70	3	82,35	8	75,29
70–80	3	85,88	7	83,53
80–90	2	88,24	2	85,88
90–100	2	90,59	3	89,41
100–150	3	94,12	1	90,59
150–200	1	95,29	1	91,76
Свыше 200	4	100,00	7	100,00

Из табл. 6 видно, что безвозмездные перечисления из федерального бюджета «подтягивают» по абсолютному показателю самые бедные регионы. Количество субъектов Федерации с душевыми бюджетными доходами менее 30 тыс. руб. сократилось до нуля. Число регионов со среднедушевыми доходами меньше 40 тыс. руб. после поступления средств из федерального бюджета уменьшилось с 44 до 10. До поступления безвозмездных перечислений в бюджеты регионов модальным интервалом был интервал от 20 до 50 тыс. руб. на душу населения. После осуществления безвозмездных перечислений модальным интервалом стал интервал от 40 до 80 тыс. руб. Однако количество регионов в средних доходных группах сократилось, при этом увеличилось число субъектов Федерации в группе с самым высоким бюджетным доходом на душу населения.

Центрированные значения полученных и располагаемых бюджетных доходов позволяют исключить влияние изменения среднего уровня бюджетных доходов и оценивать изменение их распределения с учетом повышенного стандарта бюджетной обеспеченности (табл. 7).

Таблица 7

Распределение регионов по уровню централизованных показателей доходов

Доходы на душу населения, тыс. руб.	Полученные доходы		Располагаемые доходы	
	Количество регионов, попавших в группу	Интегральный процент	Количество регионов, попавших в группу	Интегральный процент
Менее – 30	18	21,18	33	38,82
–30– –20	22	47,06	21	63,53
–20– –10	20	70,59	9	74,12
–10–0	7	78,82	7	82,35
0–10	2	81,18	3	85,88
10–20	4	85,88	3	89,41
20–30	2	88,24	0	89,41
30–40	2	90,59	0	89,41
40–50	0	90,59	0	89,41
50–60	0	90,59	0	89,41
60–70	0	90,59	0	89,41
70–80	1	91,76	2	91,76
80–90	2	94,12	0	91,76
90–100	0	94,12	0	91,76
100–150	1	95,29	2	94,12
150–200	0	95,29	1	95,29
Свыше 200	4	100,00	4	100,00

Если принять во внимание, что получатели трансфертов – большая часть субъектов Федерации, и учесть, что в результате этого происходит рост среднего уровня бюджетной обеспеченности, тогда результаты трансфертной политики центра выглядят менее целесообразными. Как видно из табл. 7, увеличивается как число регионов с бюджетными доходами существенно ниже среднего уровня, так и число регионов с относительно са-

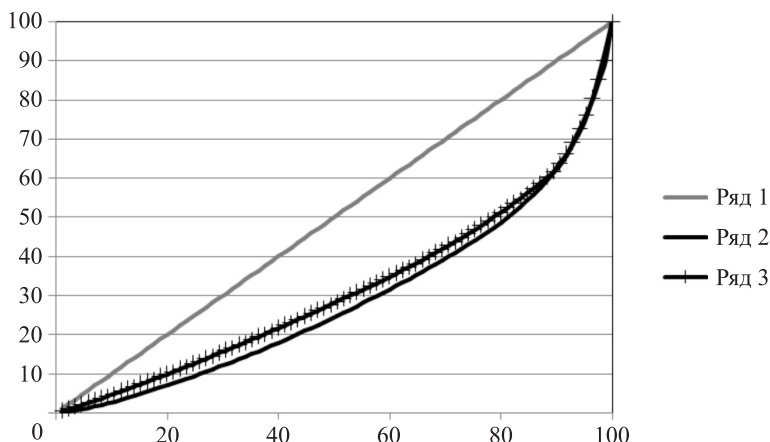

Рис. 1. Кривая Лоренца.

Ряд 1 – линия «абсолютного равенства»; ряд 2 – межрегиональное распределение бюджетных доходов на душу населения без учета безвозмездных перечислений; ряд 3 – межрегиональное распределение бюджетных доходов на душу населения с учетом безвозмездных перечислений

мыми высокими доходами, т.е. межрегиональная дифференциация растет. Особо обратим внимание на распределение центрированных значений располагаемых доходов, т.е. доходов субъектов Федерации после перечисления средств из федерального бюджета в регионы. Группа регионов с центрированным располагаемым доходом от 20 до 70 тыс. руб. на душу населения оказалась пустой, здесь нет ни одного субъекта Федерации. Однако кривая Лоренца показывает, что межрегиональная дифференциация в результате безвозмездных перечислений все-таки немного сокращается (рис. 1).

Кроме того, в качестве иллюстрации увеличения или уменьшения межтерриториальной дифференциации по уровню полученных и располагаемых бюджетных доходов могут служить коэффициент фондов и индекс Джини. Коэффициент фондов, или коэффициент дифференциации доходов, служит для установления степени неравенства между различными группами регионов. Он определяется как отношение доходов, получаемых 10%-ной группой самых высокодоходных субъектов Федерации к доходам 10%-ной группы самых низкодоходных регионов. Такое сопоставление показывает, во сколько раз первая группа имеет доходы выше, чем вторая. Индекс Джини показывает концентрацию доходов по группам регионов. Он дает представление о том, в пользу каких субъектов Федерации работает распределительный механизм: либо доходы относительно равномерно распределяются среди регионов, либо основную выгоду получает узкий круг регионов, и концентрация доходов носит ярко выраженный характер. Чем больше значение индекса Джини, тем больше неравенство между территориями.

Значения коэффициента фондов и индекса Джини, рассчитанные для полученных и располагаемых бюджетных доходов субъектов Российской Федерации, приведенные в табл. 8, свидетельствуют об уменьшающейся дифференциации регионов РФ.

Таблица 8
**Коэффициент фондов и индекс Джини,
рассчитанные для субъектов
Российской Федерации (2016 г.)**

Коэффициент фондов	
Полученные доходы	12,90
Располагаемые доходы	7,68
Индекс Джини	
Полученные доходы	41,75
Располагаемые доходы	36,81

Для оценки того, насколько качественно действующая система межбюджетных отношений справляется со своими функциями, в частности с выравниванием дифференциации бюджетной обеспеченности регионов и стимулированием субъектов Федерации к укреплению собственной доходной базы, можно использовать методы регрессионного анализа, а также ранжирование регионов по показателям полученных и располагаемых бюджетных доходов. При этом интерес представляют не сами ранги, а их изменение в процессе межбюджетного регулирования, т.е. то, насколько эти ранги меняются после получения регионами безвозмездных перечислений. Данное изменение можно оценить с помощью расчета коэффициентов корреляции Спирмена и Кендалла. Очевидно, что нормальная система межбюджетного регулирования не должна допускать резких и малообоснованных изменений рангов территорий, т.е. коэффициенты корреляции должны быть близки к 1.

Метод ранговой корреляции Спирмена позволяет определить тесноту (силу) и направление корреляционной связи между двумя признаками. Каждому значению двух исследуемых рядов данных присваивается ранг. На основе полученных рангов рассчитываются их разности d и вычисляется коэффициент корреляции Спирмена по следующей формуле:

$$\rho = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n(n^2 - 1)},$$

где $\sum d^2$ – сумма квадратов разностей рангов, а n – число парных наблюдений.

При использовании коэффициента ранговой корреляции условно оценивают тесноту связи между признаками, считая значения коэффициента равные 0,3 и менее, показателями слабой тесноты связи; значения более 0,4, но менее 0,7 – показателями умеренной тесноты связи, а значения 0,7 и более – показателями высокой тесноты связи.

Коэффициент ранговой корреляции Кендалла определяет степень соответствия упорядочения всех пар объектов по двум переменным и применяется для выявления взаимосвязи между количественными или качественными показателями, если их можно ранжировать. Данный коэффициент предпочтительно рассчитывать в случае наличия выбросов.

Значения первого показателя (X) выставляют в порядке возрастания и присваивают им ранги. Затем ранжируют значения второго показателя (Y) и рассчитывают коэффициент корреляции Кендалла по следующей формуле:

$$\tau = \frac{2S}{n(n-1)},$$

где $S = P - Q$; P – суммарное число наблюдений, следующих за текущими наблюдениями с большим значением рангов Y ; Q – суммарное число наблю-

дений, следующих за текущими наблюдениями с меньшим значением рангов Y .

Значения коэффициентов ранговой корреляции Спирмена и Кендалла, рассчитанные для рядов полученных и располагаемых душевых доходов бюджетов субъектов Российской Федерации в 2016 г. представлены в табл. 9.

Таблица 9

Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена и Кендалла, рассчитанные для рядов полученных и располагаемых душевых доходов бюджетов регионов в 2016 г.

Показатель	2016 г.
Коэффициент ранговой корреляции Спирмена	0,77
Коэффициент ранговой корреляции Кендалла	0,66

Как свидетельствуют расчеты, в 2016 г. наблюдалась умеренная взаимосвязь между рангами полученных и располагаемых душевых бюджетных доходов субъектов Федерации. Важно отметить, что взаимосвязь анализируемых признаков носила прямой характер, т.е. регионы с большими значениями полученных (налоговых и неналоговых) бюджетных доходов имели и большие значения располагаемых доходов, т.е. доходов с учетом безвозмездных перечислений. Данный факт свидетельствует о том, что существенного изменения рангов территорий после получения ими безвозмездных перечислений не происходит, хотя к единице значения коэффициентов все же недостаточно близки.

Оценим, отвечают ли средства, передаваемые из федерального бюджета субъектам Федерации, целям выравнивания с помощью средств регрессионного анализа. Для тестирования этой гипотезы была оценена зависимость средств, поступающих в бюджеты регионов из вышестоящего бюджета на душу населения, от среднедушевых налоговых и неналоговых бюджетных доходов. Если трансфертная политика направлена на выравнивание среднедушевых бюджетных доходов субъектов Федерации, то связь должна быть статистически значимой отрицательной, если трансферты не зависят от текущего уровня среднедушевых бюджетных доходов регионов, то связь должна быть статистически незначима, если трансферты получают относительно благополучные регионы, то связь должна быть положительной.

Оценивалось следующее уравнение:

$$T_i = \alpha + \beta \cdot R_i + \xi_i,$$

где T_i – перечисления из областного бюджета i -му муниципальному образованию в расчете на душу населения; R_i – налоговые и неналоговые доходы i -го муниципалитета на д.н.; α – свободный член регрессии; β – угловой коэффициент; ξ_i – остатки регрессии.

Графически регрессионная зависимость представлена на рис. 2, результаты оценки регрессионной зависимости для всех регионов Российской Федерации приведены в табл. 10. Полученная зависимость оказалась статистически значимой положительной, причем полученные результаты значимы и при 99%-ном уровне доверия. То есть на данном этапе можно сделать вывод, что безвозмездные перечисления направляются в более благополучные с точки зрения душевых налоговых и неналоговых доходов регионы.

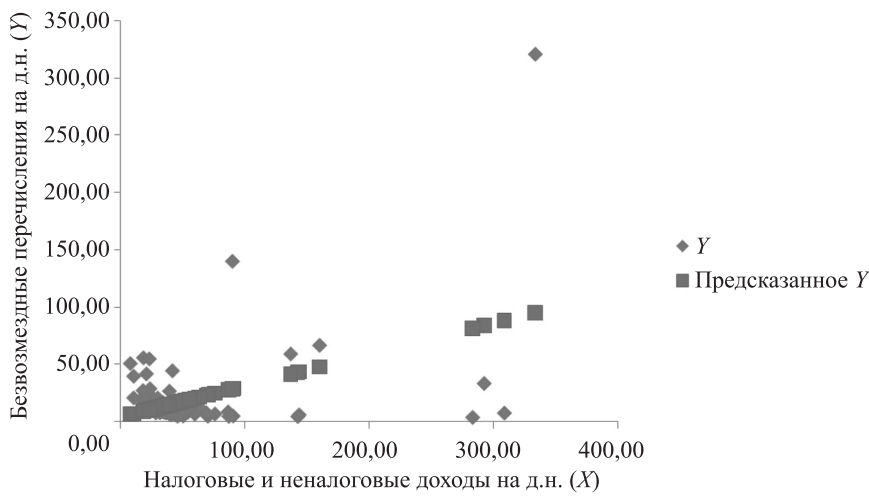

Рис. 2. Зависимость между безвозмездными перечислениями и налоговыми и неналоговыми доходами на д.н. для всех субъектов Российской Федерации

Таблица 10

Результаты оценки уравнения $T_i = \alpha + \beta \cdot R_i + \xi_i$

Показатель		2016 г.
R^2		0,20
Оценка α		4,52
t -статистика коэффициента α		0,89
95%-ный доверительный интервал для α	Нижняя граница	-5,59
	Верхняя граница	14,63
Оценка β		0,27
t -статистика коэффициента β		4,54
95%-ный доверительный интервал для β	Нижняя граница	0,15
	Верхняя граница	0,39
Количество наблюдений		85

На следующем этапе оценки было решено исключить «выбросы», т.е. регионы, которые существенно выделяются из общей картины распределения. Такими субъектами Федерации являются Магаданская область, Ненецкий и Чукотский автономные округа, Республика Саха (Якутия) и Камчатский край. Результаты оценки регрессионной зависимости между безвозмездными перечислениями и налоговыми и неналоговыми бюджетными доходами на душу населения после исключения выбросов представлены на рис. 3 и в табл. 11.

Полученная на данном этапе оценивания зависимость оказалась статистически значимой отрицательной, значимость углового коэффициента сохранялась и при 99%-ном уровне доверия, т.е. можно сделать вывод, что безвозмездные перечисления направлялись в регионы с меньшими значениями налоговых и неналоговых бюджетных доходов на душу населения. В данном случае стоит обратить внимание на низкий коэффициент детерминации и форму облака рассеивания, представленную на рис. 3. Исходя

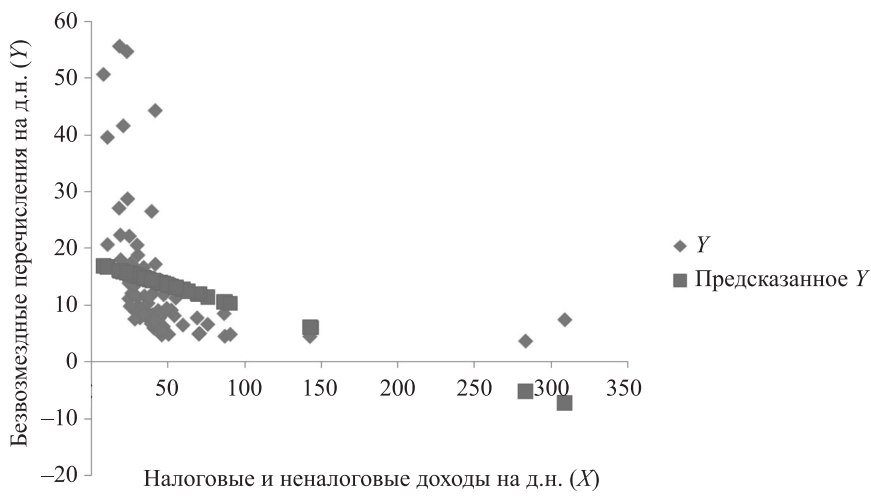

Рис. 3. Зависимость между безвозмездными перечислениями и налоговыми и неналоговыми доходами на д.н. после исключения выбросов

Таблица 11

Результаты оценки уравнения $T_i = \alpha + \beta \cdot R_i + \xi_i$ после исключения выбросов

Показатель		2016 г.
R^2		0,11
Оценка α		17,68
t -статистика коэффициента α		10,13
95%-ный доверительный интервал для α	Нижняя граница	14,20
	Верхняя граница	21,15
Оценка β		-0,08
t -статистика коэффициента β		-3,10
95%-ный доверительный интервал для β	Нижняя граница	-0,13
	Верхняя граница	-0,03
Количество наблюдений		80

из формы облака рассеивания было принято решение оценить следующее уравнение регрессии:

$$\ln T_i = \gamma + \beta \cdot \ln R_i + \ln \xi_i.$$

Результаты оценки регрессионной зависимости, построенной по логарифмам исходных данных, приведены на рис. 4 и в табл. 12.

Оценивание уравнения, построенного по логарифмам безвозмездных перечислений и полученных доходов, свидетельствует о наличии статистически значимой отрицательной зависимости между рассматриваемыми показателями. Данная зависимость остается значимой и при 99%-ном уровне доверия, т.е. можно сделать вывод о том, что безвозмездные перечисления направляются в субъекты Федерации с наименьшими полученными доходами на душу населения, т.е. в целом субфедеральная бюджетная политика направлена на выравнивание среднедушевых бюджетных доходов регионов.

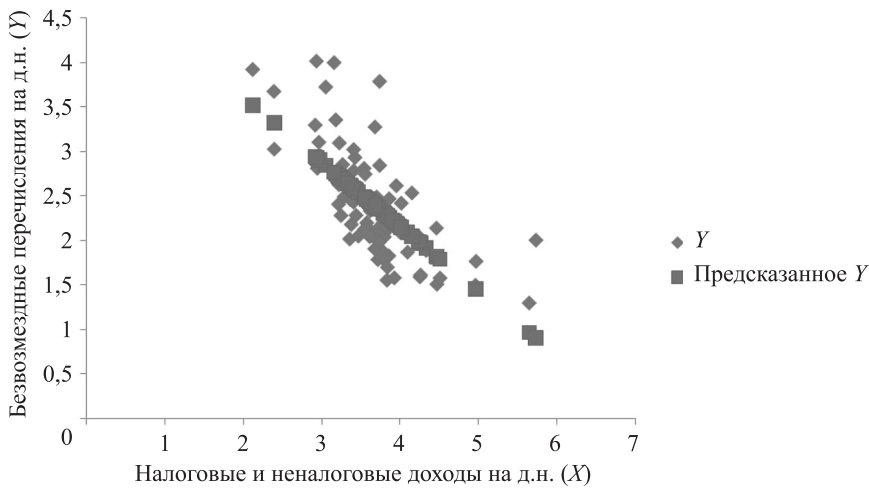

Рис. 4. Зависимость между безвозмездными перечислениями и налоговыми и неналоговыми доходами на д.н. после исключения выбросов, построенная по логарифмам исходных данных

Таблица 12

Результаты оценки уравнения $\ln T_i = \gamma + \beta \cdot \ln R_i + \ln \xi_i$ после исключения выбросов, построенного по логарифмам исходных данных

Показатель		2016 г.
R^2		0,48
Оценка α		5,06
t -статистика коэффициента α		15,84
95%-ный доверительный интервал для α	Нижняя граница	4,43
	Верхняя граница	5,70
Оценка β		-0,73
t -статистика коэффициента β		-8,44
95%-ный доверительный интервал для β	Нижняя граница	-0,95
	Верхняя граница	-0,50
Количество наблюдений		80

В экономической литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что значительная федеральная помощь регионам порождает у них иждивенческие настроения, что в результате стимулы к развитию собственного экономического потенциала регионов не работают. Наличие и направление действия стимулов к увеличению налоговых поступлений в бюджеты субъектов Российской Федерации можно оценить по предельному эффекту увеличения налогов СФ, т.е. по увеличению располагаемых доходов при увеличении налоговых поступлений в бюджет СФ на 1 рубль:

$$(Y_{it} - Y_{it-1}) = \alpha + \beta (X_{it} - X_{it-1}) + \xi_{it},$$

где Y_{it} – располагаемые доходы i -го СФ в году t , X_{it} – налоговые доходы i -го СФ в году t .

Если предельные стимулы увеличения налоговых доходов отсутствуют, то коэффициент регрессии β должен быть статистически незначим, если

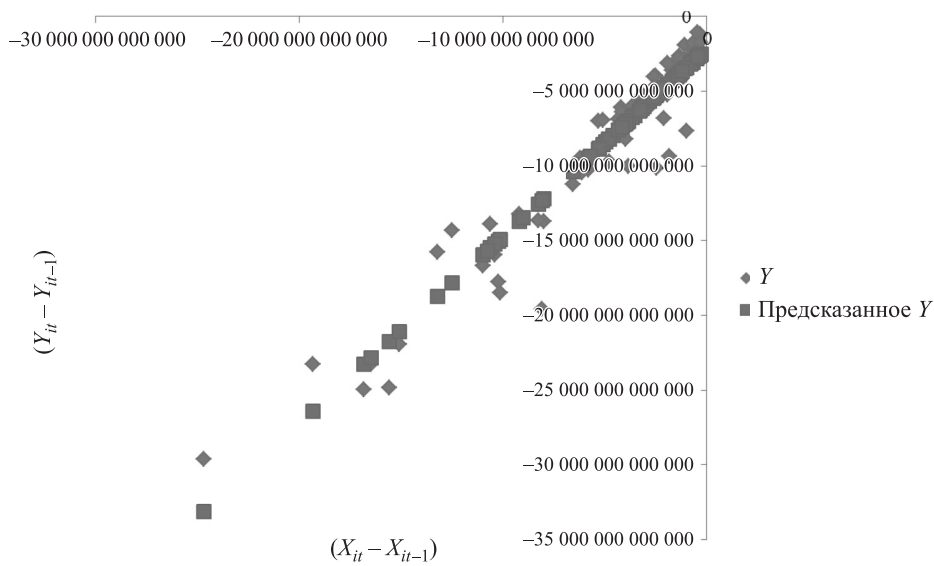

Рис. 5. Оценка предельного увеличения поступления важнейших налогов для субъектов Российской Федерации

Таблица 13

Результаты оценки уравнения $(Y_{it} - Y_{it-1}) = \alpha + \beta (X_{it} - X_{it-1}) + \xi_{it}$

Показатель		2016 г.
R^2		0,92
Оценка α		-2165499408870
t -статистика коэффициента α		7,60
95%-ный доверительный интервал для α	Нижняя граница	-2732434187553
	Верхняя граница	-1598564630187
Оценка β		1,25
t -статистика коэффициента β		30,83
95%-ный доверительный интервал для β	Нижняя граница	1,17
	Верхняя граница	1,33
Количество наблюдений		82

стимулы (к увеличению или уменьшению) присутствуют, то коэффициент регрессии должен быть статистически значим (положительным или отрицательным).

В уравнении регрессии оценивался предельный эффект не всех налогов, зачисляемых в бюджеты субъектов Федерации, рассматривались только основные налоги – налог на прибыль организаций, налог на доходы физических лиц и имущественные налоги. В среднем по регионам данные налоги обеспечивают 80 % совокупных налоговых поступлений. Для приведения данных к сопоставимому виду использовались индексы потребительских цен для субъектов Российской Федерации. Оценки проводились для изменения общих доходов субъектов Федерации и изменения трех указанных налогов за 2015–2016 гг. В процессе расчетов из анализа были исключены три субъекта Федерации – города Москва и Санкт-Петербург и Московская область. Результаты оценки уравнения приведены на рис. 5 и в табл. 13.

Полученная зависимость оказалась статистически значимой, t -статистика коэффициента регрессии равна 30,83, коэффициент детерминации равен 0,92, оценка коэффициента β равна 1,25. То есть стимулы работают в направлении сохранения и развития собственного налогового потенциала регионов Российской Федерации.

В работе представлены результаты эмпирического анализа бюджетной субфедеральной статистики, который включает изучение распределений, описательные статистики и регрессионные уравнения. Полученные оценки позволяют сделать несколько заключений относительно формирования бюджетов субъектов Российской Федерации в 2016 г. Структура доходов региональных бюджетов очень сильно различается, существует большое количество регионов с неустойчивой доходной базой бюджетов, что делает невозможным проработку региональными властями долговременных программ развития. Во многом это связано с необоснованно большой централизацией финансовых ресурсов. В результате через трансферты происходит не только выравнивание уровней бюджетной обеспеченности регионов, но и частичное возвращение финансовых средств в регионы, на которое накладывается влияние переговоров с федеральным центром. Тем не менее существующая система межбюджетных перераспределений сохраняет стимулы у субъектов Федерации к развитию налоговой базы территорий.

Литература

1. Акиндинова Н., Чернявский А., Чепель А. Региональные бюджеты в условиях кризиса: можно ли достичь сбалансированности? // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 31–48.
2. Арлашкин И.Ю., Дерюгин А.Н., Прока К.А. Разграничение полномочий между уровнями власти в Российской Федерации: бюджетные аспекты // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2015. № 4. С. 85–93.
3. Бухарский В.В., Лавров А.М. Оценка выравнивающего и стимулирующего эффектов межбюджетных трансфертов субъектам РФ // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2017. № 1. С. 9–21.
4. Валиева Д.Г., Боговиз А.В. Региональное неравенство в Российской Федерации и механизмы его сглаживания // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2-2. С. 350–354.
5. Голованова Н.В., Домбровский Е.А. Федеральный центр и регионы: изменение разграничения полномочий в 2005–2015 годах // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2016. № 2. С. 41–51.
6. Горлова О.С. Бюджетная политика Российской Федерации в области доходов бюджетов: совершенствование механизма реализации // Экономика и предпринимательство. 2015. № 10-2. С. 431–435.
7. Дерюгин А.Н., Назаров В.С., Мамедов А.А. Формирование консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в среднесрочной перспективе: проблемы и решения // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2014. № 3.
8. Домбровский Е.А. Десять шагов к сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации // Финансы и кредит. 2015. № 37.
9. Ерошкина Л.А. Развитие межбюджетных отношений и форм межбюджетных трансфертов в Российской Федерации // Казанский экономический вестник. 2015. № 4. С. 79–86.
10. Ерошкина Л.А. Стратегические направления развития межбюджетных отношений в Российской Федерации // Финансы. 2016. № 7. С. 7–15.

11. *Климанов В.В., Михайлова А.А.* Межбюджетные отношения: последние тенденции и перспективы развития // Государственный аудит. Право. Экономика. 2016. № 4. С. 31–34.
12. *Климанов В.В., Коротких А.М.* Распределение межбюджетных трансфертов: теоретические предпосылки и российская практика // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2016. № 5. С. 7–15.
13. *Лавров А.М., Домбровский Е.А.* Децентрализация бюджетных доходов: международные сравнения и российские перспективы // Финансы. 2016. № 5. С. 16–27.
14. *Мамедов А.А., Назаров В.С., Силуанов А.Г., Алаев А.А., Зарубин А.В.* Проблемы межбюджетных отношений в России. М.: Институт Гайдара, 2012. 188 с.
15. *Михайлова А.А., Климанов В.В., Сафина А.И.* Влияние межбюджетных трансфертов на экономический рост и структуру региональной экономики // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 91–103.
16. *Силуанов А.Г.* Межбюджетные отношения в условиях развития федерализма в России. М.: Дело, 2011. 296 с.
17. *Силуанов А.Г., Стародубовская И.В., Назаров В.С.* Методологические подходы к оценке эффективности межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации // Экономическая политика. 2011. № 1. С. 5–22.
18. *Хугаева М.* Совершенствование межбюджетных отношений в России // Экономическая политика. 2014. № 4. С. 146–152.
19. *Чернявский А.* Проблемы сбалансированности региональных бюджетов // Финансы. 2015. № 8. С. 15–21.
20. *Чернышова Н.А.* Тенденции и региональные приоритеты в предоставлении межбюджетных трансфертов в последнее десятилетие // Общественные финансы. 2016. № 2 (33). С. 48–72.

Bibliography

1. *Akindinova N., Chernjavskij A., Chepel' A.* Regional'nye bjudzhetny v uslovijah krizisa: možno li dostich' sbalansirovannosti? // Voprosy jekonomiki. 2016. № 10. P. 31–48.
2. *Arlashkin I.Ju., Derjugin A.N., Proka K.A.* Razgraničenie polnomochij mezhdu urovnjami vlasti v Rossijskoj Federacii: bjudzhetnye aspekty // Nauchno-issledovatel'skij finansovij institut. Finansovij zhurnal. 2015. № 4. P. 85–93.
3. *Buharskij V.V., Lavrov A.M.* Ocenka vyravnivajushhego i stimulirujushhego jeffektov mezhbjudzhetnyh transfertov sub#ektam RF // Nauchno-issledovatel'skij finansovij institut. Finansovij zhurnal. 2017. № 1. P. 9–21.
4. *Valieva D.G., Bogoviz A.V.* Regional'noe neravenstvo v Rossijskoj Federacii i mehanizmy ego sglazhivaniya // Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 2-2. P. 350–354.
5. *Golovanova N.V., Dombrovskij E.A.* Federal'nyj centr i regiony: izmenenie razgraničeniya polnomochij v 2005–2015 godah // Nauchno-issledovatel'skij finansovij institut. Finansovij zhurnal. 2016. № 2. P. 41–51.
6. *Gorlova O.S.* Bjudzhetnaja politika Rossijskoj Federacii v oblasti dohodov bjudzhetov: sovershenstvovanie mehanizma realizacii // Jekonomika i predprinimatel'stvo. 2015. № 10-2. P. 431–435.
7. *Derjugin A.N., Nazarov V.S., Mamedov A.A.* Formirovanie konsolidirovannyh bjudzhetov sub#ektov Rossijskoj Federacii v srednesročnoj perspektive: problemy i reshenija // Nauchno-issledovatel'skij finansovij institut. Finansovij zhurnal. 2014. № 3.
8. *Dombrovskij E.A.* Desjat' shagov k sbalansirovannosti bjudzhetov sub#ektov Rossijskoj Federacii // Finansy i kredit. 2015. № 37.
9. *Eroshkina L.A.* Razvitie mezhbjudzhetnyh otnoshenij i form mezhbjudzhetnyh transfertov v Rossijskoj Federacii // Kazanskij jekonomicheskij vestnik. 2015. № 4. P. 79–86.

10. *Eroshkina L.A.* Strategicheskie napravlenija razvitija mezhhjudzhetnyh otnoshenij v Rossijskoj Federacii // *Finansy*. 2016. № 7. P. 7–15.
11. *Klimanov V.V., Mihajlova A.A.* Mezhhjudzhetnye otnoshenija: poslednie tendencii i perspektivy razvitija // *Gosudarstvennyj audit. Pravo. Jekonomika*. 2016. № 4. P. 31–34.
12. *Klimanov V.V., Korotkih A.M.* Raspredelenie mezhhjudzhetnyh transfertov: teoreticheskie predposylki i rossijskaja praktika // *Nauchno-issledovatel'skij finansovyj institut. Finansovyj zhurnal*. 2016. № 5. P. 7–15.
13. *Lavrov A.M., Dombrovskij E.A.* Decentralizacija bjudzhetnyh dohodov: mezhdunarodnye sravnenija i rossijskie perspektivy // *Finansy*. 2016. № 5. P. 16–27.
14. *Mamedov A.A., Nazarov V.S., Siluanov A.G., Alaev A.A., Zarubin A.V.* Problemy mezhhjudzhetnyh otnoshenij v Rossii. M.: Institut Gajdara, 2012. 188 p.
15. *Mihajlova A.A., Klimanov V.V., Safina A.I.* Vlijanie mezhhjudzhetnyh transfertov na jekonomicheskij rost i strukturu regional'noj jekonomiki // *Voprosy jekonomiki*. 2018. № 1. P. 91–103.
16. *Siluanov A.G.* Mezhhjudzhetnye otnoshenija v uslovijah razvitija federalizma v Rossii. M.: Delo, 2011. 296 p.
17. *Siluanov A.G., Starodubrovskaja I.V., Nazarov V.S.* Metodologicheskie podhody k ocenke jeffektivnosti mezhhjudzhetnyh otnoshenij v sub#ektah Rossijskoj Federacii // *Jekonomicheskaja politika*. 2011. № 1. P. 5–22.
18. *Hugaeva M.* Sovershenstvovanie mezhhjudzhetnyh otnoshenij v Rossii // *Jekonomicheskaja politika*. 2014. № 4. P. 146–152.
19. *Chernjavskij A.* Problemy sbalansirovannosti regional'nyh bjudzhetov // *Finansy*. 2015. № 8. P. 15–21.
20. *Chernyshova N.A.* Tendencii i regional'nye prioritety v predostavlenii mezhhjudzhetnyh transfertov v poslednee desjatiletie // *Obshhestvennye finansy*. 2016. № 2 (33). P. 48–72.

УДК 331

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ КОМАНДЫ В УСЛОВИЯХ ГИБКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Апенько С.Н., Романенко М.А.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

E-mail: apenkosn@omsu.ru

Гибкие технологии относятся к эффективным приемам организации проектной деятельности в компаниях. Однако до сих пор не дан ответ на вопрос о том, какими качествами должны обладать участники гибких проектных команд. Целью предлагаемого исследования стало выявление совокупности профессиональных компетенций команд проектов, работающих на основе гибких технологий. Метод исследования: экспертный опрос на 32 предприятиях России. В качестве базовой гипотезы сформулировано предположение: компетенции, необходимые для работы на основе гибких технологий, отличаются по своему составу и приоритетности от компетенций, требуемых в иных условиях. Результатом исследования является разработанная авторами компетентностная модель команды проекта, использующей гибкие технологии.

Ключевые слова: команда, проект, гибкие технологии, профессиональные компетенции.

PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE TEAM IN TERMS OF FLEXIBLE TECHNOLOGIES IN PROJECT ACTIVITIES

Apenko S.N., Romanenko M.A.

Dostoevsky Omsk State University

E-mail: apenkosn@omsu.ru

Flexible technologies are effective methods of organizing project activities in companies. However, there is still no answer to the question of what qualities should the participants of flexible project teams possess. The purpose of the proposed study was to identify the set of professional competencies of project teams working on the basis of flexible technologies. Research method: expert survey at 32 enterprises of Russia. As a basic hypothesis, the assumption is formulated: the competencies required to work on the basis of flexible technologies differ in their composition and priority from the competencies required in other conditions. The result of the research is the competence model of the project team using flexible technologies developed by the authors.

Keywords: team, project, flexible technologies, professional competence.

Введение. Формирование профессиональных компетенций команды проекта, реализуемого с помощью гибких технологий, актуально, поскольку, во-первых, гибкие технологии широко используются в разных организациях, во-вторых, эффективность проектов с гибкими технологиями исполнения во многом определяется качественными характеристиками человеческих ресурсов проектной команды. Зародившись в ИТ-отрасли,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-01140.

гибкие технологии в последнее десятилетие активно используются финансовыми учреждениями, промышленными предприятиями, организациями сферы торговли. Это связано с большими потенциальными возможностями гибких технологий. При этом опыт многих организаций, реализующих проекты с помощью гибких технологий, говорит о том, что без специально подготовленной команды, обладающей набором конкретных значимых свойств, гибкие технологии не дадут ожидаемого эффекта.

Актуальная проблема заключается в том, что на практике часто к управлению командой проекта с гибкими технологиями реализации подходят как к обычной команде без учета ее специфики, особых требований к ней и к профессиональным компетенциям ее участников. Это происходит по разным причинам, в числе которых, с одной стороны, отсутствие научных исследований и рекомендаций по вопросам профессиональных компетенций команды с гибкими технологиями работы, с другой – неготовность многих организаций самостоятельно разработать модель компетенций команды в условиях гибких технологий и подобрать соответствующие методы формирования этих компетенций. В результате человеческие ресурсы проекта с использованием гибких технологий оказываются не подходящими для этих специфических условий. Требуется время, чтобы понять, как надо развить команду проекта. Упущенное время влияет на снижение результативности проекта.

Цель нашего исследования – разработать и обосновать модель профессиональных компетенций участников проектной команды, работающей с помощью гибких технологий. Для достижения этой цели поставлены задачи:

- выявить особенности деятельности и отличительные характеристики команды, реализующей проект с помощью гибких технологий;
- разработать методику экспертного опроса по проблеме профессиональных компетенций команды проекта с гибкими технологиями;
- определить с помощью экспертов совокупность профессиональных компетенций команды проекта, реализующей проект с помощью гибких технологий;
- разработать описательную модель профессиональных компетенций команды в условиях гибких технологий реализации проекта.

Гипотезы исследования:

1. Отличительными чертами команды проекта с гибкими технологиями является комплекс черт, в который входят особенности содержания функций, организации и условий деятельности и который делает проектную группу не просто группой, а гибкой командой.

2. К основным компетенциям команды проекта следует отнести коммуникативные способности, командные качества, способности к самоуправлению и самоорганизации деятельности, личностные качества, требуемые спецификой организации деятельности гибких команд.

3. Приоритетными компетенциями в модели являются коммуникативные и командные качества, а также способности и мотивация к самоуправлению и самоорганизации.

Обзор литературы. Для нашего исследования важно определиться с понятиями «гибкие методологии» и «профессиональные компетенции». Так-

же значимой задачей теоретического анализа является обзор источников по вопросам использования человеческих ресурсов в проектах, а также компетенций руководителей и исполнителей проектов.

В теории систем гибкость понимается как возможность структурно-функционального (само) совершенствования объекта, системы и т.п. Например, исследователи Т.Ю. Иванова, В.И. Приходько говорят о гибкости, имея в виду «способность системы, подвергнутой определенному воздействию, нормативно или адаптивно изменять свое состояние и (или) поведение в пределах, обусловленных критическими значениями ее параметров» [5, с. 123].

Применительно к управлению проектами получили развитие гибкие методологии в управлении ИТ-проектами, проектами создания программного обеспечения. Гибкие методологии – это семейство методологий, к группе которых относят: Agile Modeling, Agile Unified Process, DSDM, Feature driven development (FDD), Scrum, lean software development и пр. В общих чертах суть совокупности гибких методологий заключается в изменениях в параметрах проекта и в управлении им по мере изменений, уточнений, конкретизаций требований заказчика. То есть сущность гибких методологий в управлении ИТ-проектами идентична сущности гибкости в общей теории систем.

В последнее время гибкие методологии стали применять в разных проектах и в разных организациях, независимо от отрасли деятельности. Но сущность гибких методологий осталась прежней. Например, Б. Вольфсон говорит, что «гибкие методологии – это серия подходов к разработке продукта, ориентированных на использование итеративной разработки, динамическое формирование требований и обеспечение их реализации в результате постоянного взаимодействия внутри самоорганизующихся рабочих групп, состоящих из специалистов различного профиля» [4]. Многие авторы публикаций, например, такие как М. Кон, Мартин Роберт С., Ньюкирк Джеймс В., Косс Роберт С., отмечают главные особенности этих методологий [6, 15]. Их исследования содержат вывод: «гибкие методологии построены таким образом, что изменения приветствуются, а неопределенность признается» [6]. Это именно методология, так как включает в себя принципы, ценности, методы и методики, технологии работы команды проекта по созданию продукта.

При изучении гибких методологий становится понятным, что они напрямую связаны с управлением человеческими ресурсами проектов, так как по своему содержанию они представляют собой эффективную практику организации труда небольших групп (которые делают однородную творческую работу) в объединении с их управлением комбинированным (либеральным и демократическим) методом. Не отрицая этот факт, тем не менее авторы публикаций по гибким методологиям не исследуют глубоко вопросы особенностей команды проекта, реализующей гибкие технологии, а также вопрос специфики организации труда этой команды. Лишь косвенно можно выделить эти особенности, изучая описание отдельных технологий работы команды. Например, описание Scrum Б. Вольфсон, М. Кон и другими позволяет выделить некоторую специфику Scrum-команд проектов и их деятельности [4, 6].

Анализ литературы по гибким методологиям позволяет утверждать, что на данный момент ощущается острый дефицит исследований по компетенциям команды проекта, работающей с использованием гибких технологий. Для проведения нашего исследования обратимся к сущности профессиональных компетенций. Например, такие авторы, как К.К. Прахалад, Г. Хамел, С. Холлифорд, С. Уиддет, раскрывают сущность профессиональных компетенций [13, 17]. Под профессиональными компетенциями принято понимать систему знаний, навыков, умений, способностей, мотивации, ценностей сотрудника, демонстрируемую им в своем поведении и влияющую на показатели успешности деятельности [2, 11]. Обоснование профессиональных компетенций сотрудника происходит с помощью анализа его деятельности, а также с помощью экспертного опроса.

В литературе по управлению любыми проектами имеются рекомендации по компетенциям руководителя проекта. Например, авторы публикаций В.В. Богданов, Э. Ларсон, И.И. Мазур, В.Д. Шапиро, Н.Г. Ольдерогге, А.В. Полковников, Дж. Мередит, С. мл. Мантел, М.Л. Разу, Ю.В. Якутин, Б.М. Разу, Т.М. Бронникова, С.А. Титов, А.С. Товб, Г.Л. Ципес говорят о важности компетенций в управлении проектами, о роли руководителя проектов [3, 7–10, 12, 14, 16]. В четвертой версии стандарта IPMA-Individual Competence Baseline 4.0 дана система компетенций менеджера проектов, программ, портфеля проектов. Однако эти рекомендации по компетенциям не учитывают специфику проектов, реализуемых с помощью гибких технологий.

Таким образом, анализ литературы показывает, что раскрываются различные вопросы по гибким методологиям управления проектами и по профессиональным компетенциям менеджеров проектов, но нет ответа на вопрос о том, какими компетенциями должна обладать команда проекта, работающая в условиях гибких технологий.

Методология исследования. Поставленные цель и задачи, сформулированные нами гипотезы диктуют три этапа исследования:

- первый этап – выявление особенностей деятельности команды, работающей с помощью гибких технологий, основным методом на этом этапе является анализ литературы;

- второй этап – обоснование набора актуальных профессиональных компетенций команды проекта в условиях гибких технологий в соответствии с выделенными на предыдущем этапе особенностями деятельности гибкой команды, метод на этом этапе – экспертный опрос;

- третий этап – разработка модели компетенций команды проекта, работающей с помощью гибких технологий, метод на этом этапе – группировки и логические обобщения.

Для метода экспертных оценок нами разработана анкета и по ней проведен опрос на 32 предприятиях одного из типичных регионов России – г. Омска. Опрос проведен в 2016 г.

Отбор предприятий для экспертного опроса происходил по принципам: наличие на предприятии проектной деятельности; наличие на предприятии разного уровня управления проектами, включая управление с помощью гибких методологий; необходимость охвата исследованием разных предприятий (по размеру, отрасли, сфере деятельности).

В выборочную совокупность вошли предприятия, соответствующие этим принципам отбора. Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением данных принципов. Основным критерием стал качественный, а не количественный принцип формирования выборки. Критериями отбора экспертов на предприятиях стали следующие: стаж работы в проектной деятельности и стаж работы на исследуемом предприятии не менее трех лет. Также учитывалось занятие должности, связанной с реализацией системы управления проектами: руководитель программ и портфелей проектов, руководитель проектного офиса, зам. директора по стратегическим вопросам развития предприятия, главный инженер проектов, менеджер проектов и пр.

Результаты исследования. Прежде всего был проведен анализ различных публикаций по гибким методологиям управления проектами. Также использовали метод включенного наблюдения за работой гибких команд. Это позволило выявить и обобщить особенности деятельности команды проекта, реализуемого с помощью гибких технологий. Был получен следующий перечень особенностей:

1) высокий уровень коллективного характера деятельности, высокая взаимозависимость выполняемых функций и повышенные требования к кооперации и координации деятельности, действует принцип «все делают все»;

2) необходимость самоорганизации деятельности проектной группы;

3) сочетание групповых и индивидуальных задач деятельности, доминирование коллективных целей над индивидуальными задачами и функциями;

4) высокая зависимость задач и функций деятельности от меняющихся потребностей заказчика продукта проекта, а также от меняющихся значимых факторов проекта;

5) необходимость в частых изменениях методов выполнения меняющихся функций;

6) необходимость сочетания индивидуальной работы на узком и небольшом участке или фрагменте проекта и работы на весь проект в целом;

7) важная роль внутригрупповых коммуникаций, необходимость различных коммуникативных практик – ежедневных совещаний, регулярных обсуждений, сессий и прочих практик по проекту, важно непосредственное общение лицом к лицу всех участников команды;

8) необходимость для достижения максимального эффекта деятельности командных признаков проектной группы, а именно высокой сплоченности, единства целей, единства интересов и ценностей и прочих качеств группы-команды;

9) зависимость результатов деятельности от творческого и инновационного потенциала исполнителя данной деятельности, высокая доля креативного характера труда;

10) частое вхождение в команду еще и заказчика проекта и(или) пользователя продукта проекта, необходимость частых и особым образом построенных коммуникаций между командой и заказчиком, пользователем;

11) высокая роль личностного фактора участников команды, что означает следующее: каждый сотрудник, участвующий в поэтапном производстве продукта, должен вовлекаться в процесс переосмысления своих задач

и общего дела; каждый может остановить процесс производства и внести свои рациональные предложения;

12) совмещение разноплановых функций, следовательно, важность создания кросс-функциональной команды;

13) необходимость особой проектной культуры в команде, а именно инновационной, эмоционально и технологически вовлекающей сотрудников в производство качественного продукта, развивающей и поддерживающей командное и разделенное лидерство;

14) преобладание сотрудничества, а не подчинения в отношениях «руководитель проекта – исполнитель работ проекта».

Определившись с совокупностью особенностей деятельности команды, реализующей проект с помощью гибких технологий, обратимся к описанию требуемых для этой деятельности компетенций. Отметим, что нами будут выделены только те компетенции, которые соответствуют специфике деятельности гибкой команды. При этом не выделяются компетенции, требуемые спецификой содержания самого проекта, выполняемых командой работ, т.е. предметной областью проекта.

Для выделения профессиональных компетенций гибкой команды проекта использован метод экспертных оценок. Опрос экспертов проведен на 32 предприятиях г. Омска. Прежде всего, экспертов попросили ответить на вопросы, связанные с выяснением степени распространения гибких технологий управления проектами на предприятиях. Понимая, что многие предприятия могут не владеть терминологией гибких технологий, мы дали перечень приемов, взятых из гибких технологий, и спросили экспертов, используются ли в практике их предприятий эти приемы. Ответы экспертов обобщены в табл. 1. Как видим, по 71,4 % экспертов указали, что на их предприятиях используют такие практики, как деление процесса создания продукта на частные подпроцессы и выполнение их через кросс-функциональное (многофункциональное) взаимодействие членов команд, а затем систематическая проверка вместе с командой проекта и заказчиком качества промежуточных результатов по отдельным подпроцессам и работам проекта. Это важнейшие элементы гибких методологий. Развита практика, при которой команда проекта собирается вместе с заказчиком и определяет требования заказчика, уточняет и корректирует проект по мере изменений требований заказчика. Также используется практический прием, при котором собираются идеи от команды, которые переводятся совместно с командой в цели и планы.

На вопрос: «Какие из названных технологий не применяются, но они вам интересны, и вы хотели бы их использовать?» названы технологии:

– проводить ретроспективный анализ проекта, причин и факторов успехов и неудач проекта;

– использовать визуальные доски для демонстрации приоритетности проектных работ, степени их исполнения, статуса проекта, проблем и способов их решения.

То есть предприятия либо уже используют практические приемы гибких технологий, либо хотят их опробовать на своем опыте.

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Какие технологии работы применяются в командах проектов вашей организации?» [1]

Варианты ответов	Количество ответивших	
	человек	проценты
Собираться командой вместе с заказчиком и определять требования заказчика, уточнять и корректировать проект по мере изменений требований заказчика	18	57,1
Формировать список работ проекта совместно с командой проекта и заказчиком	9	28,6
Делить весь процесс создания продукта на отдельные подпроцессы и выполнять их через кросс-функциональные взаимодействия участников	23	71,4
Делить работу на операции и визуально на доске фиксировать, что планировалось сделать, что уже сделано, что надо сделать	9	28,6
Проводить ретроспективный анализ проекта, причин и факторов успехов и неудач проекта, использовать доски визуализации	9	28,6
Систематически проверять вместе с командой проекта и заказчиком качество промежуточных результатов по отдельным подпроцессам и работам проекта	23	71,4
Выявлять с командой позитивные события и события, требующие вмешательства, систематически обнаруживать риски и их устранять с помощью командных усилий	9	28,6
Использовать визуальные доски для демонстрации приоритетности проектных работ, степени их исполнения, статуса проекта, проблем и способов их решения	9	28,6
Собирать от команды идеи, переводить их в цели и планы вместе со всей командой проекта	14	42,9
Обеспечивать координацию работы всех членов команды, проводить митинги для того, чтобы поделиться информацией	9	28,6

Для гибких технологий характерно использование межфункциональных команд проектов. На данный момент 57,1 % экспертов сказали, что на их предприятиях поощряется создание временных межфункциональных коллективов, остальные 42,9 % сказали, что такой практики пока нет, но их предприятия планируют ее внедрить. При этом большая часть экспертов заявила, что эффективность таких команд очень высокая. Считаем, что этот результат также свидетельствует о развитости на предприятиях гибких технологий.

Переходя непосредственно к вопросу о профессиональных компетенциях, мы, прежде всего, узнали экспертное мнение о степени готовности персонала работать в гибких командах. Были получены следующие ответы: 71,4 % экспертов сказали, что персонал частично готов, но требуется развитие многих компетенций; 14,3 % экспертов сказали, что персонал плохо готов к работе в гибких командах и требуется серьезное обучение сотрудников; лишь 14,3 % экспертов сказали, что персонал полностью готов к работе в условиях гибких технологий.

Что именно надо развивать у персонала для повышения его готовности к участию в проектах с гибкими технологиями? Эксперты высказали свою позицию по важным компетенциям для гибких команд (табл. 2). Они

Таблица 2

Ответы на вопрос: «Какие компетенции персонала важны для проектов с гибкими технологиями, какие из этих компетенций требуется развивать у вашего персонала?»

Компетенции	Важно		Требуется развивать	
	человек	проценты	человек	проценты
Способность одновременно выполнять разные функции и командные роли	28	87,5	27	85,7
Навыки самоуправления своей деятельностью и проектом	22	68,6	20	62,5
Креативность, открытость новому	23	71,4	18	57,1
Экспертное лидерство	18	57,1	28	87,5
Командность, способность стать частью команды	23	71,4	18	57,1
Коммуникативные способности, терпимость к иным позициям	23	71,4	18	57,1
Сотрудничество и способность договариваться	27	85,7	9	28,6
Способность работать с профессионалами разных профилей	23	71,4	18	57,1
Стрессоустойчивость	23	71,4	18	57,1
Гибкость, адаптивность	23	71,4	18	57,1
Вовлеченность, мотивация, приверженность	32	100,0	30	93,6
Обучаемость и способность передавать знания	18	57,1	28	87,5
Самокритичность	23	71,4	18	57,1

отметили наиболее важные для гибких команд компетенции персонала и указали те компетенции, которые требуется развивать у сотрудников их предприятий.

Как показывают данные табл. 2, эксперты считают очень важными мотивацию, вовлеченность и приверженность участников гибкой команды проекту; способность сотрудничать и договариваться с другими участниками проекта или со стейкхолдерами проекта; способность работать с профессионалами разных профилей; креативные способности и открытость новому; командные качества; коммуникативные способности; стрессоустойчивость, гибкость и адаптивность, самокритичность. Остальные качества тоже важны.

Теперь обратимся к тем качествам, которые эксперты считают важным развивать у участников команд проектов их организаций. Как видим из табл. 2, хотя обучаемость и способность передавать знания отметила как важное качество только половина экспертов, но многие эксперты сказали, что именно эти качества нужно развивать у сотрудников. Аналогичная ситуация с экспертным лидерством, его тоже необходимо развивать в гибкой команде. Требуется своего развития также мотивационная сфера сотрудников, а именно надо повышать мотивацию, вовлеченность и приверженность персонала. Считают эксперты важным и необходимым далее развивать способности участников проектных команд одновременно выполнять разные функции и командные роли. Остальные значимые компетенции тоже требуется развивать, но потребность в них высказала меньшая часть экспертов.

Говоря о профессиональных компетенциях, необходимо еще обратиться к проектным ролям, которые тесно пересекаются с компетенциями. Роль мы трактуем как набор ожидаемых образцов поведения, обусловленных статусом и компетенциями ее исполнителя. В гибких методологиях выделяют обычно типовые роли, без которых невозможно выполнить все функции и методы гибких технологий. Например, в методологии Scrum выделяют роли Product Owner, Scrum Master, Team. Мы предложили экспертам оценить то, насколько необходимы и полезны для проектов, реализуемых на исследуемых предприятиях, следующие типовые роли.

– Роль, исполнитель которой отвечает за развитие продукта с максимальной пользой, представляет интересы заказчика и заинтересованных лиц, формирует и координирует сбор и анализ данных о продукте, отвечает за визуальный анализ ценности продукта, управляет датой релиза и его содержанием. В пользу этой роли высказались 71,4 % экспертов.

– Роль, исполнитель которой поддерживает «здоровье» команды, помогает сделать ее самоуправляющейся: организует и проводит командные митинги и совещания, поддерживает прозрачность, доверие и взаимную ответственность, выступает коммуникационным лидером, устраняет внешние препятствия на пути команды, отвечает за творческий процесс работы над продуктом. Необходимость в этой роли посчитали значимой 57,1 % экспертов.

– Роль, исполнитель которой, помогает управлять человеческими ресурсами проекта: подбирает персонал в команду или помогает методически это сделать менеджеру проекта, разрабатывает систему проектной мотивации, обучает проектные команды, планирует карьеру членов команды в организации по результатам проектной деятельности, оптимизирует структуру команды по ролям и т.д. Необходимость этой роли обозначили 87,5 % экспертов.

То есть эксперты вновь подтвердили наличие потребности в использовании гибких методологий и, в частности, ролевого построения команды проекта, принятого в гибких технологиях.

Выводы и рекомендации. Таким образом, наше исследование позволило подтвердить поставленные гипотезы. Во-первых, доказано, что отличительными чертами команды проекта с гибкими технологиями является комплекс качеств, в который входят особенности содержания функций, организации и условий деятельности. Благодаря совокупности качеств группа проекта входит в команду как особый тип группы с характерными для команды признаками.

Во-вторых, к профессиональным компетенциям команды проекта следует отнести коммуникативные способности, командные качества, способности к самоуправлению и самоорганизации деятельности, личностные качества, требуемые спецификой организации деятельности гибких команд.

В-третьих, мы подошли к разработке модели профессиональных компетенций гибкой команды. Для этого обобщаются результаты теоретического анализа публикаций и экспертных оценок. Предлагаем сгруппировать все компетенции в четыре комплексных модуля, каждый из которых включает в себя частные компетенции.

Первый комплекс: компетенции, связанные с реализуемыми функциями в рамках проекта и с учетом особенностей организации деятельности гибкой команды: способность одновременно выполнять разные функции и разные командные роли, способность к самоорганизации деятельности, навыки взаимосогласования командных целей и индивидуальных целей своей проектной деятельности, способность менять свои функции и методы работы, навыки оперативного управления проектом.

Второй комплекс: компетенции, связанные с командностью и коммуникациями: коллективизм и кооперативность, сотрудничество и способность договариваться, а также слышать других и быть услышанным, способность стать частью команды, коммуникативные навыки и терпимость к иному мнению, владение разными коммуникативными практиками, способность работать с профессионалами разных профилей, способность самоуправлять командой.

Третий комплекс: компетенции, связанные с отношениями к инновациям и к специфическим условиям инноваций: открытость новому, стрессоустойчивость, гибкость и адаптивность, творческий и инновационный потенциал, толерантность к изменениям.

Четвертый комплекс: личностные компетенции, актуальные в условиях гибких команд: вовлеченность в весь проект в целом, мотивация и приверженность, способность к поддержанию мотивации длительное время, самокритичность, эмоциональный интеллект и эмоциональное лидерство, стратегичность мышления, способность стратегически планировать весь проект и свою роль в проекте, способность видеть в неудачах полезный опыт, способность быстро реагировать на риски, проблемно-ориентированный тип мышления с ориентацией на структурированный анализ и визуализацию проблем и их перевода в цели и планы.

На рисунке изображена модель профессиональных компетенций участников гибкой команды, в которую включены все четыре комплекса компетенций.

Модель показывает, что существуют узкие компетенции, обусловленные характером выполняемой в проекте работы и задачей роли (например, роли маркетолога, аналитика и т.д.). Также есть широкие профессиональные компетенции, обусловленные спецификой гибких методологий и гибкой команды. Именно эти широкие компетенции гибкой команды стали предметом нашего исследования. Также на специфику всех компетенций влияет организация и ее окружение.

Таким образом, предлагается использовать нашу модель профессиональных компетенций участников гибкой команды. Эту модель можно дополнять, уточнять по мере необходимости. Использование модели возможно при оценке компетенций участников команды, при формировании и развитии гибкой команды, при контроле и анализе факторов успешности проекта и в других направлениях.

Литература

1. *Апенько С.Н., Романенко М.А.* Мониторинг системы управления человеческими ресурсами проектов на предприятиях Омска // Вестник Омск. ун-та. Серия «Экономика». Вып. 1. Омск: ОмГУ, 2017. С. 160–168.
2. *Апенько С.Н., Романенко М.А.* Формирование кадрового потенциала инновационных проектов с учетом международных профессиональных стандартов // Актуальные проблемы экономики. ВНЗ «Національна академія управління». 2016. № 12 (186). С. 244–252.
3. *Богданов В.В.* Управление проектами. Корпоративная система – шаг за шагом. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. 248 с.
4. *Вольфсон Б.* Гибкое управление проектами и продуктами. СПб.: Питер, 2015. 144 с.
5. *Иванова Т.Ю., Приходько В.И.* Теория организации / Серия «Краткий курс». СПб.: Питер, 2004. 272 с.
6. *Кон М.* Scrum: гибкая разработка ПО = Succeeding with Agile: Software Development Using Scrum (Addison-Wesley Signature Series). М.: Вильямс, 2011. 576 с.
7. *Ларсон Э.У., Клиффорд Ф., Грей М.* Управление проектами: учебник / пер. с англ. пятого, полн., перераб. изд-я. М.: Дело и Сервис, 2013. 784 с.
8. *Мазур И.И., Шапиро В.Д., Ольдерогге Н.Г., Полковников А.В.* Управление проектами: учеб. пособие для вузов / под общ. ред. И.И. Мазура. М.: Экономика, 2009. 960 с.
9. Математические основы управления проектами: учеб. пособие / С.А. Баркалов, В.И. Воропаев, Г.И. Секлетова и др.; под ред. В.Н. Буркова. М.: Высш. шк., 2005. 423 с.
10. *Мереди Дж., Мантел С.-мл.* Управление проектами / 8-е изд. СПб.: Питер, 2014. 640 с.
11. *Минина В.Н., Крупская А.Ю., Дмитриенко Е.С.* Влияние социально-культурной и бизнес-среды на управление человеческими ресурсами в проектно-ориентированных организациях // Управление проектами и программами. М.: Изд. дом «Гребенников», 2010. С. 204–221.
12. *Полковников А.В., Дубовик М.Ф.* Управление проектами. Полный курс МВА. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2015. 552 с.
13. *Прахлад К.К., Хамел Г.* Стержневые компетенции корпорации // Минцберг Г., Куинн Дж.Б., Гошал С. Стратегический процесс. СПб.: Питер, 2001.
14. *Разу М.Л., Якутин Ю.В., Разу Б.М., Бронникова Т.М., Титов С.А.* Управление проектом: Основы проектного управления / под ред. М.Л. Разу. М.: Кнорус, 2012. 760 с.

15. *Мартин Роберт К., Ньюкирк Джеймс В., Косс Роберт С.* Быстрая разработка программ. Принципы, примеры, практика = Agile software development. Principles, Patterns, and Practices. Вильямс, 2004. 752 с.
16. *Товб А.С., Ципес Г.Л.* Управление проектами: стандарты, методы, опыт / 2-е изд., стер. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005. 240 с.
17. *Холлифорд С., Уиддет С.* Руководство по компетенциям. ГИППО HIPPO, 2008. 240 с.

Bibliography

1. *Apen'ko S.N., Romanenko M.A.* Monitoring sistemy upravlenija chelovecheskimi resursami proektov na predpriyatijah Omska // Vestnik Omsk. un-ta. Serija «Jekonomika». Vyp. 1. Omsk: OmGU, 2017. P. 160–168.
2. *Apen'ko S.N., Romanenko M.A.* Formirovanie kadrovogo potenciala innovacionnyh proektov s uchetom mezhdunarodnyh professional'nyh standartov // Aktual'nye problemy jekonomiki. VNZ «Nacional'na akademija upravlinnja». 2016. № 12 (186). P. 244–252.
3. *Bogdanov V.V.* Upravlenie proektami. Korporativnaja sistema – shag za shagom. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2012. 248 p.
4. *Vol'fon B.* Gibkoe upravlenie proektami i produktami. SPb.: Piter, 2015. 144 p.
5. *Ivanova T.Ju., Prihod'ko V.I.* Teorija organizacii / Serija «Kratkij kurs». SPb.: Piter, 2004. 272 p.
6. *Kon M.* Scrum: gibkaja razrabotka PO = Succeeding with Agile: Software Development Using Scrum (Addison-Wesley Signature Series). M.: Vil'jams, 2011. 576 p.
7. *Larson Je.U., Klifford F., Grej M.* Upravlenie proektami: uchebnik / per. s angl. pjatogo, poln., pererab. izd-ja. M.: Delo i Servis, 2013. 784 p.
8. *Mazur I.I., Shapiro V.D., Ol'derogge N.G., Polkovnikov A.V.* Upravlenie proektami: ucheb. posobie dlja vuzov / pod obshh. red. I.I. Mazura. M.: Jekonomika, 2009. 960 p.
9. *Matematicheskie osnovy upravlenija proektami: Uchebn. posobie / S.A. Barkalov, V.I. Voropaev, G.I. Sekletova i dr.; pod red. V.N. Burkova.* M.: Vyssh. shk., 2005. 423 p.
10. *Meredit Dzh., Mantel S.-ml.* Upravlenie proektami / 8-e izd. SPb.: Piter, 2014. 640 p.
11. *Minina V.N., Krupskaja A.Ju., Dmitrienko E.S.* Vlijanie social'no-kul'turnoj i biznes-sredy na upravlenie chelovecheskimi resursami v proektno-orientirovannyh organizacijah // Upravlenie proektami i programmami. M.: Izd. dom «Grebennikov», 2010. P. 204–221.
12. *Polkovnikov A.V., Dubovik M.F.* Upravlenie proektami. Polnyj kurs MVA. M.: ZAO «Olimp-Biznes», 2015. 552 p.
13. *Prahalad K.K., Hamel G.* Sterzhnevye kompetencii korporacii // Mincberg G., Kuinn Dzh. B., Goshal S. Strategicheskij process. SPb.: Piter, 2001.
14. *Razu M.L., Jakutin Ju.V., Razu B.M., Bronnikova T.M., Titov S.A.* Upravlenie proektom: Osnovy proektnogo upravlenija / pod red. M.L. Razu. M.: Knorus, 2012. 760 p.
15. *Martin Robert K., N'jukirk Dzhejms V., Koss Robert S.* Bystraja razrabotka programm. Principy, primery, praktika = Agile software development. Principles, Patterns, and Practices. Vil'jams, 2004. 752 p.
16. *Tovb A.S., Cipes G.L.* Upravlenie proektami: standarty, metody, opyt / 2-e izd., ster. M.: ZAO «Olimp-Biznes», 2005. 240 p.
17. *Holliford S., Uiddet S.* Rukovodstvo po kompetencijam. GIPPO HIPPO, 2008. 240 p.

УДК 331

**ВИРТУАЛЬНЫЕ КОМАНДЫ: РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ
ПРАКТИКИ КОМАНДНОЙ РАБОТЫ****Великороссов В.В., Кулапов М.Н.**Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
E-mail: Kulapov.MN@rea.ru**Карякин А.М., Никольская Е.Н.**Ивановский государственный энергетический университет
имени В.И. Ленина
E-mail: karyakin@economic.ispu.ru

Современные технологии и средства коммуникации позволяют сотрудникам работать удаленно. Такая форма труда может быть выгодна и удобна как для исполнителей, так и для управляющих. В то же время управление и взаимодействие с персоналом при дистанционной работе сопряжены с определенными рисками и сложностями, которых можно избежать при правильной организации процесса. Одним из ключевых параметров, необходимых при создании виртуальной команды, является определение ее типа. В статье приведена классификация виртуальных команд на основании различных критериев.

Ключевые слова: виртуальная команда, командная работа, управление персоналом, классификация команд, классификация виртуальных команд.

**VIRTUAL TEAMS: DEVELOPMENT OF THE THEORY
OF TEAM WORKING PRACTICE****Velikorossov V.V., Kulapov M.N.**Plekhanov Russian Economic University
E-mail: Kulapov.MN@rea.ru**Karyakin A.M., Nikolskaya E.N.**Ivanovo State Energy University named after V.I. Lenin
E-mail: karyakin@economic.ispu.ru

Modern technologies and communication facilities allow employees to work distantly. This can be beneficial and convenient both for employees and for employers. At the same time managing and collaboration with personnel during distant work can have certain risks and complications, which can be avoided by the right organization of the work process. One of the key factors for creating a virtual team is defining its type. The classification of virtual teams by different criteria is cited in the article.

Keywords: virtual team, teamwork, personnel management, teams classification, virtual teams classification.

Характерной чертой последнего десятилетия в экономике развитых стран является активное применение различных типов динамических, адаптивных структур, характеризующихся активным взаимодействием с внешней средой и высокой степенью делегирования ответственности и полномочий на нижние уровни управления, развитием коллективных форм организации труда. Коллективные формы организации труда – в совре-

менных условиях одно из важнейших направлений повышения эффективности работы организаций, широкого вовлечения работников в управление производством, развития производственной демократии, повышение творческой инициативы работников. Коллективные формы организации труда наиболее полно отвечают требованиям современного высокопроизводительного технически оснащенного производства, уровню требований со стороны потребителей, возросшему уровню самосознания трудящихся. Широкое развитие коллективных форм организации труда сегодня является общепризнанной тенденцией в развитых странах мира. Есть опыт применения подобных форм и в России [5, 8, 9].

Во многих случаях одним из основных компонентов подобных структур становятся рабочие команды (work team), которые способны стать средством быстрой и эффективной адаптации к постоянно изменяющимся требованиям рынка. Рабочие команды стали важнейшей составляющей системы тотального управления качеством (total quality management) для большого числа известных компаний, например, Texas Instruments, IBM, Boeing и др.

Развитие интернета и информационных технологий изменяет многие аспекты в ведении бизнеса. Создаются не только новые программные продукты или новое оборудование, но также появляются новые каналы сбыта продукции, способы продвижения товаров и услуг, бизнес-процессы, развиваются новые способы организации рабочего пространства и труда. Многие организации сегодня так или иначе используют виртуальные команды сотрудников. Такие коллективы открывают перед фирмами много новых возможностей и позитивно сказываются на деятельности предприятия. Однако положительный эффект от реализации виртуального офиса может быть нивелирован при неверном подборе кадров, каналов коммуникации, постановке задач, распределении ролей и организации прочих аспектов деятельности таких команд. Поэтому важен систематизированный подход при моделировании и реализации работы виртуальных коллективов.

Повышенный интерес со стороны менеджеров и владельцев бизнеса к вопросам виртуализации взаимодействия с сотрудниками фирмы создает спрос на создание информационной базы, на которую руководители могли бы опираться. В данный момент происходит активная аккумуляция и систематизация знаний о функционировании виртуальных команд. В будущем это позволит эффективно моделировать виртуальные команды и получать максимальную выгоду от их внедрения.

Под виртуальной командой понимается команда, участники которой географически и организационно рассредоточены, имеют общую цель и поддерживают связь друг с другом с помощью современных информационных и телекоммуникационных технологий [1, 4]. Для совместной работы и связи члены команды используют электронную и голосовую почту, видеоконференции, интернет, компьютерные программы и приложения, системы мгновенного обмена сообщениями, телефонию, социальные сети. Все это, однако, не исключает возможности личных контактов. Виртуальные команды также называют рассредоточенными командами. Физически участники подобных команд находятся в разных местах, хотя некоторые из них могут работать и в основном здании компании. Они могут принадлежать разным

организационным структурам, но вместе работать над определенным проектом или бизнес-задачей, предоставляя необходимое сочетание знаний и опыта.

Нельзя отождествлять виртуальные команды с краудсорсингом. Понятие краудсорсинг (crowdsourcing) происходит из английского языка (от слов crowd – толпа и sourcing – использование ресурсов) и представляет собой процесс привлечения широкого круга лиц через телекоммуникационные сети к решению разнообразного рода задач, чаще всего не обладающих специализированными знаниями и на добровольных началах. Помощью краудсорсинга можно решить огромное количество задач от личных до корпоративных и даже общегосударственных.

Примерами краудсорсинга могут служить:

- 1) свободная электронная энциклопедия Wikipedia, статьи для которой может написать и отредактировать любой желающий;
- 2) конкурсный отбор и голосование за символ зимних Олимпийских игр в Сочи-2014;
- 3) социальный проект московской мэрии «Активное долголетие» по вопросам организации досуга и улучшения жизни лиц пожилого возраста;
- 4) Сбербанк России привлекает активную группу своих клиентов для внесения предложений по развитию дистанционного обслуживания корпоративных клиентов;
- 5) создание Калифорнийским университетом работающей в фоновом режиме программы SETI@home, осуществляющей обработку данных по поиску внеземного разума.

Среди основных различий виртуальной команды и краудсорсинга можно назвать наличие вознаграждения, ограничений и правил, привлечение к участию специалистов, нематериальный характер мотивации к участию, ответственность участников, формальность и правовой характер отношений [2, 3, 6, 7].

Виртуальные команды могут быть как локальными, так и глобальными, содержащими в себе членов из разных стран. Работа команды может осуществляться синхронно или асинхронно, а также сочетать в себе оба принципа. Виртуальной может быть как команда, состоящая из разрозненных специалистов, работающих над определенной проблемой или проектом, так и целая компания. За счет высокой концентрации экспертов в таких коллективах, иерархия в них часто максимально упрощенная.

В основе любой системы представлений о предмете лежит классификация его по определенным признакам. Несмотря на то, что построение рабочих отношений внутри организации по принципу виртуальных команд является достаточно молодым способом взаимодействия, на данный момент компании испробовали и реализовали немало разных видов таких команд. Их разнообразие создает актуальный запрос на создание системы классификаций. Разделение виртуальных команд по типам со схожими чертами позволит менеджерам использовать уже имеющиеся данные для моделирования новых или же для модернизации и анализа уже имеющихся виртуальных коллективов. В таблице приведена классификация виртуальных команд по 6 признакам с примерами их реализации. Всего было выделено 8 типов команд.

Классификация виртуальных команд

Критерии	Команды, развивающие проект или продукт (Project or Product Developing Teams)	Рабочие, производственные и функциональные команды (Work, Production or Functional team)
Членство	Команда создается из географически рассредоточенных экспертов в значимых для достижения цели областях	Команда создается из географически рассредоточенных сотрудников, выполняющих одинаковые или сходные роли
Цели и функции	Целью является разработка нового бизнес-процесса, информационной системы, продукта или услуги; члены команды совместно решают изначально установленный круг задач с целью создания нового товара/услуги, информационной системы или бизнес-процесса; в процессе даются не только рекомендации, но и принимаются решения; новые члены могут легко приниматься в команду, а старые – исключаться	Члены команды имеют четко определенный круг обязанностей, над которыми они работают постоянно и повседневно, независимо от других членов команды или в коллаборации с ними; конечные результаты труда всей команды применяются в работе компании
Жизненный цикл	Существует в течение всего времени, отведенного на новую разработку, по окончании проекта прекращает свою работу	Состав команды может меняться при необходимости, но в основном является относительно постоянным; существовать команда может сколько угодно долго, пока ее работа приносит пользу компании и экономически выгоднее традиционной команды
Управление	Внутри команды преобладает самоуправление, ротация лидерства, командой даются не только рекомендации, но и принимаются решения	Принятие решения по работе команды лежит на ответственном менеджере
Взаимодействие	Постоянный взаимный контакт участников, в том числе в ходе совещаний посредством видеоконференций	Контакты внутри команды происходят с определенной периодичностью, не все члены команды контактируют с другими ее участниками
Сфера	Обычно применяются в НИОКР отделах компаний, реализующих различные продукты или услуги	Такие команды применяются в компаниях, желающих вывести определенное функциональное подразделение на аутсорсинг
Пример применения	Эксперты и научные сотрудники из разных стран собираются в команду и в течение 5 лет работают над созданием нового гибридного автомобильного двигателя	Команда экспертов проводит дистанционное обучение нового персонала компании

Продолжение таблицы

Критерии	Сетевые команды (Networked Teams)	Параллельные команды (Parallel Teams)
Членство	Все члены команды или их часть рассредоточены географически; в команду могут входить как кросс-функциональные сотрудники материнской организации, так и эксперты, приглашенные из других организаций или фрилансеры; новые члены могут легко приниматься в команду, а старые также легко исключаться из нее	Обычно формируются из членов одной организации
Цели и функции	Команда собирается для решения определенного круга задач и проблем с учетом имеющихся у них знаний и опыта (чаще всего экспертного)	Помимо выполнения членами команды своих постоянных функциональных обязанностей в компании, они берут на себя дополнительную ответственность по выполнению параллельных задач; команда создается для обеспечения анализа текущей проблемы или бизнес-процесса и вынесения общих рекомендаций
Жизненный цикл	Такая виртуальная команда продолжает работать сотрудничество столько времени, сколько потребуется для решения поставленных перед ней задач, удовлетворения нужд клиентов, как только задачи решены и цели существования команды достигнуты, она может быть расформирована	Команда имеет постоянный состав, неменяющийся до тех пор, пока цель не будет достигнута; создаются на короткий промежуток времени
Управление	Внутри команды преобладает самоуправление, вынесенные решения имеют рекомендательный характер	Внутри команды преобладает самоуправление, вынесенные решения имеют рекомендательный характер
Взаимодействие	Постоянный взаимный контакт участников, в том числе в ходе совещаний посредством видеоконференций	Постоянный взаимный контакт участников, в том числе в ходе совещаний посредством видеоконференций
Сфера	Преимущественно используются в консалтинговых фирмах и технологических компаниях	Такие команды часто используются в крупных межфункциональных корпорациях, где требуется широкий взгляд на ряд вопросов
Примеры применения	Консалтинговая компания при работе с клиентом может привлекать членов исследовательских групп для использования их наработок при консультации своих клиентов	Компания привлекает своих менеджеров на местах для обсуждения необходимости внесения изменений в ряд характеристик товаров с точки зрения потребителей различных регионов

Продолжение таблицы

Критерии	Сервисные команды (Service Teams)	Команды быстрого реагирования (Action Teams)
Членство	Члены команды рассредоточены в пространстве и времени и являются сотрудниками одной компании: либо материнской компании, в сервисной поддержке которой они работают, либо компании, осуществляющей работу колл-центра посредством аутсорсинга	Все члены команды или их часть рассредоточены географически; в команду входят приглашенные эксперты одной или нескольких смежных областей
Цели и функции	Общение с клиентами и их консультирование по предпродажным и послепродажным вопросам, а также помощь в осуществлении покупок, принятие претензий; предоставление круглосуточной поддержки (чаще всего)	Главной задачей команды является быстрое реагирование и разработка программы действий
Жизненный цикл	Команда существует на постоянной основе, состав команды может меняться: новые члены могут легко войти в команду, а старые могут быть исключены	Команда существует очень короткий промежуток времени; состав в течение этого периода времени практически не меняется; команда распадается как только проблема решена
Управление	Принятие решения по работе команды лежит на ответственном менеджере	Внутри команды преобладает самоуправление, ротация лидерства, командой даются не только рекомендации, но и принимаются решения
Взаимодействие	Члены команды не совершают контактов друг с другом или это происходит очень редко; имеют регулярные контакты со своим непосредственным руководителем	Постоянный взаимный контакт участников, в том числе в ходе совещаний посредством видеоконференций
Сфера	Технические или клиентские службы поддержки	Используются в области разрешения чрезвычайных происшествий и военных столкновений, реагирования на рискованные ситуации, угрожающие финансовому положению или репутации компании, звезды шоу-бизнеса, политику, научной кампании
Пример применения	Круглосуточная служба поддержки держателей банковских карт	Команды быстрого реагирования собираются при возникновении опасностей и угроз для членов экспедиций НАСА во время их проведения

Окончание таблицы

Критерии	Управленческие команды (Management Teams)	Офшорные команды по разработке информационных систем (Offshore ISD Teams)
Членство	Команда состоит из менеджеров одной компании, работающих в разных офисах в разных регионах	Команда состоит из IT специалистов, нанятых материнской организацией посредством фриланса или аутсорсинга в странах с более низким уровнем экономики и доходов населения
Цели и функции	Команда периодически собирается для обсуждения корпоративных мероприятий и стратегий	Разработка программного обеспечения, приложений, графического дизайна, веб-сайтов и т.п.
Жизненный цикл	Состав команды постоянный и существовать она может сколько угодно долго (пока существует организация, например)	Команды могут существовать как на постоянной основе и с постоянным составом участников и привлекаться с определенной периодичностью для работы над частями или всем проектом, так и создаваться при необходимости перед каждым проектом заново
Управление	Внутри команды преобладает самоуправление, ротация лидерства, командой даются не только рекомендации, но и принимаются решения	Принятие решения по работе команды лежит на ответственном менеджере
Взаимодействие	Взаимные контакты чаще всего происходят только во время общих совещаний во время видеоконференций	Постоянный взаимный контакт участников, в том числе в ходе совещаний посредством видеоконференций
Сфера	Применение такой команды возможно в любой компании, имеющей офис в более чем одном месте	Подобные команды используются оншор компаниями в развитых странах при необходимости использования труда IT специалистов; наем офшор команды из развивающихся стран (Филиппины, Индия, Россия и т.д.) позволяет экономить на оплате труда
Пример применения	Менеджеры офисов страховой компании по всей России проводят видеоконференции, на которых обсуждают успехи и неудачи прошедшего отчетного периода и обсуждают вопросы развития	При разработке нового мобильного приложения фирмой из Канады были привлечены специалисты по программному кодированию из Индии для написания определенных частей кода

В зависимости от масштабов деятельности компании и ее целей в работе может применяться только один определенный или сочетаться несколько типов виртуальных команд. В целом многие современные компании уже имеют опыт работы виртуально. Так как современная бизнес-среда отличается высокой гибкостью и изменчивостью, в ближайшем будущем возможно появление новых форм виртуальной работы и сотрудничества. Создание виртуальных команд может помочь при оптимизации деятельности компании, хотя и ставит ряд новых задач на этапе создания и координации виртуальных коллективов и требует особо высокого уровня квалификации лиц, принимающих решения. В частности, изначальное определение желаемого типа команды и проработка ее будущей модели позволяет заложить прочный фундамент ее функционирования. Эволюции виртуальных команд будет способствовать развитие информационных технологий. Также могут разрабатываться новые методы контроля за выполнением своей работы членами команд, что поможет снизить риски и позволит более широкому кругу компаний организовывать свою деятельность по принципу виртуальных команд.

Литература

1. *Дафт Р.* Менеджмент / 6-е изд.; пер. с англ. СПб.: Питер, 2008. 864 с. (Серия «Классика МВА»).
2. *Карякин А.М., Никольская Е.Е.* Основные различия процесса работы виртуальных команд и краудсорсинга // Материалы Международной НТК «Состояние и перспективы развития электро- и теплотехнологий». Т. 1. Иваново, 2017. С. 284–289.
3. *Карякин А.М., Пыжиков В.В.* Командная работа: основа теории и практики. Иваново: ИГЭУ, 2008. 215 с.
4. *Окороков В.Р., Окороков Р.В.* Лидерство. Наука и искусство управления людьми: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. 400 с.
5. *Beyerlein M., Gully S., Karyakin A. et al.* Work Teams: Past, Present and Future. Kluwer Academic Publishers. Printed in the Netherlands, 2000.
6. *Ляпина С., Быков М.* Виртуальные организации на фондовом рынке – требование времени // Вестник НАУФОР. 2010. № 7. URL: <http://www.ifin.ru/publications/read/309.stm> (дата обращения: 24.10.2016).
7. Frost&Sullivan. Выбор и использование инструментов совместной работы для максимального повышения командной эффективности. Повышение продуктивности и потенциала команды при помощи продуктов и услуг для совместной работы / Официальный документ Frost&Sullivan. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cisco.com/web/RU/downloads/broch/White_paper_frost_and_sullivan.pdf (дата обращения: 24.10.2016).
8. Management study guide. Different types of virtual teams / MSG experts // Educational portal. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.managementstudyguide.com/types-of-virtual-teams.htm> (дата обращения: 20.10.2016).
9. Virtual teams / Boundless team // Boundless.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.boundless.com/management/textbooks/boundless-management-textbook/groups-teams-and-teamwork-6/types-of-teams-52/virtual-teams-264-3933/> (дата обращения: 21.10.2016).

Bibliography

1. *Daft R.* Menedzhment / 6-e izd.; per. s angl. SPb.: Piter, 2008. 864 p. (Serija «Klassika MVA»).
2. *Karjakin A.M., Nikol'skaja E.E.* Osnovnye razlichija processa raboty virtual'nyh komand i kraudsorsinga // Materialy Mezhdunarodnoj NTK «Sostojanie i perspektivy razvitija jelektro- i teplotehnologii». T. 1. Ivanovo, 2017. P. 284–289.

3. *Karjakin A.M., Pyzhikov V.V. Komandnaja rabota: osnova teorii i praktiki.* Ivanovo, IGJeU, 2008. 215 p.
4. *Okorokov V.R., Okorokov R.V. Liderstvo.* Nauka i iskusstvo upravlenija ljud'mi: ucheb. posobie. SPb.: Izd-vo Politehn. un-ta, 2013. 400 p.
5. *Beyerlein M., Gully S., Karyakin A. et al. Work Teams: Past, Present and Future.* Kluwer Academic Publishers. Printed in the Netherlands, 2000.
6. *Ljapina S., Bykov M. Virtual'nye organizacii na fondovom rynke – trebovanie vremeni* // Vestnik NAUFOR. 2010. № 7. URL: <http://www.ifin.ru/publications/read/309.stm> (data obrashhenija: 24.10.2016).
7. Frost&Sullivan. Vybor i ispol'zovanie instrumentov sovmestnoj raboty dlja maksimal'nogo povyshenija komandnoj jeffektivnosti. Povysenie produktivnosti i potenciala komandy pri pomoshhi produktov i uslug dlja sovmestnoj raboty / Oficial'nyj dokument Frost&Sullivan. [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.cisco.com/web/RU/downloads/broch/White_paper_frost_and_sullivan.pdf (data obrashhenija: 24.10.2016).
8. Management study guide. Different types of virtual teams / MSG experts // Educational portal. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.managementstudyguide.com/types-of-virtual-teams.htm> (data obrashhenija: 20.10.2016).
9. Virtual teams / Boundless team // Boundless.com. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.boundless.com/management/textbooks/boundless-management-textbook/groups-teams-and-teamwork-6/types-of-teams-52/virtual-teams-264-3933/> (data obrashhenija: 21.10.2016).

УДК 347.77/.78: 005.5916 (571.14)

РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА

Маркеев А.И.

Сибирский институт управления
E-mail: markeev@siu.ranepa.ru

Цукерблат Д.М.

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН
E-mail: kki@spsl.nsc.ru

В статье рассматриваются внешние и внутренние факторы влияния на развитие инновационной деятельности в регионе. Подчеркнута возрастающая роль интеллектуальной собственности в экономическом развитии. Приводятся статистические данные, отражающие особенности инновационной деятельности. Привлекается внимание к тому факту, что патентно-информационная и патентно-лицензионная деятельность способствует эффективности инновационных проектов.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, интеллектуальная собственность, статистика, институты развития.

THE ROLE OF INTELLECTUAL PROPERTY IN THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGION

Markeev A.I.

Siberian Institute of Management
E-mail: markeev@siu.ranepa.ru

Tsukerblat D.M.

State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
E-mail: kki@spsl.nsc.ru

The article considers external and internal impact factors on the development of innovative activity in the region. The increasing role of intellectual property in the economic development is emphasized. The statistical data reflecting the specifics of innovative activity are presented. The attention is drawn to the fact that both patent information activity and patent license activity facilitate the efficiency of innovative projects.

Keywords: innovations, innovative activity, intellectual property, statistics, institutes for development.

Введение. Стратегической задачей для России на современном этапе является формирование инновационно-ориентированной экономики. Конкурентоспособность стран на мировых рынках во многом определяют инновации. Именно они становятся новыми источниками экономического роста, основанного на знаниях. Еще в 1911 г. известный австрийский экономист Йозеф Шумпетер в своей работе «Теория экономического развития» указывал на тесную взаимосвязь экономического развития и инноваций, разделив два понятия: экономического роста и экономического развития.

Он определил экономическое развитие как способность и склонность к осуществлению новшеств [12, с. 363].

В наше время место стран в мировой экономике определяется их возможностью производить высокотехнологичную продукцию, которая позволяет обеспечивать конкурентоспособность в международной торговле. В этой связи экспорт продукции высоких технологий показывает способность страны к коммерциализации результатов исследований и инновационной деятельности на международном рынке. К сожалению, в рейтинге глобальной конкурентоспособности по данным за 2015 г. Россия занимала 53-е место, а что касается уровня глобального инновационного индекса, то он улучшил свои позиции сразу на 13 пунктов, переместившись с 62-е места в 2013 г. на 49-е место по данным за 2014 г. [8, с. 8]. Однако в дальнейшем, по мере экономического роста, Россия усиливала свое присутствие на мировом рынке. В наше время место стран в мировой экономике определяется их возможностью производить высокотехнологичную, инновационную продукцию. В соответствии с международными стандартами инновация определяется как «конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности, либо в новом подходе к социальным услугам» [22].

В российском законодательстве термин «инновация» закреплен в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» [6]. Согласно данному закону, «инновация» – это введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях. В 2016 г. разработана Концепция проекта федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации». Основной идеей законопроекта является «установление системного и функционально полного правового регулирования общественных отношений, возникающих при осуществлении научной, научно-технической и инновационной деятельности для обеспечения высокой эффективности функционирования национальной научно-технологической системы как основного ресурса инновационного развития Российской Федерации» [23].

Анализ инновационного развития региона. Региональная инновационная политика состоит, в частности, в поддержке и развитии стабильной, целенаправленной и инклюзивной инфраструктуры, которая учитывает потребности созданных пакетов промышленных знаний и технологий и связей на рынке труда на уровне региона [15] как в сфере науки и образования, так и в области обмена и передачи знаний в отраслевом разрезе. Это означает, что в структуре ВРП должна вырасти доля продукции высокотехнологичных отраслей. Для перехода потребуется реализация селективной региональной инновационной политики, целью которой является кардинальное изменение структуры производства. Создание предприятий, использующих инновационные технологии, ориентация на производство продукции конечного потребления.

Исследование инновационной экономики страны или региона невозможно без статистического анализа ее эффективности. По опубликованным данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики [5], инновационная активность предприятий в Новосибирской области (НСО) за период 2012–2016 гг. снизилась. Так, в 2016 г. инновационной деятельностью в Новосибирской области занимались 7,6 % обследованных организаций. На рис. 1 можно проследить изменение этого показателя за последние 5 лет.

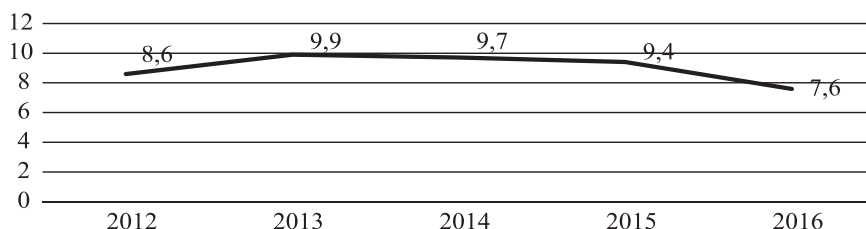

Рис. 1. Уровень инновационной активности организаций (% к общему числу обследованных организаций).

Источник: Наука и инновации в Новосибирской области. 2017. Статистический сборник [5]

Внедрение в производство более эффективных видов технологий, сырья, материалов, создание новых и совершенствование действующих видов продукции является показателем инновационной деятельности организаций. В 2016 г. в результате технологических инноваций было отгружено инновационных товаров, работ и услуг на 44,8 млрд руб. 93,4 % объема инновационной продукции приходится на долю предприятий промышленности. По степени новизны 37,8 % инновационной продукции – это вновь введенная продукция или подвергшаяся значительному усовершенствованию в течение последних трех лет [5, с. 75].

Пространство инновационной деятельности формируется в рамках существующих особенностей и условий географически заданной территории институциональной среды, включая социокультурные особенности: ценности, традиции, деловые обычаи, выбранный путь развития [17]. Инновационная составляющая развития экономики региона позволяет задействовать существующие конкурентные преимущества: связь науки и производства. Зам. Председателя Правительства РФ Аркадий Дворкович положительно оценил результаты инновационных проектов, вошедших в программу реиндустриализации экономики Новосибирской области. Один из успешных примеров – «Медицинский промышленный парк», который разместил под своей крышей восемь производств резидентов. Его задача – сформировать в регионе систему конкурентоспособных предприятий по выпуску медицинского оборудования и еще один проект, претендующий на господдержку, – предприятие «Ангиолайн» по производству медицинских изделий для эндоваскулярной хирургии. Компания занимает 17 % российского рынка [11]. В регионе также разрабатывается проект по созданию биофармацевтического научно-инжинирингового центра. После его открытия НСО станет одним из ведущих федеральных центров по развитию науки и инжиниринга

в области биотехнологий, территорий, привлекательной для инвестиций в биотехнологическую индустрию.

Показателем инновационного развития является связь экспорта и экономического роста [14]. Сегодня можно говорить о формировании специализации Новосибирской области на экспорте высокотехнологичных (наукоемких) и интеллектуальных услуг, поскольку характерным явлением последних лет стало укрепление позиций инновационного сегмента в российском экспорте услуг. Так, например, в структуре российского экспорта последних лет значимыми статьями являются платежи за использование интеллектуальной собственности (ИС), в основном реализация объектов промышленной собственности (рис. 2). С развитием системы защиты отечественной (ИС) в РФ и за ее пределами, увеличением реализация объектов промышленной собственности крупными и средними российскими компаниями в 2000-х годах увеличилось соотношение доходов по статье «плата за пользование интеллектуальной собственностью»: 3,6 % в 2014 г. и 3,7 % в 2016 г. [4, 10].

Рис. 2. Структура Российского экспорта высокотехнологичных и интеллектуальных услуг в 2016 г. (% к итогу).

Источник: ЦБ РФ. Платежный баланс РФ за 2016 г.

Продажи по статье экспорт технологий и услуг технического характера являются продуктом зрелой инновационной системы, стимулирующей разработчиков, защищающей изобретения и технологии. В 2016 г. по 217 соглашениям Новосибирской области с зарубежными странами выплаты составили 18395,1 тыс. долл. США [5, с. 109–110]. Поскольку инновации являются результатами интеллектуальной деятельности, то и направленность инновационного развития экономики заключается в том, чтобы перейти к экономическому росту, основанному на знаниях и технологиях, т.е. на интеллектуальной собственности.

Наличие и развитие интеллектуального капитала обеспечивает конкурентные преимущества региона. То есть взаимодействующие друг с другом

инновационно-активные предприятия могут образовывать сеть для интеграции предприятий в инновационной сфере [16].

Вместе с тем предприятия, создающие объекты интеллектуальной собственности, имеют ряд существенных особенностей, которые выделяют их из ряда традиционных инноваций. Суть этих особенностей состоит в том, что инновации – объекты интеллектуальной собственности должны обладать изобретательским уровнем, оригинальностью, новизной, что позволяет авторам претендовать на защиту их исключительных прав на эти нововведения со стороны государства или международных организаций. Неудивительно, что развивающиеся страны, страны с переходной экономикой и даже страны с развитой экономикой признают необходимость применения стратегического подхода к использованию ИС в инновационном процессе.

Показатели интеллектуальной деятельности. Интеллектуальная собственность является, по определению, творением человеческого разума. Как часть ИС, промышленная собственность (т.е. изобретения, полезные модели, товарные знаки и промышленные образцы) является правом на промышленное новшество и связана с уровнем развития науки и промышленности. Речь идет о непременном атрибуте инновационной экономики. Глобальная тенденция увеличения количества патентов, рост инвестиций в инновации и глобализация экономической деятельности являются ключевыми факторами мирового развития, поэтому политика в области ИС находится в авангарде государственных стратегий развитых стран [3].

Интеллектуальная собственность страны (т.е. ИС, принадлежащая резидентам страны, физическим и юридическим лицам) связана со многими экономическими и социальными факторами: уровнем развития высокотехнологичной промышленности, уровнем развития человеческого капитала, законодательной и кредитно-денежной политикой государства, финансированием научно-исследовательских работ и даже с национальными особенностями экономики. Интеллектуальная собственность, принадлежащая резидентам страны и защищенная за границей, является показателем наличия высоких технологий, имеющих экспортный потенциал. Сведения о созданных объектах ИС входят во все официальные статистические отчеты. Они характеризуют уровень развития экономики, науки, промышленности, трудовых ресурсов, в том числе по регионам России (табл. 1).

Из табл. 1 видно, что по вкладу в общий показатель подачи заявок для получения патента на изобретение Новосибирская область удерживает лидирующие позиции в Сибирском федеральном округе. Число поданных заявок на выдачу патента на изобретение увеличилось на 14 %, соответственно 462 в 2011 г. и 527 в 2016 г. Общепринятым положением является то, что патентная статистика обеспечивает измерение инновационной деятельности. Анализ, основанный на количестве патентов, дает результаты, совпадающие с другими более или менее прямыми измерениями инноваций, что позволяет считать скорость роста патентов эффективным показателем изменения в инновационном превосходстве. В определении инновационного развития экономики индикаторы, связанные с ИС, в практике западных стран являются одними из основных. Что касается российских исследований, то ИС пока еще редко воспринимается как неотъемлемый атрибут ин-

Таблица 1

**Динамика подачи заявок на выдачу патента на изобретение в 2011–2016 гг.
в Сибирском федеральном округе**

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Алтайский край	222	192	219	171	194	165
Иркутская область	217	285	243	205	224	188
Кемеровская область	243	250	263	241	218	199
Красноярский край	479	441	384	349	323	316
Новосибирская область	462	540	562	530	521	527
Омская область	242	237	220	209	225	240
Республика Алтай	1	1	1	7	–	9
Республика Бурятия	64	63	57	70	67	68
Республика Тыва	2	5	7	1	2	0
Республика Хакасия	8	13	11	7	4	11
Томская область	433	419	376	357	401	351
Усть-Ордынский Бурятский АО	–	–	1	1	–	0
Забайкальский край	30	33	32	38	37	26
Всего	2403	2479	2376	2186	2216	2100

Источник: Изобретательская активность в регионах России в 2016 г. [14].

новационной экономики. Это, вероятно, можно объяснить более поздним и замедленным развитием рынка ИС в России.

Исходя из анализа международного опыта, был составлен список основных индикаторов инновационного развития, который используется в экономических исследованиях. Было признано, что патентные индикаторы в статистической практике одни из немногих показателей результативности науки. Они позволяют измерить изобретательскую активность стран, регионов, организаций, исследовательских групп и индивидуальных ученых. Это, прежде всего объясняется значением патентных данных для статистического исследования. Оно определяется ролью, которую играют патенты как форма представления научных результатов, имеющих коммерческую ценность и предназначенных для использования в инновационной деятельности. Вместе с тем следует учитывать высокие затраты денежных средств и времени, которые требуются для получения патента. Поэтому можно предположить, что заниматься этим целесообразно в тех случаях, когда факт выдачи патента свидетельствует о новизне технического решения, а объект изобретения реально сулит заявителю существенную выгоду.

Патенты не только выполняют функцию правовой защиты, но и являются уникальным источником технологической информации, поскольку сведения, содержащиеся в них, обычно не представлены нигде более. Кроме того, по мнению Л.М. Гохберга, «патентование, как правило, на несколько лет опережая внедрение научно-технических достижений в производство, позволяет заранее учитывать возможность появления технологических инноваций, в том числе радикальных. В силу этого показатели патентной статистики применяются для анализа состояния и прогнозирования перспектив развития отдельных технологических направлений, технологиче-

ского потенциала фирм и отраслей, оценки рынка технологий в стране, его привлекательности для иностранных патентообладателей и инвесторов» [2, с. 232–233].

Патентные данные можно рассматривать в качестве неопределенного источника информации для статистического анализа, поскольку постоянно действующая система регистрации изобретений обеспечивает непрерывность динамических рядов. В рейтинге изобретательской активности регионов России, по данным Роспатента [10], Сибирский федеральный округ (СФО) по итогам 2016 г. занял по поданным заявкам следующее место: на изобретение – 2100 заявок (7,84 % от общего количества заявок) – 4-е место (2015 г. – 2216 заявок – 4-е место – 7,57 %); на полезные модели – 923 заявки (8,67 % от общего количества заявок) – 4-е место (2015 г. – 1055 заявок – 4-е место – 9,25 %); на товарные знаки 2881 заявка (6,94 % от общего количества заявок) – 4-е место (2015 г. – 2291 заявка – 4-е место – 6,68 %). Дальнейший рост показателей интеллектуального капитала СФО призван обеспечить переход российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному социально ориентированному типу развития.

В XXI в. на рынке интеллектуальной продукции ИС стала самостоятельным товаром. Развитые и быстроразвивающиеся страны соответственно лидируют по количеству подаваемых заявок на патентование, по количеству поддерживаемых патентов, по объему рынка ИС. Анализ структуры изобретений в разных странах мира зависит от области технологий. Так, например, видно, что в России подается больше всего заявок в пищевой промышленности и медицине. Что касается некоторых стран, которые являются лидерами по патентованию изобретений, – на первом месте находятся информационные технологии. Возможно это связано с тем, что в России информационные продукты защищаются, главным образом, как программы для ЭВМ, в то время как за рубежом большое распространение получила защита ИС в области цифровых технологий как изобретений. В перспективе при оформлении ИС в нашей стране следует обратить внимание на аналогичные способы ее защиты [7, с. 45].

Общее количество патентов является важным показателем, но само по себе не может быть мерой инноваций. Однако по мнению инновационных организаций Новосибирской области, в основном именно ИС при условии применения их на практике способны стать основой новых продуктов и технологий. Свидетельством этому является представленная в табл. 2 оценка ИС по трем показателям: незначительные, значительные, основные.

Как следует из табл. 2, основная тенденция по данным анализа формальных и неформальных методов защиты изобретений и научно-технических разработок, дифференцированная по их значимости, в целом оценивается положительно. При этом подавляющее количество организаций определили их как «основные» и «значительные». Это является свидетельством того, что в структуре инновационного потенциала патенты – ключевая составляющая цикла освоения инвестиций, направляемых на научно-конструкторские работы, который включает создание изобретений, лицензирование новых технологий и вложение доходов от лицензий в исследования, рождающие новые изобретения.

Таблица 2

Число организаций, осуществляющих технологические инновации, оценивших методы защиты изобретений, научно-технических разработок (единиц)

Используемые методы	2015 г.			2016 г.		
	незначительные	значительные	основные	незначительные	значительные	основные
<i>Формальные методы</i>						
Патентование изобретений, промышленных образцов, полезных моделей (в отчетном году)	13	18	27	17	17	28
Поддержание существующих патентов (полученных до отчетного года)	13	22	23	16	25	24
Регистрация товарного знака	8	20	17	14	21	19
Охрана авторских прав	17	21	16	20	24	16
<i>Неформальные методы</i>						
Обеспечение коммерческой тайны (включая соглашения о конфиденциальности), ноу-хау	8	29	25	10	35	25
Усложненность проектирования изделий	23	16	10	27	21	10
Обеспечение преимущества в сроках разработки и выпуска товаров, работ, услуг над конкурентами	17	24	14	19	33	10

Источник: Наука и инновации в Новосибирской области, 2017 [5].

Таблица 3

Сведения об использовании объектов интеллектуальной собственности (единиц)

Год	Виды объектов интеллектуальной собственности						Всего
	изобретения	полезные модели	промышленные образцы	базы данных	программы для ЭВМ	топологии интегральных микросхем	
2011	95	18	4	–	4	–	121
2012	108	24	8	–	8	–	148
2013	137	31	10	–	18	–	196
2014	166	30	14	1	17	–	227
2015	196	36	19	1	28	–	280
2016	197	56	18		48		319

Источник: Наука и инновации в Новосибирской области, 2017 [5].

Внедрение новых технологий на основе использования интеллектуальной собственности позволяет поддерживать конкуренцию среди производителей, что подтверждается ростом показателей последних лет. Число используемых объектов интеллектуальной собственности увеличилось в 2 раза с 121 до 319 в 2016 г. (табл. 3).

«Сущностью» инноваций (технических новшеств) являются изобретения. Они самым тесным образом связаны с научными исследованиями, для выполнения которых используется «интеллектуальный капитал» организации: высококвалифицированный персонал, научно-техническое оборудование, экспериментальные установки, методики и программы исследований, результаты предыдущих НИР. При этом можно констатировать, что значительная часть изобретений никогда не выйдет на рынок, так же как многие инновации, вышедшие на рынок, не запатентованы. Тем не менее патенты на объекты интеллектуальной собственности обеспечивают полную информацию по вопросам технологической деятельности, которая позволяет получить широкий взгляд на проблемы инновационного развития. Серьезным фактором, влияющим на дальнейший рост инновационного производства, является подготовка профессиональных кадров.

В последнее время значимой и даже обязательной для вузов становится инновационная деятельность. Ю.И. Селиверстов считает, что «вузы должны не только заниматься наукой, выполнять научные исследования, но и заниматься коммерциализацией полученных результатов интеллектуальной деятельности (РИД). Образование малых инновационных предприятий (МИП) по 217-ФЗ, наличие патентов, технопарков, заключение хозяйственных договоров с предприятиями реального сектора экономики не только обеспечивает вуз дополнительным внебюджетным финансированием, но и является показателем того, что данный вуз, отвечает современным требованиям и является полноправным участником инновационного экономического развития» [9].

Некоторые зарубежные исследователи подчеркивают важную роль целевого взаимодействия в рамках сетей в обществе и экономике. Так, с одной стороны, М. Кастельс называет общество сетевым [13]. С другой – современная экономика также является сетевой, в которой успех основывается на понимании принципов взаимодействия в различных сетях и способности использовать их для получения прибыли [20]. На этом основании можно прийти к выводу о признании сетевого взаимодействия как одной из важных составляющих ключевых компетенций предприятия/организации [18, 19].

Дальнейшее развитие взаимодействия науки, образования и производства (бизнеса) может осуществляться в рамках сети, в основе которой формирование активной позиции вузов, институтов Российской академии наук (РАН) и промышленности. В данном процессе роль институтов РАН состоит в руководстве выполнением НИОКР, выполнении совместных НИР, использовании кадрового потенциала вузов, их инфраструктуры, в предоставлении вузам научного оборудования, экспериментальных стендов, лабораторных помещений. Что касается взаимодействия в рамках образовательного процесса, то здесь существенным является корректировка образовательных программ и учебно-методических материалов с учетом возможностей НИИ и потребностей реального сектора экономики, использование научных кадров НИИ в образовательном процессе. Взаимодействие в рамках научно-исследовательской деятельности включает определение приоритетных тематик научных исследований; согласование

планов НИОКР; выполнение совместных НИОКР, использование экспериментального оборудования НИИ при проведении лабораторных занятий, а также стажировки студентов и аспирантов вузов в НИИ для выполнения дипломных работ и диссертаций.

Успешность взаимодействия институтов РАН и вузов можно проследить на примере Новосибирского государственного университета (НГУ) и институтов Новосибирского научного центра СО РАН (ННЦ СО РАН). Л.Н. Перепечко на основании анализа инновационной деятельности НГУ и ННЦСО РАН предлагает создание проектных кластеров, включающих промышленные предприятия для выполнения проектов по приоритетным направлениям развития экономики. Кроме выполнения НИОКР и коммерциализации инноваций взаимодействие может осуществляться в различных формах: вуз и промышленное предприятие могут быть учредителями и участниками технопарка, промышленное предприятие может изготавливать оборудование для НИИ, предоставлять свою производственную площадку и квалифицированные кадры для выполнения совместных НИОКР [7, с. 143–146]. Одновременно с этим важно обеспечивать уровень информированности руководителей взаимодействующих организаций о тематической направленности научных проектов, о ходе их выполнения, а также о результатах их реализации.

Патентно-информационное обеспечение. Информационное обеспечение может осуществляться в рамках постоянно обновляемой интерактивной региональной или образованной по выбранным направлениям технологий базы данных предприятий, НИИ и вузов с описанием имеющихся РИД, ИС, выполняемых НИОКР, имеющихся ресурсов для выполнения НИОКР; при проведении совместных научных конференций для определения возможных совместных работ и выявления научно-технического потенциала партнеров; путем проведения научно-практических семинаров с участием научно-исследовательских подразделений промышленных предприятий.

Современная экономика знания требует поиска информации о новых идеях для развития конкурентоспособности предприятия и иных путей решения, возникающих в процессе его деятельности проблем. Создание инноваций требует обращения к специализированным знаниям из разных областей, что позволяет создавать радикально новое знание. И главная цель в данных условиях принадлежит результатам творческой и интеллектуальной деятельности, а также потенциалу возможностей человеческого разума, в результате соединения которых появляются различные нововведения и новшества, необходимые в настоящее время. В практике взаимодействия науки и производства при передаче результатов интеллектуальной деятельности с большой вероятностью заключается договор между НИИ и предприятием на право использования ИС. По мнению Н.В. Бекетова, «организации, имеющие опыт работы с патентно-лицензионными соглашениями, гораздо легче осуществляют оценку перспектив и эффективности масштабы инновационных проектов» [1, с. 33].

Возрастающий спрос пользователей на электронные ресурсы, а также развитие информационных технологий и рынка информационных ресурсов в целом влияют на расширение в библиотеках их спектра. В настоящее

время в виртуальном библиотечном пространстве уже функционируют: электронный справочно-поисковый аппарат, электронные каталоги, базы данных и др. В тех случаях, когда следует провести анализ тенденций развития техники, определить технический уровень разработок, их патентоспособность и конкурентоспособность необходимо провести патентное исследование на основе соответствующих источников информации и инструментов.

Особое место в этом ряду занимает деятельность Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН (ГПНТБ СО РАН), которая обеспечивает участников инновационной инфраструктуры в регионе возможностью использования политематического фонда научно-технической литературы. Составной частью информационно-библиотечных ресурсов ГПНТБ СО РАН является фонд отечественной и зарубежной патентной документации, ориентированный на проведение патентно-конъюнктурных исследований путем комплексного анализа информации о технических решениях (изобретениях), экспортно-импортных операциях, национальном производстве стран, которая используется для последующей оценки рынков, а также определения конкурентоспособности отечественной продукции.

Полнота патентных исследований обеспечивается использованием следующих электронных ресурсов:

- БД (Orbit, Thompson Innovation, Exactus, Patent и др.);
- наукометрические БД (Web of Science, Scopus, eLIBRARY.ru и др.);
- научные электронные библиотеки (Arxiv, PubMed и др.);
- поисковые системы (Google Scholar, CiteSeer и др.).

Новые технологии создают единую среду для обмена оперативной быстро устаревающей информацией, повышают степень ее доступности, расширяют возможности поиска, делают библиотечно-информационное обслуживание более комфортным. Это является необходимым требованием в работе научных библиотек России, которые принимают активное участие в патентно-информационном обеспечении инновационной деятельности и тем самым способствуют не только непрерывному воспроизводству информационных ресурсов, но и ускоренному социально-экономическому развитию нашего общества, которое сегодня в значительной мере определяется конкуренцией инноваций.

На сегодняшний день речь идет не столько о недостатке информации по интересующей потребителя теме, сколько о недостаточном использовании тех ресурсов, которые имеются в научных библиотеках. Именно поэтому проведение информационно-образовательных мероприятий (выставок, конференций, семинаров, школ, круглых столов и консультаций) помогает посетителям овладеть технологией анализа патентной информации, которая является необходимым инструментом выявления и оценки технологического профиля страны.

Заключение. Безусловно, в информационной сфере стоят задачи, предусматривающие разработку и внедрение прорывных техники и технологий, которые соответствуют лучшим мировым образцам или даже превосходят их. Есть, конечно, в Новосибирской области подготовленный для этого

бизнес, способный совместно с учеными из Академии наук и университетов определить, что ему необходимо для развития и на что он может рассчитывать в техническом и финансовом отношении.

Логика этого вывода подтверждается множеством факторов: научный, образовательный и профессиональный потенциал, в первую очередь, конечно же, в промышленном секторе. Сюда же можно отнести высокий, несмотря на глубокую проблему авиационного транспортного сообщения, логистический потенциал, наличие в Новосибирске Экспоцентра с возможностями прохождения различных разрешительных процедур таможенных, визовых центров, наличие профессиональных переводческих центров, специалистов, обслуживающих внешнеэкономическую сферу – от маркетологов по зарубежным рынкам до патентных поверенных и иных «консалтеров». Следующий «преимущественный» фактор – наличие в регионе институтов развития. К ним относятся индустриальные парки, наукоград Кольцово, венчурные фонды, центры внедрения научных разработок в вузах, кластеры, бизнес-инкубаторы.

Исследование проблем разработки и реализации государственного регионального регулирования инновационной деятельности подтверждает необходимость следующих шагов:

- осуществить корректировку в интересах развития инновационной деятельности государственного регулирования экономики,
- соединить творческую деятельность создателей объектов интеллектуальной собственности в научно-организационном комплексе с предпринимательской энергией в производственной сфере,
- направить интеллектуальную и предпринимательскую деятельность на достижение общих целей,
- создавать инновационные компании для коммерциализации технологий,
- совершенствовать кредитно-денежную политику,
- обеспечить капитализацию бизнес-компаний посредством создания сильного портфеля интеллектуальной собственности.

Институт развития должен установить контакты с бизнесом, понять его запросы в решении задач повышения конкурентоспособности и обеспечить ему техническую, информационную и маркетинговую поддержку, с учетом интеллектуального капитала в потенциале научно-образовательного комплекса.

Научно обоснованного решения требуют вопросы: создания эффективного правового механизма введения в хозяйственный оборот результатов научных разработок предприятиями реального сектора экономики, а также бюджетными научными учреждениями, в том числе высшими учебными заведениями; обеспечения надлежащего уровня правовой защиты прав авторов на результаты их интеллектуальной деятельности, положенные в основу инноваций; реализации механизма государственного стимулирования инновационно ориентированного предпринимательства.

Учитывая постоянно возрастающее значение интеллектуального капитала в современной экономике и вклад ИС в рыночную капитализацию компаний, можно утверждать, что решения, принимаемые в отношении ИС, являются стратегическими.

Литература

1. Бекетов Н.В. Проблемы формирования национальной инновационной системы и развитие института интеллектуальной собственности // Проблемы развития инновационно-креативной экономики. М., 2009. С. 33–58.
2. Гохберг Л.М. Статистика науки. М.: ТЭИС, 2003. 478 с.
3. Леонтьев Б.Б. Экономика интеллектуальной собственности как новая научная дисциплина // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2013. № 3. С. 65–71.
4. Международная торговля услугами: новые тенденции развития и регулирования, роль в интеграционных процессах / ред. А.И. Спартак. М.: ВАВТ, 2016. С. 172.
5. Наука и инновации в Новосибирской области. Статистический сборник / Территориальный орган ФСГС. по Новосиб. обл. Новосибирск, 2017. 115 с.
6. О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (ред. 23.05.2016) // Рос. газ. 1996. 3 сент.
7. Перепечко Л.Н. Управление интеллектуальной собственностью государственных научно-исследовательских институтов: теоретико-методологические и организационные аспекты: монография. Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2017. 176 с.
8. Россия в зеркале международных рейтингов: информационно-справочное издание / отв. ред. В.И. Суслов; Ин-т экономики и организации пром. пр-ва СО РАН. Новосибирск, 2015. 16 с.
9. Селиверстов Ю.И. Активизация вовлечения интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот российских предприятий: теоретико-методологические и организационные аспекты: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Санкт-Петербург, 2013. 42 с.
10. Спартак А.Н. Тенденции российского экспорта высокотехнологичных товаров, услуг и технологий // БИКИ. 2017. № 3. С. 7.
11. Шумилова А. Зонтик для инноваций // АиФ на Оби. 2018. № 6. С. 8.
12. Шумпетер Й. Теория экономического развития / пер. с нем. М.: Прогресс, 1982. 454 с.
13. Gastels M. The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society, and Culture. V. 1. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996.
14. Heller P.S., Porter R.S. Exports and Growth: An Empirical Re-investigation // Journal of Development Economics. 1978. Vol. 5. P. 191–193.
15. Herstad S., Brekke N. Globalization, modes of innovation and regional knowledge diffusion infrastructures // European Planning Studies. 2012. Vol. 20. P. 1603–1625.
16. McDonald F., Vertova G. Geographical concentration and competitiveness in the European Union // European Business Review. 2001. Vol. 13. № 3. P. 157–165.
17. Martin R., Sunley P. Path dependence and regional economic evolution // Journal of Economic Geography. 2006. № 6. P. 395–437.
18. Powell W., Koput K., Smith-Doerr L. Doerr Interorganizational Collaboration and the Locus of Innovation: Networks of Learning in Biotechnology // Administrative Science Quarterly. 1996. Vol. 41. № 1 (Mar.). P. 116–145.
19. Powell W. Learning from Collaboration: Knowledge and Networks in the Biotechnology and Pharmaceutical Industries // California management review. 1998. Vol. 40. № 3. P. 228–240.
20. Shapiro C., Varian H. Information Rules A Strategic Guide to the Network Economy. Boston, MA: Harvard Business School Press, 1998. 352 p.
21. Изобретательская активность в регионах России в 2016 г. URL: http://www.fips.ru/sitesdocs/a_iz_akt_2016.pdf. (дата обращения: 16.02.2017).
22. Грибов В., Грузинов В. Понятие инноваций. URL: <https://www.inventech.ru/lib/predpr/predpr0052> (дата обращения: 16.02.2017).
23. Концепция проекта федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации». URL: <http://минобрнауки.рф> (дата обращения: 22.04.2016).

Bibliography

1. *Beketov N.V.* Problemy formirovaniya nacional'noj innovacionnoj sistemy i razvitie instituta intellektual'noj sobstvennosti // Problemy razvitiya innovacionno-kreativnoj jekonomiki. M., 2009. P. 33–58.
2. *Gohberg L.M.* Statistika nauki. M.: TJeIS, 2003. 478 p.
3. *Leont'ev B.B.* Jekonomika intellektual'noj sobstvennosti kak novaja nauchnaja disciplina // JeTAP: jekonomicheskaja teorija, analiz, praktika. 2013. № 3. P. 65–71.
4. Mezhdunarodnaja trgovlja uslugami: novye tendencii razvitiya i regulirovaniya, rol' v integracionnyh processah / red. A.I. Spartak. M.: VAVT, 2016. P. 172.
5. Nauka i innovacii v Novosibirskoj oblasti. Statisticheskij sbornik / Territorial'nyj organ FSGS. po Novosib. obl. Novosibirsk, 2017. 115 p.
6. O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoy politike: feder. zakon ot 23 avgusta 1996 g. № 127-FZ (red. 23.05.2016) // Ros. gaz. 1996. 3 sent.
7. *Perepechko L.N.* Upravlenie intellektual'noj sobstvennost'ju gosudarstvennyh nauchno-issledovatel'skih institutov: teoretiko-metodologicheskie i organizacionnye aspekty: monografija. Novosibirsk: Izd-vo CRNS, 2017. 176 p.
8. Rossiya v zerkale mezhdunarodnyh rejtingov: informacionno-spravocnoe izdanie / otv. red. V. I. Suslov; In-t jekonomiki i organizacii prom. pr-va SO RAN. Novosibirsk, 2015. 16 p.
9. *Seliverstov Ju.I.* Aktivizacija vovlechenija intellektual'noj sobstvennosti v hozjajstvennyj oborot rossijskih predpriyatij: teoretiko-metodologicheskie i organizacionnye aspekty: avtoref. dis. ... d-ra jekon. nauk. Sankt-Peterburg, 2013. 42 p.
10. *Spartak A.N.* Tendencii rossijskogo jeksporta vysokotehnologichnyh tovarov, uslug i tehnologij // BIKI. 2017. № 3. P. 7.
11. *Shumilova A.* Zontik dlja innovacij // AiF na Obi. 2018. № 6. P. 8.
12. *Shumpeter J.* Teorija jekonomicheskogo razvitiya / per. s nem. M.: Progress, 1982. 454 p.
13. *Gastels M.* The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society, and Culture. V. 1. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996.
14. *Heller P.S., Porter R.S.* Exports and Growth: An Empirical Re-investigation // Journal of Development Economics. 1978. Vol. 5. P. 191–193.
15. *Herstad S., Brekke N.* Globalization, modes of innovation and regional knowlegge diffusion infrastructures // European Planning Studies. 2012. Vol. 20. P. 1603–1625.
16. *McDonald F., Vertova G.* Geographical concentration and competitiveness in the European Union // European Business Review. 2001. Vol. 13. № 3. P. 157–165.
17. *Martin R., Sunley P.* Path dependence and regional economic evolution // Journal of Economic Geography. 2006. № 6. P. 395–437.
18. *Powell W., Koput K., Smith-Doerr L.* Doerr Interorganizational Collaboration and the Locus of Innovation: Networks of Learning in Biotechnology // Administrative Science Quarterly. 1996. Vol. 41. № 1 (Mar.). P. 116–145.
19. *Powell W.* Learning from Collaboration: Knowledge and Networks in the Biotechnology and Pharmaceutical Industries // California management review. 1998. Vol. 40. № 3. P. 228–240.
20. *Shapiro C., Varian H.* Information Rules A Strategic Guide to the Network Economy. Boston, MA: Harvard Business School Press, 1998. 352 p.
21. Izobretatel'skaja aktivnost' v regionah Rossii v 2016 g. URL: http://www.fips.ru/sitedocs/a_iz_akt_2016.pdf. (data obrashhenija: 16.02.2017).
22. *Gpibov V., Gpyzinov V.* Ponjatje innovacij. URL: <https://www.inventech.ru/lib/predpr/predpr0052> (data obrashhenija: 16.02.2017).
23. Konceptija proekta federal'nogo zakona «O nauchnoj, nauchno-tehnicheskoy i innovacionnoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii». URL: <http://minobrnauki.rf> (data obrashhenija: 22.04.2016).

СТАТИСТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

УДК 311

О НАПРАВЛЕНИЯХ ВОЗДЕЙСТВИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Глинский В.В., Серга Л.К., Кисельников А.А., Храмцова Т.Г.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: s444@ngs.ru

В статье рассматриваются вопросы влияния дифференциации развития регионов на рост экономики страны. На фактических данных делается проверка гипотезы неоднозначности этого взаимодействия, с одной стороны, неравномерность уровней естественным образом стимулирует необходимость роста экономики, с другой стороны, избыточная дифференциация территорий создает ситуации социальных напряжений, формирует негативные тренды капитала, трудовой миграции, что, в свою очередь, отрицательным образом сказывается на параметрах экономического развития. В работе сделана попытка определить для конкретной территории: является ли дифференциация негативным фактором или, наоборот, стимулирующим. Проведена проверка гипотезы на основе расчета уровня дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований субъектов через оценку концентрации производства ВРП по территории страны.

Ключевые слова: экономический рост, территориальная дифференциация, социально-экономическое развитие регионов, типология.

ON THE WAYS OF IMPACT OF TERRITORIAL DIFFERENTIATION ON ECONOMIC GROWTH OF THE COUNTRY

Glinskiy V.V., Serga L.K., Kiselnikov A.A., Khramtsova T.G.

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: s444@ngs.ru

The article considers the issues of impact of differentiation of the development of regions on economic growth of the country. The hypothesis of ambiguity of this interaction is checked against actual data; on the one hand, the inequality of levels naturally stimulates the need for economic growth, on the other hand, the excessive differentiation of territories creates the situations of social tension, as well as forms the negative trends of capital and labor migration, followed by an adverse effect on the parameters of economic development. The paper attempts to define for a particular territory whether the differentiation

is a negative or, on the contrary, a motivating factor. The hypothesis is checked on the basis of calculation of the differentiation level of social and economic development of municipal formations of the constituent entities via the appraisal of concentration of gross regional product production over the territory of the country.

Keywords: economic growth, territorial differentiation, regions social and economic development, typology.

Постановка задачи. Регионы Российской Федерации существенно различаются своими природно-климатическими, географическими, ресурсными условиями, которые, в свою очередь, влияют на их особенности и различия в социально-экономическом развитии. Такую неравномерность в развитии экономики территорий страны принято называть дифференциацией.

Исследованию проблемы дифференциации социально-экономических систем, отдельных ее составляющих и аспектов, ее дестимулирующего влияния на экономическое развитие посвящены работы С.В. Баранова, К.П. Глущенко, Ю.С. Зайцевой, Е.Н. Катаева, Е.А. Коломак, Е.А. Конопацкой, Б.Л. Лавровского, М.В. Морощкиной, Е.А. Погодиной, Т.П. Скуфыиной и др. [1, 4–10].

Любая система может развиваться только при наличии различий в развитии ее составных элементов. Поэтому определенный уровень дифференциации социально-экономических систем полезен, так как, создавая некую пространственную конкуренцию или напряженность, способствует общему развитию. Вместе с тем усиление региональной дифференциации создает проблемы для проведения эффективной государственной политики в части выравнивания социально-экономического развития регионов страны и приближении их характеристик к уровням более развитых территорий. В результате перетекания капитала и трудоспособного населения из бедных регионов в богатые повышаются риски возникновения региональных кризисов и межрегиональных конфликтов, т.е. дифференциация в этом случае дестимулирует развитие, и надо ее снижать.

Таким образом, дифференциация по уровню экономического развития может быть и стимулом, и тормозом роста экономики.

Методический подход. Исследована зависимость между уровнем территориальной дифференциации экономики и темпом прироста ВРП на душу населения, который может служить характеристикой роста экономики. Уровень дифференциации социально-экономического развития территорий РФ за ряд лет оценивается с помощью коэффициента Джини, рассчитанного на основе сопоставления распределения ВРП и численности населения по субъектам. В этом случае коэффициент Джини показывает степень отклонения фактического распределения произведенного ВРП от абсолютно равного распределения его производства между регионами страны.

С целью характеристики степени дифференциации экономического развития субъектов РФ построена кривая Лоренца по объему произведенного ВРП по субъектам Российской Федерации в 2010 и 2016 гг. (рис. 1). Для этого предварительно все субъекты РФ ранжированы по уровню среднедушевого ВРП и определены накопленные частоты населения и ВРП по субъектам РФ.

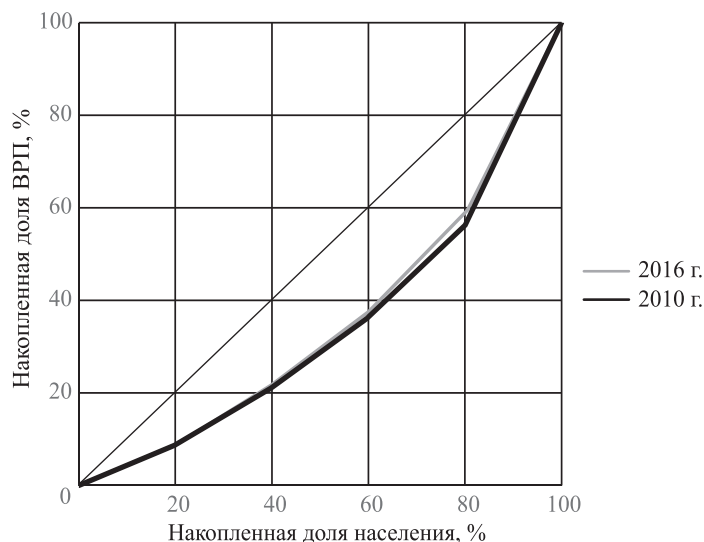

Рис. 1. Кривая Лоренца неравенства производства ВРП по субъектам Российской Федерации в 2010, 2016 гг.

Отклонение кривой от равномерного распределения в 2016 г. несколько меньше, чем в 2010 г., но незначительно, т.е. степень дифференциации регионов слабо снижается. Для того чтобы проследить степень неравенства в динамике, рассчитаны коэффициенты Джини за 2010–2016 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Коэффициент Джини и темп прироста среднедушевого ВРП в РФ в 2010–2016 гг.

Год	Коэффициент Джини	Цепной темп прироста ВРП, %
2010	0,3133	–
2011	0,3123	20,4
2012	0,3004	10,0
2013	0,2998	8,4
2014	0,2993	9,4
2015	0,2963	11,1
2016	0,2997	5,3

Источник: составлено авторами.

Таким образом, можно сделать вывод, что за рассматриваемый период дифференциация регионов снизилась на 4,3 %, лишь в 2016 г. она незначительно увеличилась, вернувшись к уровню 2013 г. Но в целом эти колебания можно считать статистически незначимыми, так как вариация коэффициента Джини по годам находится в пределах σ .

Также можно видеть прямую тесную связь между представленными в табл. 1 показателями, коэффициент корреляции между ними равен 0,84737. Итак, можно утверждать, что в целом по стране неравномерность социаль-

но-экономического развития регионов является стимулом роста экономики. Однако необходимо определить, любой ли уровень дифференциации является стимулирующим фактором.

Основным методическим аппаратом исследования дифференциации выступают: методы типологии, дисперсионный и корреляционно-регрессионный анализ [2, 3, 11]. Так как дифференциация – это расслоение единиц наблюдения по уровню исследуемого признака, то типологизация позволяет выделить их отдельные группы, а дисперсионный анализ выявить между ними существенное различие.

Авторами была выполнена оценка уровня внутритерриториальной дифференциации муниципальных районов отдельных субъектов РФ на основе децильного коэффициента дифференциации по методологии, представленной в [3, 13] за 2013–2015 гг., на основе которой получено распределение субъектов РФ и проведена их типологизация.

На рис. 2 представлена матрица портфельного анализа субъектов РФ, построенная в координатах уровня внутритерриториальной дифференциации социально-экономического развития и темпа прироста среднедушевого ВРП [11, 12].

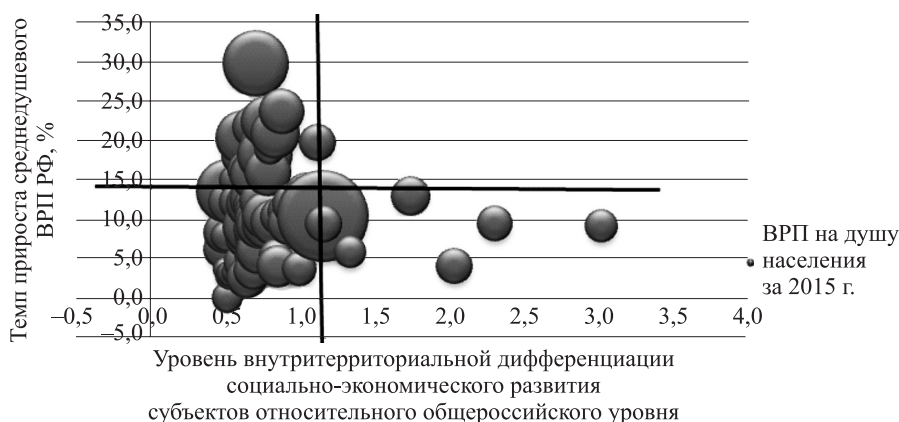

Рис. 2. Матрица субъектов РФ в координатах относительного уровня внутритерриториальной дифференциации и темпа роста экономики в 2015 г.

Критическими точками формирования типов субъектов РФ в матрице являются: по оси OX – 1,0 (если соотношение уровня внутритерриториальной дифференциации субъекта в 2015 г. равно уровню дифференциации в целом по РФ); по оси OY – 11,1 % (темп прироста среднедушевого ВРП в целом по РФ в 2015 г. по сравнению с 2014 г.).

Анализ матрицы свидетельствует о скоплении субъектов в группе с низким уровнем дифференциации и высоким темпом прироста ВРП.

Совместное использование методов типологии и корреляционно-регрессионного анализа дает возможность решить вопрос об оценке уровня дестимулирующей дифференциации социально-экономического развития (рис. 3).

С помощью регрессионного анализа оценена зависимость цепного темпа прироста среднедушевого ВРП в сопоставимых ценах (роста экономики) от уровня территориальной дифференциации (рис. 4).

Рис. 3. Кривая колеблемости роста экономики по субъектам Российской Федерации в 2015 г.

На уровне 11,1 % отмечен темп прироста ВРП в целом по России

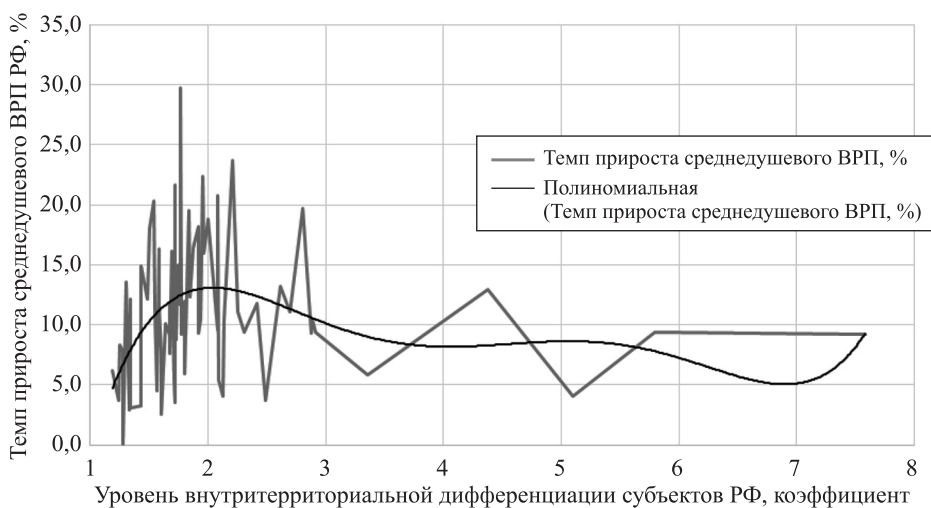

Рис. 4. Корреляция между темпом прироста среднедушевого ВРП и уровнем дифференциации в 2015 г.

Выбор теоретической модели зависимости на основе максимального коэффициента детерминации позволил выделить оптимальную модель полинома 5-й степени:

$$y = 0,902x^5 - 2,0375x^4 + 17,4820x^3 - 70,4920x^2 + 130,7600x - 76,6180, \\ R^2 = 0,1354,$$

где y – темп прироста среднедушевого ВРП субъекта РФ; x – уровень внутритерриториальной дифференциации социально-экономического развития субъекта РФ.

В соответствии с моделью максимальное значение y принимает при $x = 2,001$.

Таблица 2

Группировка субъектов Российской Федерации по уровню внутритерриториальной дифференциации муниципальных районов в 2015 г.

Уровень дифференциации социально-экономического развития	Кол-во	Субъекты РФ	Коэффициент корреляции
2,001 и ниже	53	Еврейская АО, Чеченская Республика, Краснодарский край, республики Дагестан, Северная Осетия – Алания, Саха (Якутия), Тыва, Новосибирская область, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская республики, Ставропольский край, Кемеровская, Ростовская области, Камчатский край, республики Адыгея, Башкортостан, Пензенская область, республики Калмыкия, Хакасия, Омская, Самарская области, Республика Коми, Белгородская область, Республика Алтай, Тульская область, Забайкальский край, Волгоградская, Челябинская области, Алтайский край, Республика Бурятия, Астраханская, Липецкая, Владимирская области, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Приморский край, Архангельская, Магаданская области, Республика Карелия, Ульяновская, Брянская, Оренбургская, Свердловская области, Пермский край, Амурская, Воронежская, Орловская области, Красноярский край, Иркутская область, Хабаровский край, Мурманская, Московская, Ивановская области	0,447
Выше 2,001	21	Томская, Ленинградская, Курганская, Калужская, Саратовская, Вологодская, Кировская, Нижегородская, Новгородская области, Республика Мордовия, Ярославская, Тамбовская области, Республика Марий Эл, Рязанская, Тюменская, Смоленская области, Чувашская Республика, Курская, Тверская, Костромская, Псковская области	–0,192

Таким образом, уровень дифференциации, равный 2,001, является границей (критической точкой) типологии субъектов РФ на две группы (табл. 2):

– субъекты, рост экономики которых стимулируется дифференциацией социально-экономического развития (коэффициент корреляции (r) равен 0,447);

– субъекты, высокий уровень дифференциации в которых дестимулирует экономический рост ($r = -0,192$).

Для каждой группы субъектов необходимо формировать свою стратегию дальнейшего развития.

Вывод. По результатам исследования подтверждается гипотеза о влиянии территориальной дифференциации социально-экономического развития субъектов РФ на прирост среднедушевого ВРП в регионе. При этом дифференциация с уровнем ниже 2,001 является стимулом, в остальных случаях выступает тормозом роста экономики России.

Литература

1. Баранов С.В., Скуфына Т.П. Сравнительная динамика экономического роста и межрегиональная дифференциации территории российского Севера // Вопросы статистики. 2015. № 11. С. 69–77.
2. Глинский В.В., Серга Л.К. К вопросу о перспективах развития малого предпринимательства в России // Сибирская финансовая школа. 2008. № 6 (71). С. 3–6.
3. Глинский В.В., Серга Л.К., Булкина А.М. Дифференциация муниципальных образований как фактор экономического развития // Вопросы статистики. 2016. № 8. С. 46–52.
4. Глуценко К.П. Об оценке межрегионального неравенства // Пространственная экономика. 2015. № 4. С. 39–58.
5. Зайцева Ю.С. Межрегиональная дифференциация в странах БРИК: возможности оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 5. С. 44–51.
6. Коломак Е.А. Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспекты // Пространственная экономика. 2010. № 1. С. 26–35.
7. Конопацкая Е.А. Дифференциация регионов Российской Федерации по уровню развития человеческого капитала // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2011. № 2. С. 178–184.
8. Лавровский Б.Л. Территориальная дифференциация и подходы к ее ослаблению в Российской Федерации // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2003. № 4 (Т. 7). С. 524–537.
9. Морошкина М.В. Межрегиональная дифференциация субъектов Российской Федерации // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 45. С. 20–26.
10. Погодина Е.А., Катаев Е.Н. Оценка уровня и глубины дифференциации экономического и социального развития регионов Приволжского федерального округа // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 21. С. 30–37.
11. Серга Л.К., Никуфорова М.И., Румынская Е.С., Хван М.С. Прикладное использование методов портфельного анализа // Вестник НГУЭУ. 2012. № 3. С. 146–158.
12. Серга Л.К. О подходах к решению задачи идентификации нечетких совокупностей // Вестник НГУЭУ. 2013. № 3. С. 83–91.
13. Glinskiy V., Serga L., Novikov A., Litvintseva G., Bulkina A. Investigation of Correlation between the Regions Sustainability and Territorial Differentiation // Procedia Manufacturing. 2017. № 8. P. 323–329.

Bibliography

1. Baranov S.V., Skuf'ina T.P. Sravnitel'naja dinamika jekonomicheskogo rosta i mezhregional'naja differenciacii territorii rossijskogo Severa // Voprosy statistiki. 2015. № 11. P. 69–77.
2. Glinskij V.V., Serga L.K. K voprosu o perspektivah razvitija malogo predprinimatel'stva v Rossii // Sibirskaja finansovaja shkola. 2008. № 6 (71). P. 3–6.
3. Glinskij V.V., Serga L.K., Bulkina A.M. Differenciacija municipal'nyh obrazovanij kak faktor jekonomicheskogo razvitija territorij // Voprosy statistiki. 2016. № 8. P. 46–52.
4. Glushhenko K.P. Ob ocenke mezhregional'nogo neravenstva // Prostranstvennaja jekonomika. 2015. № 4. P. 39–58.
5. Zajceva Ju.S. Mezhregional'naja differenciacija v stranah BRIK: vozmozhnosti ocenki // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 2010. № 5. P. 44–51.
6. Kolomak E.A. Mezhregional'noe neravenstvo v Rossii: jekonomicheskij i social'nyj aspekty // Prostranstvennaja ekomomika. 2010. № 1. P. 26–35.
7. Konopackaja E.A. Differenciacija regionov Rossijskoj Federacii po urovnju razvitija chelovecheskogo kapitala // Jekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO. 2011. № 2. P. 178–184.

8. *Lavrovskij B.L.* Territorial'naja differenciacija i podhody k ee oslableniju v Rossijskoj Federacii // *Jekonomicheskij zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki*. 2003. № 4 (T. 7). P. 524–537.
9. *Moroshkina M.V.* Mezhtseional'naja differenciacija sub#ektov Rossijskoj Federacii // *Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika*. 2014. № 45. P. 20–26.
10. *Pogodina E.A., Kataev E.N.* Ocenka urovnja i glubiny differenciacii jekonomicheskogo i social'nogo razvitija regionov Privolzhskogo federal'nogo okruga // *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 2014. № 21. P. 30–37.
11. *Serga L.K., Nikiforova M.I., Rumynskaja E.S., Hvan M.S.* Prikladnoe ispol'zovanie metodov portfel'nogo analiza // *Vestnik NGUJeU*. 2012. № 3. P. 146–158.
12. *Serga L.K.* O podhodah k resheniju zadachi identifikacii nechetkih sovokupnostej // *Vestnik NGUJeU*. 2013. № 3. P. 83–91.
13. *Glinskiy V., Serga L., Novikov A., Litvintseva G., Bulkina A.* Investigation of Correlation between the Regions Sustainability and Territorial Differentiation // *Procedia Manufacturing*. 2017. № 8. P. 323–329.

УДК 311

СХЕМА АНАЛИЗА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА

Авров А.П.

Казахский экономический университет им. Т. Рыскулова,

E-mail: andreyavrov@mail.ru

Храмцова Т.Г., Ярославцева Л.П.

Новосибирский государственный университет

экономики и управления «НИНХ»

E-mail: tanyhram@mail.ru, l.p.yaroslavceva@edu.nsuem.ru

В статье предлагается методика оценки эффективности использования трудового потенциала населения Казахстана в современных условиях и на перспективу, порядок расчета показателей нетто и брутто средней продолжительности экономически активной жизни, схема расчета снижения потерь в связи со снижением смертности.

Ключевые слова: эффективность использования трудового потенциала, коэффициенты нетто и брутто средней продолжительности экономически активной жизни, расчеты на перспективу.

THE SCHEME OF THE ANALYSIS OF UTILIZATION EFFICIENCY OF PERFORMANCE POTENTIAL OF THE POPULATION OF KAZAKHSTAN

Avrov A.P.

Ryskulov Kazakh Economic University, Kazakhstan

E-mail: andreyavrov@mail.ru

Khramtsova T.G., Yaroslavtseva L.P.

Novosibirsk State University of Economics and Management

E-mail: tanyhram@mail.ru, l.p.yaroslavceva@edu.nsuem.ru

The article offers the methods of current and long-term estimation of utilization efficiency of performance potential the population of Kazakhstan, the procedure for calculation of net and gross indicators of average duration of economically active life, the scheme of calculation of loss enhancement owing to reduction of mortality.

Keywords: utilization efficiency of performance potential, net and gross indicators of average duration of economically active life, long-term calculations.

Эффективность использования трудового потенциала предлагается оценивать в виде разности между произведенным продуктом за весь период экономически активной жизни занятых работников и величиной, характеризующей объем потребления в течение всей жизни.

В отчетном периоде расчеты проводятся по следующей схеме:

Эффект₁ = w₁ ∑₁₄⁷⁴_n a_{x1 n} L_x - u₁ d₁ ∑₀^ω_n L_x, (1)

где w₁ – годовая выработка ВВП в расчете на одного среднегодового занятого, ВВП₁/T_{зан1}; _na_x – доля экономически активного населения в общей численности населения в возрастной группе от x до x + n лет; u₁ – годовой размер ВВП в расчете на среднегодовую численность населения, ВВП/T_{нас.1}; d₁ – доля конечного индивидуального потребления в отчетном периоде; _nL_{x1} – число живущих в возрасте от x до x + n лет, стационарное население, берется из таблиц дожития; ω – предельный возраст дожития.

Величина ∑₁₄⁷⁴_n a_{x1 n} l_x характеризует общее количество отработанных человеколет (экономически активных) за все время жизни, когда все количество родившихся берется за сто тысяч. Разделив эту величину на число доживающих до соответствующего возраста по таблицам дожития l_x, получим коэффициент нетто средней продолжительности экономически активной жизни населения. Нетто-продолжительность экономически активной жизни отражает возможную продолжительность трудовой деятельности при условии, что лица из условного поколения проявят ту же трудовую активность и будут подвержены такой же смертности, которая наблюдалась при проведении исследования. Порядок расчета таких показателей приводится в табл. 1.

Умножив величину нетто-продолжительности экономически активной жизни на среднегодовую выработку, получаем общий объем произведенного продукта за все время жизни данного условного поколения.

Второе слагаемое u₁ d₁ ∑₀^ω_n l_x отражает общий объем потребления этого условного поколения за всю жизнь, она зависит от производства ВВП в

Таблица 1

Исчисление средней нетто-продолжительности экономически активной жизни населения Казахстана за 2014 г.

Возрастные группы	Удельный вес экономически активного населения (_n a _x)	Число доживающих чел. (l _x)	Стационарное население, число живущих чел. (_n L _x)	Стационарное экономически активное население (_n a _{x-n} L _x)	Число прожитых экономически активных человеко-лет (Ta _x)	Средняя нетто-продолжительность экономически активной жизни лет (ta _x)
1	2	3	4	5 = 4 · 2	6	7 = 6/3
0–14	0,0	100000	1480484	0	3518010	35,18
15–19	0,115	98435	491433	56616	3518010	35,74
20–29	0,825	98101	975464	804825	3461394	35,28
30–39	0,979	96824	955628	935850	2656569	27,44
40–49	0,951	93995	918070	872876	1720719	18,31
50–54	0,862	89220	437372	376841	847843	9,50
55–59	0,661	85462	414618	274067	471002	5,51
60–74	0,195	80125	1010063	196935	196935	2,46

Примечание. Рассчитана по данным [3, 4].

расчете на душу населения и от той части, которая идет на индивидуальное потребление. Значение u одинаковое для всех возрастных групп (взрослые занятые и не имеющие занятий, дети, пенсионеры), так как расчеты проводятся по отношению ко всей численности живущих, то можно использовать среднее значение. Разница между двумя этими слагаемыми отражает эффект за все время жизни стационарного населения.

Интервал с 14 до 74 включительно берется, потому что с 14 лет встречаются случаи участия в трудовой деятельности, а после 74 они практически отсутствуют [1].

Из общего числа прожитых человеколет стационарного населения в 2014 г. 7162000, 1480484 или 20,7 % приходилось на младшую возрастную группу 0–14 лет, среди которых нет занятых; 5202648 (72,6 %) возраст 15–74, которая состоит из занятых и незанятых соответственно 67,6 и 32,4 %. На группу 75+, среди которых нет занятых, приходится 6,7 %.

Различия в нетто-продолжительности экономически активной жизни между мужчинами и женщинами связаны с различиями в уровне занятости и смертности. Более низкая смертность у женщин приводит к увеличению ее, а более низкая занятость к уменьшению. Взаимодействие между этими причинами приводит к следующим соотношениям значений этих показателей (табл. 2).

Таблица 2

Динамика средней нетто-продолжительности предстоящей экономически активной жизни мужчин и женщин в Казахстане

Возраст, лет	Мужчины			Женщины		
	1979 г.	1998 г.	2014 г.	1979 г.	1998 г.	2014 г.
1	2	3	4	5	6	7
0–14	33,41	33,33	36,35	30,33	30,72	34,04
15–19	33,47	34,71	36,99	31,87	33,65	34,70
20–29	33,04	32,06	36,53	30,42	30,16	34,07
30–39	25,66	24,62	28,38	22,34	22,14	26,54
40–49	17,18	16,41	19,44	13,67	13,58	17,30
50–54	8,91	8,41	10,85	5,13	9,52	8,35
55–59	5,07	4,80	6,87	1,73	1,66	4,41
60–74	1,62	1,46	3,68	0,62	0,57	1,52

Примечание. Рассчитано по данным [3, 4].

В 1979 г. в большинстве возрастных интервалов у мужчин активная деятельность была выше, чем в 1999 г., у женщин в 1979 г. превышения встречаются тоже. В 2014 г. превышение у мужчин и женщин наблюдается во всех возрастах.

Среднюю нетто-продолжительность экономически неактивной жизни можно рассчитать двумя способами: используя доли экономически неактивного населения в разрезе отдельных возрастных групп ($1 - {}_n a_x$), число доживающих до определенного возраста ${}_n l_x$ и число живущих в этом возрасте ${}_n L_x$ или в виде разности между средней продолжительностью всей и средней продолжительностью предстоящей экономически активной жизнью.

При расчете коэффициента брутто-средней продолжительности экономической активной жизни смертность не учитывается.

$$Ba.x = \sum_0^{\omega} {}_n a_x \cdot n,$$

(2)

где ${}_n a_x$ – удельный вес экономически активного населения в возрастной группе от x до $x + n$; n – ширина возрастного интервала.

Прирост эффективности использования трудового потенциала за счет изменения уровня смертности рассчитывается в виде разности. В первой – берутся все составляющие за отчетный период, а во второй то же, кроме значений ${}_n L_{x0}$.

Прирост эффекта за счет изменения средней продолжительности жизни для всего населения от 66,5 до 72,5 лет, а для мужчин и женщин соответственно от 60,4 до 66,9 и от 70,9 до 76,6 производился в следующем порядке.

Используя данные в разрезе мужчин и женщин о числе занятых и зарплате, проводилось условное распределение ВВП на произведенное мужчинами и женщинами. Предполагается, что пропорционально этим величинам распределяется ВВП, занятые (объем участия), а зарплата пропорционально выработке (табл. 3).

Таблица 3

Произведенный ВВП за счет участия мужчин и женщин

	Занятые, тыс. чел.	Зарплата, тенге	Произведение, тыс.	Расчетные значения ВВП, млрд тенге
А	1	2	3 = 1 · 2	4
Мужчины	4440	169352	751922,9	28726,6
Женщины	4113	116108	477552,2	18244,5
Итого	8553	xxxxxxxxxx	1229475,1	46971,1

Примечание. Рассчитано по данным [4].

Соответственно годовая расчетная выработка для мужчин и женщин составит 6,47 и 4,44, при среднегодовой выработке за 2016 г. 5,49 млн тенге. Среднее душевое потребления, объем ВВП, умноженный на коэффициент доли индивидуального конечного потребления и деленный на численность населения, 2,6 млн тенге.

Таблица 4

Расчетные значения производства и потребления стационарным населением
Казахстана (100000)

	Произведено, млрд тенге			Потреблено, млрд тенге			Разность (–), производство – потребление		
	1998 г.	2014 г.	Прирост	1998 г.	2014 г.	Прирост	1998 г.	2014 г.	Разности (–), между разностями
Мужчины	215,5	235,5	20,0	123,0	135,7	12,7	92,5	99,8	7,3
Женщины	148,5	153,2	4,7	143,9	155,4	11,5	4,6	1,2	–3,4
Итого	364,0	388,7	24,5	266,9	291,1	24,2	97,1	101,0	3,9

В табл. 4 приводятся расчетные данные, по отношению к стационарному населению, объема производства и потребления при разных значениях средней экономически активной жизни населения, продолжительности жизни, но одинаковой выработки. Объем производства подсчитывался путем перемножения годовой выработки на общее количество экономически активных лет жизни населения (подсчитывалась средняя ее продолжительность соответственно для мужчин и женщин *100000). Среднедушевое потребление бралось одинаковым для мужчин и женщин.

Разность между производством и потреблением у женщин значительно меньше, что связано с особенностями современной методики расчета ВВП (не учитывается деятельность, присущая больше женщинам, связанная с ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей и т.п.). Недоучет возможно связан с недостатками в учете деятельности самозанятого населения. Меньшая разность должна быть по определению, особенно это будет справедливым для женщин Казахстана, у которых суммарный коэффициент рождаемости достигает 2,5.

Возможен расчет изменения эффективности использования потенциала за счет изменения уровня занятости при одинаковой смертности. В этом случае использовались бы разные значения ${}_n a_{x1}$ и ${}_n a_{x0}$, и одинаковые ${}_n L_x$. Подобные расчеты возможны и по отношению к реальному населению (табл. 5).

Таблица 5

Число умерших экономически активного мужского населения Казахстана

Возраст	Среднегодовая численность мужчин Казахстана за 2014 г., $T_{\text{воз}}$	Удельный вес экономически активного мужского населения, ${}_n a_x$	Коэффициенты смертности, в 0/00, $K_{\text{смерт}}$		Количество умерших экономически активных мужчин Казахстана, чел.	
			60,6	66,9	60,6	66,9
1	2	3	4	5	$6 = 2 \cdot 3 \cdot 4$	$7 = 2 \cdot 3 \cdot 5$
0–14	2551421	0,0	2,56	1,06	0	0
15–19	690952	0,551	1,83	0,82	696,7	312,2
20–29	1258229	0,885	4,3	1,63	4788,1	1812,7
30–39	1494744	0,967	7,24	3,78	10464,5	5460,5
40–49	1334655	0,962	13,35	7,07	17141,2	9072,8
50–54	482777	0,881	24,75	17,72	10527,3	7537,1
55–59	431261	0,770	32,58	27,58	10819,9	9159,3
60–74	586875	0,143	61,29	54,71	5153,9	4591,1
Итого	8830914				59591,6	37945,7

Потери, связанные со смертностью экономически активного населения, подсчитываются: численность населения в соответствующей возрастной группе умножается на долю экономически активного населения и на коэффициент смертности. При изучении влияния смертности меняются значения коэффициентов смертности, а остальные параметры берутся одина-

ковыми. Коэффициенты смертности можно рассчитать с использованием данных таблиц дожития по формуле

$$K_{\text{смерт}} = \frac{{}_x d_{x+n}}{{}_x L_{x+n}} 1000,$$

где ${}_n d_x$ – количество умерших в возрастном интервале от возраста x до $x + n$; ${}_n L_x$ – число живущих в возрасте от x до $x + n$ лет стационарного населения или непосредственно.

Численность умерших имеющих занятия мужчин сократилась на 21,6 тыс. При условии, что выработка за год составляет 6,47 млн тенге и при предположении, что умерший работал не менее полгода, потери сократились примерно на 70 млрд тенге.

У женщин сокращение численности умерших значительно меньше, только на 2,3 тыс. человек, потери сократились только до 5,1 млрд тенге.

Эффект, связанный с ростом средней продолжительности экономически активной жизни, с ростом отработанных человеколет по отношению к реальному населению Казахстана, за весь период предстоящей его жизни подсчитывался по формуле

$$\Xi = \sum_{14}^{74} {}_n H_{x1} T_1 - \sum_{14}^{74} {}_n H_{x0} T_1,$$

где H_{nx1} и H_{nx0} – нетто-продолжительность экономически активной жизни населения, соответственно в отчетном и базисном периоде; $T_{\text{воз}}$ – среднегодовая численность мужчин в отдельных возрастных группах.

Для мужского населения Казахстана при росте средней продолжительности с 60,6 до 66,9 лет он составит:

$$\begin{aligned} \Xi &= 36,35 \cdot 2551421 + 36,99 \cdot 690952 + 36,53 \cdot 1258229 + 28,38 \cdot 1494744 + \\ &+ 19,44 \cdot 1334655 + 10,85 \cdot 482777 + 6,87 \cdot 431361 + 3,68 \cdot 586875 - \\ &- 33,3 \cdot 2551421 - 30,1 \cdot 690952 - 32,06 \cdot 1258229 - 24,69 \cdot 1494744 - \\ &- 17,18 \cdot 1334655 - 8,01 \cdot 482777 - 5,07 \cdot 431261 - 1,46 \cdot 586875 = \\ &= 39588954,2 \text{ человеколет.} \end{aligned}$$

При условии, что годовая выработка у мужчин равна 6,47 млн тенге, то дополнительный объем выпуска ВВП за время жизни данного поколения мужского населения Казахстана составит порядка 256320 млрд тенге.

По отношению к реальному женскому населению эффект, связанный с ростом продолжительности экономически активной жизни, равен 26802457,3 человеколет, а в пересчете на дополнительный объем ВВП (годовая выработка 4,44 млн тенге) 119003 млрд тенге.

В целом для всего населения за время его жизни – 375526 млрд тенге или порядка 8,0 годовых объемов выпуска.

С ростом продолжительности жизни происходит и прирост общего количества прожитых человеколет, оно подсчитывается как произведение разности средней продолжительности предстоящей жизни при рождении на среднегодовую численность населения.

Общий прирост потребления за все время предстоящей жизни реального населения Казахстана за счет роста продолжительности равен 106741 млрд тенге или порядка 3,0 годовых объемов потребления.

Надо иметь в виду, что фактическая численность и состав реального населения во время его предстоящей жизни меняется за счет смертности, рождаемости и миграции.

При сохранении нынешнего уровня смертности и нулевой миграции, а также занятости, выработки и уровня потребления можно рассчитать возможные значения характеристик через определенный промежуток лет нынешней когорты населения страны в отношении предстоящего произведенного ВВП и объема потребления.

Расчет, например, на предстоящий 15-летний период проводится по следующей схеме:

– используя коэффициенты дожития (соотношение числа живущих L_x в более старших возрастах по отношению к более младшим) соответственно 15-19/0-4, 20-24/5-9, 25-29/10-14 ----- 54-59/70-74, ----- 80-84/95-100, путем перемножения значений L_x на соответствующий коэффициент рассчитывается предполагаемая численность живущих L_{x+n} ;

– умножая полученные численности на нетто-коэффициенты продолжительности предстоящей экономически активной жизни, получается общая величина отработанных человеколет, а затем через выработку и возможный объем ВВП.

Для расчета численности новых членов когорты в возрастной группе 0–14 используются данные о числе родившихся и таблиц дожития. Расчеты показывают, при сохранении основных параметров рождаемости, смертности и уровня занятости возрастная структура в отношении эффективности значительно не изменится.

Литература

1. Авров А.П., Мананов Б.Б. Динамика средней активной жизни человеческого потенциала // Могущество Сибири будет прирастать: сб. докладов междунар. науч. форума «Образование и предпринимательство в Сибири: направления взаимодействия и развитие регионов» (Новосибирск, 12–13 сентября 2017 года). Т. 4. Новосибирск, 2018. С. 353–357.
2. Глинский В.В., Серга Л.К., Хван М.С., Филатов С.А. Разработка методики статистической оценки уровня устойчивого развития социально-экономических систем // Идеи и идеалы. 2013. Т. 1. № 3. С. 48–56.
3. Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2016.
4. Казахстан в 2016 году. Астана, 2016.
5. Glinskiy V., Serga L., Khvan M. Environmental Safety of the Region: New Approach to Assessment // Procedia CIRP, 26 (2015), 30–34.
6. Glinskiy V., Serga L., Khvan M., Zaykov K. Fuzzy Neural Networks in the Assessment of Environmental Safety // Procedia CIRP, 40 (2016), 615–619.
7. Glinskiy V., Serga L., Khvan M. Assessment of Environmental Parameters Impact on the Level of Sustainable Development of Territories // Procedia CIRP, 40 (2016), 626–631.

Bibliography

1. Avrov A.P., Mananov B.B. Dinamika srednej aktivnoj zhizni chelovecheskogo potenciala // Mogushhestvo Sibiri budet prirastat': sb. dokladov mezhdunar. nauch. foruma «Obrazovanie i predprinimatel'stvo v Sibiri: napravleniya vzaimodejstviya i razvitie regionov» (Novosibirsk, 12–13 sentjabrja 2017 goda). Vol. 4. Novosibirsk, 2018. P. 353–357.

2. *Glinskij V.V., Serga L.K., Hvan M.S., Filatov S.A.* Razrabotka metodiki statisticheskoy ocenki urovnja ustojchivogo razvitija social'no-jekonomicheskikh sistem // *Idei i idealy*. 2013. Vol. 1. № 3. P. 48–56.
3. *Demograficheskij ezhegodnik Kazahstana*. Astana, 2016.
4. *Kazahstan v 2016 godu*. Astana, 2016.
5. *Glinskiy V., Serga L., Khvan M.* Environmental Safety of the Region: New Approach to Assessment // *Procedia CIRP*, 26 (2015), 30–34.
6. *Glinskiy V., Serga L., Khvan M., Zaykov K.* Fuzzy Neural Networks in the Assessment of Environmental Safety // *Procedia CIRP*, 40 (2016), 615–619.
7. *Glinskiy V., Serga L., Khvan M.* Assessment of Environmental Parameters Impact on the Level of Sustainable Development of Territories // *Procedia CIRP*, 40 (2016), 626–631.

ФИНАНСЫ, БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ И АНАЛИЗ

УДК 338.001.36

СПОСОБЫ УЛУЧШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВЫХ МЕР СТИМУЛИРОВАНИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ¹

Туманянц К.А.

Волгоградский государственный университет
E-mail: tka210@gmail.com

Фишер О.В.

Контрольно-счетная палата Волгограда
E-mail: olgafisher@yandex.ru

На основе эконометрического моделирования сделан вывод о низкой эффективности государственной политики содействия малому бизнесу в России. Эластичность уровня предпринимательской активности по величине государственной поддержки не превышает 0,3. К способам улучшения эффективности отнесено замещение бюджетного субсидирования расширением налогового льготирования и объемов государственных закупок у малого бизнеса. Совместное влияние указанных мер охватывает различные аспекты предпринимательской деятельности, что позволит увеличить отдачу от бюджетно-налоговых мер поддержки малого бизнеса.

Ключевые слова: малое предприятие, ставка налога, субсидия, госзакупки, занятость, государственная поддержка малого бизнеса.

WAYS OF IMPROVING THE PERFORMANCE OF BUDGET-TAX MEASURES TO STIMULATE SMALL ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA

Tumanyants K.A.

Volgograd State University
E-mail: tka210@gmail.com

Fisher O.V.

Control and Accounts Chamber of Volgograd
E-mail: olgafisher@yandex.ru

On the basis of econometric modeling a conclusion about low efficiency of state policy to promote small business in Russia has been made. The elasticity of the level of entrepreneurial activity in terms of state support does not exceed 0.3. The ways to improve ef-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-02-00153-ОГН «Фискальные инструменты поддержки малого предпринимательства в России: оценка, способы и условия повышения эффективности».

efficiency include the replacement of budget subsidies by the expansion of tax benefits and the volume of government purchases from small businesses. The combined effect of these measures covers various aspects of business activities, which will increase the return on fiscal measures to support small businesses.

Keywords: small enterprise, tax rate, subsidy, public procurement, employment, state support of small business.

Деятельность субъектов малого предпринимательства (СМП), с одной стороны, обеспечивает гибкость и конкурентоспособность экономике, благоприятно влияет на занятость населения, а с другой – имеет повышенный уровень риска и более высокие удельные издержки по сравнению со средними и крупными компаниями из-за положительного эффекта масштаба в ряде секторов экономики. В этой связи государство стремится поддерживать развитие СМП в большинстве стран мира. Однако результативность такой поддержки не всегда очевидна [21]. Кроме того, применяемые государством инструменты могут иметь различную силу воздействия на разные аспекты функционирования СМП. Например, упрощение процедуры государственной регистрации новых компаний и предпринимателей при жестких критериях отнесения к малому предпринимательству стимулирует дробление бизнеса, что приведет к росту количества СМП, но слабо отразится на объеме реализованной продукции или численности занятых в секторе малого бизнеса. Снижение налоговой нагрузки на фонд оплаты труда у СМП может спровоцировать процесс замещения капитала трудом, проявившись в сокращении инвестиционной активности и увеличении занятости.

В данной работе поставлена цель – сформулировать способы повышения результативности государственной политики содействия СМП в России на основе оценки воздействия фискальных инструментов поддержки на отдельные аспекты деятельности СМП. Для достижения поставленной цели авторами проведена количественная оценка влияния налоговых преференций, бюджетных субсидий и государственных закупок на количество, численность занятых, обороты, величину налоговой базы и размер инвестиций СМП. Широкий круг индикаторов развития СМП, включенных в анализ, позволяет измерить воздействие мер государственной поддержки на все основные параметры состояния бизнеса и таким образом получить наиболее точное и комплексное представление о результативности политики государства в отношении СМП.

Несмотря на обширный международный опыт и большое количество исследований, оптимальные формы и методы государственной поддержки СМП по-прежнему являются объектом научных дискуссий. Основываясь на анализе 60 научных публикаций, M. Grimm, A.L. Paffhausen [14] полагают, что меры государственного стимулирования СМП оказывают скорее негативное влияние на занятость в микро-, малых и средних предприятиях. Обобщив выводы 16 научных работ, опубликованных с 2006 по 2014 г., R. Kersten и др. [16], напротив, пришли к заключению о наличии позитивного эффекта для динамики рабочих мест на предприятиях-участниках государственных программ содействия развитию СМП. Рассмотренные ими исследования охватывали 12 стран, имеющих доходы ниже среднего (в том числе

Россию). Кроме того, было отмечено, что компании, получившие поддержку государства, демонстрируют повышенную инвестиционную активность и доходность [16]. В то же время в целом для сегмента МП статистически значимую связь уровня заработных плат, занятости и рентабельности с размером финансовой поддержки государства обнаружить не удалось [16].

На примере 11 стран членов ОЭСР Seo Ji-Yong [20] продемонстрировал значительную роль бюджетно-налоговых мер стимулирования малого и среднего бизнеса в обеспечении экономического роста. По его мнению, данный факт объясняется способностью государства сгладить проциклический характер кредитования этой категории заемщиков банковским сектором. Однако в работах A.J. Evans [12] и A. Freeman [13] убедительно показана потенциальная опасность увеличения масштабов финансирования СМП. Поддержка СМП часто не приводит к росту данного сектора, в связи с отсутствием планов расширения бизнеса у предпринимателей [13], но повышает благосостояние собственников субсидируемых компаний [21]. А анализ деятельности 38 000 молодых малых и средних фирм во Франции выявил чрезвычайно низкую отдачу от применяемых государством мероприятий по стимулированию СМП [8]. В работе J. Curran [9] также высказываются обоснованные сомнения в том, что динамичное развитие СМП в Великобритании с 1980 по 2000 г. связано с правительственными программами по поддержке СМП.

В этих условиях ученые предпринимают попытки выбора наиболее эффективных инструментов реализации государственной политики в отношении СМП. В частности, в ряде работ показаны преимущества расширения доступа СМП к закупкам товаров и услуг для государственных (муниципальных) нужд по сравнению с предоставлением налоговых льгот или бюджетных грантов и субсидий [22]. Данные преимущества, по мнению исследователей, обусловлены необходимостью воздействия на развитие сектора МП опосредовано, через расширение спроса, а не напрямую, путем расширения предложения. Приобретение благ для государства как мера по развитию предпринимательства особенно важное значение имеет на уровне регионов и муниципалитетов [19]. Тем не менее в работах, посвященных мониторингу и оценке практики различных стран по использованию государственных закупок для поддержки СМП, преимущественно акцентируется внимание на доступности данного инструмента для малого бизнеса, тогда как анализ отдачи от его применения не проводится [17, 26].

Следует отметить чувствительность выводов ученых к используемой ими методологии исследования. Например, в работах, применяющих качественные методы, абсолютное большинство авторов фиксируют благоприятное воздействие государственных закупок на деятельность малого бизнеса. Результаты количественных исследований носят не столь однозначный характер [5, 7]. В частности, используя логарифмически-линейное моделирование данных по американскому штату Нью-Джерси за 2003–2004 гг., R.L. Davila et al. [10] не обнаружили позитивного влияния участия в двух специальных программах облегчения доступа к государственным тендерам на развитие компаний.

Предполагается, что СМП более чувствительны к уровню налоговой нагрузки, нежели крупный бизнес [18]. Это обуславливается двумя специ-

фическими чертами МП: более высокой долей налогов в структуре издержки и ограниченными возможностями выхода на финансовые рынки [18]. В этой связи правомерно ожидать высокой эластичности количества малых предприятий и предпринимателей, объемов реализации и инвестиций, численности занятых на МП к изменению налогового бремени. Эмпирическое подтверждение данной гипотезы содержится, например, в работе [11]. Но в некоторых исследованиях ее проверка не дала положительного результата [6, 15].

Объемы государственной поддержки СМП имеют существенную региональную дифференциацию в России. Так, количество государственных и муниципальных контрактов на приобретение товаров или услуг у субъектов МП относительно количества СМП в регионе в 2014 г. различалось в 12,5 раз от 0,75 в Ямало-Ненецком автономном округе до 0,06 в г. Москва. Еще больший диапазон значений характерен для стоимости государственных (муниципальных) закупок в расчете на одно малое предприятие в регионе (от 0,89 млн руб. в Республике Ингушетия до 0,05 млн руб. в Республике Калмыкия).

Если в Республике Адыгея объем субсидий на поддержку СМП в 2014 г. составил 52,3 тыс. руб. на одно малое предприятие, зарегистрированное в регионе, то в Брянской области и Еврейской автономной области на эти цели в указанном году бюджетные средства вообще не выделялись. С 2009 г. в Липецкой, Смоленской областях и некоторых других регионах ставка налога на объект «доходы минус расходы» для налогоплательщиков, работающих по упрощенной системе налогообложения (УСН), была снижена до 5 % (минимальное значение, установленное Налоговым кодексом). При этом максимальный уровень ставки данного налога (15 %) все это время действовал в Краснодарском крае, Курской области и некоторых других субъектах РФ.

В этих условиях эффективность соответствующих бюджетно-налоговых мер может быть оценена путем соотнесения масштабов государственной поддержки СМП и уровня их развития в регионе [1, 2, 4]. Таким образом, налоговая ставка (переменная «НалСт»), объем предоставленных субсидий («Суб») и величина государственных закупок у СМП («ГосЗак») в регионе могут быть использованы в качестве регрессоров в уравнениях, где зависимыми переменными будут показатели уровня развития СМП в данном субъекте Федерации. Многообразие проявлений уровня деловой активности потребовало применения индикаторов численности, занятости, объема выпуска и доходов, а также интенсивности инвестирования. С целью нивелирования существенных региональных различий в России указанные индикаторы использовались не только в абсолютном, но и относительном выражении. Таким образом, в состав зависимых переменных были включены:

- количество малых предприятий (КолМП), количество малых предприятий на душу населения (УдКолМП),
- количество индивидуальных предпринимателей (КолиП), количество индивидуальных предпринимателей на душу населения (УдКолиП),
- количество занятых в СМП (Зан), доля занятых в СМП в общей численности населения региона (ДолЗан),
- оборот малых предприятий (ОбМП), оборот малых предприятий в процентах к валовому региональному продукту (ОбМП/ВРП),

– оборот индивидуальных предпринимателей (ОБИП), оборот индивидуальных предпринимателей в процентах к валовому региональному продукту (ОБИП/ВРП),

– величина налоговой базы для объектов «доходы» (НалБазДох) и «доходы минус расходы» (НалБазНеттоДох), указанные величины относительно валового регионального продукта (НалБазДох/ВРП) и (НалБазНеттоДох/ВРП) соответственно,

– величина инвестиций СМП (Инв), инвестиции СМП в процентах к валовому региональному продукту (Инв/ВРП) и к общему объему инвестиций в регионе (ДолИнв).

Информационной базой исследования выступили данные Росстата [23] и Федеральной налоговой службы [24, 25] за период с 2008 по 2014 г., описательная статистика переменных приведена в табл. 1. Выбор временного горизонта исследования обусловлен резкой активизацией с 2009 г. государственной политики поддержки СМП в рамках мероприятий по преодолению экономического кризиса 2008–2009 гг. Если в 2008 г. объем прямых расходов консолидированного бюджета РФ на программы стимулирования СМП составлял около 5,0 млрд руб., то начиная с 2009 г. он не опускался ниже 22 млрд руб. [3]. Именно с 2009 г. субъектам РФ было предоставлено право самостоятельно устанавливать ставку налога на объект «доходы минус расходы» в рамках УСН. В 2005 г. вступил в силу Федеральный закон № 94-ФЗ от 21.07.05 «О размещении заказов на поставки товаров, выпол-

Таблица 1

Описательная статистика

Показатель	Среднее	Медиана	Минимум	Максимум	Стандартное отклонение
НалСт	13,1	14,5039	5,00	15,00	2,9
Суб	200598,0	150487,0	0,0	1936330,0	212093,0
ГосЗак	1847,5	953,6	0,0	35908,0	3500,5
КолМП	21656,7	12556,0	206,0	245471,0	32980,1
УдКолМП	11,0	10,3	1,2	42,0	5,2
КолИП	72,9	54,6	0,1	496,5	63,6
УдКолИП	46,0	44,0	2,0	124,7	16,1
Зан	138225,0	89000,0	1068,0	2035600,0	203220,0
ДолЗан	13,5	13,9	1,4	24,9	4,3
ОбМП	261,2	126,2	1,6	5930,1	568,1
ОбМП/ВРП	48,4	47,4	2,1	162,5	22,4
ОБИП	58,7	40,9	0,6	449,5	59,9
ОБИП/ВРП	16,4	14,8	1,1	128,6	11,4
НалБазДох	33,5	18,3	0,4	805,5	69,5
НалБазНеттоДох	3,8	2,3	0,1	57,4	5,7
НалБазДох/ВРП	7,4	6,8	0,3	45,8	5,6
НалБазНеттоДох/ВРП	1,0	0,9	0,1	4,1	0,6
Инв	5873,8	2829,8	0,1	64107,6	7768,8
Инв/ВРП	1,7	1,1	0,1	13,9	1,8
ДолИнв	6,0	3,9	0,1	34,3	5,9

Таблица 2

Значения парной корреляции регрессоров

Показатель	НалСт	Суб	ГосЗак	ВРП	ВРПдуш	Риск
НалСт	1,0	–0,11	–0,00	0,01	–0,08	0,03
Суб		1,0	0,47	0,51	–0,04	–0,34
ГосЗак			1,0	0,92	0,16	–0,34
ВРП				1,0	0,22	–0,30
ВРПдуш					1,0	–0,03
Риск						1,0

нение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», впервые законодательно установивший минимальную долю годового объема закупок, размещаемых у СМП, на уровне 10 %. Однако закон включал в себя несколько переходных положений, требовал принятия некоторых подзаконных нормативных актов и фактически начал исполняться в полной мере лишь к 2008–2009 гг.

С другой стороны, данные о состоянии малого предпринимательства по субъектам РФ за 2015 г. получены Росстатом на основании сплошного наблюдения, что делает их несопоставимыми со значениями аналогичных показателей за предыдущие годы. Поскольку по некоторым из используемых показателей отсутствуют данные за весь период исследования, спецификации регрессий строились по каждому из доступных временных рядов значений. В качестве контрольных переменных в уравнениях использовались значения показателей валовый региональный продукт (ВРП), размер ВРП на душу населения и значение инвестиционного риска региона, присвоенное рейтинговым агентством РА «Эксперт» в рамках ежегодной оценки инвестиционной привлекательности российских регионов.

Значения парной корреляции объясняющих переменных (табл. 2) в целом находятся на низком уровне, что позволяет ожидать высокую точность оценивания коэффициентов регрессий. Высокая теснота связи выявлена только между переменными объем государственных (муниципальных) закупок у СМП и валовый региональный продукт. Потенциально корреляция в уравнениях с участием обеих переменных может привести к возникновению частичной мультиколлинеарности. При частичной мультиколлинеарности оценки коэффициентов остаются несмещенными, но повышается погрешность их измерения. Для устранения мультиколлинеарности в данных уравнениях применялись логарифмы этих переменных.

В табл. 3–6 указаны оценки коэффициентов β при объясняющих переменных, характеризующих величину бюджетно-налоговых стимулов в субъектах РФ (за исключением Республики Крым и г. Севастополь), которые имеют значимость p в пределах 10 %. Эконометрическое моделирование проводилось для каждой из зависимых переменных, указанных выше, в трех вариантах – при отсутствии временного лага в зависимой и объясняющих переменных, при временном лаге 1 и 2 года (последний не использовался для периода 2010–2014 гг.). Соответственно, отсутствие в табл. 3–6 оценок коэффициента для какого-либо временного лага и/или зависимой

Таблица 3

Результаты эконометрического моделирования влияния инструментов поддержки на численность малого бизнеса в России

Зависимая переменная	Объясняющая переменная	Тип спецификации регрессии	Период анализа	Временной лаг	Оценка коэффициента	R^2/N
КолМП	НалСт	лог-лог	2008–2014	нет	–0,142* (0,074)	0,53/557
КолМП	Суб	лог-лог	2008–2014	нет	0,052*** (0,009)	0,53/557
КолМП	Суб	лог-лог	2008–2014	1 год	0,023** (0,010)	0,41/477
КолМП	Суб	множ	2010–2014	нет	0,034* (0,018)	0,24/406
КолИП	Суб	лог-лог	2008–2014	нет	–0,056*** (0,017)	0,18/557
КолИП	Суб	лог-лог	2008–2014	1 год	–0,028*** (0,10)	0,06/477
КолМП	ГосЗак	множ	2008–2014	нет	0,081** (0,039)	0,24/406
КолМП	ГосЗак	множ	2008–2014	1 год	0,066** (0,028)	0,16/326
КолИП	ГосЗак	множ	2008–2014	нет	–0,093*** (0,032)	0,14/406
КолИП	ГосЗак	лог-лог	2008–2014	нет	–0,059*** (0,017)	0,12/414

Примечание. Лог-лог – двойная логарифмическая; множ – множественная регрессия с логарифмом зависимой и объясняющих переменных и линейными значениями остальных регрессоров; * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

переменной свидетельствует о его статистической незначимости. Каждая из табл. 3–6 позволяет сопоставить результативность различных инструментов государственной поддержки СМП применительно к отдельным параметрам развития малого бизнеса.

Наибольший эффект на количество малых предприятий оказывает размер налоговой ставки (см. табл. 3). Снижение ставки налога на 1 % (не процентный пункт!) в регионе приводило к росту числа малых предприятий на 0,14 %. Увеличение объема государственных закупок у СМП на 1 % обеспечивало рост числа малых предприятий на 0,07–0,08 %. В наименьшей степени на численность малых предприятий влияли размеры предоставляемых в рамках государственных программ поддержки СМП бюджетных субсидий. Возрастание их размера на 1 % вело к росту числа малых предприятий лишь на 0,02–0,06 %. Следует отметить обратную зависимость численности индивидуальных предприятий от величины субсидий и государственных закупок. Вероятно, этот факт обусловлен более высокими шансами на получение данных видов поддержки у юридических лиц.

С точки зрения стимулирования создания рабочих мест в секторе малого предпринимательства наиболее предпочтительно также выглядят налоговые меры поддержки (табл. 4). Снижение ставки налогообложения на один процент увеличивает количество работающих в малом бизнесе и, что

Таблица 4

Результаты эконометрического моделирования влияния инструментов поддержки на занятость в малом бизнесе в России

Зависимая переменная	Объясняющая переменная	Тип спецификации регрессии	Период анализа	Временной лаг	Оценка коэффициента	R ² /N
Зан	НалСт	лог-лог	2008–2014	нет	–0,109* (0,060)	0,10/557
ДолЗан	НалСт	лог-лог	2008–2014	нет	–0,089* (0,054)	0,11/557
Зан	Суб	лог-лог	2010–2014	нет	0,031*** (0,013)	0,05/406
Зан	Суб	лог-лог	2008–2014	1 год	0,025*** (0,007)	0,08/477
Зан	Суб	множ	2010–2014	нет	0,038*** (0,012)	0,08/406
ДолЗан	Суб	лог-лог	2010–2014	нет	0,021* (0,033)	0,17/317
ДолЗан	Суб	лог-лог	2008–2014	1 год	0,026*** (0,007)	0,09/477
Зан	ГосЗак	лин	2010–2014	нет	–2160,03* (1139,23)	0,46/415
Зан	ГосЗак	лог-лог	2010–2014	нет	–0,08** (0,032)	0,19/317
Зан	ГосЗак	лин-лог	2010–2014	нет	–0,024*** (0,005)	0,28/317

Примечание. Лог-лог – двойная логарифмическая; множ – множественная регрессия с логарифмом зависимой и объясняющих переменных и линейными значениями остальных регрессоров, лин-лог – линейно-логарифмическая, лин – линейная регрессия; * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$.

даже более важно, их долю в численности населения региона примерно на 0,1 %. Оценки эластичности численности занятости по объему субсидий находятся в диапазоне от 0,02 до 0,04 в зависимости от используемых данных и спецификации регрессии. Вклад расширения объема государственных закупок в динамику количества работающих в СМП неожиданно оказался отрицательным. Этот феномен нуждается в дополнительном изучении.

Нами не зафиксировано влияние сокращения ставки налогообложения на объемы реализации продукции малых предприятий. Исключение составляют объемы продаж индивидуальных предпринимателей, которые увеличиваются на 0,17 % в расчете на однопроцентное снижение ставки налога (табл. 5). Ожидаема положительная реакция оборота малых предприятий на увеличение государственного заказа, однако динамика их выручки отстает от темпов роста ВРП. Субсидирование СМП дает положительные результаты, хотя в более скромном диапазоне от 0,03 до 0,06 % прироста продаж при росте бюджетного финансирования на 1 %. Инвестиции в основной капитал в секторе малого предпринимательства не реагируют на изменение налоговой ставки. Прирост субсидий на 1 % лишь через год добавляет к динамике объема инвестиционных вложений СМП 0,08 %, что, впрочем, может объясняться естественной инерционностью процесса инвестирования. В то же время государственные закупки товаров и услуг

Таблица 5

Результаты эконометрического моделирования влияния инструментов поддержки на обороты и инвестиции малого бизнеса в России

Зависимая переменная	Объясняющая переменная	Тип спецификации регрессии	Период анализа	Временной лаг	Оценка коэффициента	R ² /N
ОБИП	НалСт	лог-лог	2008–2014	1 год	–0,187** (0,088)	0,64/477
ОбМП	Суб	лог-лог	2008–2014	нет	0,062*** (0,024)	0,52/557
ОбМП	Суб	лог-лог	2008–2014	1 год	0,062*** (0,011)	0,60/477
ОБИП	Суб	лог-лог	2008–2014	нет	0,034** (0,014)	0,57/557
ОБИП	Суб	лог-лог	2008–2014	1 год	0,031*** (0,010)	0,64/477
ОБИП	Суб	множ	2010–2014	1 год	0,033* (0,020)	0,29/326
ОБИП/ВРП	Суб	лог-лог	2008–2014	нет	0,034** (0,014)	0,19/557
ОБИП/ВРП	Суб	лог-лог	2008–2014	1 год	–0,018* (0,10)	0,05/477
ОБИП/ВРП	Суб	лог-лог	2010–2014	нет	0,096** (0,042)	0,31/406
ОбМП	ГосЗак	множ	2010–2014	нет	0,112** (0,052)	0,28/406
ОбМП/ВРП	ГосЗак	лин-лог	2010–2014	нет	–0,022*** (0,008)	0,39/406
Инв	Суб	лог-лог	2008–2014	1 год	0,076* (0,044)	0,19/477
Инв	ГосЗак	лог-лог	2010–2014	нет	0,276*** (0,103)	0,23/317
Инв/ВРП	ГосЗак	лог-лог	2010–2014	нет	0,276*** (0,103)	0,06/317
ДолИнв	ГосЗак	лог-лог	2010–2014	нет	0,268** (0,114)	0,08/317

Примечание. Лог-лог – двойная логарифмическая; множ – множественная регрессия с логарифмом зависимой и объясняющей переменных и линейными значениями остальных регрессоров, лин-лог – линейно-логарифмическая; * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

приводят к расширению инвестиций малого бизнеса, причем темпами, превышающими и динамику ВРП, и динамику инвестиций средних и крупных предприятий в регионе.

В рамках исследования нами была проведена оценка влияния бюджетно-налоговых мер поддержки СМП на размер налогооблагаемой базы налогоплательщиков, использующих специальные налоговые режимы – УСН и единый налог на вмененный доход. Данные режимы предназначены для не крупного бизнеса, что соответствует предмету нашего анализа. Результативность инструментов стимулирования по отношению к размеру налогооблагаемой базы по этим налогам представляет самостоятельный интерес, поскольку величина базы налогообложения не всегда коррелирует с други-

ми рассмотренными в настоящей работе показателями – числом компаний, численностью персонала, оборотом и инвестициями. Кроме того, данный аспект представляет практический интерес для органов государственной власти, так как они рассчитывают на компенсацию предоставляемых за счет бюджета преференции СМП через увеличение налоговых поступлений от них.

В отличие от табл. 3–5 в табл. 6 отсутствуют данные по влиянию изменения налоговой ставки на налогооблагаемую базу в связи с тем, что в анализируемый период регионы могли менять только ставку налога на объект «доходы минус расходы» в рамках УСН. Раз в год налогоплательщики, использующие УСН, имеют право выбора объекта обложения. Следовательно, изменение величины налогооблагаемой базы в этих условиях будет отражать не только стимулирующий эффект снижения ставки, но и миграцию предпринимателей на более оптимальный налоговый режим.

Таблица 6

Результаты эконометрического моделирования влияния инструментов поддержки на налоговую базу малого бизнеса в России

Зависимая переменная	Объясняющая переменная	Тип спецификации регрессии	Период анализа	Временной лаг	Оценка коэффициента	R^2/N
1	2	3	4	5	6	7
НалБазДох	Суб	лог-лог	2008–2014	1 год	0,058*** (0,008)	0,79/477
НалБазДох	Суб	множ	2008–2014	1 год	0,034*** (0,016)	0,29/477
НалБазДох МП	Суб	множ	2010–2014	1 год	0,033*** (0,014)	0,19/326
НалБазНеттоДох	Суб	лог-лог	2008–2014	1 год	0,054*** (0,010)	0,80/477
НалБазНеттоДох	Суб	лог-лог	2010–2014	нет	0,029*** (0,013)	0,83/317
НалБазНеттоДох	Суб	множ	2010–2014	нет	0,038*** (0,017)	0,61/406
НалБазНеттоДох МП	Суб	множ	2010–2014	нет	0,039*** (0,018)	0,52/406
НалБазНеттоДох МП	Суб	множ	2010–2014	1 год	0,035* (0,021)	0,32/326
НалБазНеттоДох/ВРП	Суб	лог-лог	2010–2014	нет	0,029*** (0,013)	0,53/317
НалБазаЕНВД	Суб	лог-лог	2010–2014	нет	0,095*** (0,033)	0,45/413
НалБазаЕНВД	Суб	множ	2010–2014	1 год	0,032*** (0,015)	0,09/325
НалБазаЕНВД	Суб	лог-лог	2008–2014	нет	0,018*** (0,007)	0,55/556
НалБазаЕНВД	Суб	лог-лог	2008–2014	1 год	0,045*** (0,005)	0,44/476
НалБазаЕНВД МП	Суб	множ	2010–2014	1 год	0,034*** (0,017)	0,15/325

Окончание табл. 6

1	2	3	4	5	6	7
НалБазаЕНВД/ВРП	Суб	лог-лог	2008–2014	нет	0,018** (0,007)	0,51/556
НалБазаЕНВД/ВРП	Суб	лог-лог	2010–2014	нет	0,093** (0,052)	0,42/406
НалБазДох	ГосЗак	лог-лог	2010–2014	нет	0,057** (0,027)	0,70/317
НалБазДох	ГосЗак	множ	2010–2014	нет	0,136** (0,036)	0,46/414
НалБазДох	ГосЗак	множ	2010–2014	1 год	0,148*** (0,051)	0,29/326
НалБазДох МП	ГосЗак	множ	2010–2014	нет	0,110** (0,043)	0,29/406
НалБазДох МП	ГосЗак	множ	2010–2014	1 год	0,121*** (0,038)	0,19/326
НалБазДох ИП	ГосЗак	множ	2010–2014	нет	0,175** (0,073)	0,45/406
НалБазДох ИП	ГосЗак	множ	2010–2014	1 год	0,191** (0,074)	0,41/326
НалБазДох/ВРП	ГосЗак	лог-лог	2010–2014	нет	0,057** (0,027)	0,19/317
НалБазНеттоДох	ГосЗак	лог-лог	2010–2014	нет	0,065** (0,031)	0,83/317
НалБазНеттоДох	ГосЗак	множ	2010–2014	нет	0,151*** (0,026)	0,56/414
НалБазНеттоДох МП	ГосЗак	множ	2010–2014	1 год	0,035* (0,025)	0,54/326
НалБазНеттоДох МП	ГосЗак	множ	2010–2014	нет	0,147** (0,058)	0,52/406
НалБазНеттоДох ИП	ГосЗак	множ	2010–2014	нет	0,164*** (0,054)	0,49/406
НалБазНеттоДох/ВРП	ГосЗак	лог-лог	2010–2014	нет	0,071** (0,037)	0,39/406

Примечание. Лог-лог – двойная логарифмическая; множ – множественная регрессия с логарифмом зависимой и объясняющей переменных и линейными значениями остальных регрессоров; * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

В целом государственные закупки демонстрируют более высокую результативность в части расширения налогооблагаемой базы СМП, нежели субсидии (табл. 6). Увеличение объема закупок на 1 % приводит к росту налогооблагаемой базы в среднем более чем на 0,1 %, тогда как аналогичное изменение в объеме субсидий дает прирост в среднем лишь менее чем на 0,05 %. В то же время государственные закупки, в отличие от субсидий, никак не отражаются на плательщиках единого налога на вмененный доход, что абсолютно закономерно, так как товары и услуги, производимые в рамках видов деятельности, подпадающих под ЕНВД, приобретаются для нужд бюджета в очень небольшом объеме.

В целом эффективность государственных программ поддержки СМП в России можно оценить как низкую. Реакция отдельных показателей предпринимательской активности не превышает 0,3 % в расчете на однопроцентное изменение стимулирующей меры. Соответственно, приоритетным условием повышения результативности политики содействия СМП становится радикальный пересмотр используемых инструментов и поиск новых мер поддержки. Сравнение уже применяемых инструментов приводит к выводу, что для оптимизации использования государственных ресурсов требуется перераспределить усилия органов власти от субсидирования СМП к его налоговому стимулированию и расширению доступа СМП к государственным закупкам. Такой маневр увеличит отдачу от инструментов стимулирования в 1,5–2 раза. При этом сочетание налоговых льгот и государственных закупок позволит воздействовать на различные аспекты предпринимательской деятельности благодаря взаимному дополнению, выявленному в ходе нашего исследования. Кроме того, для бюджета поддержка СМП посредством расширения государственного заказа у СМП выгоднее, чем его субсидирование, так как первый имеет возмездный характер, а второй – безвозмездный.

Литература

1. Гафурова Г.Т., Нотфуллина Г.Н., Фукина С.П. Государственные закупки как инструмент развития малого и среднего предпринимательства в России // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 4. С. 1233–1243.
2. Кремин А.Е. Методика оценки эффективности государственной поддержки малого предпринимательства в регионе // Проблемы развития территории. 2017. № 3 (89). С. 46–61.
3. Сеницына Е.Д. Сравнительный анализ эффективности налоговых и бюджетных мер поддержки малого предпринимательства в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 9. Исследования молодых ученых. 2017. Вып. 15. С. 138–145.
4. Туманянц К.А. Фискальный эффект снижения налоговой нагрузки на малое предпринимательство в России // Финансовый журнал. 2015. № 2 (24). С. 16–24.
5. Туманянц К.А., Сеницына Е.Д., Интыкбаева С.Ж. Влияние государственных закупок на развитие малого предпринимательства в России // Финансы и кредит. 2017. Т. 23. № 35. С. 2107 – 2122.
6. Туманянц К.А., Фишер О.В., Сеницына Е. Д. Влияние налоговой ставки на деятельность российского малого бизнеса в обрабатывающей промышленности и строительстве // Вестник НГУЭУ. 2017. № 4. С. 161–173.
7. Туманянц К.А., Фишер О.В., Сеницына Е.Д. Количественная оценка результативности влияния государственных субсидий на развитие малого предпринимательства в России // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2017. Т. 10. № 10. С. 1173–1187.
8. Branchet B., Augier B., Boissin J.-P. & Quere B. Strategic governmental economic activities in support of young French SMEs // Journal of Small Business and Enterprise Development. 2011. 18 (2). P. 384–402.
9. Curran J. What is small business policy in the UK for? Evaluation and assessing small business policies // International Small Business Journal. 2000. Vol. 18/3. P. 36–50.
10. Davila R.L., Ha I. & Myers S.L.Jr. Affirmative action retrenchment in public procurement and contracting // Applied Economics Letters. 2012. 19 (18). P. 1857–1860.

11. *Engelschalk M. & Loeprick J.* MSME Taxation in Transition Economies Country Experience on the Costs and Benefits of Introducing Special Tax Regimes // World Bank Policy Research Working Paper 7449. 2015. 61 p.
12. *Evans A.J.* The unintended consequences of easy money: How access to finance impedes entrepreneurship // Review Of Austrian Economics. 2016. 29 (3). P. 233–252.
13. *Freeman A.* Challenging Myths about the Funding of Small Businesses....: Finance for Growth. Demos, London, 2013. 121 p.
14. *Grimm M. & Paffhausen A.L.* Do interventions targeted at micro-enterprises and small and medium-sized firms create jobs? A systematic review of the evidence for low and middle income countries // IZA Discussion Paper Series. 2015. № 8193. 35 p.
15. *Hansson A.* Tax policy and entrepreneurship: empirical evidence from Sweden // Small Business Economics. 2012. 38. P. 495–513.
16. *Kersten R., Harms J., Liket K. & Maas K.* Small Firms, large Impact? A systematic review of the SME Finance Literature // World Development. 2017. № 97. P. 330–348.
17. *Kidalov M. & Snider K.* US and European Public Procurement Policies for Small and Medium-Sized Enterprises (SME): A Comparative Perspective // Business and Politics. 2011. № 13/04. P. 1–41.
18. *Nam C.W. & Radulescu D.M.* Effects of Corporate Tax Reforms on SMEs' Investment Decisions under the Particular Consideration of Inflation // Small Business Economics. 2007. 29. P. 101–118.
19. *Parker R.* Governance and the entrepreneurial economy: A comparative analysis of three regions // Entrepreneurship: Theory and Practice. 2008. 32(5). P. 833–854.
20. *Seo Ji-Yong.* A Study of Effective Financial Support for SMEs to Improve Economic and Employment Conditions: Evidence from OECD Countries // Managerial And Decision Economics. 2017. 38(3). P. 432–442.
21. *Storey D.* Six Steps to Heaven: Evaluating the impact of public policies to support small businesses in developed economies. // Eds. D. Sexton & H. Landstrom. The Blackwell Handbook of Entrepreneurship, Blackwell Publishing Ltd, Oxford, United Kingdom. 1999. P. 377–400.
22. *Walker H. & Preuss L.* Fostering sustainability through sourcing from small businesses: Public sector perspectives // Journal of Cleaner Production. 2008. 16 (15). P. 1600–1609.
23. Малое и среднее предпринимательство в России. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359 (дата обращения: 07.06.2018).
24. Отчет о налоговой базе и структуре начислений по единому налогу на вмененный доход. Федеральная налоговая служба. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 10.06.2018).
25. Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу, уплачиваемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения. Федеральная налоговая служба. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 07.06.2018).
26. SMEs in Public Procurement: Practices and Strategies for Shared Benefit, OECD Public Governance Reviews, OECD Publishing, Paris. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264307476-en> (дата обращения: 13.11.2018).

Bibliography

1. *Gafurova G.T., Notfullina G.N., Fukina S.P.* Gosudarstvennye zakupki kak instrument razvitija malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossii // Jekonomika regiona. 2016. T. 12. Vyp. 4. P. 1233–1243.
2. *Kremin A.E.* Metodika ocenki jeffektivnosti gosudarstvennoj podderzhki malogo predprinimatel'stva v regione // Problemy razvitija territorii. 2017. № 3 (89). P. 46–61.

3. *Sinicya E.D.* Sravnitel'nyj analiz jeffektivnosti nalogovyh i bjudzhetnyh mer podderzhki malogo predprinimatel'stva v Rossii // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9. Issledovaniya molodyh uchenyh. 2017. Vyp. 15. P. 138–145.
4. *Tumanjanc K.A.* Fiskal'nyj jeffekt snizheniya nalogovoj nagruzki na maloe predprinimatel'stvo v Rossii // Finansovyj zhurnal. 2015. № 2 (24). P. 16–24.
5. *Tumanjanc K.A., Sinicya E.D., Intykbaeva S.Zh.* Vlijanie gosudarstvennyh zakupok na razvitie malogo predprinimatel'stva v Rossii // Finansy i kredit. 2017. Vol. 23. № 35. P. 2107–2122.
6. *Tumanjanc K.A., Fisher O.V., Sinicya E.D.* Vlijanie nalogovoj stavki na dejatel'nost' rossijskogo malogo biznesa v obrabatyvajushhej promyshlennosti i stroitel'stve // Vestnik NGUJeU. 2017. № 4. P. 161–173.
7. *Tumanjanc K.A., Fisher O.V., Sinicya E.D.* Kolichestvennaja ocenka rezul'tativnosti vlijanija gosudarstvennyh subsidij na razvitie malogo predprinimatel'stva v Rossii // Finansovaja analitika: problemy i reshenija. 2017. Vol. 10. № 10. P. 1173–1187.
8. *Branchet B., Augier B., Boissin J.-P. & Quere B.* Strategic governmental economic activities in support of young French SMEs // Journal of Small Business and Enterprise Development. 2011. 18(2). P. 384–402.
9. *Curran J.* What is small business policy in the UK for? Evaluation and assessing small business policies // International Small Business Journal. 2000. Vol. 18/3. P. 36–50.
10. *Davila R.L., Ha I. & Myers S.L.Jr.* Affirmative action retrenchment in public procurement and contracting // Applied Economics Letters. 2012. 19 (18). P. 1857–1860.
11. *Engelschalk M. & Loeprick J.* MSME Taxation in Transition Economies Country Experience on the Costs and Benefits of Introducing Special Tax Regimes // World Bank Policy Research Working Paper 7449. 2015. 61 p.
12. *Evans A.J.* The unintended consequences of easy money: How access to finance impedes entrepreneurship // Review Of Austrian Economics. 2016. 29 (3). P. 233–252.
13. *Freeman A.* Challenging Myths about the Funding of Small Businesses....: Finance for Growth. Demos, London, 2013. 121 p.
14. *Grimm M. & Paffhausen A.L.* Do interventions targeted at micro-enterprises and small and medium-sized firms create jobs? A systematic review of the evidence for low and middle income countries // IZA Discussion Paper Series. 2015. № 8193. 35 p.
15. *Hansson A.* Tax policy and entrepreneurship: empirical evidence from Sweden // Small Business Economics. 2012. 38. P. 495–513.
16. *Kersten R., Harms J., Liket K. & Maas K.* Small Firms, large Impact? A systematic review of the SME Finance Literature // World Development. 2017. № 97. P. 330–348.
17. *Kidalov M. & Snider K.* US and European Public Procurement Policies for Small and Medium-Sized Enterprises (SME): A Comparative Perspective // Business and Politics. 2011. № 13/04. P. 1–41.
18. *Nam C.W. & Radulescu D.M.* Effects of Corporate Tax Reforms on SMEs' Investment Decisions under the Particular Consideration of Inflation // Small Business Economics. 2007. 29. P. 101–118.
19. *Parker R.* Governance and the entrepreneurial economy: A comparative analysis of three regions // Entrepreneurship: Theory and Practice. 2008. 32(5). P. 833–854.
20. *Seo Ji-Yong.* A Study of Effective Financial Support for SMEs to Improve Economic and Employment Conditions: Evidence from OECD Countries // Managerial And Decision Economics. 2017. 38(3). P. 432–442.
21. *Storey D.* Six Steps to Heaven: Evaluating the impact of public policies to support small businesses in developed economies. // Eds. D. Sexton & H. Landstrom. The Blackwell Handbook of Entrepreneurship, Blackwell Publishing Ltd, Oxford, United Kingdom. 1999. P. 377–400.
22. *Walker H. & Preuss L.* Fostering sustainability through sourcing from small businesses: Public sector perspectives // Journal of Cleaner Production. 2008. 16 (15). P. 1600–1609.
23. Maloe i srednee predprinimatel'stvo v Rossii. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_

- main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359 (data obrashhenija: 07.06.2018).
24. Otchet o nalogovoj baze i strukture nachislenij po edinomu nalogu na vmenennyj dohod. Federal'naja nalogovaja sluzhba. [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (data obrashhenija: 10.06.2018).
 25. Otchet o nalogovoj baze i strukture nachislenij po nalogu, uplachivaemomu v svjazi s primeneniem uproshhennoj sistemy nalogooblozhenija. Federal'naja nalogovaja sluzhba. [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (data obrashhenija: 07.06.2018).
 26. SMEs in Public Procurement: Practices and Strategies for Shared Benefit, OECD Public Governance Reviews, OECD Publishing, Paris. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264307476-en> (data obrashhenija: 13.11.2018).

УДК 338.246.2

НАЛОГОВЫЕ ЛЬГОТЫ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Белуsoва С.В.

Иркутский научный центр СО РАН

E-mail: belousova-@mail.ru

Целью работы является формирование мер совершенствования налогового стимулирования на базе анализа их современных проблем и подходов использования для целей пространственного развития страны. В статье дана оценка центральной роли налогового регулирования, важнейшей частью которого является налоговое стимулирование. Рассмотрены два важнейших направления пространственного развития страны (создание эффективных региональных и межрегиональных ареалов инновационно ориентированного опережающего развития и смягчение социального неравенства регионов, инвестиции в человеческий капитал) и выявлены проблемы их современной реализации. Проведен анализ мер налогового стимулирования, направленных на обеспечение двух основных направлений реализации пространственной стратегии России.

Предложена система налогового стимулирования, которая имеет как вертикальную направленность, нацеленную на рост предпринимательской, инновационной, технологической и иной активности, так и горизонтальную, связанную с экономическим выравниванием территорий. В основе первого типа стимулирования автором предложено устанавливать последовательную и понятную градацию налогоплательщиков, с выделением и поддержкой налоговым стимулированием (регионального и местного уровня налогов) прибыльных предпринимателей и компаний, вкладывающих свои средства в технологическое, социальное и иное развитие территорий. Второй горизонтальный тип налогового стимулирования основан на системе социально-экономического зонирования, с выделением «периферийных» территорий, развитие которых предложено осуществлять в том числе за счет льгот и преференций налогов федерального уровня.

Ключевые слова: налоговые льготы, налоговое регулирование, пространственное развитие, стратегия пространственного развития, налоговое стимулирование.

TAX EXEMPTIONS AS THE MOST IMPORTANT TOOL OF SPATIAL DEVELOPMENT REGULATION

Belousova S.V.

Irkutsk Scientific Center of the Siberian Branch

of the Russian Academy of Sciences

E-mail: belousova-@mail.ru

The aim of the study is formation of the measures of fiscal expansion improvement on the basis of the analysis of their current problems and approaches of usage for the purposes of spatial development of the country. The article appraises the core role of tax regulation; fiscal expansion is the crucial part of it. The paper considers two most important ways of spatial development of the country (creation of effective regional and interregional areas of innovation-oriented priority development and softening of social inequality of the regions, human capital investment) and reveals the issues of their modern realization. The article presents the analysis of the measures of fiscal expansion aimed at provision of the two main ways of realization of spatial strategy of Russia.

The article offers the system of fiscal expansion, with both vertical directivity, aimed at the growth of entrepreneurial, innovative, technological and other activities, and with horizontal directivity related to economic leveling of the territories. As the first type of fiscal expansion, the author suggests defining a sequential and transparent gradation of taxpayers with marking out and support with fiscal expansion (regional and local taxes) of the profitable entrepreneurs and companies, which invest in technological, social and other development of the territories. The second horizontal type of fiscal expansion is based on the system of social and economic zonation, with marking out of the 'peripheral' territories, which are to be developed, among other things, at the expense of exemptions and preferences of federal taxes.

Keywords: tax exemptions, tax regulation, spatial development, strategy of spatial development, fiscal expansion.

Введение. Современные тенденции государственного управления. Экономическое развитие государства определяется во многом проводимой политикой, которая в свою очередь представляет собой весьма сложное явление, включающее огромное число составляющих, направлений и вариантов реализации. Современные тенденции экономической политики находятся в русле концептуальных изменений в сфере управления. К таким изменениям относятся тенденции повышения гуманитарности управления на основе рефлексивности власти и общества, создания новой институциональной среды, обеспечивающей процессы саморегулирования (удельный вес сектора саморегулирования в экономиках США, Германии и России составляет 80, 75 и 12 % соответственно [13]) и повышении уровня жизни людей (считается что там, где доля среднего класса в ВВП достигает 55–65 %, демократия и рынок не являются имитационными). Большие надежды эксперты [40] возлагают на меры по развитию публичного управления на основе государственной интегрированной информационной системы, а также на усиление роли транспарентности отношений, выражающейся в обеспечении информации «в открытой, полной, своевременной и понятной форме» [53].

Еще одной важной тенденцией являются попытки реализации идей качественного и умного регулирования [52], которые нашли отражение в политике ряда западных стран, включая страны Европейского союза, Канаду [49] и др., принявшие вариант концепции «качественного регулирования» [47]. Для России такой вариант регулирования, насыщенный умными автоматическими механизмами правовых, административных и экономических регуляторов, обеспечивающих реализацию широкого ряда функций и задач развития, пока является перспективой. В нашем случае должен стоять вопрос о развитии системного национального государственного управления, включающего технологически сложную и интеллектуально гибкую регулируемую часть, насыщенную автоматическими регуляторами с заявленной эффективностью.

В самом механизме умного регулирования налоговый механизм признан во всех развитых странах основным рычагом воздействия на экономику. Примером чему является состояние и работа автоматических фискальных регуляторов в западных странах как одного из базовых финансовых инструментов регулирования, основного регулятора экономики [43]. В России ходя и признают, что «...в государственном регулировании экономики

роль налогов представляется основополагающей» [26], но детальное понимание подобного регулирования отсутствует, особенно в связи с решением сложных, системных задач. Особая актуальность налогового регулирования связана с задачами пространственного развития страны, реализация которых требует глубокого совершенствования мер, в том числе налогового стимулирования.

Пространственная стратегия развития и условия ее реализации. Проблема обеспечения системности регулирующих действий государства кроется во взаимосвязи, в том числе налоговой и региональной или пространственной политики, поскольку именно последняя формируется как базовая стратегия развития страны в соответствии с федеральным законом № 172-ФЗ «О стратегическом планировании». В соответствии с последним документом к концу 2018 г. должна быть подготовлена стратегия пространственного развития Российской Федерации, реализующая цели и задачи регионального развития Российской Федерации, установленные указом Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

Проект «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года» демонстрирует большое число внешних и внутренних вызовов и проблем развития страны, включая сжатие, фрагментацию и чрезмерную поляризацию ее экономического пространства. Преодоление этих и иных проблем с целью обеспечения широкого числа устанавливаемых задач и целей всестороннего, сбалансированного развития возможно только на основе комплексной реализации действенных и эффективных мер и инструментов экономической политики, включая ее налоговую составляющую.

Важность согласованного взаимодействия налоговой политики с иными ее направлениями при содержательной связанности с промышленной политикой и экономической стратегией государства в целом теоретически общепризнана. Между тем эксперты подчеркивают, что «в России в настоящее время ничего не делается для того, чтобы сформировать финансово-налоговый механизм экономического роста» и даже наоборот: «анализ современной ситуации в российской экономике приводит к выводу, что финансовая и, прежде всего, налоговая система негативно влияют на развитие экономики» [42].

Современное пространственное развитие согласно проекту стратегии должно включать, по меньшей мере, два базовых направления. Первое основывается на создании эффективных региональных и межрегиональных ареалов инновационно ориентированного опережающего развития. «В качестве таких зон выступают транспортно-логистические узлы, зоны развития промышленности и сельского хозяйства, зоны инновационного развития и создания высоких технологий, туристические, курортные и другие...» [39].

Другим приоритетом политики является смягчение социального неравенства регионов, инвестиции в человеческий капитал и т.п. Для реализации данного приоритета принципиальное значение имеет поддержание сбалансированности региональной бюджетной системы в целях безусловного исполнения социальных обязательств перед населением, содействие

занятости населения, сохранение и создание рабочих мест и т.п. [37]. Хочется отметить, что данный приоритет часто идет вразрез с первым, поскольку в России особые экономические условия ориентированы в основном на перспективные в инвестиционном отношении и наиболее благополучные регионы, в то время как в зарубежных странах льготные условия и преференции используются как инструмент развития проблемных, депрессивных и отсталых регионов и их населения [27].

Лейтмотивом отечественной пространственно-экономической политики является создание «каркаса региональных и территориальных центров сосредоточения экономического роста, способных формировать и передавать сопредельным субъектам инновационные импульсы развития экономики» [36]. Вариантами элементов такого каркаса являются, с одной стороны, крупные экономически развитые мегаполисы, а с другой – искусственно формируемые территории с особым типом налогового иного режима, включая:

1. Особые экономические зоны (ОЭЗ). На территории Российской Федерации создаются ОЭЗ 4 типов: промышленно-производственные (ППТ ОЭЗ); технико-внедренческие (ТВТ ОЭЗ); туристско-рекреационные (ТРТ ОЭЗ); портовые (ПОЭЗ). В настоящее время функционирует 25 ОЭЗ (9 промышленно-производственных, 6 технико-внедренческих, 9 туристско-рекреационных и 1 портовая) [54].

2. Зоны территориального развития (ОТР) [55], формирующиеся на основании Постановления Минэкономразвития России «Об утверждении перечня субъектов Федерации, на территориях которых допускается создание зон территориального развития» от 21 декабря 2016 г. № 1415. Согласно этому документу разрешается 20 регионам страны создавать у себя зоны территориального развития, которые имеют возможность рассчитывать на определенную господдержку.

3. Территории опережающего социально-экономического развития (ТОР) [56] или ТОСЭР, включая ТОР «Хабаровск» и «Комсомольск» в Хабаровском крае, «Надеждинская» и «Большой камень» в Приморском крае, «Южное» и «Горный воздух» в Сахалинской области, ТОР «Курилы» на Курильских островах, моногорода-ТОР: «Юрга» и «Анжеро-Судженск» в Кемеровской области и др. В настоящее время общее число ТОР превышает 25 объектов.

4. Региональные инвестиционные проекты (РИП). В соответствии с «Правилами формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда РФ», утвержденными постановлением Правительства РФ от 01.03.2008 г., в категорию РИП попадает два вида проектов: проект регионального значения; проект межрегионального значения [50]. Аналитические источники [51] указывают, что на территории Российской Федерации реализуются более 7000 инвестиционных проектов в сфере промышленного и гражданского строительства, а также транспортной инфраструктуры на различных стадиях, участники которых получают или могут получать государственные преференции.

Характер и объемы этих преференций в налоговой, административной, таможенной, финансовой сферах достаточно многообразны и масштабны. Наиболее существенные преимущества для участников особого террито-

риального развития предусмотрены в налоговой сфере [5]. При этом налоговое стимулирование строится на базе агрегированного территориально-организационного принципа, где льготы и преференции массово, без оценки результата предоставляются для резидентов в основном передовых районов особого экономического или территориального развития.

В итоге стимулирующие действия носят упрощенный и формальный характер, при том, что сам объем преференций весьма значителен. Так, по оценкам специалистов «в настоящее время суммарный объем российских налоговых льгот ... более 3 трлн рублей». При этом всеми признается, что налоговые льготы не дают особого эффекта, а бюджет в результате этого теряет свои доходы. Так «...с 2014 года потери федерального бюджета из-за налоговых льгот выросли с 2,19 трлн рублей до 2,4 трлн рублей в прошлом году, причем динамика говорит, что к 2020 году они увеличатся до 2,8 трлн рублей, что суммарно равно 2,6 процентам от российского ВВП»¹. Для регионального бюджета потери не менее значимы. «Так, в 2014 г. выпадающие доходы консолидированных бюджетов субъектов Федерации в результате предоставления налоговых льгот превысили 400 млрд руб., в том числе по налогу на прибыль – 152,2 млрд руб.» [16].

Приоритет и основное экономическое внимание только к созданию эффективных региональных и межрегиональных ареалов инновационно ориентированного опережающего развития, безусловно, должно быть сопряжено с анализом эффективности и результативности реализации особого типа налогового, административного, таможенного и иного режима. Мнения экспертов в оценке эффективности особого режима на разном уровне масштаба анализа однозначно демонстрируют крайнюю проблемность такой формы территориального развития. «На наш взгляд, в России необходимо создавать различные зоны для решения конкретных социально-экономических проблем того или иного региона. Пока в России не существует продуманной политики зонирования» [6]. В итоге формирование особых территориальных и экономических зон идет по пути очаговой концентрации ресурсов в уже развитой области без учета реальной эффективности вложений и «косвенных издержек» для других территорий и отраслей. Последняя проблема весьма остро стоит для прилегающих территорий, которые становятся периферийными объектами, включенными в центрипетальный процесс выкачивания из них факторных ресурсов, формируя, с одной стороны, новые потоки капитала и товаров, структурные сдвиги в регионах и между ними, а с другой – рост относительной неконкурентоспособности и бюджетного дефицита.

Кроме того, мировой опыт показал, что создаваемые предприятия в рамках особых зон плохо интегрируются с местной экономикой, особенно с хозяйством проблемных регионов [15]. В ряде европейских стран стал использоваться даже термин «соборы в пустыне», который фиксировал отрицательную роль экономических зон и точечных инвестиций в решении проблемы экономического роста и неблагоприятной структуры промышленности в долгосрочной перспективе.

¹ Минфин предлагает инвентаризацию налоговых льгот на сумму 2,5 трлн рублей // Ведомости от 04 июля 2017 г.

Давая общую негативную оценку существующего положения в области реализации политики создания зон опережающего развития, изменение ситуации эксперты связывают с иными структурными и организационными процессами. Так, одни [14] говорят о необходимости формирования на основе особых экономических зон интегрированных сетей, формирующих тесную взаимосвязь особых территорий как друг с другом, так и со всеми иными напрямую или косвенно поддерживающими районами и городами. Также предлагается формировать такие зоны по типу сетевых технопарков, объединяющих интеллектуальные, кадровые, технологические и финансовые возможности нескольких городов региона. Примером такого сетевого технопарка является британский сетевой технопарк Technium, который соединяет в инновационной деятельности возможности 11 городов [18]. Другие [30] предлагают создавать кластерные зоны, которые не ограничены территориально, а определяются экономической целесообразностью и гибким регулированием. По кластерному принципу сформированы стратегии регионального развития ряда регионов страны [45], однако они имеют ограниченный ареал реализации.

Состав самих зон также не вызывает одобрения, поскольку наибольшее развитие получили промышленно-производственные зоны, в то время как технико-внедренческих зон было организовано значительно меньше – 5 объектов [4]. Для сравнения в Великобритании технико-внедренческих зон создано около 40, во Франции – около 30, в Германии – около 20 [29]. Эксперты считают, что низкое число технико-внедренческих зон в России только дискредитирует саму эту идею в связи с малоощутимым эффектом от их деятельности [31]. При этом характер и работа малого числа технико-внедренческих зон остается весьма неоднозначным вопросом, поскольку существует широкий пласт проблем управления инновациями, достижением результативности и эффективности вложений в исследования и разработку нового продукта. Оценка работы этой стороны деятельности свидетельствует о масштабном оппортунизме в этой сфере, когда «...более половины государственных грантов на инновации расходуется на уже существующие проекты, которые реализуются и исполняются в рамках других параллельных научно-инновационных программ и бюджетов» [2].

Большие нарекания вызывает проблема ограниченности участия самих территорий в создании и управлении особыми экономическими и территориальными зонами, при том что существует проблема потери налоговых доходов региональными и местными бюджетами при применении установленных на федеральном уровне налоговых льгот по региональным и местным налогам. Поскольку, как показывает практика, основная часть государственных вливаний в создание этих зон поступает из федерального бюджета, весь спектр организационно-управленческих действий также определяется решениями федеральных институтов. В итоге роль и возможности регионов в управлении работой этих структур в соответствии с интересами и запросами территорий минимальна, в то время как мировая практика функционирования подобных особых экономических и территориальных зон свидетельствует об обратном [17]. Кроме того, крайняя централизация и высокая степень государственного регулирования в области текущего управления особыми экономическими зонами, по мнению экспертов,

представляется чрезмерной [29], при том что само управление признано крайне неэффективным: «Процесс создания и управления особых экономических зон характеризуется формализмом, безответственностью и безнаказанностью, отсутствием исполнительной дисциплины и спроса за принятые решения и их последствия» [34].

Низкая оценка эффективности работы особых экономических и территориальных зон обусловила необходимость создания иной системы поддержки пространственного развития. В основе этого движения положены собственные стратегии регионального развития территорий, в основе которых согласно Стандарту деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации [57] должна лежать предварительно разрабатываемая инвестиционная стратегия. Подобное изменение означает новый этап пространственного развития на основе формирования и реализации комплексных региональных стратегий с приоритетом на региональные инвестиционные площадки и проекты. Итогом подобной работы должны стать интерактивные, тематические прогнозные карты стратегического планирования по всем регионам страны. Однако характер экономических условий реализации региональных инвестиционных проектов пока остается под вопросом, что весьма ограничивает возможности их планирования.

В отношении второго приоритета пространственного развития, связанного с мерами по смягчению социального и экономического неравенства и проблемности регионов, то подобные действия должны быть основаны на детальной оценке этого неравенства, оценке проблем и соответствующего зонирования территорий. Теоретические работы в области зонирования проблемных территорий строятся на основе типологии по трем основным измерениям: уровень социально-экономического развития, динамичность развития и природно-географические условия (климат, положение относительно центра страны, тяготение к регионам мирового рынка и т.п.). «На основе наблюдаемых типологических признаков выделяются три главных типа проблемных регионов: отсталые, депрессивные и кризисные... по отношению к которым целесообразно применять особые методы регулирования» [44]. Правда, это и подобное зонирование не находит отражение в управленческой практике, поскольку, как считают специалисты [38], сама региональная политика основана на отказе от выравнивания социально-экономического развития территории. Свидетельством чему является в том числе рассмотрение проекта ФЗ «Об основах федеральной поддержки депрессивных территорий РФ», которое дальше второго чтения с 2001 г. не продвинулось [19].

Отказывая в поддержке проблемным территориям, весь акцент в зонировании строится на создании на основе политического торга «своего рода рафинированных институтов» [7] для территории особого режима хозяйствования. Остальные территории обычного или стандартного режима хозяйствования становятся лишь претендентами на этот статус, получение которого в большинстве случаев осуществляется на основе политических манипуляций по реализации «целей государства по формированию и поддержанию определенных параметров, свойственных только данной территории, или уникальных для достижения государственного интереса» и эти

цели «...могут быть и объективными, и субъективными; и долговременными, и сиюминутными» [25]. Такой подход явственно демонстрирует характер «ручного» государственного управления со всеми признаками монополизма и коррупционности.

Хочется отметить при этом, что иная практика зонирования в области государственного управления находит широкое отражение во многих развитых странах, примером чему является классификация регионов стран ЕС по уровням NUTS (Трехуровневая международная сетка статистических регионов), основанная на принципах региональной конкурентоспособности [33]. В последующем эти типы регионов находят поддержку в соответствии с программами региональной политики: содействие развитию отстающих регионов; реновация регионов, столкнувшихся со структурным кризисом; поддержка модернизации. В США существует практика государственной поддержки так называемых «депрессивных зон», или «депрессивных районов» посредством предоставления специальных налоговых режимов, прямых субсидий, льготных займов и других преимуществ заинтересованным инвесторам. Во многих из депрессивных районов созданы специальные «зоны предпринимательства» (функционируют в более чем 40 штатах США) [47]. В итоге хочется отметить, что протекционистская политика в отношении слабых развитых территорий имеет место быть в большинстве развитых стран и, по оценкам экспертов [38], должна иметь место и в нашей стране. Специалисты сходятся во мнении, что экономика территорий без масштабной и системной «...государственной поддержки в виде целевых стимулов (премий), налоговых льгот...» [35] только способствует росту поляризации и неравенства.

Льготное налогообложение: варианты и механизмы в аспекте странственного развития. Система налогообложения, по оценке подавляющего большинства экспертов, представляет собой наиболее неоднозначную, противоречивую и функционально разнонаправленную совокупность экономических, политических, правовых и иных отношений. Это наглядно видно из анализа большого числа разнонаправленных теорий и концепций налогообложения, большая часть из которых находится на крайних полюсах мнений в отношении роли, влияния, размера и других налогов. Как такового понятия налоговой системы в законодательстве РФ, включая Налоговый кодекс, не определено. Хотя были попытки ее формирования в виде Закона РФ «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» от 27 декабря 1991 г. № 2118-1, где под налоговой системой подразумевалась совокупность налогов, сборов, пошлин и других платежей, взимаемых в установленном порядке.

В современной научной интерпретации [20, 24] существует несколько подходов в понимании налоговой системы, каждая из которых представляет собой расширяющийся вариант ее рассмотрения, начиная от простой совокупности объектов через учет их взаимосвязей и взаимозависимостей к сложной системе экономико-правовых отношений между государством и налогоплательщиками. В простом случае рассмотрения налоговой системы ее политика не имеет никаких других функций, кроме фискальной, реализация которой направлена только на пополнение бюджета. В более сложном понимании налоговой системы появляется необходимость выпол-

нения регулирующих и контрольных функций, обеспечивающих процесс взаимосвязи в налоговой системе.

Крайний случай рассмотрения налоговой системы предопределяет наличие огромного количества функций, при том что налоги могут использоваться как универсальный инструмент для решения абсолютно любых экономических задач [43]: «сегодня в российских учебниках можно встретить более 20 налоговых функций» [11]. В большинстве случаев эксперты имеют в виду стимулирующую функцию, которая может быть направлена на обеспечение как всестороннего позитивного развития, так и сдерживающего эффекта.

Говоря о сложной системе экономико-правовых отношений между государством и налогоплательщиками, реализация многочисленных функций налогов возможна при формировании не менее сложной налоговой политики, которая при безусловной значимости в настоящее время не имеет законодательного признания и обоснования [41]. Этот термин выборочно встречается в ряде документов, без какого-либо толкования сущности этой категории. Так, в ст. 15 Федерального закона «О Правительстве Российской Федерации» говорится, что Правительство РФ разрабатывает и реализует налоговую политику, в ст. 4 Налогового кодекса Российской Федерации упоминается важность «государственной политики в сфере налогов и сборов» и т.д.

Между тем эксперты [20] говорят о возможности построения многофункциональной налоговой системы только посредством сложной налоговой политики в целях обеспечения как финансовых потребностей государства, отдельных социальных групп общества, а также развития экономики страны за счет перераспределения и стимулирования финансовых ресурсов. С этой целью необходимо формирование налоговой стратегии и тактики на основе продуманной концепции налоговой политики, при их согласовании с соответствующей бюджетной, экономической, социальной и иной политикой государства. В основе этой концепции должны лежать конкретные цели и задачи текущей налоговой политики, формирующие четкие и понятные принципы налоговых взаимоотношений. Однако в текущем формате налоговая система строится и совершенствуется в отрыве от даже декларируемых общих целей (развитие предпринимательства, модернизация экономики и др.), преимущественно в аспекте детализации отдельных налоговых механизмов для решения частных вопросов. Подобный принцип заложен и в систему налогового стимулирования.

Налоговое стимулирование, являясь центральным элементом налогового регулирования экономики (наряду с бюджетно-налоговым балансированием, административным воздействием, мерами санкционированных действий [22]), может включать разнообразные способы, такие как:

- применения специальных (пониженных) налоговых ставок (ст. 284, 288.1. НК РФ);
- изъятие доходов из налогооблагаемой базы (ст. 251 НК РФ);
- ускоренная амортизация основных средств (ст. 259 НК РФ);
- упрощение порядка ведения учета (ст. 273 НК РФ);
- освобождение от уплаты налога (п. 5 ст. 284 НК РФ);

- установление более длительного срока по сдаче отчетности и уплаты авансовых платежей (ст. 287 НК РФ);
- налоговые каникулы (ст. 288.1 НК РФ);
- инвестиционные налоговые кредиты (ст. 66 НК РФ);
- вексельное обращение под гарантию бюджета (ст. 149 НК РФ);
- взаимозачет бюджетно-налоговых долгов (ст. 78 НК РФ) и др.

Подобное разнообразие дополняется широким спектром условий их предоставления по разнообразным характеристикам налогоплательщиков и процессов оплаты, что создает огромное количество льгот, предоставляемых налогоплательщикам в РФ, число которых более 200, что значительно отличается от числа налоговых льгот в США (около 100), Великобритании и Франции (70–80) [12]. Другие источники говорят о еще большем числе льгот: «по состоянию на 1 января 2015 г. имелось 359 видов налоговых льгот и преференций» [8].

Думается, в действительности налоговых льгот больше на порядок, поскольку российское законодательство в этой области весьма неоднозначно, запутанно и противоречиво. Во-первых, не существует четкого понятия налоговой льготы, на основе которого бы давался исчерпывающий открытый их список. Так, ст. 56 «Установление и использование льгот по налогам и сборам» НК РФ определяет налоговую льготу как элемент налогообложения, который должен иметь отдельную нормативную позицию, при том что существуют многочисленные льготы исходя из механизма оплаты отдельных налогов: налоговые вычеты по НДФЛ, операции, освобожденные от обложения НДС; доходы, не облагаемые налогом на прибыль организаций и др. Последние не имеют статуса налоговых льгот, хотя являются таковыми по сути. Во-вторых, различные нормативные документы, включая Налоговый кодекс РФ, в определенных разделах декларируют налоговые преференции, которые не подтверждаются другими разделами и правовыми актами, создавая практически хаос в этой сфере. Эксперты [28] признают значительную терминологическую и правовую путаницу в области налоговых льгот, что создает условия для нарушений налогового законодательства, затрудняет оценку потерь бюджета и др.

Таким образом создается бессистемный механизм льготирования, который насыщен разнообразными вариантами льгот, напрямую не увязанных с достижением нужного обществу результата от конкретных налогоплательщиков. Кроме того, это создает совершенно неравные условия хозяйствования в стране и способствует экономической дифференциации и дальнейшей поляризации уровней развития территорий. Существует и такое мнение, что «...налоговые привилегии усугубляют налогообложение для тех, кто не попадает в число льготников, активизируют их сопротивление налогам и дают повод к новым привилегиям» [23].

Точечные налоговые льготы могут являться свидетельством низкой эффективности управления, поскольку, по мнению специалистов, серьезные проблемы не могут решаться только налоговыми льготами, так как отдельные «льготы редко достигают целей, ради которых они даются. Льготы создают тепличные условия, снижают конкуренцию, и в мире достаточно примеров, когда отдельные страны, стараясь поддержать отрасли или предприятия, защищая их, в итоге просто теряли эти отрасли» [3].

Решение этих и иных проблем вылилось в поэтапную отмену действующих налоговых льгот согласно «Основным направлениям налоговой политики Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов» в целях увеличения доходов субнациональных уровней бюджетной системы Российской Федерации, с передачей соответствующих полномочий на региональный (местный) уровень. Правда, сохраняется срок их обязательного применения субъектами Российской Федерации на своей территории в течение 5 лет, 3 лет и одного года. По истечении которого действия обязательного применения льготы субъект Российской Федерации будет иметь право самостоятельно принимать решение о предоставлении на своей территории соответствующей налоговой льготы или отказе от нее [9]. При том что сам объем федеральных льгот по региональным и местным налогам планируется сократить к 2018 г. до 85 % [16], что пока крайне мало реализуется.

Современная система придания наибольшей активности в области налоговых льгот на уровне региональных и местных бюджетов сопряжена с незаинтересованностью субъектов Российской Федерации и муниципалитетов в развитии бизнеса на подведомственной им территории и привлечении инвестиций. Изменение ситуации экспертами [1] видится в области перераспределения доходов между различными уровнями бюджета, введением льгот по федеральным налогам, тщательном анализе эффективности вводимых льгот [10], их экономическом обосновании, градацией видов льгот: социальные налоговые льготы [46], льготы инвестиционного и инновационного характера [32] и др.

Однако только сокращение или простая оптимизация льгот может не дать положительного результата в области стимулирования экономики и территориального развития, а надежда на оценку эффективности налоговых льгот, по мнению специалистов [11], не слишком перспективна: «налог – инструмент многовекторного действия, сопоставление налоговых расходов и их эффектов – задача невероятной сложности». В итоге задача сводится к поиску нетривиального, более сложного решения в области льгот, в том числе налогового стимулирования пространственного развития.

Думается, таким сложным решением является более тщательная методологическая и методическая проработка механизма предоставления льгот. В основе методологического совершенствования должна быть положена единая концепция национальной налоговой системы льготирования, которая бы определила его цели, приоритеты, виды, принципы и др. В отношении последнего система льготирования должна предусматривать общие для всей налоговой системы принципы:

- понятие налоговой льготы и ее виды должны иметь однозначное толкование, зафиксированное в налоговом законодательстве;
- состав и механизмы налоговых льгот должны быть систематизированы и конкретизированы по всем основным условиям и характеристикам их использования;
- количество льгот должно быть минимальным, а характер их расчета должен быть максимально простым (чем больше налоговых льгот и сложнее правила их вычисления, тем больше возможностей для налоговых злоупотреблений) [21];

– льгота должна быть целевой, предусматривающей целенаправленное стимулирование соответствующих видов экономической деятельности и максимально гарантирована тем, кто действительно нуждается;

– конструкция налогового стимула должна соответствовать результативности работы налогоплательщика;

– льготы должны соответствовать их значимости для налогоплательщика, ключевым элементом любой национальной модели льгот является снижение наиболее значимых налогов, включая налог на прибыль, НДС и др.;

– льготы должны иметь четкую и измеримую систему критериев и прозрачность процедуры проверки их использования [22], а для этого налоговые льготы должны иметь конкретные требования и условия как по предоставлению, так и по анализу использования, обеспечивающие минимизацию субъективного решения.

С методической точки зрения иным вариантом налогового стимулирования в рамках решения пространственных проблем было бы создание сложного комплексного механизма стимулирования, охватывающего, с одной стороны, все регионы и территории страны с учетом социальных, экономических и иных условий и факторов их развития, а с другой – цели, задачи и требования поступательного экономического и социального прогресса как отдельных налогоплательщиков, так и общества в целом. Поэтому современная система налогового стимулирования должна иметь как вертикальную направленность, нацеленную на рост предпринимательской, инновационной, технологической и иной активности, обеспечивающих общий экономический рост за счет инвестиционной составляющей, так и горизонтальную, связанную с экономическим выравниванием территорий.

В основе первого типа стимулирования должна быть положена последовательная и понятная градация налогоплательщиков и специфики их деятельности. Вертикальный тип налогового стимулирования должен быть основан на поддержке и развитии прибыльных предпринимателей и компаний, вкладывающих свои средства в технологическое, социальное и иное развитие. Поэтому такими инвестициями могут являться текущие и капитальные вложения во все объекты территориального местоположения, включая человеческий, производственный, интеллектуальный и иной капитал. Именно наличие данного признака является важнейшим условием предоставления налоговых льгот конкретным результативным налогоплательщикам в соответствии с объемами их инвестиций, размерами организации и результатами их деятельности. В итоге общая схема совершенствования системы налогового стимулирования вертикальной направленности показана на рис. 1.

Второй горизонтальный тип налогового стимулирования должен быть основан на современной системе социально-экономического зонирования, которое в условиях современного точечного, очагового развития формирует как минимум две группы территорий по уровню государственного инвестирования, институциональной или урбанизационной специфичности, создающей центрипетальные процессы, ведущие к поляризации и неравенству. В первую группу территорий могут входить все объекты, курируемые государственными проектами и программами, финансируемыми из феде-

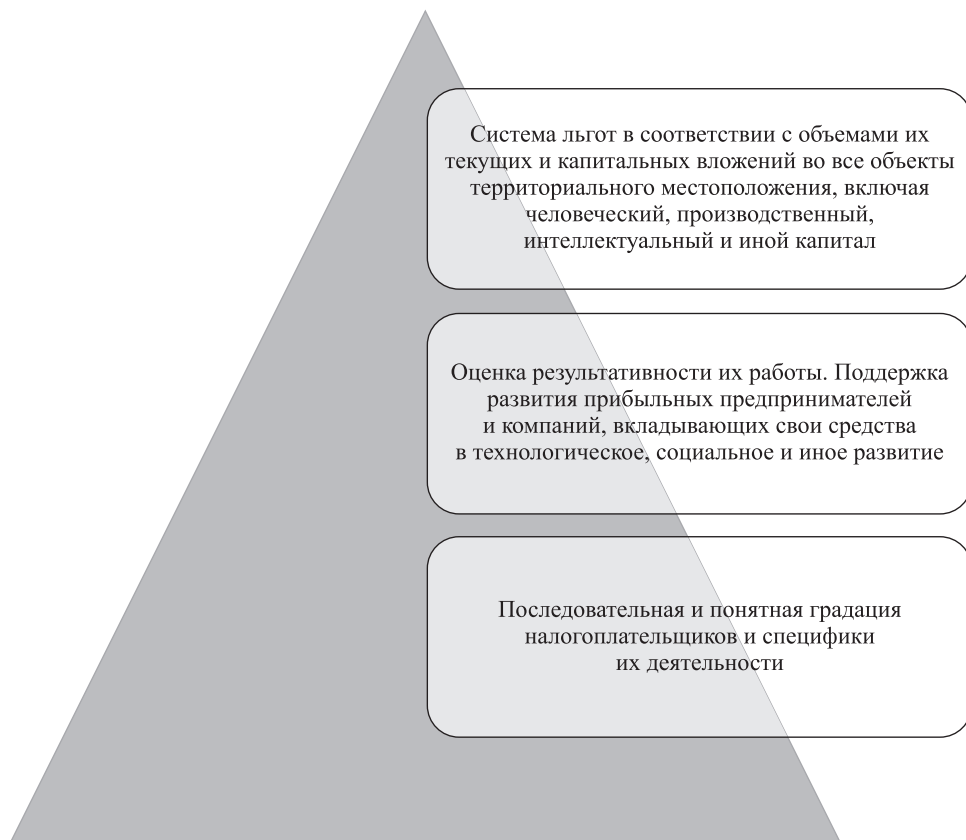

Рис. 1. Общая схема совершенствования системы налогового стимулирования вертикальной направленности

рального бюджета, которые вносят существенный экономический и социальный вклад в развитие конкретной территории, что объективно может и компенсируется региональными и местными льготами. В эту же категорию следует внести крупные мегаполисы и их пригороды, которые также осуществляют центрипетальный процесс сепарации ресурсов от собственной периферии и страны в целом.

Все иные группы территорий, думается, должны быть отнесены к категории налоговых преференций инвесторам по системе налоговых каникул, налоговых кредитов, снижения ставок и др. по федеральным налогам в зависимости от характера экономической активности: производственная, технологическая, инновационная, социальная и др. Данное положение крайне важно для стимулирования региональной и местной власти к поиску и расширению числа разнообразных инвесторов. Соответственно формируются две группы инвесторов по статусу территорий хозяйствования, которые получают федеральную помощь либо в виде институциональных и инфраструктурных привилегий, либо в виде индивидуальных преференций из федерального бюджета при инвестировании и развитии проблемных территорий. В итоге общая схема совершенствования системы налогового стимулирования горизонтальной направленности может иметь следующий вид (рис. 2).

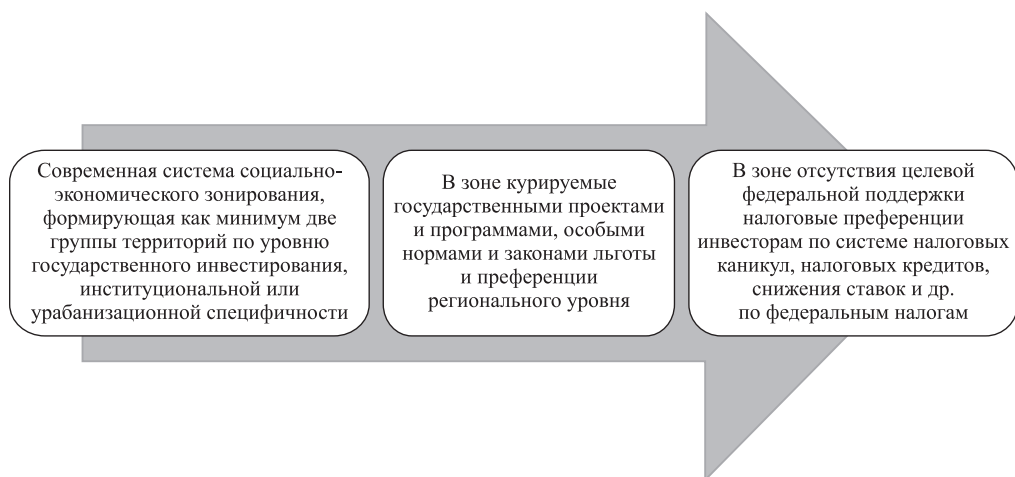

Рис. 2. Общая схема совершенствования системы налогового стимулирования горизонтальной направленности

Таким образом, ситуация большого количества льгот и преференций, используемых в настоящее время в большинстве случаев формально и хаотично, ставит задачу пересмотра механизма и целей их предоставления, одной из которых является совместное обеспечения двух важнейших направлений пространственного развития страны. Решение подобных задач является комплексной проблемой, исход которой определяется уровнем системности и эффективности регулирующих действий, включая налоговое стимулирование.

Закключение. Проект Концепции «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года» поставил в том числе задачу содействия развитию особых территориальных зон, при этом крайне ограничено сформулированы методы и подходы их решения. Между тем эффективное использование такой формы пространственной поддержки процессов реиндустриализации возможно только на основе совершенствования системы государственного управления на основе современных приемов «качественного» регулирования, включая налоговое стимулирование.

Сформулированная программным документом задача содействия развитию особых территориальных зон, традиционно рассматривается как система особых действий в виде специального административно-экономического режима, включая, финансовый, налоговый, таможенный, административный и т.д. Подобные режимы включают большое количество льгот и преференций, которые в настоящее время в большинстве случаев используются формально и хаотично. Вследствие этого появляется задача пересмотра механизма, целей и условий их предоставления. Основой для предоставления льгот и преференций должна стать единая концепция национальной налоговой системы льготирования, которая бы определила не только их цели, приоритеты, виды, принципы и др., но и механизмы реализации последних на основе современной системы социально-экономического зонирования.

Литература

1. Актуальные проблемы развития налоговой системы России в первом десятилетии XXI века / колл. авторов; под науч. ред. Л. И. Гончаренко. М.: Финуниверситет, 2011. С. 314.
2. Безикова Е.В. Государственное финансирование и государственная поддержка особых экономических зон на территории Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 3 (5).
3. Брюмерхфф Д. Теория государственных финансов. Владикавказ: Пионер-Пресс, 2001.
4. Бухарова Е.М. Роль технико-внедренческих особых экономических зон в становлении инновационных систем регионов России: дис. ... канд. экон. наук. М.: МГУ, 2016.
5. Водопьянова В.А., Изергина К.Е. Налоговые льготы для резидентов территорий опережающего социально-экономического развития // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 6 (ч. 2). С. 361–364.
6. Волков А.И., Сатаненко О.А., Таймазов А.В. Особые экономические зоны: перспективы и проблемы функционирования // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2008. № 8 (42). С. 21.
7. Гареев Т.Р. Экономическое зонирование: классические и институциональные аспекты развития (на примере ОЭЗ в Калининградской области) // TERRA ECONOMICUS (Экономический вестник Ростовского государственного университета). 2009. Т. 7. № 3.
8. Гончаренко Л.И., Малис Н.И. Налоговая политика государства: нужна ли смена модели в условиях современного экономического кризиса? // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 3. С. 152–156.
9. Гончаренко Л.И., Мельникова Н.П. О новых подходах к политике применения налоговых льгот и преференций в целях стимулирования развития экономики // Экономика. Налоги. Право. 2017. № 2. С. 96–104.
10. Горбачева О.Ю. Обоснование подхода к оценке эффективности налоговых льгот в Российской Федерации // Финансовое право. 2014. № 5. С. 14–18.
11. Горский И.В. О налоговом регулировании, налоговых льготах и функциях (историко-методологический аспект) // Экономика. Налоги. Право. 2014. № 3. С. 17–22.
12. Данданян Д.А. Налоговые льготы как форма государственной поддержки // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 6. № 2. С. 18–28.
13. Димов В.А., Сариишвили Г.Н. Институциональные ловушки ручного управления российской экономикой // Экономика и политика. 2013. № 10. С. 11–17.
14. Жиркова С.В. Развитие особых экономических зон в России как инструмент повышения инновационного потенциала: недостатки, преимущества и перспективы // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7-8. С. 22–28.
15. Зуев С.В. Зарубежный опыт социально-экономического развития территорий // Вестник НГИЭИ. 2012. № 1 (8).
16. Игонина Л.Л., Мамонова И.В. Стимулирующие налоговые льготы как инструмент бюджетно-налогового регулирования: особенности применения и оценка эффективности на региональном уровне // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2017. № 4. С. 38–50.
17. Илющенко Н.А. Проблемы и перспективы особых экономических зон как формы государственно-частного партнерства // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2011. № 2. С. 88–94.
18. Коновалова О.Н. Проблемы развития информационно-сетевой организации экономики и переход к инновационному типу развития // Омский научный вестник. 2006. № 8 (42).

19. Кузнецов Р.А. Механизмы реабилитации проблемных регионов в современных условиях: отечественной и зарубежный опыт // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 9 (137). С. 51–54.
20. Кузулгуртова А.Ш. Особенности государственной налоговой политики в периоды глобальной финансовой нестабильности // Финансы и кредит. 2012. № 4.
21. Куклина Е.А. Система налоговых льгот и стимулов и их эффективность (в контексте инновационного развития Российской Федерации) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 6. № 1. С. 118–128.
22. Куклина Е.А., Федорков А.И., Чжу Сяоцин и др. Налоговая политика стимулирования инновационной деятельности в России и Китае: этапы разработки и проблемы реализации // Управленческое консультирование. 2013. № 6. С. 48–60.
23. Ланг Й. Проект кодекса налоговых законов для государств Центральной и Восточной Европы. Бонн: Федеральное министерство финансов, 1993.
24. Майбуров И.А. Налоги и налогообложение. М.: Юнити, 2007. 655 с.
25. Максимова И.И. Территории с особым статусом: типологические и институциональные аспекты: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М.: ИСА РАН, 2010.
26. Мороз В.В. Налоговая система РФ на современном этапе ее развития // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 6.
27. Мусаев Р.А., Решиев С.С. Характерные особенности региональной политики в развитых странах // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 48 (141).
28. Налоговые системы. Методология развития: монография / под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. М.: ЮНИТИ ДАНА. 2012.
29. Неучева М.Ю. Зарубежный опыт функционирования особых экономических зон // Проблемы современной экономики. 2010. № 3. С. 102–105.
30. Неучева М.Ю., Сидорова О.В. Инновационная составляющая особых экономических зон // Проблемы современной экономики. 2011. № 2 (38).
31. Нилов К. Правовой режим свободных (особых) экономических зон в России и Европе // Вся Европа. 2007. № 10 (15).
32. Савина О.Н. Оценка эффективности налоговых льгот в условиях действующего российского налогового законодательства и направления ее совершенствования // Налоги и налогообложение. 2012. № 9–10. С. 15–29.
33. Серкова А.Е. Зарубежный опыт классификации регионов как инструмента региональной политики // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 8 (299). Экономика. Вып. 40. С. 57–61.
34. Строев И. Болезни роста // Управление бизнесом. 2016. № 9 (30).
35. Сысоева Е.Ф., Мельник Е.Н. Налоговая политика государства и оценка ее эффективности на региональном уровне: монография. Воронеж: Изд-во: Воронежский государственный педагогический университет, 2015. 237 с.
36. Татаркин А.И. Развитие экономического пространства Российской Федерации на основе кластерных принципов // Федерализм. 2012. № 1.
37. Татаркин А.И. Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 6 (24). С. 42–59.
38. Троцкий А.Я., Щетинин М.П. Концептуальные основы регулирования территориального развития на мезоуровне // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2. С. 298–308.
39. Ускова Т.В. Пространственное развитие территорий: состояние, тенденции, пути снижения рисков // Проблемы развития территории. 2015. № 1 (75).
40. Халилова М.А., Романова Ю.А. Эффективность публичного управления в Российской Федерации // Управление экономическими системами. 2014. № 1.
41. Швецов А.В. Бюджетно-налоговая политика как социально-экономическая категория // Вопросы экономики и права. 2011. № 11. С. 125–131.

42. *Швецов Ю.Г.* Пути реформирования налоговой системы РФ // Проблемы учета и финансов. 2016. № 1 (21).
43. *Шевченко И.В., Алеников А.С.* Концептуальные основы налоговой политики как комплексной экономической категории // Финансы и кредит. 2012. № 30 (510).
44. *Шевяков А.Ю.* Проблемные регионы – сущность и классификация // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 10 (66).
45. *Яковлева С.И.* Пространственные модели в стратегиях социально-экономического развития регионов России // Псковский регионологический журнал. 2014. № 17.
46. *Bird R., Martinez-Vazquez J., Torgler B.* Societal Institutions and Tax Effort in Developing Countries // Working Paper, no. 2004-21. Basel, CREMA, 2004.
47. *Charles-Henri Montin.* Smart Regulation in the European Union. [Electronic Resource]. URL: <http://regplus.blogspot.ru/> (дата обращения: 20.03.2018).
48. *Helminen M.* «Finnish International Taxation», WSOY 2002. Tikka, Kari S., «Tax Competition and the Welfare State: Time to Surrender or to Reconsider», in Liber Amicorum Sven-Olof Lodin. Kluwer, 2001.
49. *Smart Regulation: A Regulatory Strategy for Canada.* [Электронный ресурс]. URL: <http://publications.gc.ca/collections/Collection/CP22-78-2004E.pdf> (дата обращения: 20.03.2018).
50. *Абдуллаев Д.М., Мусаева У.М.* Проблемы разработки и реализации инвестиционных проектов в регионах РФ // Молодой ученый. 2017. № 5. С. 129–131. URL: <https://moluch.ru/archive/139/39285/> (дата обращения: 13.03.2018).
51. Инвестиционные проекты. Информационный портал. URL: <https://investprojects.info/regions> (дата обращения: 13.03.2018).
52. *Короленко А.Д.* Современное значение «умного регулирования» как нового направления государственного регулирования экономики // Молодой ученый. 2015. № 4. С. 368–371. URL: <https://moluch.ru/archive/84/15550/> (дата обращения: 20.03.2018).
53. *Костина Н.Б., Ханипова И.Т.* Транспарентность как фактор эффективности управления социальной сферой // Вопросы управления. 2017. № 1. URL: <http://vestnik.uara.ru/ru/issue/2017/01/28/> (дата обращения: 20.03.2018).
54. Министерство экономического развития Российской Федерации Особые экономические зоны. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/sez?WCM_PageSize.e1149488-9c28-4490-bb77-fd1587334de5=40 (дата обращения: 13.03.2018).
55. О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 13.03.2018).
56. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации. [Электронный ресурс]: Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.03.2018).
57. *Стандарт деятельности* органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе (утв. решением наблюдательного совета АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» от 03.05.2012). URL: <http://www.gisa.ru/94291.html> (дата обращения: 13.03.2018).

Bibliography

1. Aktual'nye problemy razvitiya nalogovoj sistemy Rossii v pervom desjatiletii XXI veka / koll. avtorov; pod nauch. red. L. I. Goncharenko. M.: Finuniversitet, 2011. P. 314.
2. *Bezikova E.V.* Gosudarstvennoe finansirovanie i gosudarstvennaja podderzhka osobyh jekonomicheskikh zon na territorii Rossijskoj Federacii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2012. № 3 (5).

3. *Brjummerhff D.* Teorija gosudarstvennyh finansov. Vladikavkaz: Pioner-Press, 2001.
4. *Buharova E.M.* Rol' tehniko-vnedrencheskih osobyh jekonomicheskikh zon v stanovlenii innovacionnyh sistem regionov Rossii: dis. ... kand. jekon. nauk. M.: MGU, 2016.
5. *Vodop'janova V.A., Izergina K.E.* Nalogovyje l'goty dlja rezidentov territorij operezhajushhego social'no-jekonomicheskogo razvitija // *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*. 2016. № 6 (ch. 2). P. 361–364.
6. *Volkov A.I., Satanenkov O.A., Tajmazov A.V.* Osobyje jekonomicheskie zony: perspektivy i problemy funkcionirovanija // *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 2008. № 8 (42). P. 21.
7. *Gareev T.R.* Jekonomicheskoe zonirovanie: klassicheskie i institucional'nye aspekty razvitija (na primere OJeZ v Kaliningradskoj oblasti) // *TERRA ECONOMICUS* (Jekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta). 2009. T. 7. № 3.
8. *Goncharenko L.I., Malis N.I.* Nalogovaja politika gosudarstva: nuzhna li smena modeli v uslovijah sovremennogo jekonomicheskogo krizisa? // *Jekonomika. Nalogi. Pravo*. 2015. № 3. P. 152–156.
9. *Goncharenko L.I., Mel'nikova N.P.* O novyh podhodah k politike primenenija nalogovyh l'got i preferencij v celjah stimulirovanija razvitija jekonomiki // *Jekonomika. Nalogi. Pravo*. 2017. № 2. P. 96–104.
10. *Gorbacheva O.Ju.* Obosnovanie podhoda k ocenke jeffektivnosti nalogovyh l'got v Rossijskoj Federacii // *Finansovoe pravo*. 2014. № 5. P. 14–18.
11. *Gorskij I.V.* O nalogovom regulirovanii, nalogovyh l'gotah i funkcijah (istoriko-metodologicheskij aspekt) // *Jekonomika. Nalogi. Pravo*. 2014. № 3. P. 17–22.
12. *Dandanjan D.A.* Nalogovyje l'goty kak forma gosudarstvennoj podderzhki // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2014. Vol. 6. № 2. P. 18–28.
13. *Dimov V.A., Sarishvili G.N.* Institucional'nye lovushki ruchnogo upravljenija rossijskoj jekonomikoj // *Jekonomika i politika*. 2013. № 10. P. 11–17.
14. *Zhirkova S.V.* Razvitie osobyh jekonomicheskikh zon v Rossii kak instrument povyshenija innovacionnogo potenciala: nedostatki, preimushhestva i perspektivy // *Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy*. 2012. № 7-8. P. 22–28.
15. *Zuev S.V.* Zarubezhnyj opyt social'no-jekonomicheskogo razvitija territorij // *Vestnik NGIJeI*. 2012. № 1 (8).
16. *Igonina L.L., Mamonova I.V.* Stimulirujushhie nalogovyje l'goty kak instrument bjudzhetno-nalogovogo regulirovanija: osobennosti primenenija i ocenka jeffektivnosti na regional'nom urovne // *Buhgalterskij uchët v bjudzhetnyh i nekommercheskich organizacijah*. 2017. № 4. P. 38–50.
17. *Iljushhenko N.A.* Problemy i perspektivy osobyh jekonomicheskikh zon kak formy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 5: Jekonomika*. 2011. № 2. P. 88–94.
18. *Konovalova O.N.* Problemy razvitija informacionno-setevoj organizacii jekonomiki i perehod k innovacionnomu tipu razvitija // *Omskij nauchnyj vestnik*. 2006. № 8 (42).
19. *Kuznecov R.A.* Mehanizmy rehabilitacii problemnyh regionov v sovremennyh uslovijah: otechestvennoj i zarubezhnoj opyt // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*. 2014. № 9 (137). P. 51–54.
20. *Kuzulgurtova A.Sh.* Osobennosti gosudarstvennoj nalogovoj politiki v periody global'noj finansovoj nestabil'nosti // *Finansy i kredit*. 2012. № 4.
21. *Kuklina E.A.* Sistema nalogovyh l'got i stimulov i ih jeffektivnost' (v kontekste innovacionnogo razvitija Rossijskoj Federacii) // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2014. Vol. 6. № 1. P. 118–128.
22. *Kuklina E.A., Fedorkov A.I., Chzhu Sjaocin i dr.* Nalogovaja politika stimulirovanija innovacionnoj dejatel'nosti v Rossii i Kitae: jetapy razrabotki i problemy realizacii // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2013. № 6. P. 48–60.
23. *Lang J.* Proekt kodeksa nalogovyh zakonov dlja gosudarstv Central'noj i Vostochnoj Evropy. Bonn: Federal'noe ministerstvo finansov, 1993.

24. *Majburov I.A.* Nalogi i nalogooblozhenie. M.: Juniti, 2007. 655 p.
25. *Maksimova I.I.* Territorii s osobym statusom: tipologicheskie i institucional'nye aspekty: avtoref. dis. ... d-ra jekon. nauk. M.: ISA RAN, 2010.
26. *Moroz V.V.* Nalogovaja sistema RF na sovremennom etape ee razvitija // *Biznes v zakone. Jekonomiko-juridicheskij zhurnal.* 2013. № 6.
27. *Musaev R.A., Reshiev S.S.* Harakternye osobennosti regional'noj politiki v razvityh stranah // *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'.* 2011. № 48 (141).
28. Nalogovye sistemy. Metodologija razvitija: monografija / pod red. I.A. Majburova, Ju.B. Ivanova. M.: JuNITI DANA. 2012.
29. *Neucheva M.Ju.* Zarubezhnyj opyt funkcionirovanija osobyh jekonomicheskikh zon // *Problemy sovremennoj jekonomiki.* 2010. № 3. P. 102–105.
30. *Neucheva M.Ju., Sidorova O.V.* Innovacionnaja sostavljajushhaja osobyh jekonomicheskikh zon // *Problemy sovremennoj jekonomiki.* 2011. № 2 (38).
31. *Nilov K.* Pravovoj rezhim svobodnyh (osobyh) jekonomicheskikh zon v Rossii i Evrope // *Vsja Evropa.* 2007. № 10 (15).
32. *Savina O.N.* Ocenka jeffektivnosti nalogovyh l'got v uslovijah dejstvujushhego rossijskogo nalogovogo zakonodatel'stva i napravlenija ee sovershenstvovanija // *Nalogi i nalogooblozhenie.* 2012. № 9-10. P. 15–29.
33. *Serkova A.E.* Zarubezhnyj opyt klassifikacii regionov kak instrumenta regional'noj politiki // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2013. № 8 (299). *Jekonomika.* Vyp. 40. P. 57–61.
34. *Stroev I.* Bolezni rosta // *Upravlenie biznesom.* 2016. № 9 (30).
35. *Sysoeva E.F., Mel'nik E.N.* Nalogovaja politika gosudarstva i ocenka ee jeffektivnosti na regional'nom urovne: monografija. Voronezh: Izd-vo: Voronezhskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. 2015. 237 p.
36. *Tatarkin A.I.* Razvitie jekonomicheskogo prostranstva Rossijskoj Federacii na osnove klasternyh principov // *Federalizm.* 2012. № 1.
37. *Tatarkin A.I.* Formirovanie regional'nyh institutov prostranstvennogo razvitija Rossijskoj Federacii // *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz.* 2012. № 6 (24). P. 42–59.
38. *Trockovskij A.Ja., Shhetinin M.P.* Konceptual'nye osnovy regulirovanija territorial'nogo razvitija na mezourovne // *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2010. № 2. P. 298–308.
39. *Uskova T.V.* Prostranstvennoe razvitie territorij: sostojanie, tendencii, puti snizhenija riskov // *Problemy razvitija territorii.* 2015. № 1 (75).
40. *Halilova M.A., Romanova Ju.A.* Jeffektivnost' publicnogo upravlenija v Rossijskoj Federacii // *Upravlenie jekonomicheskimi sistemami.* 2014. № 1.
41. *Shvecov A.V.* Bjudzheto-nalogovaja politika kak social'no-jekonomicheskaja kategorija // *Voprosy jekonomiki i prava.* 2011. № 11. P. 125–131.
42. *Shvecov Ju.G.* Puti reformirovanija nalogovoj sistemy RF // *Problemy ucheta i finansov.* 2016. № 1 (21).
43. *Shevchenko I.V., Alenikov A.S.* Konceptual'nye osnovy nalogovoj politiki kak kompleksnoj jekonomicheskoi kategorii // *Finansy i kredit.* 2012. № 30 (510).
44. *Shevjakov A.Ju.* Problemnye regiony – sushhnost' i klassifikacija // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki.* 2008. № 10 (66).
45. *Jakovleva S.I.* Prostranstvennyye modeli v strategijah social'no-jekonomicheskogo razvitija regionov Rossii // *Pskovskij regionologicheskij zhurnal.* 2014. № 17.
46. *Bird R., Martinez-Vazquez J., Torgler B.* Societal Institutions and Tax Effort in Developing Countries // *Working Paper, no. 2004-21.* Basel, CREMA, 2004.
47. *Charles-Henri Montin.* Smart Regulation in the European Union. [Electronic Resource]. URL: <http://regplus.blogspot.ru/> (data obrashhenija: 20.03.2018).
48. *Helminen M.* «Finnish International Taxation», WSOY 2002. Tikka, Kari S., «Tax Competition and the Welfare State: Time to Surrender or to Reconsider», in *Liber Amicorum Sven-Olof Lodin.* Kluwer, 2001.

49. Smart Regulation: A Regulatory Strategy for Canada. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://publications.gc.ca/collections/Collection/CP22-78-2004E.pdf> (data obrashhenija: 20.03.2018).
50. Abdullaev D.M., Musaeva U.M. Problemy razrabotki i realizacii investicionnyh projektov v regionah RF // Molodoj uchenyj. 2017. № 5. P. 129–131. URL: <https://moluch.ru/archive/139/39285/> (data obrashhenija: 13.03.2018).
51. Investicionnye proekty. Informacionnyj portal. URL: <https://investprojects.info/regions> (data obrashhenija: 13.03.2018).
52. Korolenko A.D. Sovremennoe znachenie «umnogo regulirovanija» kak novogo napravlenija gosudarstvennogo regulirovanija jekonomiki // Molodoj uchenyj. 2015. № 4. P. 368–371. URL: <https://moluch.ru/archive/84/15550/> (data obrashhenija: 20.03.2018).
53. Kostina N.B., Hanipova I.T. Transparentnost' kak faktor jeffektivnosti upravlenija social'noj sferoj // Voprosy upravlenija. 2017. № 1. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2017/01/28/> (data obrashhenija: 20.03.2018).
54. Ministerstvo jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii Osobyje jekonomicheskie zony. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/sez?WCM_PageSize.e1149488-9c28-4490-bb77-fd1587334de5=40 (data obrashhenija: 13.03.2018).
55. O zonah territorial'nogo razvitija v Rossijskoj Federacii i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii. [Elektronnyj resurs]: Federal'nyj zakon ot 3 dekabnja 2011 g. № 392-FZ // SPS «Konsul'tant Pljus». URL: <http://www.consultant.ru>. (data obrashhenija: 13.03.2018).
56. O territorijah operezhajushhego social'no-jekonomicheskogo razvitija v Rossijskoj Federacii. [Elektronnyj resurs]: Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 29 dekabnja 2014 g. № 473-FZ // SPS «Konsul'tant Pljus». URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashhenija: 13.03.2018).
57. Standart dejatel'nosti organov ispolnitel'noj vlasti sub#ekta Rossijskoj Federacii po obespečeniju blagoprijatnogo investicionnogo klimata v regione (utv. resheniem nabljudatel'nogo soveta ANO «Agentstvo strategicheskikh iniciativ po prodvizheniju novyh projektov» ot 03.05.2012). URL: <http://www.gisa.ru/94291.html> (data obrashhenija: 13.03.2018).

УДК 658.15

АНАЛИЗ КЛАСТЕРИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ОТРАСЛИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЧЕРЕЗ ПОКАЗАТЕЛЬ СТОИМОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Васильева Н.С., Пичугина Е.П.Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»

E-mail: vasilekns@mail.ru, evgeniya_pichugina.nsk@mail.ru

В данной статье представлен кластерный анализ показателя стоимости организаций отрасли сельского хозяйства Российской Федерации, рассчитанный методом дисконтирования денежных потоков доходного подхода. Актуальность исследования обусловлена тем, что показатель стоимости является недостаточно изученным со стороны влияющих на него факторов и, следовательно, необходимо проявлять разносторонний подход и применять методы статистического анализа к оценке стоимости предприятия. Кластеризация позволит определить тип распределения, характерный для показателя стоимости, а также подтвердить или опровергнуть гипотезу о том, что при анализе компании разделятся на три группы: с завышенной стоимостью, со стоимостью, близкой к балансовой, и с заниженной оценочной стоимостью. Полученные результаты могут стать основой для проведения факторного анализа и построения интегрального показателя оценки стоимости компаний сельского хозяйства РФ.

Ключевые слова: кластерный анализ, ЕМ-алгоритм, эмпирические частоты, показатель стоимости организации, метод дисконтирования денежных потоков.

THE ANALYSIS OF CLUSTERING OF RUSSIAN AGRICULTURAL ENTERPRISES VIA THE COMPANY COST PARAMETER

Vasilyeva N.S., Pichugina E.P.

Novosibirsk State University of Economics and Management

E-mail: vasilekns@mail.ru, evgeniya_pichugina.nsk@mail.ru

This article presents a cluster analysis of the value of organizations in the agricultural sector of the Russian Federation, calculated by discounting cash flows income approach. The relevance of the study is due to the fact that the value indicator is insufficiently studied by the factors affecting it and, therefore, it is necessary to take a comprehensive approach and apply statistical analysis methods to the valuation of the enterprise. Clustering will determine the type of distribution characteristic of the value indicator, as well as confirm or disprove the hypothesis that the analysis of the company will be divided into three groups: with an inflated value; with a value close to the balance sheet and with an understated estimated value. The results obtained can be the basis for the factor analysis and the construction of the integral index of assessing the value of companies of agriculture of the Russian Federation.

Keywords: cluster analysis, EM algorithm, empirical frequencies, organization value indicator, cash flow discounting method.

Актуальность темы оценки стоимости организации в настоящее время возрастает, так как современный бизнес не может развиваться без справедливой оценки своей стоимости. Оценка позволяет предпринимателям и физическим лицам получить достоверную информацию о реальной стоимости предприятия прежде чем совершать сделки с ним. Оценка стоимо-

сти – самый объективный способ узнать, действительно ли эффективно работает компания [5, с. 217]. Внедрение методов статистического анализа для показателя стоимости организаций является непростой задачей и пока такие проекты реализуются чаще экспериментально. Но, возможно, если будут достигнуты точные результаты исследований и усовершенствованы методы их применения, в дальнейшем они станут более изучаемыми и востребованными.

При анализе экономических показателей часто приходится сталкиваться с большими объемами данных, что делает поставленные задачи еще более сложными. На современном этапе кластеризация все чаще выступает первым шагом при анализе данных. Кластеризация – разбиение множества объектов на группы (кластеры), основываясь на свойствах этих объектов. Кластер представляет собой группу объектов, имеющих общие признаки. Целью алгоритмов кластеризации является создание классов, которые максимально связаны внутри себя, но различны друг от друга.

Для формирования совокупности организаций с целью расчета показателя их стоимости и дальнейшей кластеризации был проведен анализ отчетности хозяйствующих субъектов, являющихся по ОПФ акционерными обществами открытого типа. Для анализа рассмотрены предприятия отрасли сельского хозяйства по всем регионам Российской Федерации и отобраны в следующей последовательности:

1. Из базы данных Скрин взята финансовая отчетность организаций за 2015 г. Первоначально совокупность компаний составила 978 предприятий.

2. Далее из анализа были исключены организации с отрицательными показателями: валовой прибыли, чистой прибыли, собственного капитала, отрицательным сальдо денежных потоков от текущих операций.

Совокупность после отбора составила 555 организаций.

3. Следующим этапом была проведена проверка полученной совокупности организаций на основе расчета коэффициента M-score. Для определения индекса манипулирования использована 8-факторная модель [3, с. 4–5].

В данном исследовании применение индекса M-score является уместным, так как показатели, составляющие его модель, и показатели, используемые для расчета стоимости компании, разные. Следовательно, дополнительная очистка через M-score позволит получить более точные результаты.

Совокупность компаний, не манипулирующих с финансовой отчетностью, составила 299 предприятий.

Для расчета стоимости организаций был выбран метод дисконтирования денежных потоков доходного подхода.

Метод дисконтирования денежных потоков может быть использован для оценки любого действующего предприятия. Это один из самых распространенных и применяемых методов оценки стоимости компании. Текущая стоимость предприятия определяется по следующей формуле:

$$Ст = ЧДП + Сост, \quad (1)$$

где ЧДП – текущая стоимость чистых денежных потоков в течение прогнозируемого периода; Сост – текущее значение остаточной стоимости предприятия.

Остаточная стоимость предприятия – это стоимость чистых денежных потоков в течение всех периодов, следуемых за прогнозируемым периодом. Чем продолжительнее период прогноза, тем меньше влияние остаточной стоимости на текущую стоимость предприятия.

Чистый денежный поток – это денежный поток, доступный владельцам акций и облигаций предприятия, за вычетом налогов с процентов и чистых капитальных инвестиций (т.е. расходов на замещение производственных активов предприятия и поддержание дальнейшей деятельности предприятия, направленной на получение дохода).

$$\text{ЧДП} = \frac{CF_1}{(1+r)^1} + \frac{CF_2}{(1+r)^2} + \dots + \frac{CF_n}{(1+r)^n}, \quad (2)$$

где r – ставка дисконтирования; CF_n (Cash Flow) – денежный поток в период времени n .

Для нахождения остаточной стоимости часто используют метод роста чистого денежного дохода. В методе роста чистого денежного потока предполагается, что чистый денежный поток предприятия будет расти каждый год с постоянной скоростью на протяжении бесконечного периода.

$$C_{\text{ост}} = \frac{s}{(1+r)^n}, \quad (3)$$

где s – остаточная стоимость предприятия на конец n -го года.

Существует множество алгоритмов кластеризации, но не все применимы к большому объему данных. Среди алгоритмов, которые позволяют это сделать, наиболее известен ЕМ-алгоритм, основывающийся на предположении, что все кластеры подчиняются какому-либо теоретическому закону распределения [2, с. 130].

Для проведения ЕМ-алгоритма и построения графика распределения был проведен расчет эмпирических частот для всей совокупности организаций, а также выдвинута гипотеза о том, что компании при кластеризации будут разделены на следующие группы:

- с завышенной стоимостью, т.е. стоимостью в несколько раз выше балансовой;
- со стоимостью, близкой к единице (не завышающие оценочную стоимость);
- с заниженной оценочной стоимостью (она приравнена к нулевой).

Чтобы осуществить кластерный анализ, воспользуемся выборкой, сделанной ранее. Дальнейшие действия состоят в следующем:

1. Проверим выдвинутое предположение о том, что распределение показателя стоимости в данной выборке соответствует нормальному закону. Для восстановления фактического распределения результатов наблюдения разделим значения, вошедшие в выборку, на интервалы. Оптимальная ширина интервала определяется выражением:

$$h = (X_{\max} - X_{\min}) / (1 + 3,32 \cdot \ln(n)), \quad (4)$$

где h – ширина интервала; n – количество наблюдений; $X_{\max}$ – максимальное значение из выборки; $X_{\min}$ – минимальное значение из выборки.

2. Распределяем всю совокупность значений стоимости между построенными интервалами и проводим расчет эмпирических частот – количество показателей, попавших в исследовательский интервал.

3. Следующий этап – создание кластеров через программу STATISTICA с помощью ЕМ-алгоритма, определение статистических характеристик и границ между кластерами.

Для проведения анализа необходимо знать закон распределения. Для определения закона в большинстве случаев нужно подогнать наблюдаемое распределение под теоретическое, сравнением наблюдаемых частот в данных с ожидаемыми частотами в теоретическом распределении. Данное исследование строится на предположении, что для выбранной совокупности характерно нормальное распределение.

Сначала необходимо определить количество интервалов. Для этого разделим разницу между максимальным и минимальным значением стоимости организации в выборке на ширину интервала. Полученное значение 19,93 округляем до 20.

В табл. 1 представлены рассчитанные эмпирические частоты и центры интервалов, необходимые для построения системы нормальных распределений.

По всей исследуемой совокупности кластеризацию можно провести, разбив совокупность только на два кластера (рис. 1). При делении на три кластера графики будут накладываться друг на друга, а один будет иметь прямую линию (рис. 2).

Таблица 1

Эмпирические частоты, границы и центры интервалов

Эмпирические частоты	Центры интервалов показателя стоимости	Границы классов
297	2 823,87	5 647,75
1	8 471,62	11 295,49
0	14 119,37	16 943,24
0	19 767,11	22 590,98
0	25 414,86	28 238,73
0	31 062,60	33 886,48
0	36 710,35	39 534,22
0	42 358,10	45 181,97
0	48 005,84	50 829,71
0	53 653,59	56 477,46
0	59 301,33	62 125,21
0	64 949,08	67 772,95
0	70 596,83	73 420,70
0	76 244,57	79 068,45
0	81 892,32	84 716,19
0	87 540,06	90 363,94
0	93 187,81	96 011,68
0	98 835,56	101 659,43
0	104 483,30	107 307,18
0	110 131,05	112 954,92
1	115 778,79	118 602,67

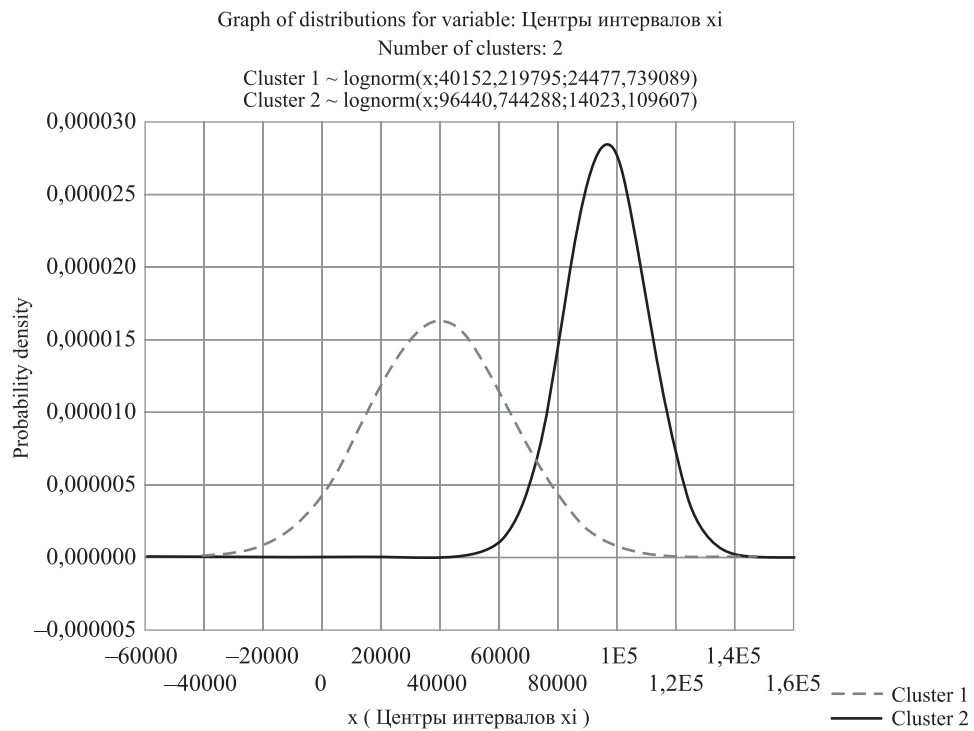

Рис. 1. График системы нормальных распределений (два кластера)

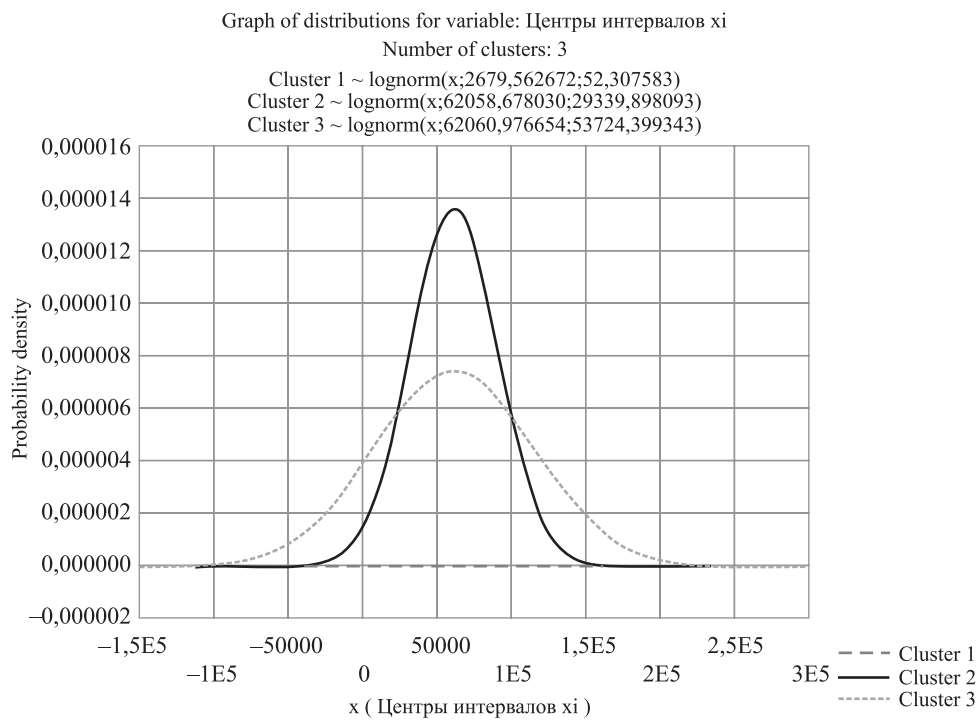

Рис. 2. График системы нормальных распределений (три кластера)

Такой результат наблюдается вследствие того, что совокупность не является однородной и разница между максимальным (112 534,01) и минимальным (0,00) значением стоимости достаточно велика.

Следовательно, для разбиения совокупности компаний на три кластера необходимо очистить ее от сомнительных значений показателя стоимости. В данном варианте избавление происходит от компаний со значением стоимости выше 900 (отношение оценочной стоимости к балансовой). В результате количество компаний в исследуемой совокупности снижается с 299 до 296 организаций.

В табл. 2 представлены эмпирические частоты и центры интервалов, рассчитанные для нового количества организаций.

Таблица 2

Эмпирические частоты, границы и центры интервалов

Эмпирические частоты	Центры интервалов показателя стоимости	Границы классов
249	17,45	34,90
18	52,35	69,80
8	87,24	104,69
7	122,14	139,59
1	157,04	174,49
2	191,94	209,39
2	226,84	244,28
1	261,73	279,18
1	296,63	314,08
0	331,53	348,98
1	366,43	383,88
0	401,32	418,77
0	436,22	453,67
1	471,12	488,57
0	506,02	523,47
1	540,92	558,36
2	575,81	593,26
1	610,71	628,16
0	645,61	663,06
0	680,51	697,96
1	715,41	732,85

По заново рассчитанным эмпирическим частотам и центрам интервалов возможно построение трех кластеров, которые представлены на рис. 3.

Опираясь на построенные распределения, можно найти точные границы кластеров, чтобы в дальнейшем было возможно отнести ту или иную организацию к определенному кластеру. Для этого обратимся к фактической плотности распределения, представленной на рис. 4.

Фактическая плотность распределений не совпадает с построенными кластерами. Это позволяет сделать предположение о том, что для показателя стоимости компании не характерно нормальное распределение.

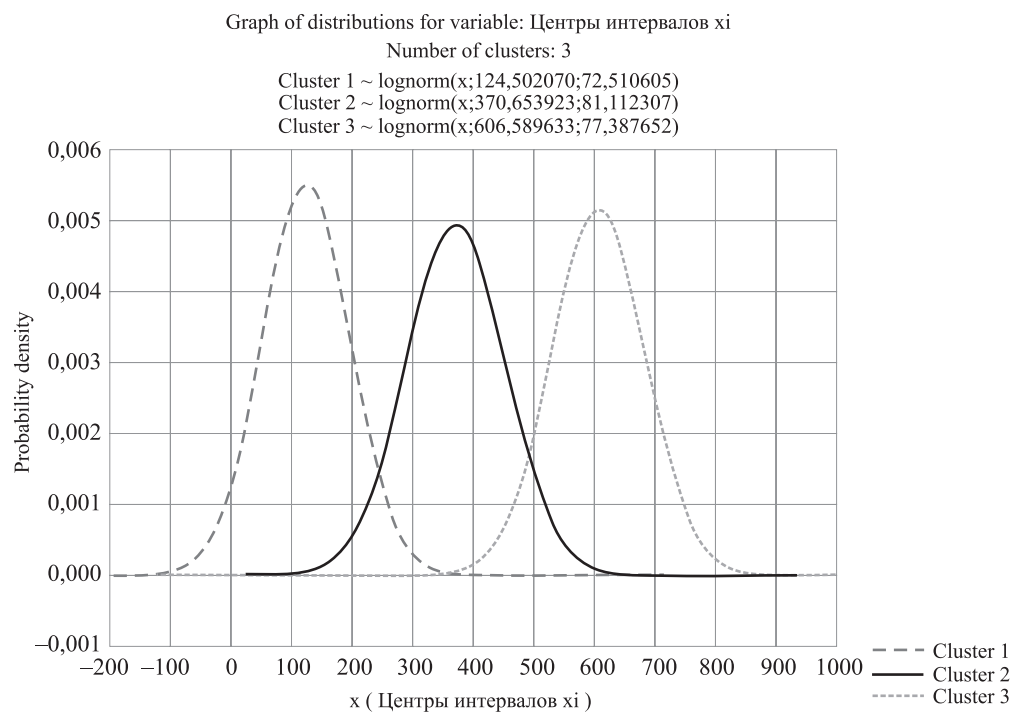

Рис. 3. График системы нормальных распределений для новой совокупности

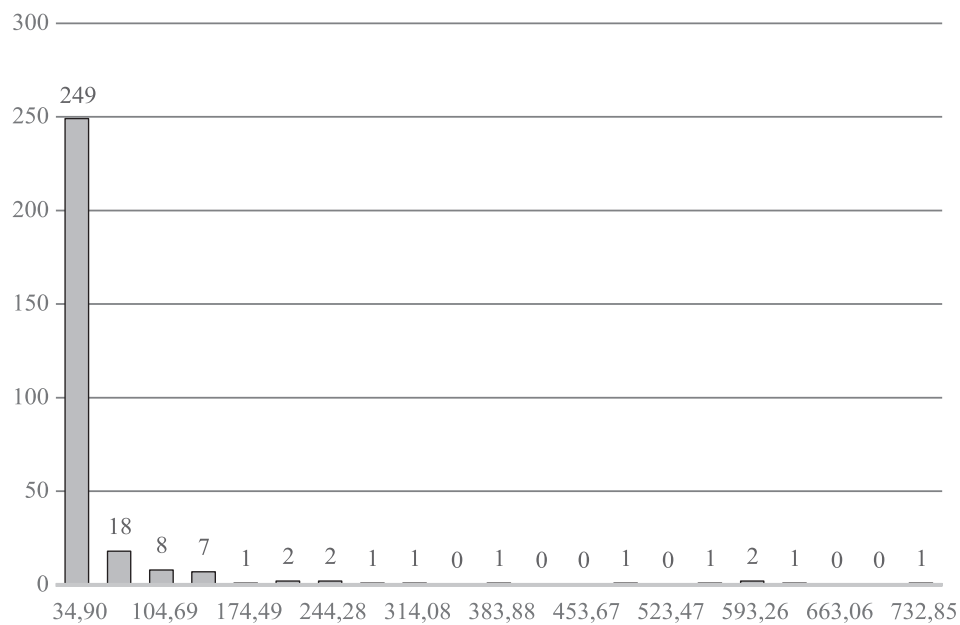

Рис. 4. Фактическая плотность распределений

Изменение цены актива в будущем – случайный процесс, который в принципе должен соответствовать нормальному распределению. В то же время для целей вероятностной оценки стоимости актива в теории пользуются не нормальным, а логнормальным распределением.

Оба распределения имеют место, когда на исследуемый объект воздействует множество случайных и независимых факторов. Разница в этих типах состоит в следующем:

1. Если воздействие каждого из факторов складывается, т.е. имеется аддитивный характер их взаимодействия, то имеет место нормальное распределение.

2. Если воздействие каждого из факторов не складывается, а перемножается, т.е. имеется мультипликативный характер взаимодействия, что часто соответствует логнормальному распределению.

Логнормальное распределение характерно для показателей, оценивающих богатство. Характерным примером логнормального распределения является заработная плата, когда большинство населения получают зарплату меньшего размера, но из-за наличия меньшинства с высоким значением оплаты труда это приводит к тому, что средний показатель по совокупности и размеры интервалов в разы выше.

Следовательно, делаем предположение о логнормальном характере построения для показателя оценки стоимости организаций. Для построения графика логнормального распределения воспользуемся также ЕМ-алгоритмом в обобщенных методах кластеризации через программу STATISTICA, в настройках выбираем соответствующий тип распределения.

График логнормального распределения, наложенный на плотности фактических значений показателя стоимости, представлен на рис. 5.

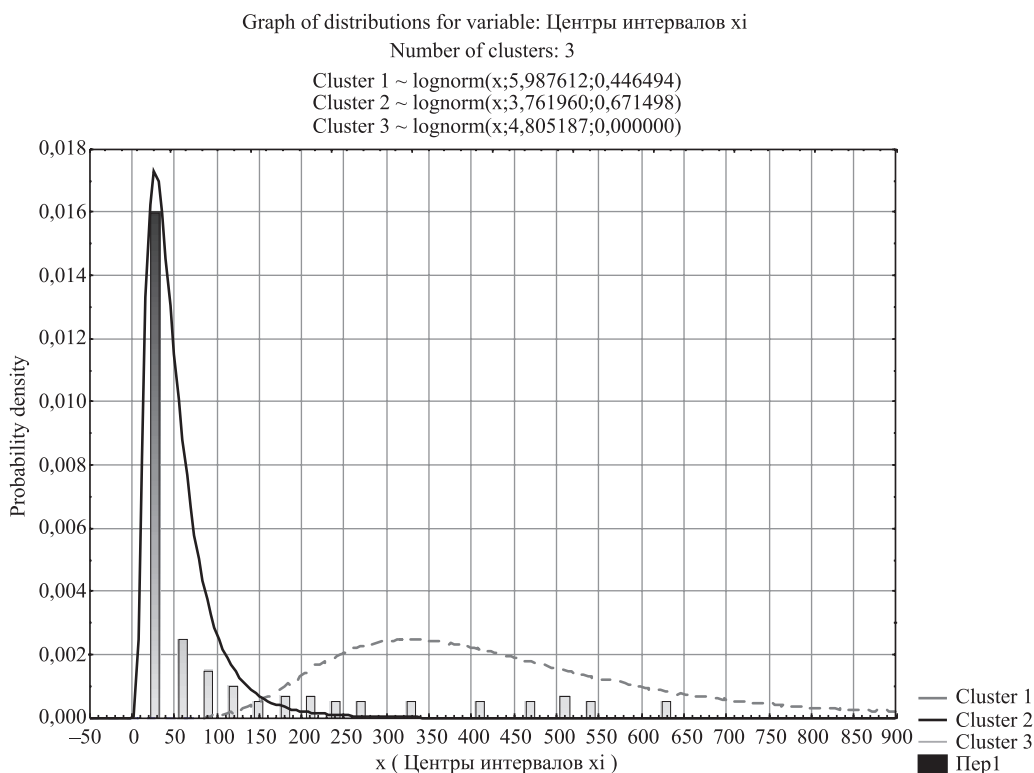

Рис. 5. График логнормального распределения

На рис. 5 видно, что происходит наложение логнормального распределения и фактической плотности. Значит, гипотеза о логнормальном характере распределения для показателя стоимости организации, выдвинутая ранее, подтверждается.

Однако в новом формате происходит построение двух графиков из трех. Причиной является то, что третий кластер имеет нулевое значение по переменной *X*, из-за чего программа не может построить данный кластер. Поэтому в дальнейшем возможно определить границы только для двух кластеров и в результате предположение о разделении совокупности на три группы не подтверждается.

Точные границы и количество компаний в каждом кластере представлены в табл. 3, 4.

Таблица 3

Границы распределения компаний по показателю стоимости

Кластер 1	Кластер 2
(0; 150)	(150; +∞)

Таблица 4

Распределение компаний по показателю стоимости
(с особенностью характера распределения)

Характеристика компаний	Границы	Количество, ед.	Доля, %
Кластер 1	[0; 150]	282	95
Кластер 2	[150; 720]	14	5

- По проведенному исследованию можно сделать следующие выводы:
1. Выдвинутая изначально гипотеза о нормальном распределении организаций в соответствии с завышением, занижением или близкой к балансовому значению стоимости не подтвердилась.
 2. Была сформирована новая гипотеза о том, что для показателя стоимости компании характерно логнормальное распределение (значение, которое характеризует богатство предприятия). Данная гипотеза была подтверждена расчетами и графиками, составленными через программу STATISTICA.
 3. Были сформированы границы для показателя стоимости компаний и определено количество организаций, относящихся к каждой группе. В результате к первому кластеру отнесено большинство предприятий, которые имеют заниженную или близкую к балансовой стоимость. В данный кластер вошло 282 организации, что составляет 95 % от всей совокупности. Вторая группа включает всего 14 компаний, что составляет 5 %.
- Из всего вышеизложенного следует, что для показателя стоимости организации характерно логнормальное распределение. Большинство исследуемых компаний занижают свою стоимость или имеют значение стоимости, близкое к балансовому значению. Также были выявлены компании с сильным завышением стоимости.

Данное исследование в дальнейшем может помочь усовершенствовать методику оценки стоимости, а также позволит провести факторный анализ показателя стоимости организации, выявив наиболее значимые и влияющие на размер стоимости критерии.

Литература

1. *Алексеев М.А., Савельева М.Ю., Слайковский С.А.* Влияние манипулирования финансовой отчетностью на оценку стоимости компании // Сибирская финансовая школа. 2017. № 1 (120). С. 107–110.
2. *Алексеев М.А., Тюжина М.С.* Выявление направления искажения финансовой отчетностью // Сибирская финансовая школа. 2016. № 6 (119). С. 129–133.
3. *Алексеев М.А.* Опыты оценки отчетности российских предприятий с помощью индекса манипулирования // Современные финансовые отношения: проблемы и перспективы развития. 2016. С. 3–12.
4. *Левчаев П.А.* Финансы корпораций и оценка стоимости: учеб. пособие. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2016. 157 с.
5. *Пичугина Е.П.* Исследование взаимосвязи между размером стоимости организации и ее денежными остатками // Сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. «Закономерности и тенденции формирования системы финансово-кредитных отношений» (Уфа, 10.12.2016 г.). Уфа: Аэтерна, 2016. Ч. 3. С. 17–19.
6. *Пичугина Е.П.* Кластерный анализ предприятий через показатель стоимости компании // Роль инноваций в трансформации современной науки // Сб. статей по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (Стерлитамак, 22 апреля 2018 г.) в 2 ч. Ч. 1. Стерлитамак: АМИ, 2018. С. 124–128.
7. *Пичугина Е.П.* Подходы к оценке стоимости организации: анализ мнения российских экономистов // Сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. «Роль инноваций в трансформации современной науки» (Волгоград, 05.12.2016 г.). Волгоград: Аэтерна, 2016. С. 216–223.
8. *Чеботарев Н.Ф.* Оценка стоимости предприятия (бизнеса): учебник для бакалавров. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2014. 256 с.
9. СКРИН: база данных по российским компаниям, регионам и отраслям. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Skrin.ru> (дата обращения: 7.04.2018).

Bibliography

1. *Alekseev M.A., Savel'eva M.Ju., Slajkovskij S.A.* Vlijanie manipulirovanija finansovoj otchetnost'ju na ocenku stoimosti kompanii // Sibirskaja finansovaja shkola. 2017. № 1 (120). P. 107–110.
2. *Alekseev M.A., Tjuzhina M.S.* Vyjavlenie napravlenija iskazhenija finansovoj otchetnost'ju // Sibirskaja finansovaja shkola. 2016. № 6 (119). P. 129–133.
3. *Alekseev M.A.* Opyty ocenki otchetnosti rossijskih predpriyatij s pomoshh'ju indeksa manipulirovanija // Sovremennye finansovyje otnoshenija: problemy i perspektivy razvitiya. 2016. P. 3–12.
4. *Levchaev P.A.* Finansy korporacij i ocenka stoimosti: ucheb. posobie. M.: NIC INFRA-M, 2016. 157 p.
5. *Pichugina E.P.* Issledovanie vzaimosvjazi mezhdu razmerom stoimosti organizacii i ee denezhnymi ostatkami // Sb. statej Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Zakonomernosti i tendencii formirovanija sistemy finansovo-kreditnyh otnoshenij» (Ufa, 10.12.2016 g.). Ufa: Ajeterna, 2016. Ch. 3. P. 17–19.

6. *Pichugina E.P.* Klasternyj analiz predpriyatij cherez pokazatel' stoimosti kompanii // Rol' innovacij v transformacii sovremennoj nauki // Sb. statej po itogam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Sterlitamak, 22 aprelja 2018 g.) v 2 ch. Ch. 1. Sterlitamak: AMI, 2018. P. 124–128.
7. *Pichugina E.P.* Podhody k ocenke stoimosti organizacii: analiz mnenija rossijskih jekonomistov // Sb. statej Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Rol' innovacij v transformacii sovremennoj nauki» (Volgograd, 05.12.2016 g.). Volgograd: Ajeterna, 2016. P. 216–223.
8. *Chebotarev N.F.* Ocenka stoimosti predprijatija (biznesa): uchebnyk dlja bakalavrov. M.: Izdatel'sko-torgovaja korporacija «Dashkov i K^o», 2014. 256 p.
9. SKRIN: baza dannyh po rossijskim kompanijam, regionam i otasljam. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.Skrin.ru> (data obrashhenija: 7.04.2018).

УДК 657.3

МЕТОДИКА СОСТАВЛЕНИЯ ПРОМЕЖУТОЧНОГО ЛИКВИДАЦИОННОГО БАЛАНСА

Шолбан Л.Х.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: Lyuba.sholban@yandex.ru

Максимова Г.В.

Байкальский государственный университет
E-mail: buh_ut@bgu.ru

Переход от административно-командной системы управления к рыночным отношениям обусловил важность развития банкротства в нашей стране. Работа в этой области связана с трудностями, возникающими на стыке законодательства о банкротстве, арбитражного процесса, гражданского, трудового права и бухгалтерского законодательства. Совершенствование бухгалтерского законодательства особенно актуально, так как 15 лет существования Закона о банкротстве (несостоятельности) № 127-ФЗ от 26.10.2002 г. показали, что решение учетных трудностей при банкротстве юридического лица требует серьезных теоретических исследований и разработки специальных подходов к отражению хозяйственных операций на счетах бухгалтерского учета, составлению отчетности и проведению аудиторской проверки.

Ключевые слова: промежуточный ликвидационный баланс, ликвидационный баланс, баланс, оценочная стоимость имущества.

THE METHODS OF PREPARATION OF INTERIM LIQUIDATION BALANCE SHEET

Sholban L.Kh.

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: Lyuba.sholban@yandex.ru

Maksimova G.V.

Baikal State University
E-mail: buh_ut@bgu.ru

The transition from administrative command system of management to market relations stipulated the importance of bankruptcy development in our country. Work in this field is connected with the difficulties arising at the intersection of bankruptcy legislation, arbitration proceedings, civil and labor law and accounting legislation. The improvement of accounting legislation is particularly topical since fifteen years of existence of bankruptcy (insolvency) law N 127-FZ dated 26.10.2002 showed that the solution of accounting difficulties in the course of corporate bankruptcy proceedings requires serious theoretical research and development of special approaches to reflection of business transactions on accounts, preparation of reporting and auditing.

Keywords: interim liquidation balance sheet, liquidation balance sheet, balance sheet, assessed value of property.

Глубокий и своевременный анализ признаков возможной несостоятельности экономического субъекта на основе информации бухгалтерского учета повышает качество управленческих решений, способствует устойчивому развитию и формированию активной позиции экономических субъектов в защите от необоснованных банкротств, а также в обосновании программ финансового оздоровления и выборе стратегий развития.

Российское законодательство о банкротстве имеет богатую историю. Если юридическая сторона банкротства постоянно совершенствуется, то организации бухгалтерского учета и формированию отчетности несостоятельных экономических субъектов до настоящего времени не уделялось должного внимания. Недостаточно раскрыт в нормативной литературе порядок обособленного учета расходов, связанных с банкротством экономических субъектов. При ликвидации экономического субъекта обязательно составляется ликвидационный баланс, однако до сих пор остаются нерешенными методические вопросы содержания и формирования ликвидационных балансов, ликвидационных отчетов о прибылях и убытках, о движении денежных средств.

Ликвидационные балансы отличаются от операционного главным образом, оценкой своих статей, производимой по рыночной или ликвидационной стоимости, в основном более низкой, чем балансовая стоимость имущества. Такие статьи, обычные для промежуточного баланса, в ликвидном балансе могут отсутствовать, например, «Доходы будущих периодов», «Расходы будущих периодов». Собственный капитал экономического субъекта в ликвидационном балансе в некоторых случаях не указывается отдельной статьей, в частности в тех случаях, когда с периодом ликвидации все собственные средства экономического субъекта перечисляются на специально открываемый счет, на котором в будущем показываются разницы в оценке имущественных статей и расходы по ликвидации экономического субъекта.

Баланс формируется в интересах пользователей, большинство которых в условиях банкротства выступают кредиторы, а их интересует уровень платежеспособности экономического субъекта. Следовательно, в промежуточном ликвидационном балансе надо более конкретно представить имущественную позицию экономического субъекта, а не финансовый исход его деятельности. Таким образом, целям формирования ликвидационного баланса скорее отвечает баланс статический, а не динамический. В основе статической концепции баланса лежит оценка имущества и контроль достаточности финансовых средств, полученных от условной реализации активов банкрота, для погашения его кредиторской задолженности [5]. Статическая теория баланса дает теоретическую базу формирования ликвидационного баланса.

По теории статического баланса Г. Никлиша баланс должен давать достоверное исчисление стоимости имущества, находящегося в собственности экономического субъекта, а для этого оно должно быть представлено по цене возможной реализации на момент формирования баланса [1]. Р. Чамберс определял актив баланса как комплект объектов, каждый из которых может быть отчужден из экономического субъекта. Поэтому в актив не могут быть включены гудвилл, расходы будущих периодов, убыт-

ки [6]. Интересна интерпретация баланса немецкого ученого М. Берлинера, который каждый баланс рассматривал как ликвидационный, а пассив баланса как долевое разделение имущественной массы актива. Актив рассматривался как комплект ценностей, подлежащих разделению согласно схемы, приведенной в пассиве [2].

Ликвидационный баланс, по Я.В. Соколову, это такой «баланс, который показывает, сколько можно выручить или за предприятие в целом, или же его элементы, если его продать или ликвидировать путем распродажи» [5, с. 413]. Значение ликвидационного баланса состоит в концепции «Стоимости имущества в рыночных ценах при ликвидации предприятия в целях его разделения между кредиторами и собственниками», и составляется он на базе теории статического баланса [2].

В. Панков, В. Павлюченко формулируют толкование промежуточного ликвидационного баланса следующим образом: «промежуточный ликвидационный баланс предприятия представляет собой систему показателей, характеризующих имущественное и финансовое положение предприятия, и отражает величину реальной конкурсной массы предприятия (актив), суммы предъявленных и непредъявленных требований кредиторов, собственный капитал предприятия (пассив)» [4].

Регламентирующие вопросы учета, отчетности и налогообложения в процессе процедуры банкротства отсутствуют, а также и конкретная методология бухгалтерского учета финансово-хозяйственных операций в соответствии с законом о банкротстве.

Отсутствие единой методики составления промежуточного ликвидационного баланса не позволяет проводить сравнение балансов разных экономических субъектов-банкротов, оценивать перспективы удовлетворения требований кредиторов каждого экономического субъекта.

В настоящее время единственным правовым актом, регулирующим составление отчетности экономического субъекта при ликвидации, является Гражданский кодекс РФ. Названный документ не раскрывает в достаточной степени порядка составления последней бухгалтерской (финансовой) отчетности. Это предопределило необходимость разработки методологических вопросов и методики составления отчетности при ликвидации экономического субъекта.

В соответствии с Гражданским кодексом РФ формирование ликвидационных балансов состоит из двух этапов. На первом этапе формируется баланс экономического субъекта на период несостоятельности, на втором – баланс, который включает итоги ликвидации. Четких правил к составлению актива и пассива баланса Гражданский кодекс РФ не содержит. По смыслу ст. 63 ГК РФ в промежуточном ликвидационном балансе должны быть отражены только заявленные требования кредиторов. Исходя из этого, целесообразно включить также обязательства, по которым претензии кредиторов не были предъявлены на момент банкротства, но их величина известна из учетных данных должника.

Также в основе базирования актива промежуточного ликвидационного баланса заложен принцип ликвидности, т.е. в прямой зависимости от того, с какой быстротой имущество приобретает денежную форму.

Логика формирования промежуточного ликвидационного баланса

Изучая целый спектр воззрений ученых на сущность промежуточного ликвидационного баланса, можно сделать вывод, что промежуточный ликвидационный баланс – это бухгалтерский документ, который отражает соотношение имущества и обязательств ликвидируемого экономического субъекта, сформированный после окончания срока, констатированного для заявления требований кредиторами, и составления реестра требований кредиторов (см. рисунок).

Промежуточный ликвидационный баланс утверждается учредителями (участниками) экономического субъекта или органом, принявшими решение о прекращении деятельности (ликвидации) экономического субъекта.

Промежуточный ликвидационный баланс – один из случаев, когда типовая форма бухгалтерского баланса содержит недостаточно данных для формирования представления о финансовом положении экономического субъекта, и требуются дополнительные данные. В соответствии с ПБУ 4/99 «Бухгалтерская отчетность организации» и Приказом Минфина РФ «О формах бухгалтерской отчетности организации» от 22.07.2003 г. № 67н можно предложить структуру промежуточного ликвидационного баланса, представленную в таблице.

Данные промежуточного ликвидационного баланса подтверждаются инвентаризацией активов, обязательств ликвидируемого экономического субъекта, реестром требований кредиторов и должны соответствовать результатам оценки имущества. Он включает сведения о конкурсной массе, т.е. составе имущества, перечне предъявляемых кредиторами требований, а также об итогах их рассмотрения.

Гражданским кодексом установлено, что баланс составляется после окончания срока предъявления требований кредиторами, но конкретная дата не определена. Это позволяет, исходя из условий хозяйственной практики, повременить с составлением баланса до формирования всей необходимой информации. Целесообразно сформировать промежуточный ликвидационный баланс на дату закрытия реестра требований кредиторов, которая может не совпадать с окончанием квартала или месяца.

Структура промежуточного ликвидационного баланса

Актив	Пассив
1. Внеоборотные активы	3. Капитал и резервы
Нематериальные активы	Уставный капитал
Основные средства	Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)
Незавершенное строительство	4. Долгосрочные обязательства
Финансовые вложения	5. Краткосрочные обязательства
Имущество по оспариваемым сделкам	Задолженность начисленная, но неуплаченная в части расходов по введению конкурсного производства
2. Оборотные активы	1 очередь – возмещение вреда жизни и здоровью)
Запасы	2 очередь – задолженность по оплате труда
Дебиторская задолженность	3.1 очередь – обязательства, гарантированные залогом
Финансовые вложения	3.2 очередь – основной долг и проценты
Денежные средства	3.3 очередь – требования в части процентов, начисленных в процессе процедур банкротства
Имущество по оспариваемым сделкам	3.4 очередь – финансовые санкции
	Требования, заявленные после констатированного срока
	Незаявленные требования
Баланс	Баланс

В течение этого периода осуществляется инвентаризация и оценка имущества должника, которые являются основой актива промежуточного ликвидационного баланса. С другой стороны, в течение этого периода часть имущества может быть продана для покрытия внеочередных расходов, следовательно, часть конкурсной массы не войдет в показатели баланса. Следует раскрыть эти факты в пояснительной записке к промежуточному ликвидационному балансу для формирования у пользователей отчетности достоверной картины имущественного состояния экономического субъекта на момент банкротства.

Показатели промежуточного ликвидационного баланса на начало года соответствуют балансу должника на последнюю отчетную дату. Обычно дата последнего бухгалтерского баланса, дата последней фактической хозяйственной операции и последней учетной записи отстоят во времени на 3–6 и более месяцев. В таком случае выполнение инвентаризации и оценки имущества позволяет привести учетные данные в соответствии с фактическим имущественным состоянием экономического субъекта. Инвентаризация обязательств заключается в рассмотрении претензий и составлении реестра требований кредиторов.

Активом промежуточного ликвидационного баланса является конкурсная масса, за счет которой будут удовлетворяться требования кредиторов. Показатели актива должны быть подтверждены данными инвентаризации и соответствовать результатам оценки имущества.

Имущество отражается с учетом проведенной оценки по рыночной или ликвидационной стоимости. Это сугубо значимо, если проведенная инвентаризация и оценка свидетельствуют о значительном уменьшении его стоимости по сравнению с учетной величиной. После анализа качества дебиторской задолженности в части сумм, сомнительных для взыскания, создается резерв, что позволяет не завышать показатели промежуточного ликвидационного баланса, так как задолженность в балансе выражается за вычетом созданного резерва. Если срок исполнения права требования к должнику наступает вне сроков конкурсного производства, то такой долг может быть продан по договору цессии (уступки прав требования).

Необходимо выяснить, к каким операциям относятся суммы налога на добавленную стоимость, числящиеся на счете 19 «НДС по приобретенным ценностям». Затем проконтролировать факт предъявления данных сумм НДС к вычету по мере выполнения условий, установленных ст. 171 Налогового кодекса РФ. Суммы, которые предъявить к вычету невозможно, списываются в дебет счета 91 «Прочие доходы и расходы» перед составлением ликвидационного баланса.

При составлении промежуточного ликвидационного баланса необходимо иметь в виду, что конкурсная масса – это не только имущество, имеющееся на момент введения процедуры конкурсного производства, но и обнаруженное в процессе. Во время инвентаризации проводится анализ договоров по изъятию активов и начинается работа по закону о банкротстве оспаривания неправомερных сделок. Возвратить имущество должника из незаконного владения взысканием процентов и штрафов по непогашенной своевременно дебиторской задолженности, положительный исход которых может увеличить объем конкурсной массы и изменить перспективы выплат кредиторам. Одновременно кредиторы в случае несогласия с оцененной суммой долга могут оспорить ее в судебном порядке. Следовательно, исходя из ПБУ 8/01 «Условные факты хозяйственной деятельности», результаты рассмотрения таких заявлений в арбитраже должны найти выражение в пояснительной записке к бухгалтерскому балансу.

В целях обособленного отражения условных активов от имущества, принадлежащего экономическому субъекту, вводится строка «имущества по оспариваемым сделкам» в актив баланса (см. таблицу). Условный актив может быть оценен по доступным сведениям посредством экспертов или по стоимости сделки, в исходе которой он был конфискован, а условное обязательство – исходя из основательности каждого из выдвинутых финансовых или имущественных требований кредиторов. Результаты по каждому конкретному заявлению должны быть отражены в пояснениях.

Промежуточный ликвидационный баланс составляется по состоянию на дату закрытия реестра требований кредиторов, технически это может происходить на 3–4 месяца позже. Затягивание составления баланса может быть обусловлено несвоевременной передачей дел и противодействием руководства должника, сложностями при проведении инвентаризации, оспариванием признанной суммы требования основными кредиторами. В таком случае возникает надобность учесть события, произошедшие после отчетной даты в соответствии с ПБУ 7/98 «События после отчетной даты»,

утвержденным Приказом Минфина РФ от 25.11.1998 г. № 56н. Таковыми могут быть: признание пени и штрафных санкций в пользу кредиторов по неисполненным экономическим субъектом-банкротом договорам, списание просроченных долгов, поступление имущества в исходе следственных действий или судебных результатов.

В активах промежуточного ликвидационного баланса возможным сохранить распределение имущества по двум разделам: внеоборотные и оборотные активы.

Пассив промежуточного ликвидационного баланса содержит обязательства, образовавшие до признания юридического лица банкротом, а также задолженность, начисленную, но неуплаченную по введению конкурсного производства. Неуплаченная задолженность будет погашена вне очереди в соответствии со ст. 134 закона о банкротстве и представляет собой текущую задолженность по оплате труда работникам и сторонним организациям (аренда, услуги связи). Отличительной чертой пассива промежуточного ликвидационного баланса является отсутствие разделения обязательств на долгосрочные и краткосрочные («Долгосрочные обязательства» раздел 4 и «Краткосрочные обязательства» раздел 5), так как с периода открытия конкурсного производства момент исполнения всех обязательств считается наступившим.

Н.А. Бреславцева, В.И. Ткач, основываясь на изучении существующей практики и теоретических источников, выделяют три главных трактовки счета капитала:

- кредиторская задолженность предприятия собственнику;
- собственность учредителей, свободная от долгов;
- собственность предприятия, свободная от долгов [1].

Уставный капитал экономического субъекта-банкрота представляет собой кредиторскую задолженность, которая будет погашена в свою очередь после полного удовлетворения требований предшествующих очередей кредиторов, поскольку исходя из положения статьи 63 Гражданского кодекса РФ оставшееся после погашения требований кредиторов имущество экономического субъекта передается учредителям. Таким образом, более точным было бы выражение уставного капитала в промежуточном ликвидационном балансе в фактически уплаченном размере и с учетом аннулирования собственных акций (долей), выкупленных экономическим субъектом. Тем не менее во избежание расчетов и юридических действий, которые могут быть не востребованы, размер уставного капитала в промежуточном ликвидационном балансе следует отразить в величине, указанной в учредительных документах, поскольку такой порядок предусмотрен функционирующими нормативными документами по бухгалтерскому учету.

Величина краткосрочных обязательств в пассиве промежуточного ликвидационного баланса должна соответствовать реестру требований кредиторов. Задолженность в разрезе очередей отражается в сумме установленных требований. Расхождение пассива баланса с реестром требований кредиторов может быть обусловлено наличием начисленной, но неоплаченной задолженности по введению конкурсного производства. Так, по

строке 1524 баланса может быть отражена задолженность перед кредиторами второй очереди и по оплате труда, начисленной в процедуре конкурсного производства; по строкам 1525 и 1526 задолженность по обязательным платежам, возникшая до открытия конкурсного производства, и по текущим налоговым платежам. Такое «смешение» обязательств неоправданно с точки зрения полезности информации баланса, поэтому можно рекомендовать структуру баланса, предложенную в таблице.

По завершении инвентаризации до составления промежуточного ликвидационного баланса нужно закрыть счета резервов предстоящих расходов и платежей, доходов и расходов будущих периодов с отнесением этих сумм на счет прочих доходов и расходов. Необходимо также закрыть счета по учету капиталов (за исключением уставного), фондов на счет нераспределенной прибыли (непокрытого убытка). Эти проводки важны ввиду утраты экономического смысла этих счетов для экономического субъекта-банкрота и освобождения рабочего плана счетов. Суммы этих списаний, как показывает практика, просто не окажут значительного влияния на величину убытка. К тому же, как отмечено В.Д. Новодворским, Д.В. Назаровым, полезно в учете отделить убыток, образовавшийся за весь период деятельности экономического субъекта до момента признания его банкротом, от финансового результата, полученного в процессе конкурсного производства [3], что и достигается составлением отмеченных бухгалтерских проводок.

Непокрытый убыток в промежуточном ликвидационном балансе выступает лишь балансирующей статьей, не несущей иной информационной нагрузки, поскольку он учитывает как результаты хозяйственной деятельности, так и списания, и переоценки имущества.

До формирования промежуточного ликвидационного баланса забалансовые счета должны быть закрыты после аннулирования соответствующих договоров. Арендованные основные средства должны быть переданы арендодателю. Исключение составляют производственные и складские площади, освобождение которых невозможно до реализации прочего имущества. Договора ответственного хранения должны быть расторгнуты, и ценности, принятые на ответственное хранение, переданы собственникам. Оплата транспортировки осуществляется стороной, на которую данная обязанность возложена договором. Бланки строгой отчетности должны быть уничтожены по акту.

Условием понимания бухгалтерской отчетности, позволяющим эффективно использовать данные, является знание методики ее составления. Это обеспечивается следованием правилам, установленным нормативными актами бухгалтерского учета. При формировании промежуточного ликвидационного баланса допускается множество корректировок и отступлений от действующих нормативных документов. В связи с этим необходимо к балансу приложить следующие документы:

- информация о составе имущества экономического субъекта, содержащая такие показатели, как наименование имущества (дебитора), балансовая стоимость имущества (сумма дебиторской задолженности), ликвидационная стоимость имущества (стоимость реальная к взысканию);
- аналитическая ведомость учета требований кредиторов.

Промежуточный ликвидационный баланс является компонентом, связывающим бухгалтерский учет в экономическом субъекте до банкротства и учет в процедуре конкурсного производства. Баланс позволяет оценить вероятность удовлетворения требований кредиторов, так как обязательства классифицированы в порядке очередности их погашения, а имущество выражено по ликвидационной или рыночной стоимости. Для анализа сроков и уровня погашения задолженности стоит сопоставить средства по активу баланса с обязательствами по пассиву.

Литература

1. *Бреславцева Н.А., Ткач В.И., Кузьменко В.А.* Балансоведение: учеб. пособие. М.: Издательство «Приор», 2001. С. 19.
2. *Любушин Н.П., Жаринов В.В., Бородин Н.В.* Теория бухгалтерского учета: учеб. пособие для вузов / под ред. проф. В.Д. Новодворского. М.: Юнити-Дана, 2000. С. 65.
3. *Новодворский В.Д., Назаров Д.В.* Ликвидационный баланс организации // Бухгалтерский учет. 2013. № 7. С. 42.
4. *Панков В., Павлюченко В.* Учет и отчетность при банкротстве (конкурсном производстве) // Финансовая газета. 2011. № 2-5. С. 30–65.
5. *Соколов Я.В.* Основы теории бухгалтерского учета. М.: Финансы и статистика, 2000. С. 413–414.
6. *Соколов Я.В.* История развития бухгалтерского учета. М.: Финансы и статистика, 1985. С. 199.

Bibliography

1. *Breslavceva N.A., Tkach V.I., Kuz'menko V.A.* Balansovedenie: ucheb. posobie. M.: Izdatel'stvo «Prior», 2001. P. 19.
2. *Ljubushin N.P., Zharinov V.V., Borodina N.V.* Teorija buhgalterskogo ucheta: ucheb. posobie dlja vuzov / pod red. prof. V.D. Novodvorskogo. M.: Juniti-Dana, 2000. P. 65.
3. *Novodvorskiy V.D., Nazarov D.V.* Likvidacionnyj balans organizacii // Buhgalterskij uchet. 2013. № 7. P. 42.
4. *Pankov V., Pavljuchenko V.* Uchet i otchetnost' pri bankrotstve (konkursnom proizvodstve) // Finansovaja gazeta. 2011. № 2-5. P. 30–65.
5. *Sokolov Ja.V.* Osnovy teorii buhgalterskogo ucheta. M.: Finansy i statistika, 2000. P. 413–414.
6. *Sokolov Ja.V.* Istorija razvitija buhgalterskogo ucheta. M.: Finansy i statistika, 1985. P. 199.

УДК 657.421

СРОК ПОЛЕЗНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ В БУХГАЛТЕРСКОМ И НАЛОГОВОМ УЧЕТЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Надеждина С.Д.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: nadejdina2010@yandex.ru

Воронина Н.И., Пьянкова Л.М.

Сибирская академия финансов и банковского дела
E-mail: nata_vni@mail.ru, lmpian@mail.ru

Рассмотрены проблемные вопросы начисления амортизационных отчислений, обусловливающих перенос стоимости основных средств на результаты деятельности экономических субъектов. Величина этого показателя непосредственно зависит от срока эксплуатации конкретного объекта основных средств и влияет на сумму налогов на прибыль и имущество организаций. Обоснована необходимость одинаковых сроков полезного использования в бухгалтерском и налоговом учете, в том числе с целью устранения существующих отличий бухгалтерского и налогового учета, вынуждающих субъекты хозяйствования вести «двойную бухгалтерию»; исключения нерациональных временных и материальных затрат.

Ключевые слова: основные средства, срок полезного использования, бухгалтерский и налоговый учет.

USEFUL LIFE OF FIXED ASSETS IN ACCOUNTING AND TAX ACCOUNTING: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Nadezhkina S.D.

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: nadejdina2010@yandex.ru

Voronina N.I., Pyankova L.M.

Siberian Academy of Finance and Banking
E-mail: nata_vni@mail.ru, lmpian@mail.ru

The authors review problem issues of accrual of depreciation that cause the transfer of fixed assets value to the performance of economic entities. This indicator is directly dependent on the useful life of a particular asset and affects the amount of income tax and property tax of organizations. The authors substantiate the necessity of the same useful life of assets in accounting and tax accounting to eliminate the existing differences in accounting and tax accounting, forcing business entities to conduct double-entry bookkeeping and to except irrational time and material costs.

Keywords: fixed assets, useful life, accounting and tax accounting.

Основные средства в учете – это имущество, используемое в качестве средств труда в производстве продукции (оказании услуг, выполнении работ) и для управленческих нужд. Субъекты хозяйствования, принимая к учету основные средства, отражают их на счете 01 «Основные средства» по первоначальной стоимости, переоценивая не чаще одного раза в год (на конец хозяйственного года) по группам однородных объектов.

При этом следует помнить, что основные средства, являясь средствами труда, участвуют в уставной и управленческой деятельности, создавая прибавочный продукт и доход организации, переносят свою стоимость посредством амортизации на себестоимость продукции (работ, услуг) в течение установленного срока полезного использования.

Амортизация основных средств – систематическое распределение стоимости актива на протяжении срока его полезного использования [14].

Именно этот показатель оказывает значительное влияние на себестоимость продукции (работ, услуг) через сумму амортизационных отчислений, прочие расходы через налог на имущество, величину прибыли к налогообложению – себестоимость проданной продукции (работ, услуг).

Отнесение объектов к основным средствам и определение сроков их эксплуатации регламентируется ПБУ 6/01 и НК РФ (табл. 1).

Таблица 1

Критерии отнесения имущества к основным средствам в бухгалтерском и налоговом учете

Показатели	Бухгалтерский учет [10, п. 5, 20]	Налоговый учет [2, ст. 256 п. 1, 258]
Цель использования основных средств	Для извлечения дохода	
Первоначальная стоимость объекта	–	Более 100 тыс. руб.
Срок полезного использования	Более 12 мес	
Основания при установлении срока полезного использования, принимаемого к учету объекта основных средств с целью начисления амортизации	Устанавливается организацией самостоятельно Основание: Классификатор или технические условия, рекомендуемые изготовителем Срок фактической эксплуатации не требуется удостоверить	Обязательное условие: в границах диапазона соответствующей группы амортизации по Классификатору Срок полезного использования может отличаться от бухгалтерского показателя
	Срок полезного использования неизменен в течение периода, при условии получения экономической выгоды от его эксплуатации (за исключением случаев модернизации). Утверждается распорядительным документом руководителя организации. С завершением срока полезного использования заканчивается начисление амортизации	
По нашему мнению	В каждом из двух видов учета оптимально выбирать идентичный вариант срока полезного использования	

Основные отличия бухгалтерского и налогового учета проходят по критерию признания первоначальной стоимости объекта и объекта амортизируемого имущества.

Признание первоначальной стоимости объекта основных средств для целей налогового учета прозрачно прописано в налоговом законодательстве.

Для целей бухгалтерского учета стоимость имущества не имеет значения и объекты со сроком службы более года (независимо от его цены) учитывают на счете учета основных средств и в составе строки баланса «Основные средства».

Однако из этого правила современные бухгалтерские нормы предусматривали исключение, решение об использовании которого принимается экономическим субъектом самостоятельно. Основное средство при его стоимости менее 40 000 руб. может быть учтено в соответствии с учетной политикой организации в составе материально-производственных запасов [10, п. 5]. Основное требование ведения бухгалтерского учета – полнота отражения всех фактов хозяйственной жизни [13] организуется путем учета движения средств производства (инвентаря) в целях сохранности одним из способов, характерных для счета «Материалы» субсчета «Инвентарь и хозяйственные принадлежности». Экономический субъект имеет право установить и меньший лимит стоимости основных средств, списываемых на расходы сразу после их передачи в эксплуатацию, закрепив это положение в учетной политике для целей бухгалтерского учета. Организация имеет право внести изменения в учетную политику по завершению хозяйственного года в величину стоимости признания объекта основным средством с целью использования в новом отчетном году (менее 40 000 руб.), при этом данное положение учетной политики распространяется лишь на те объекты, которые будут приняты к учету в качестве основных или материально-производственных запасов с даты вступления в силу скорректированной учетной политики для целей бухгалтерского учета.

Признание объекта амортизируемым имуществом для налогового учета отличается от целей бухгалтерского учета по критерию извлечения им дохода.

В налоговом учете амортизируемым имуществом признается тот объект, который уже используется в хозяйственной деятельности для извлечения дохода при соблюдении остальных условий.

В бухгалтерском учете критерий извлечения дохода характеризуется наличием способности (возможности) объекта приносить организации экономические выгоды (доход) в будущем. Выявление объектов, приносящих экономические выгоды, осуществляется путем проведения инвентаризации, которая по законодательству обязательна к проведению для подтверждения объективности информации, содержащейся в годовой бухгалтерской отчетности.

За прошедшие годы произошли значительные изменения в бухгалтерском и налоговом учете основных средств.

В первую очередь, в нормативной базе бухгалтерского учета в 2017 г. законодательно изменили статус положений по бухгалтерскому учету, признав их федеральными стандартами бухгалтерского учета (Федеральный закон от 18 июля 2017 г. № 160-ФЗ).

Многие организации ранее определяли срок полезного использования основных средств как для целей налогового, так и бухгалтерского учета по классификации, приведенной в главе 25 Налогового кодекса Российской Федерации.

С 2018 г. для целей бухгалтерского учета применяют новую классификацию активов для определения амортизации и сроков полезного использования имущества исключительно по нормам Постановления Правительства [11] и федерального стандарта бухгалтерского учета основных средств. Истинны ради, стоит отметить, что Постановление является основанием и для формирования Классификатора амортизационных групп, используемого в главе 25 НК РФ. Однако организации имеют право самостоятельно в налоговой учетной политике определить способ начисления амортизации, исходя из выбранного варианта срока полезного использования амортизированного имущества [2, ст. 258 п. 7]. При этом срок полезного использования определяется одним из следующих вариантов при признании объекта:

- как нового – по Классификатору (срок полезного использования устанавливается заново, исходя из фактического состояния объекта);
- поступившего, но бывшего в эксплуатации – по Классификатору срок уменьшается на период фактического использования объекта прежними собственниками, если это подтверждено документами на его передачу;
- эксплуатируемого в организации и есть намерение дальнейшей его эксплуатации: срок полезного использования, установленный при приеме объекта к учету, уменьшают на период его фактического использования (сроки ввода в эксплуатацию должны быть подтверждены документально) до вступления нового Классификатора в действие (по состоянию на 01.01.2018).

Следует помнить, что выбор варианта определения срока полезного использования возможен лишь при линейном способе начисления амортизации для целей налогообложения.

Кроме того, нынешний порядок бухгалтерского учета субъектам малого предпринимательства дает право:

- начислять амортизацию основных средств с периодичностью, предусмотренной внутренними стандартами организации, но не реже одного раза в год;
- принимать приобретенные основные средства на учет по цене поставщика (продавца), включив в них затраты на монтаж;
- формировать стоимость при их сооружении (изготовлении) в сумме договора строительного подряда основного средства;
- относить затраты, которые сопряжены с приобретением, сооружением и изготовлением объектов основных средств, в состав расходов по обычным видам деятельности в полной сумме и в том отчетном периоде, в котором они имели место быть;
- начислять амортизацию производственного и хозяйственного инвентаря одновременно в размере первоначальной стоимости объектов таких средств при их принятии к бухгалтерскому учету. При этом отнесение имущества к инвентарю определяют по новому Классификатору основных фондов ОК 013-2014.

Следует заметить, что экономические субъекты имеют право по используемым объектам сроки полезного использования оставить прежними. А по объектам, которые введены в эксплуатацию с 1 января 2018 г., установить новые сроки эксплуатации, выбрав один из ранее предложенных вариантов.

Рассматривая новое содержание Постановления Правительства Российской Федерации о классификации основных средств, следует отметить, что изменения внесены в основном в амортизационные группы со второй по десятую. Несмотря на то, что Постановление принято в апреле текущего года, оно распространяется на правоотношения, возникшие с 1 января 2018 г.

Рассмотрим более подробно изменения Классификатора (табл. 2), связанные с определением срока полезного использования, от величины которого зависят суммы начисленной амортизации по основным средствам.

Таблица 2

Классификация основных средств по 10 амортизационным группам [11]

Номер группы	Срок полезного использования	Амортизационные группы объектов основных средств
1	От года до двух включительно	Недолговечные машины и оборудование
2	Свыше двух лет до трех включительно	Машины и оборудование, транспортные средства, многолетние насаждения
3	Свыше трех лет до пяти включительно	Сооружения и передаточные устройства, машины и оборудование, транспортные средства, инвентарь
4	Свыше пяти лет до семи включительно	Здания, сооружения и передаточные устройства, машины и оборудование, транспортные средства, инвентарь, рабочий скот, многолетние насаждения
5	Свыше семи лет до 10 включительно	Здания, сооружения и передаточные устройства, машины и оборудование, транспортные средства, инвентарь, прочие основные средства
6	Свыше 10 лет до 15 включительно	Сооружения и передаточные устройства, жилища, машины и оборудование, транспортные средства, многолетние насаждения
7	Свыше 15 лет до 20 включительно	Здания, сооружения и передаточные устройства, машины и оборудование, транспортные средства, многолетние насаждения, прочие основные средства
8	Свыше 20 лет до 25 включительно	Здания, сооружения и передаточные устройства, машины и оборудование, транспортные средства, инвентарь
9	Свыше 25 лет до 30 включительно	Здания, сооружения и передаточные устройства, машины и оборудование, транспортные средства, инвентарь
10	Свыше 30 лет	Здания, сооружения и передаточные устройства, жилища, машины и оборудование, транспортные средства, многолетние насаждения

Амортизация основных средств – важный вид расходов, отражаемых в бухгалтерском и налоговом учете [1, 12] и влияющих на величину прибыли и налоговой базы при исчислении налога на прибыль организаций. Сумма начисленной амортизации зависит от ряда факторов, в том числе от срока полезного использования основных средств, характеризующего, через какое время сумма затрат на их приобретение будет списана в расходы.

Несмотря на изменения и дополнения, внесенные в Классификатор, остается ряд проблем [3] в области определения срока полезного использования основных средств. Одна из них – продолжительность срока полезного использования объектов. В российской практике, в отличие от требований МСФО, принято учитывать общий потенциально возможный срок полезного использования всеми собственниками. В соответствии с МСФО – период экономической службы при использовании объекта конкретной организацией.

Проблема с определением срока полезного использования возникает, когда объект основных средств приобретает на вторичном рынке или у физического лица. В первом случае, в соответствии с НК РФ [2, ст. 258 п. 7], предусмотрено определение нормы амортизации с учетом срока использования его прежним собственником. Здесь возникает еще одна проблема, не урегулированная законодательно: как подтвердить срок полезного использования объекта прежним собственником? Следует отметить: в период действия Федерального закона № 129-ФЗ (до 1 января 2013 г.), предполагавшего использование унифицированных форм первичных документов (акты по формам № ОС-1 или № ОС-1а), достаточно было оформить их для подтверждения срока эксплуатации у предыдущего собственника. При их отсутствии налогоплательщик не имел права начислять амортизацию по приобретенным объектам основных средств, бывших в эксплуатации у другого собственника.

На наш взгляд, такой запрет не правомерен, поскольку не установлен законодательно. В настоящее время, когда использование унифицированных форм первичных документов не обязательно, субъектам хозяйствования, по нашему мнению, можно рекомендовать документы, разработанные самостоятельно и предусматривающие порядок определения срока эксплуатации объектов основных средств прежним собственником.

В случае приобретения объекта основных средств у физического лица срок полезного использования, согласно [4], должен устанавливаться как для нового.

Решение проблемы аналогично по объектам, прошедшим модернизацию (в случае, когда объект уже полностью амортизирован, и остаточная стоимость равна нулю). В письмах Минфина России [5, 6, 8] разъясняется: списание расходов на проведенную модернизацию необходимо оформлять через амортизацию с использованием нормы, предусмотренной в момент его ввода в эксплуатацию. По нашему мнению, срок полезного использования в этом случае не может составлять менее 12 мес.

Проблема возникает в случае, когда отсутствует в Классификаторе [11] вид основного средства. По нашему мнению, срок полезного использования можно установить, исходя из технических условий или рекомендаций изготовителя, используя положения НК РФ [2, ст. 258 п. 6] и писем Минфина России [7, 9].

Существуют проблемы, связанные с использованием основных средств в условиях повышенной сменности, описание которых отсутствует в НК РФ. На наш взгляд, период амортизации объекта может быть снижен по причине повышенного физического износа за счет ускоренной амортизации, руководствуясь Трудовым кодексом Российской Федерации, в соответ-

ствии с которым нормальная продолжительность работы – 40 ч в неделю. Классификация основных средств по амортизационным группам предусматривает их использование, основываясь на двухсменном режиме работы. Следовательно, если объект основных средств используется более двух смен, субъект хозяйствования может применить повышающий коэффициент к основной норме амортизации.

В заключение можно отметить: установление сроков полезного использования объектов основных средств с целью устранения существующих различий в бухгалтерском и налоговом учете, по нашему мнению, должно решаться профессиональной комиссией, в состав которой наряду со специалистами с экономическим образованием должны входить технические специалисты, что в конечном итоге позволит оптимизировать не только себестоимость продукции (работ и услуг), но и сумму налогов на прибыль и имущество организаций.

Литература

1. *Ефимова Т.А.* Внутренний аудит основных средств: выявление типичных нарушений в учете // Проблемы теории и методологии бухгалтерского учета, контроля и анализа. 2014. № 3 (30). С. 3–12.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. 2 (ред. от 11.10.2018).
3. *Обнявко А.В., Швец А.А.* Проблемы классификации основных средств // Перспективы развития учета, контроля и анализа в контексте 95 евроинтеграции: материалы IV междунар. науч.-практ. конф. Херсон: ГриньДС, 2016. С. 42–45.
4. Письмо Минфина России от 06.10.2010 № 03-03-06/2/172.
5. Письмо Минфина России от 23.09.2011 № 03-03-06/2/146.
6. Письмо Минфина России от 25.03.2015 № 03-03-06/1/16234.
7. Письмо Минфина России от 22.06.2016 № 03-03-06/1/36323.
8. Письмо Минфина России от 25.07.2016 № 03-03-06/1/43374.
9. Письмо Минфина России от 03.11.2016 № 03-03-06/1/64814.
10. Положение по бухгалтерскому учету «Учет основных средств» (ПБУ 6/01), утверждено Приказом Минфина России от 30.03.2001 № 26н (в ред. от 16.05.2016).
11. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 21.04.2016 № 458 «Об утверждении прямого и обратного переходных ключей между редакциями ОК 013-94 и ОК 013-2014 (СНС 2008) Общероссийского классификатора основных фондов». Постановление Правительства РФ от 01.01.2002 № 1 (ред. от 28.04.2018, № 526) «О Классификации основных средств, включаемых в амортизационные группы».
12. *Стригуль Л., Тимонова А.С.* Пути совершенствования организации учета и аудита основных средств предприятий // Вестник НТУ «ХПИ». 2014. №. 32 (1075). С. 47–50.
13. IAS 8 Accounting Policies, Changes in Accounting Estimates and Errors.
14. IAS 16 Property, Plant and Equipment.

Bibliography

1. *Efimova T.A.* Vnutrennij audit osnovnyh sredstv: vyjavlenie tipichnyh narushenij v uchete // Problemy teorii i metodologii buhgalterskogo ucheta, kontrolja i analiza. 2014. № 3 (30). P. 3–12.
2. Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii. Ch. 2 (red. ot 11.10.2018).
3. *Obnjavko A.V., Shvec A.A.* Problemy klassifikacii osnovnyh sredstv // Perspektivy razvitija ucheta, kontrolja i analiza v kontekste 95 evrointegracii: materialy IV mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Herson: Grin'DS, 2016. P. 42–45.

4. Pis'mo Minfina Rossii ot 06.10.2010 № 03-03-06/2/172.
5. Pis'mo Minfina Rossii ot 23.09.2011 № 03-03-06/2/146.
6. Pis'mo Minfina Rossii ot 25.03.2015 № 03-03-06/1/16234.
7. Pis'mo Minfina Rossii ot 22.06.2016 № 03-03-06/1/36323.
8. Pis'mo Minfina Rossii ot 25.07.2016 № 03-03-06/1/43374.
9. Pis'mo Minfina Rossii ot 03.11.2016 № 03-03-06/1/64814.
10. Polozhenie po buhgalterskomu uchetu «Uchet osnovnyh sredstv» (PBU 6/01), utverzhdeno Priказom Minfina Rossii ot 30.03.2001 № 26n (v red. ot 16.05.2016).
11. Priказ Federal'nogo agentstva po tehničeskomu regulirovaniju i metrologii ot 21.04.2016 № 458 «Ob utverzhdenii prjamogo i obratnogo perehodnyh ključej mezhdurazdajami OK 013-94 i OK 013-2014 (SNS 2008) Obshherossijskogo klassifikatora osnovnyh fondov». Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 01.01.2002 № 1 (red. ot 28.04.2018, № 526) «O Klassifikacii osnovnyh sredstv, vključaemyh v amortizacionnye gruppy».
12. *Strigul' L., Timonova A.S.* Puti sovershenstvovanija organizacii ucheta i audita osnovnyh sredstv predpriyatij // Vestnik NTU «HPI». 2014. № 32 (1075). P. 47–50.
13. IAS 8 Accounting Policies, Changes in Accounting Estimates and Errors.
14. IAS 16 Property, Plant and Equipment.

ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 332

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: АНАЛИЗ И ОЦЕНКА

Гулакова О.И.

Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: o.gulakova@g.nsu.ru

В статье оцениваются основные социально-экономические тенденции развития Дальневосточного федерального округа (ДФО) в 2000–2016 гг. Делается вывод о том, что округ стал одним из экономически благополучных регионов РФ. Выявлены наиболее важные результаты, достигнутые округом. В социальной сфере положительные тенденции только наметились, но показано, что они будут иметь место в дальнейшем. В экономической сфере основным результатом стало повышение доли ДФО в общем объеме добычи и экспорта топливно-энергетических полезных ископаемых в стране и соответственно становление его участником формирования доходов от внешнеэкономической деятельности федерального бюджета.

Ключевые слова: мониторинг, государственная программа, проекты, Дальневосточный федеральный округ, макроэкономические показатели, экономический рост.

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE FAR EAST: ANALYSIS AND ESTIMATION

Gulakova O.I.

Institute of Economics and Industrial Engineering
of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk National Research State University
E-mail: o.gulakova@g.nsu.ru

The article estimates the main socio-economic trends in the development of the far Eastern Federal district (FEFD) in 2000–2016. It is concluded that the district became one of the economically opportune regions of Russia. The most important results achieved by the district are discovered. In the social sphere positive trends just outlined, but the author has shown that they will take place in the future. In the economic sphere, the main result it is the increase the share of the FEFD in the total volume of extraction and export of fuel-energy mineral resources in the country and, accordingly, the district becomes a participant in the formation of revenues of the Federal budget.

Keywords: monitoring, state programs, projects, the far Eastern Federal district, the macroeconomic indicators, economic growth.

Дальневосточный федеральный округ (ДФО) по площади занимает более чем третью часть всей РФ и характеризуется самой низкой плотностью населения в России (1 человек на км²). Округ отличается суровыми климатическими условиями; удаленностью от регионов Центральной России, слабой транспортной связью как внутри округа, так и с основной территорией России и самыми высокими расходами на обеспечение жизни и деятельности населения. Так, стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в среднем почти на 30 % превышает среднероссийский уровень, а в Магаданской области, Чукотке и Камчатском крае на 50 % и более. В то же время ДФО характеризуется наличием богатых природных ресурсов (нефть, газ, каменный уголь, руды черных, цветных, редких и драгоценных металлов, алмазы), а также выгодным транспортно-географическим положением, связанным с прямым выходом в Азиатско-Тихоокеанский регион.

После распада СССР Дальний Восток пережил период упадка и стал заброшенной окраиной России. В 1990-е гг. регион впал в глубокий экономический кризис, потеряв 15 % своего населения и свыше 90 % тяжелой промышленности.

В 2000-х гг. произошла переоценка стратегических приоритетов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако изоляция и общая отсталость Дальневосточного региона не способствовала решению задач по интеграции государства в мировое пространство, и, более того, в совокупности с еще не вычерпанными богатыми природными ресурсами стала представлять угрозу национальной безопасности России. Государственная власть начала укреплять свое присутствие на Дальнем Востоке путем возросшего вмешательства в хозяйственную сферу региона. На период 2008–2013 гг. была утверждена государственная программа развития Дальнего Востока и Забайкалья. В основе стратегии развития лежала открытость к широкой международной кооперации. Основная геополитическая задача заключалась в закреплении населения на Дальнем Востоке, а ее реализация планировалась при помощи достижения высокого уровня социального развития и комфортной среды для жизни. Новая государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», утвержденная в апреле 2013 г. [7], пролонгировала программы развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2025 г. [4].

Основной целью программ является ускоренное развитие Дальнего Востока, ориентированное на реализацию его экспортного потенциала. Реализация цели планировалась путем превращения ДФО в конкурентоспособный регион с развитой транспортной инфраструктурой, а впоследствии – с диверсифицированной структурой экономики. Социально-экономическое развитие региона предполагалось обеспечить благодаря экономическому росту в отраслях транспорта, энергетики, добычи и переработки полезных ископаемых, рыбохозяйственного и лесохозяйственного комплекса, туризма, машиностроения и строительства; совершенствованию социальной инфраструктуры; обеспечению экологической безопасности и приграничного сотрудничества [13].

Дальний Восток, согласно стратегическим планам развития, должен стать, в первую очередь, территориальной площадкой для размещения ин-

фраструктуры, обеспечивающей доступ к зарубежным рынкам, а также источником ресурсов для поддержания и наращивания уровня торговых и инвестиционных взаимодействий.

Основные инвестиционные проекты ДФО. В 2000-х гг. на Дальнем Востоке в рамках вышеуказанных задач реализовывался ряд крупных инвестиционных проектов по строительству комплекса сооружений, предназначенных для саммита АТЭС-2012 в г. Владивостоке, а также инфраструктурных объектов для обеспечения транзита углеводородов в страны Северо-Восточной Азии (СВА).

Среди наиболее важных инфраструктурных проектов железнодорожного и трубопроводного транспорта, реализованных к настоящему времени, можно отметить следующие.

Для соединения г. Якутска, крупнейшего города северо-востока страны, с российскими железнодорожными магистралями БАМом и Транссибом построена железнодорожная линия Беркакит – Томмот – Якутск, которая летом 2014 г. введена во временную (только для грузовых поездов) эксплуатацию. Для полного соединения г. Якутска с железнодорожной сетью страны осталось соорудить переход через реку Лену – мост либо тоннель [15].

В январе 2012 г. закончено строительство железнодорожного пути, который соединил расположенное в юго-восточной Якутии Эльгинское угольное месторождение с разъездом Улак Байкало-Амурской магистрали.

1. Для увеличения провозной способности инфраструктуры в направлении Ванинского транспортного узла, а также приморских портов и погранпереходов в 2009 г. началась активная реконструкция участка Байкало-Амурской магистрали – Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань со строительством нового Кузнецовского тоннеля [11].

2. В рамках проекта соединения Транскорейской и Транссибирской магистралей, конечной целью которого является соединение Корейского полуострова со странами Европы, весной 2010 г. началась реконструкция железнодорожного участка Транссиба Хасан – Раджин, а в сентябре 2013 г. участок введен в эксплуатацию [14].

3. Для обеспечения выхода на рынки СВА Сибирского и Дальневосточного федеральных округов РФ реализованы программы строительства магистральных трубопроводов.

– Строительство трубопровода «Восточная Сибирь – Тихий Океан» на территории ДФО началось в 2009 г. (вторая очередь «ВСТО» – «ВСТО-2»). Трасса нефтепровода «ВСТО-2» пересекает границы четырех субъектов Российской Федерации: Амурской области и Еврейской автономии, Хабаровского и Приморского краев. В 2012 г. трубопровод «ВСТО-2» введен в эксплуатацию [9].

– В июле 2009 г. началось строительство газопровода «Сахалин – Хабаровск – Владивосток», проходящего по территории Сахалинской области. В сентябре 2011 г. природный газ впервые поступил в г. Владивосток [12].

Динамика основных макропоказателей Дальнего Востока. Анализ динамики отраслевой структуры валовой добавленной стоимости (ВДС) округа проведен за период 2005–2015 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Отраслевая структура суммарного ВРП, %

Наименование раздела	ДФО		РФ
	2005 г.	2015 г.	2015 г.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	6	3	5
Рыболовство, рыбоводство	4	3	0.3
Добыча полезных ископаемых	15	27	11
Обрабатывающие производства	8	5	17
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	5	4	4
Строительство	9	11	7
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств	13	11	18
Гостиницы и рестораны	1	1	1
Транспорт и связь	15	12	9
Финансовая деятельность	0	0,2	1
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	8	6	13
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование	5	7	5
Прочие (М + N + O + P)	10	9	9

Изменений в основном составе отраслей специализации региона не произошло. Традиционно к ним относятся: рыболовство и рыбная промышленность, добыча полезных ископаемых; лесное хозяйство; морской транспорт; машиностроение (судостроительство и судоремонт). Но возросла значимость некоторых отраслей. Так, в регионе существенно увеличилась доля добычи полезных ископаемых с 15 % в 2005 г. до 27 % в 2015 г. За счет активной реализации проектов инфраструктуры на 2 п.п. возросла доля строительства.

Анализ динамики основных макроэкономических индикаторов позволил оценить результаты экономического развития региона в рассматриваемом периоде и сравнить их с национальными показателями (табл. 2). Реализация инфраструктурных и сырьевых проектов существенно повысила инвестиционную активность в регионе. Темп роста инвестиций в основной капитал по ДФО начал опережать национальную динамику уже с 2001 г., но после окончания строительства основных инфраструктурных мегапроектов динамика инвестиций стала носить отрицательный характер. В структуре инвестиций наибольшая доля в рассматриваемом периоде принадлежит инвестициям в здания и сооружения (в среднем около 57 %), доля вложений в машины и оборудование почти в 2 раза меньше (в среднем около 29 %). Несмотря на относительно небольшую долю инвестиций в жилищное строительство (около 7 %), в абсолютном выражении вложения с учетом инфляции увеличились в 2015 г. по сравнению с 2000 г. более чем в 4 раза и почти в 20 раз в текущих ценах. Возросшее вмешательство государства в хозяйственную сферу выразилось в росте доли средств федерального бюджета в финансировании инвестиций в основной капитал. Наиболь-

Таблица 2

Динамика основных показателей развития экономики РФ и ДФО (в % за пятилетку)

Показатель		2001–2005 гг.	2006–2010 гг.	2011–2015 гг.
Индексы физического объема ВРП	РФ	139	120	111
	ДФО	130	129	106
Индексы физического объема промышленного производства*	РФ	131	109	107
	ДФО	121	162	125
Индексы физического объема инвестиции в основной капитал	РФ	167	147	106
	ДФО	274	154	86
Темпы роста потребления электроэнергии	РФ	109	109	104
	ДФО	96	107	114
Темпы роста реальной среднемесячной начисленной заработной платы	РФ	193	150	108
	ДФО	185	138	113
Темпы роста экспорта товаров**	РФ	130	102	101
	ДФО	136	103	109

* Агрегированный индекс производства по видам деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды».

** Рассчитаны на основе статистических данных в текущих ценах в млн долл. США.

шей величины она достигла в 2010 г.: 23,5 % – бюджетных средств, из них 77 % из федерального бюджета. Причем изменилась структура финансирования регионов ДФО. Если в 2000-х гг. среди лидеров-реципиентов региона были Еврейская автономная область, Магаданская область, Камчатка, то в последнем десятилетии к ним добавились регионы, участвующие в реализации основных инфраструктурных проектов: Приморский край, Амурская область, Хабаровский край.

Инвестиционный «бум» подтолкнул экономическое развитие ДФО, что выразилось в росте валового регионального продукта (ВРП) и промышленного производства. Наиболее интенсивный рост ВРП имел место в годы активного роста деловой активности (2009–2015 гг.) в регионе и, несмотря на ее последующее падение, темпы роста ВРП в округе сохранили положительную динамику. Главный показатель экономического развития региона (ВРП на душу населения) с 2010 г. в ДФО более чем на 20 % стал превышать национальный уровень, а в 2015 г. – более чем на 35 %, и в настоящее время ДФО стал одним из экономически благополучных регионов России. Это стало возможным благодаря развитию отраслей, специализирующихся на наиболее выгодных, с точки зрения добавленной стоимости на одного занятого, видах деятельности.

Развитие промышленности. Активное развитие отраслей промышленности на Дальнем Востоке подтверждается положительной динамикой индексов промышленного производства, превысивших в последнее десятилетие среднероссийские показатели, что иллюстрируют натуральные показатели. В доступной статистике имеются показатели потребления электроэнергии, которую можно отнести к товарам, потребляемым всеми видами деятельности. Согласно табл. 2 потребление электроэнергии в ДФО вырос-

ло и в 2010–2015 гг. превысило национальный уровень, а в 2015 г. уровень энергопотребления региона стал выше даже показателя 1990 г., в отличие от показателя энергопотребления в РФ в целом. Благодаря росту выработки электроэнергии в Амурской области ДФО продолжает себя полностью обеспечивать электроэнергией, а в последние десятилетие производство превысило потребление и излишки стали экспортироваться.

Реализация проекта строительства нефтепровода «ВСТО» позволила создать надежный и экономичный маршрут транспортировки, освоить новые месторождения нефти (Талаканское месторождение, Верхнечонское, Чаяндинское, Среднеботуобинское, Ванкорское и др.), а также стимулировала увеличение добычи нефти в регионах, выступающих ресурсной базой для трубопровода «ВСТО» (месторождения Восточной и частично Западной Сибири, а также месторождения Якутии). Если до 2008 г. нефтедобыча Якутии была ориентирована на нужды локальной энергетики, то сейчас она стала одной из самых развивающихся отраслей региона [1, с. 238]. В настоящее время главными центрами топливно-энергетических ресурсов ДФО являются Сахалинская область и Республика Саха (Якутия). Благодаря эксплуатации на шельфе о. Сахалин проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2» Сахалинская область обеспечивает около 90 % нефте- и газодобычи Дальневосточного региона [10]. По оценке экспертов, в Восточной Сибири и Дальнем Востоке сосредоточено свыше 15 млрд т начальных суммарных ресурсов (НСР) нефти (более 18 % НСР России). Разведанные и предварительно оцененные запасы нефти в ДФО превышают 2,8 млрд т. С учетом перспектив транспортировки нефти по «ВСТО» общая добыча нефти и конденсата на Дальнем Востоке может составить в 2020 г. около 24 млн т, в 2030 г. – 32 млн т [2]. В 2015 г. по сравнению с 2000 г. добыча нефти как в Дальневосточном, так и в Сибирском федеральных округе выросла более чем в 7 раз. Добыча газа в ДФО увеличилась почти в 9 раз, в СФО – более чем в 6 раз.

Для более детального анализа изменений в отраслях промышленности рассмотрена динамика показателя отгруженных товаров и услуг в ДФО. Для сопоставимости данных рассматривался период 2005–2015 гг. Наибольший вклад в развитие ДФО внесли отрасли производства пищевых продуктов, транспортных средств и производства нефтепродуктов, хотя по фактическим объемам нефтепереработки ДФО по итогам 2016 г. занимал лишь 7-е место.

Основным субъектом ДФО, осуществляющим производство нефтепродуктов, является Хабаровский край, на территории которого расположены два нефтеперерабатывающих завода (Хабаровский и Комсомольский). До 2015 г. заводы получали сырье посредством железнодорожного транспорта (Комсомольский НПЗ и по настоящее время). Увеличение объемов переработки было невозможно из-за транспортно-логистических ограничений, так как мощности железнодорожного транспорта использовались на пределе [3]. Трубопровод «ВСТО-2» способствовал частичному снижению себестоимости доставки продукции. Согласно официальной информации ООО «Транснефть – Дальний Восток» 8 июля 2015 г. осуществлено подключение объектов АО «ННК – Хабаровский НПЗ» к магистральному нефтепроводу «ВСТО-П» на НПС № 34 (с. Галкино) [8]. Строительство

нефтепроводов-ответвлений «ВСТО» способствует наращиванию объемов переработки на Хабаровском и Комсомольском НПЗ и поможет в перспективе увеличить мощности завода до 6 млн т в год и до 8 млн т в год соответственно.

В пищевой промышленности ДФО основной рост производства наблюдался в 2010 г. В последующие годы анализируемого периода имело место постепенное снижение объемов производства с дальнейшей тенденцией к их увеличению. Рост отрасли после 2014 г. стимулировался ослаблением конкуренции со стороны зарубежных производителей в результате введения эмбарго [5].

В отрасли производства транспортных средств рост обусловлен запуском в 2012 г. и последующим развитием совместного российско-японского предприятия по производству автомобилей в г. Владивостоке; активным возрождением и развитием вертолетостроения в Приморском крае под эгидой холдинга «Вертолеты России»; развитием судоремонта и судостроения в Приморском крае.

К сожалению, роста производства в таких традиционных видах деятельности Дальнего Востока, как рыболовство и лесное хозяйство, пока не наблюдается. Для решения вопросов, связанных с развитием рыбохозяйственного комплекса, осенью 2015 г. состоялось заседание президиума Госсовета, на котором подготовлены предложения по стимулированию инвестиционной активности рыбодобытчиков и переработчиков [6].

Динамика экспорта. Осуществление основной цели государственной программы, направленной на реализацию экспортного потенциала, подтверждается положительной динамикой темпов роста экспорта товаров. Доля ДФО в российском экспорте выросла с 3,5 % в 2000 г. до 6 % в 2015 г. Основу экспорта региона составляет продукция топливно-энергетического комплекса (ТЭК), которой и принадлежит определяющий вклад в рост экспорта в 2000–2015 гг. (рис. 1). Снижение экспорта ТЭК в стоимостном выражении в 2015 г. произошло из-за падения мировых цен на нефть,

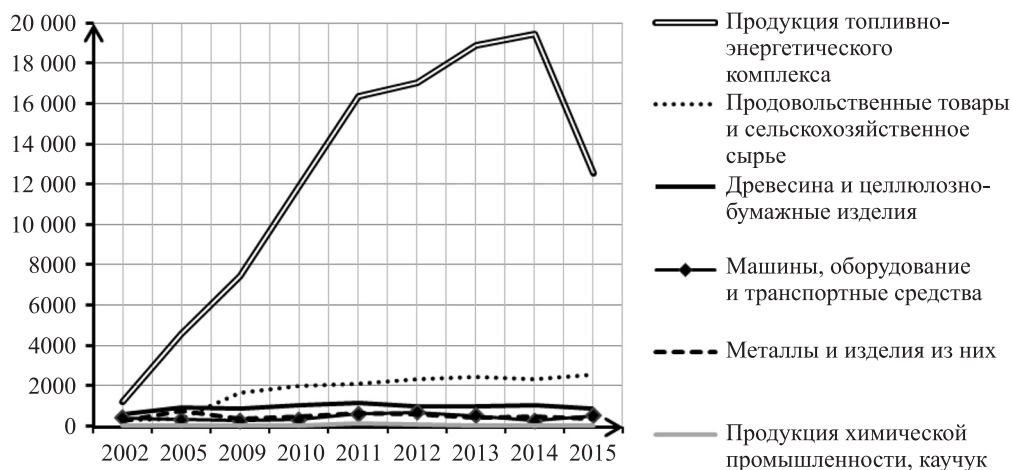

Рис. 1. Динамика товарной структуры экспорта ДФО (в фактически действовавших ценах, млн долл. США)

в физическом выражении объемы вывоза возросли. Изменилась структура экспорта региона: продовольственные товары стали занимать второе место по объемам экспорта, вытеснив с этой позиции древесину. В 2014 г. более чем в 6 раз вырос экспорт продовольственных товаров по сравнению с 2005 г.¹, в то время как экспорт древесины практически не изменился. Важно отметить, что статистическая информация по экспорту товара не совсем корректна, так как зависит от места расположения головной организации предприятия. Соответственно статистические данные занижены, что еще в большей степени подтверждает рост экспорта из ДФО.

Основные показатели уровня жизни и динамики численности населения. Для анализа денежных доходов населения округа наиболее надежным является показатель динамики реальной заработной платы. На Дальнем Востоке средняя заработная плата и в советское время, и в настоящее время превышает среднероссийский уровень, что объясняется более тяжелыми условиями жизни и более высоким уровнем цен в регионе. Но если в целом по ДФО величина превышения средней заработной платы в 1995 г. составляла около 70 %, то в 2015 г. – всего около 25 %. Однако начиная с 2009 г. темпы роста реальной заработной платы в ДФО стали превышать среднероссийские. Для более детального анализа изменений в уровне жизни в регионе произведен анализ основных показателей потребления округа. На рис. 2 представлена динамика доли ДФО в показателях РФ. Потребление в регионе в 2000-е гг. относительно среднероссийского уровня остается неизменным и пока не может вырасти до показателей «советского» периода. Это может быть частично объяснено снижением доли населения в ДФО, а также повышением доли работников, занятых вахтовым методом, которые предпочитают тратить доходы за пределами региона своей занятости. Необходимо отметить, что в регионе все больше предпочитают использовать заемные средства, чем собственные. С 2010 г. доля средств, привлеченных кредитными организациями, стала превышать среднероссийский уровень и постепенно увеличиваться. Так, в 2015 г. эта величина для ДФО достигла почти 85 %, в то время как для РФ в целом составляла всего около 60 %. Причем стала расти в величине заемных средств доля жилищных кредитов (в 2001 г. – 4 %, в 2015 г. – более 30 %), что косвенно свидетельствует о потенциальном снижении уровня миграции из округа.

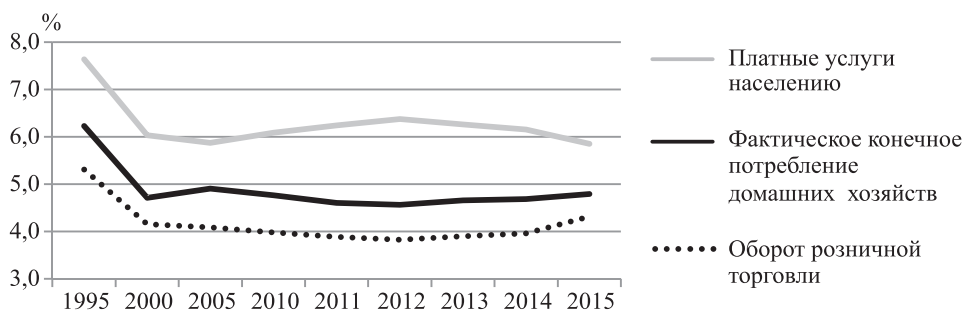

Рис. 2. Динамика доли ДФО в основных показателях потребления РФ (в % к показателю РФ)

¹ Анализировались данные в текущих ценах.

За период реализации рыночных реформ Дальний Восток стал лидером по «убытию» населения среди регионов России. К основным факторам, формирующим негативные миграционные намерения в ДФО, можно отнести высокую стоимость жизни, услуг социальной сферы; оторванность от Центральной России; неудовлетворенность имеющейся работой и заработной платой; низкий уровень доступности и качества; высокие транспортные тарифы [6]. Учитывая важную роль миграционных процессов в социально-экономическом и демографическом развитии РФ, в стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. одной из основных задач стало закрепление населения за счет формирования развитой экономики и комфортной среды проживания, и в первую очередь посредством улучшения транспортной доступности и мобильности населения [13]. В соответствии с концепцией государственной миграционной политики на период до 2025 г. (начала действовать с 2006 г. [5]) предполагается, что к 2021 г. будет приостановлен миграционный отток населения из районов Сибири и Дальнего Востока, а к 2026 г. – обеспечен миграционный приток населения в данные регионы.

Анализ динамики демографической ситуации в ДФО показал наметившиеся позитивные изменения. Нужно отметить, что естественный прирост населения в крае превышает среднероссийский уровень. Но если в начале 1990-х гг. он был самым высоким в РФ, то начиная с 1995 г. регион стал терять свои позиции. С 2006 г. отрицательный прирост стал уменьшаться, и с 2012 г. рождаемость стала превалировать над смертностью. В ДФО коэффициент миграционного прироста, характеризующий интенсивность миграции, на протяжении многих лет носит отрицательный характер. За последние 20 лет миграционная ситуация в ДФО стала менее «плачевной». Коэффициент интенсивности миграции к 2003 г. уменьшился почти в 5 раз, что произошло в основном за счет значительного уменьшения убыли населения из северных районов округа (Чукотки, Магаданской области). В 2003–2015 гг. стабильная положительная динамика прослеживается практически во всех регионах ДФО (табл. 3).

Таблица 3

Основные показатели роста населения (значение показателей за период)

Показатель		1990 г.	1995 г.	1996–2000 гг.	2001–2005 гг.	2006–2010 гг.	2011–2015 гг.
Коэффициент естественного прироста* (на 1000 чел.)	РФ	2,2	–5,7	–5,64	–6,16	–2,82	–0,04
	ДФО	7,2	–2,4	–2,62	–3,4	–1,12	1
Коэффициент миграционного прироста** (на 10 000 чел.)	РФ	11	34	26	18	23	20
	ДФО	–12	–136	–115	–78	–44	–38

* Коэффициент естественного прироста – разность общих коэффициентов рождаемости и смертности.

** Коэффициент миграционного прироста – отношение миграционного прироста к среднегодовой численности постоянного населения по текущей оценке.

Можно отметить положительные изменения в динамике численности крупных городов ДФО. Если в 1990-е гг. в большинстве городов Дальнего Востока наблюдалось существенное падение численности населения (с 1989 по 2002 г.: Анадырь – падение на 36 %, Магадан – на 34, Петропавловск-Камчатский – на 15, Биробиджан – на 8 %), то в 2000-е гг. (с 2002 по 2016 г.) темпы падения существенно сократились (Магадан – падение на 7 %, Петропавловск-Камчатский – на 9, Биробиджан – на 3 %), а в остальных административных центрах отмечился рост населения (наиболее существенный в Якутске (44 %), Анадыре (35 %) и Южно-Сахалинске (11 %)). На позитивные изменения в демографической ситуации ДФО определенное воздействие оказывают благоприятные изменения на рынке труда, где с 2000 г. наблюдается падение безработицы (средний ежегодный темп отрицательного прироста безработицы составил около 5 %) и практически неизменной занятостью. Частично это можно объяснить падением численности экономически активного населения (среднее ежегодное падение численности экономически активного населения составляло в указанный период около 2 % в год, что в абсолютном отношении за 15 лет составило 719 тыс. чел.).

Финансы Дальневосточного федерального округа. В области межбюджетных отношений постепенно формируются положительные сдвиги. Доля доходов ДФО в консолидированном бюджете РФ с 2000 г. увеличилась с 6 до 9 % в 2016 г., причем основной рост произошел благодаря производству в Сахалинской области. Рост доходной части региональных бюджетов может обуславливаться как ростом налоговых поступлений, так и ростом доли безвозмездных поступлений из федерального бюджета. К сожалению, ДФО является регионом-реципиентом. Величина налоговых поступлений за 2000–2015 гг. в среднем составила менее половины дохода консолидированного бюджета округа (47 %), тогда как в среднем по России данная величина составляла около 65 % бюджета РФ, и только в Северо-Кавказском округе налоговые поступления составляют еще более меньшую долю бюджета, чем в ДФО (27 %). С 2009 г. наметилась тенденция роста налоговых и падения безвозмездных поступлений (рис. 3).

Традиционным лидером среди регионов ДФО по безвозмездным поступлениям являются Республика Саха (Якутия) и Камчатский край. В годы реализации государственных инфраструктурных проектов увеличилась доля безвозмездных поступлений в бюджеты Хабаровского и особенно Приморского края. Благодаря реализации проектов возрос объем поступлений налогов и сборов в бюджетную систему Российской Федерации из

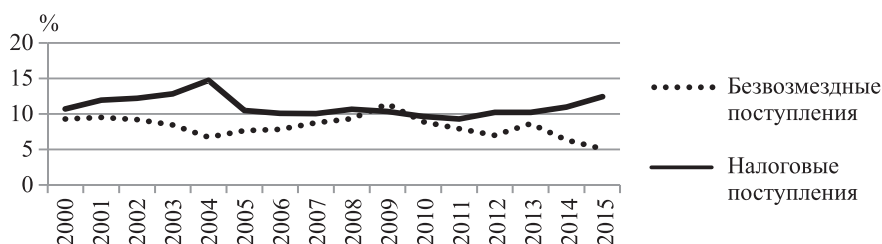

Рис. 3. Динамика поступлений в консолидированный бюджет ДФО в 2000–2015 гг. (в % от номинального ВРП ДФО)

ДФО. Так, с 2009 г. возросли поступления от предприятий отраслей строительства, производства электроэнергии (в Амурской области и в Якутии) и добычи нефти и газа в Сахалинской области. А с 2014 г. – морского (Приморский край) и трубопроводного транспорта (Хабаровский край, Амурская и Сахалинская области), а также продолжающегося роста поступлений из отраслей добычи (Сахалинская область). Таким образом, возросла самообеспеченность бюджетов некоторых областей ДФО и уменьшилась доля федерального центра в дотировании края, но ни одна область пока не может полностью покрывать свои расходы.

Заключение. В Дальневосточном федеральном округе в период 2000–2016 гг. можно констатировать процесс ускоренного экономического развития, характеризующегося такими основными тенденциями, как:

Период основных изменений в пространственной структуре показателей производства и потребления закончился в 2008 г.

Самое позитивное для ДФО изменение макропоказателей – динамики инвестиций в основной капитал. Положительным толчком для краткосрочного роста макроэкономических показателей, а также для дальнейшего развития региона стала инвестиционная активность в начале анализируемого периода.

Обустройство о. Русский к саммиту АТЭС, а также реализация основных инфраструктурных проектов для транзита углеводородов на экспорт стали одной из главных причин существенного повышения доли Приморского края и всего ДФО в суммарных инвестициях, но уже с 2012 г. физический объем инвестиций резко сократился.

Основной результат – повышение доли ДФО в общем объеме добычи топливно-энергетических полезных ископаемых. (В суммарной по стране добычи нефти и газа доля округа увеличилась с 1 % в 2000 г. до 5 % в 2015 г.) Причем объем добычи превышает потребности внутреннего производства, и ДФО стал участником формирования доходов от внешнеэкономической деятельности федерального бюджета.

Произошло общее увеличение объемов экспорта, в первую очередь, за счет продукции ТЭК (нефть, газ).

ДФО стал одним из экономически благополучных регионов РФ по показателю валового регионального продукта на душу населения, который с 2010 г. более чем на 20 % стал превышать национальный уровень, а в 2015 г. – более чем на 35 %.

Активное развитие отраслей промышленности в Дальневосточном регионе подтверждается положительной динамикой индексов промышленного производства. Наибольший вклад в развитие ДФО внесли отрасли производства пищевых продуктов, транспортных средств и производства нефтепродуктов.

В ДФО рост производства электроэнергии превысил возрастающий внутренний спрос, излишки стали экспортироваться.

По агрегатам обрабатывающей промышленности ДФО в целом отстает от остальной части РФ, но в округе возрождаются и развиваются традиционные отрасли судо- и самолетостроения, а также формируется и активно развивается новое направление – автомобилестроение.

Ситуация в сфере потребления остается практически неизменной в рассматриваемом периоде относительно среднероссийского уровня. С 2009 г. темпы роста реальной заработной платы в ДФО стали превышать национальный уровень, но величина превышения заработной платы в ДФО над среднероссийской остается почти в три раза меньшей по сравнению с до-реформенным уровнем.

Отмечаются позитивные изменения в демографической ситуации ДФО. Несмотря на то, что отрицательные миграционные процессы в округе продолжают сохраняться, с 2003 г. в регионах ДФО прослеживается стабильная динамика снижения коэффициента интенсивности миграции. Отмечается рост численности населения в административных центрах края. Положительные тенденции в некоторой степени обуславливаются падением безработицы в округе и практически неизменным уровнем занятости.

Возросла самообеспеченность бюджетов ДФО, прежде всего, Сахалинской области, уменьшилась доля федерального центра в дотировании края. Тем не менее до настоящего времени ни одна область не может полностью покрывать свои расходы.

Таким образом, в ДФО отмечается укрепление и развитие хозяйственных связей как с российскими регионами, так и с иностранными государствами. Отмеченные положительные сдвиги в экономическом положении округа явились фактором позитивных тенденций в социальной сфере региона.

Литература

1. Гаврильева Т.Н., Степанова Н.А. Влияние мегапроектов «Восточная Сибирь – Тихий океан» и «Сила Сибири» на экономику и природную среду Якутии // Регион: экономика и социология. 2016. № 4 (92). С. 237–248.
2. Коржубаев А.Г. Перспективы развития нефтегазового комплекса Восточной Сибири и Дальнего Востока // Регион: экономика и социология. 2011. № 2. С. 193–210.
3. Коржубаев А.Г., Филимонова И.В., Эдер Л.В. Формирование новых центров нефтегазового комплекса на Востоке России // Таможенная политика на Дальнем Востоке. 2013. № 1 (62). С. 34–45.
4. Минакир П.А., Прокапало О.М. Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 103–122.
5. Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2014 году // Пространственная экономика. 2015. № 2. С. 132–164.
6. Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2015 году // Пространственная экономика. 2016. № 2. С. 123–157.
7. Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». URL: <http://government.ru/programs/232/events/> (дата обращения: 20.05.2017).
8. «Доставлена первая технологическая нефть до узла учета Хабаровского НПЗ». URL: <http://www.fareast.transneft.ru/press/news/?id=23372> (дата обращения: 25.05.2017).
9. ООО «Транснефть – Порт Козьмино». URL: <http://www.kozmino.transneft.ru/about/> (дата обращения: 20.05.2017).

10. *Осипова И.А.* Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа: проблемы и перспективы // *Nauka-rastudent.ru*. 2012. № 12 (24). [Электронный ресурс]. URL: <http://nauka-rastudent.ru/24/3065/> (дата обращения: 22.05.2017).
11. Реконструкция участка Оунэ – Высокогорная со строительством нового Кузнецовского тоннеля на участке Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань. URL: http://www.roszeldor.ru/invest_project/in_pr_vysokogorn (дата обращения: 27.05.2017).
12. «Сахалин – Хабаровск – Владивосток». URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/active/shvg/> (дата обращения: 20.05.2017).
13. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. URL: <http://government.ru/info/12092/> (дата обращения: 22.05.2017).
14. Транскорейская магистраль: проблемы и перспективы. URL: <http://sluzhuotechestvu.info/index.php/gazeta-sluzhu-otechestvu/2014/yanvar-2014/item/1146-транскорейская-магистраль-проблемы-и-перспективы.html> (дата обращения: 03.05.2017).
15. «Трансстрой» вводит в эксплуатацию последний участок Амуро-Якутской магистрали. URL: <https://www.bfm.ru/news/270892> (дата обращения: 22.05.2017).

Bibliography

1. *Gavril'eva T.N., Stepanova N.A.* Vlijanie megaproektov «Vostochnaja Sibir' – Tihij okean» i «Sila Sibiri» na jekonomiku i prirodnuju sredu Jakutii // *Region: jekonomika i sociologija*. 2016. № 4 (92). P. 237–248.
2. *Korzhubaev A.G.* Perspektivy razvitija neftegazovogo kompleksa Vostochnoj Sibiri i Dal'nego Vostoka // *Region: jekonomika i sociologija*. 2011. № 2. P. 193–210.
3. *Korzhubaev A.G., Filimonova I.V., Jeder L.V.* Formirovanie novyh centrov neftegazovogo kompleksa na Vostoke Rossii // *Tamozhennaja politika na Dal'nem Vostoke*. 2013. № 1 (62). P. 34–45.
4. *Minakir P.A., Prokapalo O.M.* Gosudarstvennaja programma RF «Social'no-jekonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona» // *Prostranstvennaja jekonomika*. 2013. № 1. P. 103–122.
5. *Prokapalo O.M., Isaev A.G., Mazitova M.G.* Jekonomicheskaja kon#junktura v Dal'nevostochnom federal'nom okruge v 2014 godu // *Prostranstvennaja jekonomika*. 2015. № 2. P. 132–164.
6. *Prokapalo O.M., Isaev A.G., Mazitova M.G.* Jekonomicheskaja kon#junktura v Dal'nevostochnom federal'nom okruge v 2015 godu // *Prostranstvennaja jekonomika*. 2016. № 2. P. 123–157.
7. Gosudarstvennaja programma «Social'no-jekonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona». URL: <http://government.ru/programs/232/events/> (data obrashhenija: 20.05.2017).
8. «Dostavlena pervaja tehnologicheskaja neft' do uzla ucheta Habarovskogo NPZ». URL: <http://www.fareast.transneft.ru/press/news/?id=23372> (data obrashhenija: 25.05.2017).
9. ООО «Transneft' – Port Koz'mino». URL: <http://www.kozmino.transneft.ru/about/> (data obrashhenija: 20.05.2017).
10. *Osipova I.A.* Social'no-jekonomicheskoe razvitie Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga: problemy i perspektivy // *Nauka-rastudent.ru*. 2012. № 12 (24). [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://nauka-rastudent.ru/24/3065/> (data obrashhenija: 22.05.2017).
11. Реконструкция участка Оунэ – Высокогорная со строител'stvom нового Кузнецовского тоннеля на участке Кomsomol'sk-na-Amure – Sovetskaja Gavan'. URL: http://www.roszeldor.ru/invest_project/in_pr_vysokogorn (data obrashhenija: 27.05.2017).

12. «Sahalin – Habarovsk – Vladivostok». URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/active/shvg/> (data obrashhenija: 20.05.2017).
13. Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitija Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona na period do 2025 goda. URL: <http://government.ru/info/12092/> (data obrashhenija: 22.05.2017).
14. Transkorejskaja magistral': problemy i perspektivy. URL: <http://sluzhuotechestvu.info/index.php/gazeta-sluzhu-otechestvu/2014/yanvar-2014/item/1146-transkorejskaja-magistral'-problemy-i-perspektivy.html> (data obrashhenija: 03.05.2017).
15. «Transstroj» vvodit v jekspluataciju poslednij uchastok Amuro-Jakutskoj magistrali. URL: <https://www.bfm.ru/news/270892> (data obrashhenija: 22.05.2017).

УДК 304.9

РЕЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДО 2020 ГОДА: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Петровская Ю.А., Щекина И.В.

Петрозаводский государственный университет

E-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru, irina.shekina@mail.ru

Статья посвящена анализу основных результатов, условий, факторов и перспектив реализации Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 г., проведенному путем сопоставления индикаторов выполнения основных блоков Стратегии с запланированными значениями, анализа научных работ и статистических данных. В Стратегии определены 45 целевых индикаторов ее успешной реализации, сгруппированные в 8 блоков. Из сорока пяти индикаторов по двадцати одному отсутствуют официальные данные. Только по четырем индикаторам можно точно сказать, что запланированные показатели достигнуты полностью.

Ключевые слова: инновационное развитие, инновационная деятельность, стратегия, индикаторы, инновационная личность.

IMPLEMENTATION OF THE INNOVATIVE DEVELOPMENT STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION UP TO 2020: RESULTS AND PROSPECTS

Petrovskaya Yu.A., Shchekina I.V.

Petrozavodsk State University

E-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru, irina.shekina@mail.ru

The article is based on the analysis of the main results, conditions, factors and prospects of implementation of the Strategy of innovative development of the Russian Federation until 2020 conducted by comparing the indicators of implementation of the main blocks of the Strategy with the planned results, analysis of scientific works and statistical data. The Strategy defines 45 target indicators of its successful implementation, grouped into 8 blocks. Twenty-one of the forty-five indicators are missing official data. Only four indicators show that the planned results have been fully achieved.

Keywords: innovative development, innovative activity, strategy, indicators, innovative personality.

Современное общество – это система, для поддержания равновесия и полноценного развития которой необходимо противостоять большому количеству вызовов: как внутренних, так и происходящих из внешней среды. Актуальнейшим вызовом для современных развитых стран является сохранение конкурентоспособности и достижения высоких темпов производительности [13]. Для того, чтобы адекватно противостоять этому вызову, необходима хорошо продуманная и структурированная инновационная и научно-техническая политика. В нашей стране направления инновационной политики определены Стратегией инновационного развития Российской Федерации до 2020 года. Поэтапная реализация мероприятий, запланиро-

ванных в этом документе, призвана «перевести страну на инновационный путь развития», а в долгосрочной перспективе – обеспечить высокий уровень благосостояния населения и закрепить геополитическую роль страны как одного из лидеров, определяющих мировую политическую повестку дня [17].

Первый этап реализации Стратегии предполагал создание эффективной системы государственно-частного партнерства, основанного на стимулировании инновационной активности бизнеса, а также интеграцию российской науки в мировое сообщество. Достигнуть этого планировалось путем обновления кадров, в том числе управленческих, и перераспределения средств на более перспективные направления и создание национальных исследовательских центров. На втором этапе реализации Стратегии (2014–2020 гг.) ожидалось не только сохранение поддержки, реализации и продвижения крупных проектов и приоритетных направлений науки, но и увеличение расходов на инновации. Было запланировано перевооружение и модернизация промышленности. К завершению второго этапа реализации Стратегии предполагалось наличие полностью сформированной и функционирующей национальной инновационной системы, которая и приведет к достижению поставленных долгосрочных целей. Важнейшим среди принципов, на которых основана стратегия, является тесное взаимодействие государства, бизнеса и науки как основных субъектов инновационной деятельности. При этом предполагается ориентация на международные стандарты, что позволит повысить конкурентоспособность нашей страны на мировом инновационном рынке.

В Стратегии проанализированы три наиболее вероятных для России варианта инновационного развития. Вариант инерционного развития ориентирован преимущественно на импорт, что означает низкие расходы на сферу инноваций, но также и отсутствие собственных разработок и исследований. Это однозначно не будет способствовать росту значимости и влияния страны на мировой арене. Вариант догоняющего развития и локальной технологической конкурентоспособности предполагает стимулирование отдельных отраслей, способных принести наибольшую прибыль. Следовательно, исследования и разработки будут проводиться именно в этих сферах. Здесь опять же существует прямая зависимость от импорта, несущая в себе как позитивные, так и негативные эффекты. С одной стороны, проще и привычнее реализовывать уже готовую отработанную технологию, это снижает затраты и минимизирует возможные риски. С другой стороны, довольно сложно конкурировать со странами, имеющими ту же технологию, при нынешнем состоянии кадровой и технологической составляющей. Также нельзя не отметить снижение количества собственных разработок и трудности в привлечении зарубежных инвесторов.

Сегодня мир стоит на пороге шестого технологического уклада. Его очертания только начинают проявляться в наиболее развитых странах мира, в первую очередь в США, Японии и КНР. По оценкам академика Е. Н. Каблова, в США доля производительных сил пятого технологического уклада составляет 60 %, четвертого – 20 %, а около 5 % уже приходится на шестой технологический уклад. В России доля технологий пятого уклада в наиболее развитых отраслях составляет лишь 10 %. Более половины технологий

относится к четвертой ступени, а почти треть – и вовсе к третьей [10]. В настоящее время доля инновационной продукции в ВВП России составляет только 5 %, тогда как в развитых странах она достигает 40–60 %. При этом доля высокотехнологичной продукции в общем российском экспорте достигает лишь 3 % [7]. Удельный вес расходов на НИОКР в ВВП развитых стран имеет тенденцию к стабилизации на уровне от 2 до 3 %, и только два государства тратят на НИОКР более 4 % ВВП: Израиль и Республика Корея. В 2012 г. расходы на науку в США составляли 2,78 % ВВП, в Японии – 3,39, в Германии – 2,88 %. Расходы России на НИОКР составляют всего 1,12 % ВВП (в СССР – около 4 %) [16]. Таким образом, российскому государству необходимо наращивать усилия по трансформации инновационной сферы нашей страны, определить наиболее перспективные направления, в которых будут применяться собственные разработки. Этой цели соответствует третий вариант инновационного развития – достижение лидерства в ведущих научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях, ради которого, на наш взгляд, логичнее было бы на самом первом этапе реализации Стратегии не отвергать вариант, сочетающий догоняющее развитие и локальную технологическую конкурентоспособность, предполагающий точечную концентрацию усилий на наиболее перспективных отраслях. На сегодняшний день Российская Федерация существенно отстает от ведущих в мировых инновационных рейтингах стран Европы и Азии. Так, в Глобальном инновационном индексе Россия на 45-м месте среди 127 стран [19], в Индексе комфортности ведения бизнеса – 35-е место из 190 стран [6], в Индексе развития информационных технологий – 45-е место из 176 стран [18]. В этих условиях выбранный вариант достижения лидерства в ведущих научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях видится сложно реализуемым с заданных стартовых позиций.

Разработчики Стратегии при выборе пути инновационного развития опасаются зависимости от импорта, рассматривая его как барьер для адекватной конкуренции с ведущими странами, уже разработавшими и внедрившими ту или иную инновацию, однако существующая инновационная ситуация в нашей стране сама по себе является таким барьером. Преодолеть его видится возможным с помощью внедрения заимствованных инновационных технологий. Они могли бы стать стартовой площадкой для формирования инновационной инфраструктуры и развития собственных инноваций. Переход к третьему варианту развития был бы логичен и существенно проще после практической отработки второго. Отмеченный приоритетным в Стратегии путь развития был подвергнут критике со стороны главного экономиста «Уралсибкапитал» А. Девятова. По его мнению, для России оптимален второй вариант, а именно «догоняющее развитие», означающее заимствование «рядовых для мирового рынка, но передовых по российским стандартам технологий в качестве первого этапа технологической модернизации». Третий вариант он называет «наиболее амбициозным, а поэтому менее реалистичным». На достижение запланированных показателей нужны мощные финансовые вложения, которых может не оказаться в бюджете нашей страны. С А. Девятовым солидарен В. Гутенев, член комиссии Общественной палаты по науке и инновациям. Он также считает оптимальным второй путь развития, предлагая за основу взять уже

имеющиеся в стране научные заделы, а заимствованные технологии адаптировать к российским условиям. Это, по его мнению, значительно сэкономит бюджетные средства и позволит наладить взаимодействие с бизнес-структурами, выступающими не только в роли партнера, но и в качестве контролирующей структуры. Целостная и работоспособная система инновационного развития является одной из целей реализации Стратегии [17]. Т.А. Красноперова определяет национальную инновационную систему как эволюционно развивающуюся подсистему национальной экономической системы, представляющую собой совокупность взаимосвязанных субъектов инновационной инфраструктуры и институтов финансового, правового и социального характера, целенаправленно осуществляющих генерацию и трансформацию научных знаний в новые технологии, продукты, услуги, их коммерциализацию и финансирование для реализации экономических интересов [11].

Изначально функции управления и координации элементов инновационной системы были возложены на Правительственную комиссию по высоким технологиям и коммуникациям. Однако в июне 2012 г. был образован Совет при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию России. Реализация мероприятий Стратегии возложена на федеральные органы исполнительной власти, где координаторами в соответствующих сферах являются Министерство экономического развития Российской Федерации, Министерство образования и науки Российской Федерации, Министерство промышленности и торговли Российской Федерации и Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Каждый элемент системы предполагает собственный координационный механизм. Важно понимать, что создания условий для развития инноваций в отдельных направлениях и сферах социально-экономической политики недостаточно для формирования полноценной системы. Необходимо трансформация общественной системы, создание условий для формирования инновационных компетенций у граждан.

Осознавая необходимость формирования системы инновационного партнерства «государство – бизнес – наука», следует подробнее рассмотреть каждый элемент с позиции вклада в развитие инновационной сферы. А.Г. Аганбегян характеризует современное состояние российской экономики как кризисное. Он приводит несколько факторов стагнации: падение инвестиций, отток капитала, снижение цен на нефть, отсутствие обновлений основных фондов и неверно выбранные приоритетные области в структуре экономики нашей страны. Сегодня в российской экономике преобладает топливно-энергетическая область, производство полуфабрикатов и материалов. На 2015 г. доля экономики знаний в ВВП России – 15 %, а в странах Западной Европы и Америки – в разы больше [5]. По мнению ученого, экономическая политика нашей страны неадекватна сложившейся ситуации: необходимо стимулирование экономического роста, форсирование инвестиций. Причину кризиса ученый видит в неадекватной сложившейся ситуации экономической политики страны, которая усугубила кризисные проявления: отток капитала, сокращение прироста основных фондов, снижение цен на нефть, девальвацию рубля и использование золотых резервов. Усугубили ситуацию экономические санкции со стороны ЕС и США.

Такая ситуация в стране негативно влияет на население, люди не видят позитивных перспектив, происходит повышение уровня стресса, снижение рождаемости и рост смертности, снижение в целом уровня и качества жизни. Выход из кризисной ситуации А.Г. Аганбегян видит в качественно новой экономической политике, ядро которой – переход к форсированным инвестициям, подкрепленным стимулированием экономического роста. Для этого, по его мнению, необходимо выполнение двух условий: осуществление программы по радикальному сокращению инфляции и ключевой ставки ЦБ и устранение барьеров экономического роста. Для выполнения этих условий необходим перевод экономики на инновационный путь развития; выделение в бюджете специального «бюджета развития»; изменение системы региональных администраций – переход на губернскую структуру. Также необходимо перестроить структуру экспорта с сокращением доли нефти до 20 %, газа – до 5 % с преобладанием готовых товаров высоких пределов с большой добавленной стоимостью (современных синтетических материалов, лесопереработки, авиастроения и т.д.), возродить крупное машиностроительное производство по наиболее важным направлениям – энергоэлектротехника, тяжелая, горная металлургия, машиностроение и станкостроение, необходимо развитие биотехнологий.

Разработчики Стратегии видят повышение инновационной активности бизнеса одним из основных условий перехода экономики на инновационный путь развития. На момент разработки Стратегии бизнес-сфера не была готова к инновационной активности. Ей препятствовали невысокое качество бизнес-среды, отсутствие развитых условий для справедливой конкуренции, наличие таможенных и административных барьеров для внедрения новых технологий, слабая, нерегулярная поддержка государства. Сфера предпринимательства является одним из «звеньев» современной инновационной системы нашей страны. Отечественные предприятия начинают осваивать мировой инновационный рынок, создавать и внедрять инновационные продукты. Tech Days называет два ключевых участника инновационного рынка: потребителей инновационных технологий – корпорации и производителей – стартапы. Положение России на мировом инновационном рынке зависит в том числе от того, насколько налажено взаимодействие между участниками, какие тенденции и перспективы их объединяют.

В структуре затрат на инновации в 2015 г. 99,3 % приходилось на технологические инновации. Основным типом инновационной активности являются процессные инновации, цель которых – оптимизация производственных издержек. Исследователи отмечают изменение приоритетов в области бизнес-инноваций в нашей стране. Еще в 2010 г. большинство предприятий инвестировали в приобретение машин и оборудования, а уже через 5 лет акцент сместился в сторону исследований и разработок [8]. Анализируя инновационные предприятия, нельзя обойти вниманием сферу малого бизнеса. Общеизвестный факт, что малые организации более мобильны, гибки, готовы к риску и оперативнее в принятии решений. Согласно результатам опроса, проведенного Аналитическим центром при правительстве России, большинство респондентов которого – представители малого бизнеса, основными барьерами для развития предпринимательской деятельности называют достаточно сложный доступ к финансовым ресурсам (53 %),

высокие налоги (53 %), нестабильность российского законодательства в отношении регулирования деятельности предприятий (41 %), деятельность органов власти, мешающая ведению хозяйственной деятельности (40 %), антиконкурентное давление со стороны других участников рынка (52 %). Характерно, что ключевыми факторами конкурентоспособности производства товаров, услуг и работ представители малого бизнеса считают низкую цену (41 %), доверительные отношения с клиентами (21 %) и высокое качество (19 %). 40 % опрошенных отмечают негативное влияние государства на состояние конкурентной среды, считая, что органы власти мешают малому бизнесу, внедряя очередные инициативы. Позитивным влиянием государства называют лишь 2 % респондентов, а неоднозначным определяют вмешательство государства 22 % представителей малого бизнеса. Стоит отметить снижение доли организаций, проводивших НИОКР, если в 2016 г. этот показатель составлял 19 %, то в 2017 г. уже 13 %. Таким образом, производство инновационных товаров и услуг не является приоритетом деятельности предприятий малого бизнеса, в силу того, что предприниматели больше озабочены проблемами сохранения бизнеса, а инициативы органов государственной власти оборачиваются дополнительными трудностями.

В сфере инноваций человек играет двойную роль: во-первых, он закладывает основы, проводя научные исследования и разработки, развивая образование, информационно-коммуникационные технологии, здравоохранение и т.д., во-вторых, накопленные знания, умения и навыки человека позволяют ему эффективно применять инновации. А.Г. Аганбегян называет главным локомотивом экономического развития инвестиции в человека, а именно в человеческий капитал, под которым понимается совокупность факторов, от которых зависит качество труда человека, степень его вклада в социально-экономическое развитие. Эти факторы раскрываются в знаниях и умениях человека, качестве его жизни, здоровье и интеллекте [3]. Он пишет, что в развитых странах существует понятие «экономика знаний» – комплекс отраслей, нацеленный на повышение производительности и качества человеческого капитала. Он включает в себя НИОКР, все виды образования, информационно-коммуникационные технологии, нанотехнологии и здравоохранение. По расчетам Всемирного банка объем человеческого капитала России составляет 30 трлн долл., в то время как ВВП России оценивается всего в 3,5 трлн по паритету покупательной способности и 1,5 трлн – по рыночному валютному курсу рубля. А.Г. Аганбегян отмечает как основную проблему нашей страны недостаточное использование человеческого капитала и отсутствие систематических мер по его умножению. Этому свидетельство – затяжной экономический кризис, так как рост человеческого капитала и сферы экономики знаний обуславливают рост экономический [4].

В сфере науки основной целью реализации Стратегии является «возвращение России в число ведущих мировых научных держав». Достижение этой цели предполагалось через повышение качества кадрового потенциала, повышение эффективности сектора исследований и разработок, наращивание исследовательского потенциала на ключевых направлениях, развитие негосударственного сектора исследований и разработок, развитие механизмов и инструментов координации и взаимодействия всех участ-

ников инновационного процесса [15]. В 2013 г. вступил в силу ФЗ № 253 «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», разделивший ученых и законодателей на два лагеря с абсолютно противоположными позициями. Важной составляющей реформы РАН стало создание ФАНО – Федерального агентства научных организаций. ФАНО было наделено функциями по нормативно-правовому регулированию и оказанию государственных услуг в сфере организации деятельности, осуществляемой подведомственными организациями, в том числе в области науки, а также по управлению федеральным имуществом организаций, подведомственных Агентству, большинство среди которых – институты РАН. По указанным вопросам ФАНО получило право вносить в Правительство РФ проекты законов и других нормативных актов без согласования с РАН. Тревожным знаком для ученых послужил факт, что Агентство получило полномочия полного собственника федерального имущества, закрепленного за организациями, находящимися в ведении Академии. Таким образом, круг полномочий РАН резко сузился, Академия наук потеряла право управления институтами и распоряжения федеральным имуществом. Научное сообщество восприняло это преобразование не иначе, как «рейдерский захват». Представители Правительства и Администрации Президента РФ видят суть реформы в освобождении ученых от хозяйственной деятельности, дополнительную возможность развития, а сами ученые – как неправомерное вмешательство в деятельность РАН. Не мудрено, что научное сообщество восприняло реформу резко негативно. В первую очередь, вопросы возникли к целям и задачам преобразований, которые, по мнению ряда ученых, не были объявлены во всеуслышание, поэтому были восприняты неоднозначно. Однако самую большую потерю ученые видят в ослаблении координации между Академией и институтами, а соответственно и в снижении эффективности решения междисциплинарных задач. Постановление Правительства РФ от 25.10.2013 г. № 959 «О Федеральном агентстве научных организаций» утратило силу с 27.07.2018 г.

Еще один вопрос, ставший камнем преткновения, – финансирование. Д.В. Ливанов заявляет в качестве основной задачи перехода на конкурсное финансирование изменение подхода к организации научной деятельности, передачу главных ресурсов в руки работающих ученых. Научное сообщество не видит в конкурсном распределении средств условий для полноценного формирования научной среды в стране, опасается сокращения тех ученых, кто не сможет получить средства на научные разработки. Доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН Ю.Ю. Ковалев обращает внимание на недостаточность поддержки молодых ученых, обучающихся в аспирантурах [14]. Перспективные молодые умы не стремятся работать в таких условиях, что не способствует желаемому омоложению научных кадров, средний возраст исследователей на сегодняшний день – 46 лет, этот показатель практически неизменен с 2010 г. Представители научного сообщества отмечают низкий уровень проработки правовых актов, призванных обеспечить внедрение реформы. Они утверждают практически без согласования с РАН, что провоцирует бурные протесты, последующие обсуждения и уточнения. На протяжении бо-

лее четырех лет формулируются и принимаются все новые уточняющие и дополняющие нормативно-правовые акты, в которых речь о взаимодействии с РАН зашла только последние два года. Законодатели обвиняются учеными в непонимании сути самой науки, организации работы научных коллективов, проведения научных исследований. Таким образом, заявленная Д.И. Ливановым цель реформы Российской академии наук – «восстановление конкурентоспособности России как мировой научной державы, как центра интеллектуального развития, возвращение лидерства в сфере фундаментальной науки» [12] с трудом достижима в реальных условиях ее реализации. Основным источником проблем ученые называют метод «шоковой терапии», с помощью которого была проведена реформа. Академия наук не была готова к таким резким непродуманным изменениям, внедренным практически без обсуждений и переходного периода, именно поэтому адаптация обеих сторон происходит до сих пор. В подобных стрессовых условиях нельзя говорить о полноценной научной работе, росте количества публикаций и цитирований.

В российской инновационной сфере XXI в. появляется коллективный субъект инновационной деятельности в лице инновационных центров разных форм организации и инновационный продукт как результат коллективного творчества. В развитых странах создаются специальные агентства и центры. Яркий пример – Европейская сеть деловых инновационных центров, которая осуществляет поддержку и развитие инновационной деятельности в малом и среднем предпринимательстве в странах Европейского союза. Она была основана в 1984 г. по инициативе Европейской комиссии, и в настоящее время в нее входит более 200 бизнес-инновационных центров, а также сходные по профилю организации. Инновационный центр «Сколково» и рейтинговое агентство «Эксперт РА» в исследовании «Руководство по созданию и развитию инновационных центров» привели рейтинг эффективности центров инновационного развития (топ-35). Из российских центров в рейтинг включен лишь томский международный деловой центр «Технопарк», который был открыт в 1990 г. Ведущие мировые центры представлены в таблице.

Мы видим, что подобные центры создавались в разное время и работают не один год, но также не следует забывать о факторе времени. Многим известным технопаркам потребовалось 30–40 лет для того, чтобы достигнуть нынешнего высокого уровня. Среди факторов, препятствующих успеху инновационных центров, эксперты выделили чрезмерное внимание к материальной инфраструктуре в ущерб нематериальным услугам, привлечению сильных кадров и проектов; недостаточно высокий профессиональный уровень специалистов, привлекаемых к работе в управляющей компании; недостаточное внимание к PR и формированию сильного бренда инновационного центра.

В Стратегии инновационного развития определены целевые индикаторы, достижение которых означало бы успешность ее реализации. 45 индикаторов сгруппированы в 8 блоков: формирование компетенций инновационной деятельности; инновационный бизнес; эффективная наука; инновационное государство; инфраструктура инноваций; участие в мировой инновационной системе; территория инноваций; финансовое обеспе-

Таблица 1

Топ-10 мировых центров инновационного развития [10]

Позиция в рейтинге	Центр	Страна	Год основания
1	Бангалор (India Silicon Valley Bangalore)	Индия	1990-е
2	Исследовательский парк Идеон (Ideon Research Park)	Швеция	1983
3	Исследовательский парк г. Йокосука (Yokosuka Research Park)	Япония	1987
4	Исследовательский парк Киото (Kyoto Research Park)	Япония	1987
5	Кэндал Сквер (Массачусетс) (Kendall Square)	США	1990-е
6	Научный парк города Синьчжу (Hsinchu Science and Industrial Park)	Тайвань	1980
7	Технологический парк Берлин-Адлерсхоф (Berlin Adlershof)	Германия	1991–1992
8	Технополис Оулу (Technopolis Oulu)	Финляндия	1982
9	Кремниевая долина (Южный Сан-Франциско, район Пало-Альто, район Сан-Диего) (Silicon Valley (Palo Alto, San Diego, Sth San Francisco))	США	1950-е
10	Кремниевая долина Израиля (Silicon Wadi)	Израиль	1990-е

чение. Данные индикаторы отражают основные элементы инновационной системы. Контрольными точками в системе индикаторов заданы 2010, 2013, 2016 и 2020 гг.

Д.А. Рубвальтер и С.С. Шувалов [2] являются активными критиками данной системы показателей, так многие из них называют «формальными» и неконкретными, а запланированные целевые значения «скромными», не требующими для достижения серьезных преобразований. Также отмечается смешение глобальных и локальных показателей. Таким образом, по мнению Д.А. Рубвальтера и С.С. Шувалова, использовать систему этих показателей при оценке результатов Стратегии нецелесообразно. Также среди отечественных ученых, анализировавших выполнение мероприятий первого этапа реализации Стратегии, следует назвать А.В. Алексеева [1]. Он отмечает сложность в достижении цели Стратегии. Показатели, сравнивающие уровень российских достижений с мировыми, вполне конкретны. Все остальные – менее прозрачны, так как при изменении методики расчета несложно получить запланированные результаты. Таким образом, успешность реализации Стратегии в полной мере проанализировать невозможно. Это же касается затрат на реализацию. В Стратегии среди вызовов внутренней среды указаны такие проблемы, как отсутствие благоприятного инвестиционного климата, коррупция, налоговые барьеры и т.д., однако не прописаны «политические решения», то, каким преобразованиям должна быть подвергнута властная структура, без трансформации которой поставленная цель недостижима. Так же, как и среди задач отсутствует «создание благоприятного инвестиционного климата» и «борьба с коррупцией». Индикаторы успешности решения поставленных задач в большинстве своем автор называет «некорректными», так как они, будучи количественными,

не отражают практической результативности. При анализе принципов Стратегии А.В. Алексеев отмечает их формальность, они полезны, но не гарантируют достижения цели. В целом автор отмечает уход разработчиками стратегии от «острых» вопросов, без четкого распределения ответственности за результаты.

Анализируя достижение запланированных индикаторов, видим, что из 45 индикаторов по 21 нет официальных данных, это чуть меньше половины. Только по четырем индикаторам запланированные показатели полностью достигнуты, по 20 – показатели не достигли запланированных значений. В блоке «Формирование компетенций инновационной деятельности» нет официальных данных по большинству показателей. Определенные сомнения вызывает индикатор «Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в образовании к среднемесячной номинальной начисленной заработной плате по экономике страны в целом». По данному индикатору зафиксирована положительная динамика, однако с большой долей вероятности достижение запланированных показателей происходит за счет заработной платы административного аппарата в системе образования. Показатель «Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет с персонального компьютера, в общем числе домохозяйств» также спорный с точки зрения формирования инновационных компетенций. Во-первых, в нем не учитывается доступ к сети Интернет с мобильных устройств, чем сегодня пользуется большинство членов домохозяйств, во-вторых, не анализируются цели доступа в сеть и получаемый контент.

В блоке «Инновационный бизнес» отмечается регресс по индикатору «Коэффициент изобретательской активности», показатели по остальным индикаторам значительно отстают от запланированных. Показатели индикаторов «Совокупный уровень инновационной активности» и «Доля организаций, имеющих веб-сайт» в разы меньше запланированных. Блок «Эффективная наука» характеризуется достижением запланированных показателей по индикаторам «Средний возраст исследователей» и «Доля исследователей в возрасте до 39 лет», однако возраст ученых косвенно влияет на качество исследований, о котором, как и об условиях труда и уровне заработной платы научных работников, речи не идет. В блоке «Инновационное государство» статистические данные доступны по двум индикаторам: «Доля лиц старше 50 лет, занимающих должности высшей и главной групп должностей государственной гражданской службы» и «Доля государственных служащих, получающих ежегодно дополнительное образование за рубежом». По первому из них показатели достигают запланированных, по второму остаются на уровне 2010 г. По блоку «Инфраструктура инноваций» официальная статистика не опубликована, в блоке «Участие в мировой инновационной системе» имеется информация только по одному индикатору «Сальдо экспорта-импорта технологий», показатели по которому также не достигают запланированных. Блок «Территория инноваций» также не представляется возможным проанализировать в силу отсутствия информации по индикаторам, блок «Финансовое обеспечение» представлен данными только по двум индикаторам «Внутренние затраты на исследования и разработки» в процентах валового внутреннего продукта и «Внутренние затраты на исследования и разработки по источникам финансирования».

Показатели первого не достигают запланированных, показатели второго чуть ниже запланированных как по бюджетным, так и по внебюджетным средствам. Стоит отметить, что индикаторы, призванные оценить успешность реализации Стратегии, сугубо количественные, никак не отражающие качество образования, государственных услуг в электронном виде, исследований, веб-сайтов и т.д.

За пять лет реализации Стратегии создана инфраструктура национальной инновационной системы. В России работают следующие государственные институты поддержки инновационного предпринимательства: «Российская корпорация нанотехнологий», Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (государственная некоммерческая организация, образованная постановлением Правительства РФ), а также ОАО «Российская венчурная компания» и Фонд «Сколково», который обеспечивает формирование полного цикла инновационного процесса. В России также создана Национальная технологическая инициатива (НТИ) и несколько ее «дорожных карт» – осевой документ инновационной политики РФ. Это комплекс программ и проектов, фокусирующих внимание на рынках, где есть возможность создавать новые отрасли и индустрии. Ее основная цель – вырастить отечественные компании для новых, формирующихся глобальных рынков. Таких действующих проектов 12, распределенных по 4 дорожным картам: «Аэронет», «Маринет», «Нейронет», «Энерджинет». В России сегодня наряду с регионами, демонстрирующими успехи в области создания инновационных систем (Татарстан, СПб., Ульяновская, Калужская области), существует немалое количество субъектов РФ, предметно не занимающихся соответствующей проблематикой. Очевидно, что назрела необходимость в обмене накопленным опытом в сфере создания благоприятной среды развития инноваций [9].

Стоит отметить, что большое количество запланированных показателей реализации Стратегии так и остались невыполненными. Причин этому множество: отсутствие временных, финансовых и человеческих ресурсов для подготовки страны к инновационному рывку, реализация Стратегии в период социально-экономического кризиса, непродуманные последствия реформ. Одна из основных причин – неготовность общества к адекватному восприятию инноваций, их пониманию и использованию. Социальные проблемы, невысокое качество образования препятствуют должному формированию инновационной личности, способной и готовой жить и осуществлять инновационную деятельность в условиях постоянного риска. Это, с нашей точки зрения, и есть социальная зрелость в контексте инновационного общества, напрямую связанная с личной мотивацией и осмысленной готовностью принимать на себя риск и мобилизовать все имеющиеся у человека ресурсы для достижения цели. Важный аспект в этом – мотивация к интенсивной интеллектуальной работе, которая в западных обществах основана в том числе на принципах экономики «дорогого человека», а не «дешевого работника». В российском обществе должна утвердиться и быть понятой населением реальная связь между инновациями и растущим уровнем развития общества, социального благополучия граждан, уровня и качества жизни населения, возвышением социально значимых целей общества, национальных интересов. Сформировать инновационную личность как со-

циальный тип невозможно без понимания и доверия со стороны населения в социальный эффект инноваций. Для каждого конкретного индивида должно быть предельно понятно и глубоко принято то, что инновационное развитие общества влечет за собой повышение уровня социального благополучия населения в широком понимании этого термина. Таким образом, России, как и СССР в 30-е гг. XX в. опять необходимо принимать экстренные меры, чтобы ворваться в новый технологический уклад. Одно из важнейших условий такого рывка – формирование инновационной личности как социального типа.

Литература

1. *Алексеев А.В.* Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года – оценка адекватности требованиям времени // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2012. VIII Междунар. науч. конгр., 10–20 апреля 2012 г., Новосибирск: Междунар. науч. конф. «Специализированное приборостроение, метрология, теплофизика, микротехника, нанотехнологии»: сб. материалов в 2 т. Т. 2. Новосибирск: СГГА, 2012.
2. *Рубвальтер Д.А., Шувалов С.С.* Реализация стратегии инновационного развития России: оценка результатов // Власть. 2015. № 3. С. 30–37.
3. *Аганбегян А.* Сокращение затрат на человеческий капитал снижает экономический рост // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/opp/2017/avgust/01/abel_aganbegyan_sokrawenie_zatrat_na_chelovecheskij_kapital_snizhaet_ekonomicheskij_rost/ (дата обращения: 14.10.2018).
4. *Аганбегян А.Г.* Человеческий капитал и его главная составляющая – сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста // Экономические стратегии. 2017. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/08/CHelovecheskij-kapital-i-ego-glavnaya-sostavlyayushhaya-sfera-ekonomiki-znanij-kak-osnovnoj-istochnik-sotsialno-ekonomicheskogo-rosta.pdf> (дата обращения: 14.10.2018).
5. *Аганбегян А.* Чтобы выйти из стагнации, надо менять экономическую политику. Доклад академика РАН А.Г. Аганбегяна на научно-практической конференции «Российская экономика и российское бизнес-образование: пути преодоления кризиса и возможности роста», 26.11.2015 г. // Российская академия наук. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=dd8cf6aa-ecd0-45b6-b91b-a7c78cb77811> (дата обращения: 14.10.2018).
6. Ведение бизнеса 2018. [Электронный ресурс] / Международный банк реконструкции и развития / Всемирный банк. 2018. 303 с. URL: <http://russian.doingbusiness.org/~media/WBG/DoingBusiness/Documents/Annual-Reports/English/DB2018-Full-Report.pdf> (дата обращения: 02.04.2018).
7. *Дзгоев В.Д.* Инновационные системы регионов России // Бюджет.RU – Электронный журнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://bujet.ru/article/318462.php> (дата обращения: 01.05.2018).
8. Инновации и корпорации // Исследовательский центр компании «Делойт», СНГ. М., 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/TechDays_report_rus.pdf (дата обращения: 14.10.2018).
9. Инновационные системы регионов России // ИД «Бюджет». [Электронный ресурс]. URL: <http://bujet.ru/article/318462.php> (дата обращения: 14.10.2018).
10. *Каблов Е.Н.* Шестой технологический уклад // Наука и жизнь. 2010. № 4. Электронный журнал. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/> (дата обращения: 14.10.2018).

11. *Красноперова Т.Я.* Национальная инновационная система: структура, роль финансовой составляющей // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. [Электронный ресурс]. URL: <http://ntv.ifmo.ru/file/article/4403.pdf> (дата обращения: 14.10.2018).
12. *Ливанов Д.:* «Нужно восстановить конкурентоспособность России как мировой научной державы» // Lenta.Com. Всероссийская общественно-политическая интернет-газета. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lentacom.ru/news/36719.html> (дата обращения: 14.10.2018).
13. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад. М., 2017. 136 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya.pdf> (дата обращения: 14.10.2018).
14. Новый Совет по науке продолжит дело старого // Новости сибирской науки. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sib-science.info/ru/ras/novyuy-совет-po-nauke-prodolzhit-delo-24112017> (дата обращения: 14.10.2018).
15. Оценка состояния конкурентной среды. Доклад 2017 // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/12824.pdf> (дата обращения: 14.10.2018).
16. *Рудакова О.В., Бардовский В.П.* Научно-технический потенциал: Россия на фоне мировых тенденций // Вестник ОрелГИЭТ. 2014. № 1 (27). С. 35-42. [Электронный ресурс]. URL: <http://orelgiet.ru/docs/vestnik/7-rudakova-bardovskij.pdf> (дата обращения: 14.10.2018).
17. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. [Электронный ресурс]: утв. распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 г. № 2227-р. // КонсультантПлюс: справ. прав. система: офиц. сайт / Компания «КонсультантПлюс». Электрон. дан. [Москва]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.10.2018).
18. Measuring the Information Society Report 2017: Vol. 1. [Электронный ресурс] / ITU. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2017/MISR2017_Volume1.pdf (дата обращения: 02.04.2018).
19. The Global Innovation Index 2017: Innovation Feeding the World. [Электронный ресурс] / WIPO. URL: <http://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4193&plang=RU> (дата обращения: 02.04.2018).

Bibliography

1. *Alekseev A.V.* Strategija innovacionnogo razvitija Rossijskoj Federacii do 2020 goda – ocenka adekvatnosti trebovanijam vremeni // Interjekspo GEO-Sibir'-2012. VIII Mezhdunar. nauch. kongr., 10–20 aprelja 2012 g., Novosibirsk: Mezhdunar. nauch. konf. «Specializirovannoe priborostroenie, metrologija, teplofizika, mikrotehnika, nanotehnologii»: sb. materialov v 2 t. Vol. 2. Novosibirsk: SGA, 2012.
2. *Rubval'ter D.A., Shuvalov S.S.* Realizacija strategii innovacionnogo razvitija Rossii: ocenka rezul'tatov // Vlast'. 2015. № 3. P. 30–37.
3. *Aganbegjan A.* Sokrashhenie zatrat na chelovecheskij kapital snizhaet jekonomicheskij rost // Russkaja narodnaja linija. Informacionno-analiticheskaja sluzhba. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://ruskline.ru/opp/2017/avgust/01/abel_aganbegyan_sokrawenie_zatrat_na_chelovecheskij_kapital_snizhaet_ekonomicheskij_rost/ (data obrashhenija: 14.10.2018).
4. *Aganbegjan A.G.* Chelovecheskij kapital i ego glavnaja sostavljajushhaja – sfera «jekonomiki znaniy» kak osnovnoj istochnik social'no-jekonomicheskogo rosta // Jekonomicheskie strategii. 2017. № 3. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/08/CHelovecheskij-kapital-i-ego-glavnaya-sostavlyayushhaya-sfera-ekonomiki-znaniy-kak-osnovnoj-istochnik-sotsialno-ekonomicheskogo-rosta.pdf> (data obrashhenija: 14.10.2018).

5. *Aganbegjan A.* Chtoby vyjti iz stagnacii, nado menjat' jekonomicheskiju politiku. Doklad akademika RAN A.G. Aganbegjana na nauchno-prakticheskoj konferencii «Rossijskaja jekonomika i rossijskoe biznes-obrazovanie: puti preodolenija krizisa i vozmozhnosti rosta», 26.11.2015 g. // Rossijskaja akademija nauk. Oficial'nyj sajt. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=dd8cf6aa-ecd0-45b6-b91b-a7c78cb77811> (data obrashhenija: 14.10.2018).
6. Vedenie biznesa 2018 [Jelektronnyj resurs] / Mezhdunarodnyj bank rekonstrukcii i razvitija / Vsemirnyj bank. 2018. 303 p. URL: <http://russian.doingbusiness.org/~media/WBG/DoingBusiness/Documents/Annual-Reports/English/DB2018-Full-Report.pdf> (data obrashhenija: 02.04.2018).
7. *Dzgoev V.D.* Innovacionnye sistemy regionov Rossii // Bjudzhet.RU – Jelektronnyj zhurnal. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://bujet.ru/article/318462.php> (data obrashhenija: 01.05.2018).
8. Innovacii i korporacii // Issledovatel'skij centr kompanii «Deloit», SNG. M., 2017. [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/TechDays_report_rus.pdf (data obrashhenija: 14.10.2018).
9. Innovacionnye sistemy regionov Rossii // ID «Bjudzhet». [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://bujet.ru/article/318462.php> (data obrashhenija: 14.10.2018).
10. *Kablov E.N.* Shestoj tehnologicheskij uklad // Nauka i zhizn'. 2010. № 4. Jelektronnyj zhurnal. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/> (data obrashhenija: 14.10.2018).
11. *Krasnoperova T.Ja.* Nacional'naja innovacionnaja sistema: struktura, rol' finansovoj sostavljajushhej // Nauchno-tehnicheskij vestnik informacionnyh tehnologij, mehaniki i optiki. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://ntv.ifmo.ru/file/article/4403.pdf> (data obrashhenija: 14.10.2018).
12. *Livanov D.*: «Nuzhno vosstanovit' konkurentosposobnost' Rossii kak mirovoj nauchnoj derzhavy» // Lenta.Com. Vserossijskaja obshhestvenno-politicheskaja internet-gazeta. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.lentacom.ru/news/36719.html> (data obrashhenija: 14.10.2018).
13. Novaja tehnologicheskaja revoljucija: vyzovy i vozmozhnosti dlja Rossii. Jekspertno-analiticheskij doklad. M., 2017. 136 p. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya.pdf> (data obrashhenija: 14.10.2018).
14. Novyj Sovet po nauke prodolzhit delo starogo // Novosti sibirskoj nauki. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.sib-science.info/ru/ras/novyy-sovet-po-nauke-prodolzhit-delo-24112017> (data obrashhenija: 14.10.2018).
15. Ocenka sostojanija konkurentnoj sredy. Doklad 2017 // Analiticheskij centr pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/12824.pdf> (data obrashhenija: 14.10.2018).
16. *Rudakova O.V., Bardovskij V.P.* Nauchno-tehnicheskij potencial: Rossija na fone mirovyh tendencij // Vesnik OrelGIJeT, 2014. № 1 (27). P. 35-42. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://orelgiet.ru/docs/vestnik/7-rudakova-bardovskij.pdf> (data obrashhenija: 14.10.2018).
17. Strategija innovacionnogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda [Jelektronnyj resurs]: utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 08.12.2011 g. № 2227-r. // Konsul'tantPljus: sprav. prav. sistema: ofic. sajt / Kompanija «Konsul'tantPljus». Jelektron. dan. [Moskva]. URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashhenija: 14.10.2018).
18. Measuring the Information Society Report 2017: Vol. 1. [Jelektronnyj resurs] / ITU. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2017/MISR_2017_Volume1.pdf (data obrashhenija: 02.04.2018).
19. The Global Innovation Index 2017: Innovation Feeding the World. [Jelektronnyj resurs] / WIPO. URL: <http://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4193&plang=RU> (data obrashhenija: 02.04.2018).

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 331(075.8)

НЕЗАНЯТОЕ НАСЕЛЕНИЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ПРЕДПОЧТЕНИЯ И ПРАКТИКА ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В., Иноземцева А.В.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»

E-mail: n.m.volovskaya@nsuem.ru, l.k.plyusnina@nsuem.ru,
a.v.rusina@nsuem.ru, a.v.inozemceva@nsuem.ru

Анализируются результаты социологических исследований незанятых граждан о возможности перехода их на самозанятость и предпринимателей, которые будучи безработными, открыли свое дело. Исследования были проведены в 2015 г. в Новосибирской области. Цель статьи: изучение предпочтений респондентов в части видов, условий, помощи при переходе их на самозанятость и сравнение результатов с объективной реальностью осуществления малого предпринимательства, выявление проблем его функционирования и разработка мер по их преодолению. Применены эмпирические и общенаучные методы: опрос (разновидность – анкетирование), анализ документов, анализ и синтез, обобщение и сравнение и др. Новизна исследования заключается в получении новых эмпирических данных, а также в особом подходе к анализу результатов. В статье анализируются мотивы открытия собственного дела, сферы деятельности, благоприятные для развития малого предпринимательства с точки зрения незанятых граждан и предпринимателей, предпочитаемый вид деятельности в рамках самозанятости в ЛПХ, помощь, необходимая для перехода к предпринимательской деятельности, а также особо рассматриваются социально-демографические показатели предпринимателей, открывших свое дело, изменение их материального положения, социально-психологического состояния. Сделан вывод о том, что развитие малого предпринимательства и самозанятости в качестве комплексного подхода к решению проблем занятости заслуживает большего внимания и поддержки, поскольку помогает изменять сложившиеся стереотипы о занятости у населения, формирует иные ценностные ориентации и мотивы поведения и способствует общему росту благосостояния населения и снижению социальной напряженности в обществе.

Ключевые слова: активная политика занятости, безработица, малое предпринимательство, незанятые граждане, предприниматели, самозанятость.

UNOCCUPIED POPULATION AND ENTREPRENEURSHIP: PREFERENCES AND BUSINESS PRACTICE (FOLLOWING SOCIAL RESEARCH)

Volovskaya N.M., Plyusnina L.K., Rusina A.V., Inozemtseva A.V.

Novosibirsk State University of Economics and Management

E-mail: n.m.volovskaya@nsuem.ru, l.k.plyusnina@nsuem.ru,

a.v.rusina@nsuem.ru, a.v.inozemtseva@nsuem.ru

The paper analyzes the results of social research of unoccupied population regarding the possibility of their transition to self-employment, as well as of the entrepreneurs who set up their own business when they were unemployed. The studies were conducted in Novosibirsk region in 2015. The goal of the article is studying the preferences of the respondents in terms of the types, conditions, assistance in their transition to self-employment and comparison of the results with objective reality of carrying out of small business, revelation of issues and development of counter measures. Empiric and general scientific methods were applied: survey (type – polling), analysis of documents, analysis and synthesis, generalization and comparison and other. The novelty of the research lies in obtaining new empiric data, as well as in a special approach to analysis of the results. The article analyses the motives of setting up own business, the activities which are favorable to small business in terms of unoccupied citizens and entrepreneurs, the preferred type of activity within self-employment in personal subsidiary economy, the assistance necessary for transition to entrepreneurial activity; social and demographic parameters of the entrepreneurs, who set up their own business, as well as changes in their financial situation and social-psychological state are explicitly considered. A conclusion was drawn that the development of small business and self-employment as a complex approach to solution of the employment issues deserves more attention and support since it helps to break the established employment stereotypes, forms other systems of values and motives of behavior and facilitates the general growth in population prosperity and reduction of social tension in the society.

Keywords: active labor policy, unemployment, small business, unoccupied citizens, entrepreneurs, self-employment.

Начало развитию предпринимательства в нашей стране положила перестройка. Новый курс от командно-административной системы к рыночной экономике, на который Россия стала переходить в середине 1980-х гг., предполагает широкое развитие предпринимательства. Это связано с тем, что на основе предпринимательства формируется средний класс, который является одним из главных условий эффективного развития общества, способствующий созданию конкурентных отношений, гибкости экономики. Предпринимательство, в том числе и малое, отличается быстрая реакция на различные преобразования рыночной конъюнктуры, подвижность, легкость перестройки. Оно заполняет ниши по удовлетворению запросов населения, создает новые рабочие места. Во всем мире предпринимательство вносит огромный вклад в развитие экономики стран. Так, например, «доля малого и среднего бизнеса в ВВП Франции составляет 50 %, в США, Японии, Китае этот показатель доходит до 60–63 % [9]. Г. Греф на Восточном экономическом форуме сказал, что «доля малого бизнеса в экономике России уже 15 лет остается на одном уровне в районе 20 %» [20]. Сейчас ставится задача довести этот показатель до 40 %.

Перестройка принесла не только плюсы в развитие общества. Смена общественных отношений, ломка старого, перемены в функционировании

производственных предприятий и др. способствовали появлению в нашей стране такого социально-экономического явления, как безработица, последствия которой оказали существенное отрицательное влияние как на общество, так и на отдельных людей. В результате государство было вынуждено обратить внимание на занятость населения и начать проводить активную политику содействия занятости населения, которая предполагает создание условий для обеспечения работой незанятых граждан и включает определенные направления [7]. Одним из направлений активной политики занятости населения названо развитие самостоятельной занятости. Следует заметить, что в зарубежной литературе тема самозанятости рассматривается довольно широко. Многочисленные исследования посвящены изучению влияния отдельных характеристик самозанятости, изучаются гендерные особенности при переходе к самозанятости, особенности развития и сфера распространения самозанятости в отдельных странах, ученые анализируют и сравнивают доходы наемных работников и самозанятых [10–18] и т.д. В последние годы понятие самозанятости стало активно применяться в научной среде нашей страны. Самозанятости посвящают свои статьи многие ученые. Также ей уделяет внимание и правительство РФ, рассматривая ее и с государственных позиций. Оно обсуждает ее развитие, налогообложение, предотвращение теневой оплаты труда.

Самозанятость населения является особым направлением, отличающимся от других тем, что для ее осуществления необходимы желание, активность, инициативность людей занять себя самостоятельно, а не надеяться на государственные службы. Не вдаваясь подробно в теоретический анализ (мы писали об этом ранее) [2, 3], рассмотрим подходы к определению понятия и обозначим свою точку зрения.

В научной литературе для характеристики самозанятости используется как узкий, так и широкий подходы. Узкий подход предусматривает отдельное рассмотрение понятий самозанятости и предпринимательства. Сторонники данной позиции (В.В. Радаев, Т.И. Заславская, О.Н. Грабова, А.Е. Суглобов и др.) [5, 7, 9] к самозанятости относят в основном мельчайшие формы деятельности, а к предпринимательству они причисляют более крупные формы. В России данная точка зрения принята законодательно [19, 21]. Приверженцы широкого подхода (Е.А. Абрамова, А.С. Гучек и др.) считают, что к самозанятым относятся все люди, работающие не по найму [1, 6]. Мы разделяем данную точку зрения и считаем, что «самозанятость – это особый вид участия людей в общественно полезном труде, основанный на их личной инициативе, самостоятельности и ответственности, и направленный, как правило, на получение трудового дохода, и обеспечивающий самореализацию и самоутверждение индивида как личности, и проявляющийся как отношения (экономические, социальные, правовые и др.) между людьми» [4].

Согласно данной позиции самозанятость представляет собой базу для возникновения предпринимательства, его основу, так как оно зиждется на основополагающих свойствах самозанятости, таких как активность, инициативность, самостоятельность, риск, творчество, организованность. Первичность самозанятости по отношению к предпринимательству можно объяснить тем, что сначала выбирается вид занятости, ее характер (работа

по найму или самозанятость), а впоследствии продумывается форма предпринимательской деятельности, например, малое предпринимательство, индивидуально-трудовая деятельность, организация фермерского хозяйства, самозанятость в ЛПХ.

К малому предпринимательству чаще всего переходят люди, которым присуща внутренняя потребность и необходимость в подобной деятельности – так называемые «подлинные предприниматели». Но, согласно активной политике занятости, такого рода деятельность можно предлагать и незанятым гражданам, потерявшим работу, в целях снижения уровня безработицы. В связи с этим оказание содействия незанятым гражданам при переходе к предпринимательству является функцией служб занятости. Кроме того, данной категории граждан должны оказывать помощь областные, районные и сельские администрации в регионах страны. Для этого предусматриваются определенные направления работы, которые должны осуществлять указанные выше службы. Это тестирование граждан для выявления их деловых и предпринимательских качеств, проведение консультаций по вопросам организации предпринимательства и самозанятости, созданию бизнес-планов, оказание помощи по оформлению отдельных документов, связанных с открытием своего дела, осуществление подготовки незанятых людей к ведению бизнеса и т.д.

Государство занимается этим направлением активной политики в связи с тем, что переходят на самозанятость незанятые граждане вынужденно, вследствие невозможности найти наемную работу и осуществить свое право на труд. Выбор малого предпринимательства как будущий вид своей трудовой деятельности является для безработного человека очень сложным с психологической точки зрения. Незанятый человек просто находится в безвыходном положении, так как надо где-то добывать средства к существованию и обеспечивать себя и свою семью. Переход к малому предпринимательству позволяет безработному изменить свой социальный статус и перейти от статуса безработного к статусу самостоятельно занятого человека. Конечно, это не в подлинном смысле предпринимательство, когда человек ощущает потребность заниматься именно подобной деятельностью, это скорее «предпринимательство поневоле». Кроме того, службы занятости не могут всех незанятых людей переориентировать на предпринимательскую деятельность, необходимо выявить людей, способных к данному виду деятельности и помочь им развить определенные характерологические качества, необходимые для осуществления предпринимательской деятельности.

Следует учитывать, что для осуществления эффективной активной политики службы занятости должны проводить анализ экономической ситуации в местах поселения безработных граждан, изучать перспективы создания рабочих мест, выявлять мнения и желания людей относительно их приобщения к предпринимательской деятельности. Получение подобной информации затруднительно, так как необходимо осуществлять социологические исследования, что сложно сделать только силами службы занятости. Поэтому в Новосибирской области с 1995 г. по инициативе Министерства труда, занятости и трудовых ресурсов постоянно проводятся опросы незанятых граждан, связанные с развитием предпринимательства и самозанятости, т.е. осуществляется мониторинг.

В статье использованы результаты опроса, по изучению возможностей развития самозанятости (предпринимательства и малого бизнеса) в городах, районных центрах и селах Новосибирской области, проведенного в 2015 г. Для опроса использовалась стратифицированная выборка. В данном исследовании группой генеральной совокупности было решено выбрать сельский район или город областного подчинения. Опрос проводился в две ступени. На первой ступени в выборку были включены все без исключения районы и города областного подчинения. Данный подход был выбран в связи с тем, что однородность внутри каждой группы больше, чем в целом по генеральной совокупности, а также для практического использования результатов исследования по районам области. На второй ступени внутри районов и городов осуществлялся случайный отбор респондентов по 10%-й выборке среди незанятого населения, обращающегося в службы занятости. Обычно при подобных выборках ошибка стремится к нулю. Всего было опрошено 1456 чел.

Однако до некоторых пор отсутствовала обратная связь, а для продолжения совершенствования работы в этом направлении необходимо знать, успешна ли работа незанятых граждан на новом поприще, каким формам предпринимательской деятельности ими отдано предпочтение, что они думают о своем будущем, в чем они нуждаются, на что надо обращать внимание службам занятости, как им улучшить свою работу и т.д. Для получения ответов на указанные и другие вопросы в 2015 г. был проведен телефонный опрос граждан, решивших заняться индивидуальной предпринимательской деятельностью (ИТД) под патронажем служб занятости, открывших собственное дело в 2014 и 2015 гг. при содействии Министерства труда, занятости и трудовых ресурсов Новосибирской области. Всего было опрошено 150 чел. Выборка сплошная.

Обратимся к результатам исследования. В жизнедеятельности любого человека имеют огромное значение мотивационные процессы. А особую роль они играют при переходе к предпринимательской деятельности, так как осуществлять такую деятельность может глубоко мотивированный человек. Потеря работы оказывает серьезное воздействие на пересмотр человеком своих ценностей, ценностных ориентаций и мотивов и является серьезным мотиватором. Самозанятость начинает рассматриваться незанятым человеком как основной выход из унижающего положения безработного и реальностью обретения трудового занятия, улучшения своего материального положения (табл. 1).

Таблица 1

Мотивация открытия собственного дела

Мотивы	В % к опрошенным	
	Незанятое население, желающее открыть свое дело	Предприниматели, открывшие свое дело
1. Возможность реализовать свои способности	23,1	29,3
2. Обеспечить нормальную жизнь себе и своей семье	76,2	70,6
3. Принести пользу своему селу, району	0,5	–

Данные табл. 1 показывают, что обеспечение нормальной жизни себе и своей семье является главным мотивом открытия собственного дела незанятыми гражданами. Вторым по значимости респонденты отметили мотив, связанный с возможностями реализации своих способностей, которые предоставляет предпринимательская деятельность. Значимость данного мотива повышается в связи с тем, что он характеризует внутреннее состояние человека, от которого во многом зависит успешность предпринимательства. Люди, решившие заняться малым предпринимательством вынужденно для поддержания себя и своей семьи материально, при улучшении экономической обстановки, появлении новых наемных рабочих мест, могут покинуть ряды самозанятых и устроиться на наемную работу.

Вместе с тем те граждане, для которых малое предпринимательство является сферой, где они могут реализовать свои способности, останутся и будут продолжать предпринимательскую деятельность. Сообразно с этим как положительный момент можно отметить более высокую долю данного мотива у респондентов-предпринимателей. Следует отметить, что относительно третьего мотива «Принести пользу своему селу, району» мнение граждан со временем меняется и не всегда в лучшую сторону. Если в 1995 г. 11 % незанятых граждан думали об этом, то в 2015 г. данный мотив отметило всего 0,5 % респондентов. А о принесении пользы своему поселению из числа действующих предпринимателей никто не отметил этот мотив.

Рассмотрим, какие сферы деятельности в большей степени привлекают незанятых граждан для развития предпринимательства (табл. 2).

Таблица 2

Сферы деятельности, благоприятные для развития малого предпринимательства с точки зрения незанятых граждан и предпринимателей

Благоприятные сферы деятельности	
Незанятое население	Предприниматели
1. Производство и переработка сельскохозяйственной продукции	1. Сфера обслуживания
2. Сфера обслуживания	2. Посреднические услуги по купле-продаже
3. Строительство	3. Производство и переработка сельскохозяйственной продукции

Данные табл. 2 показывают, что обе группы респондентов выделили в основном одни и те же сферы деятельности, за исключением строительства и посреднических услуг по купле-продаже. Но различие состоит в ранжировании этих сфер. Незанятое население на первое место поставило производство сельскохозяйственной продукции. И это понятно, так как они живут в сельской местности, многие имеют свое ЛПХ, им знакома подобная деятельность. В то же время предприниматели данную сферу определили на третье место. С ними можно согласиться, и их точка зрения вполне объяснима, так как открытие и организация функционирования сельскохозяйственного производства в рамках самозанятости представляет определенные сложности, это трудоемкая и денежно-затратная деятельность. Думается, что незанятое население, которое выражает желание заниматься

производством сельскохозяйственной продукции, следует переориентировать на самозанятость в ЛПХ, в рамках которого возможно занятие откормом молодняка и птицы по договорам подряда с акционерными сельскохозяйственными предприятиями.

В качестве перспективной сферы действующими предпринимателями и незанятым населением выделена также сфера обслуживания. Эта сфера получила большое распространение в малом бизнесе в зарубежных странах. Это бытовые услуги, пункты питания, репетиторство и другие виды. В сельской местности сфера бытовых услуг развита слабо, поэтому многие предприниматели выбрали ее как сферу приложения своего труда.

Незанятые граждане выбрали также сферу строительства, а предприниматели считают, что сельским жителям более доступны посреднические услуги по купле-продаже товаров. Следует заметить, что занятие строительством требует серьезных знаний и вряд ли безработные сельские жители смогут успешно этим заниматься. В то время как посреднические услуги по купле-продаже доступны практически всем.

Подводя промежуточный итог, можно сделать вывод о недостаточной продуманности незанятыми гражданами сфер своих будущих занятий, они рассматривают этот вопрос чисто гипотетически, не изучая рынок и не выбирая свободные ниши. В то же время предприниматели действуют более обоснованно, предпочитают не рисковать в начале своей деятельности и выбирают беспроигрышные сферы.

Относительно отдельных видов индивидуально-трудовой деятельности можно сказать, что здесь ожидания незанятых граждан и респондентов-предпринимателей совпадают. Все они поставили на первые три места следующие виды: торговлю товарами народного потребления, парикмахерские услуги, шитье одежды. Такие виды ИТД, как кладка печей, каминов, организация общественного питания, репетиторство школьников, ремонт обуви, на которые возлагают надежды незанятые люди (их отметили от 11 до 16,5 % респондентов), не нашли широкого применения среди действующих предпринимателей (занимаются этой деятельностью от 1 до 2 % предпринимателей).

Ожидания незанятых людей, желающих осуществлять самозанятость в ЛПХ, и людей, реально осуществляющих подобную деятельность, совпадают только в отношении двух отраслей: животноводства и растениеводства, в которых респонденты реально работают (табл.3).

Таблица 3

Предпочитаемый вид деятельности в рамках ЛПХ

Вид деятельности	В % к опрошенным	
	Незанятое население, желающее осуществлять самозанятость в ЛПХ	Люди, практикующие самозанятость в ЛПХ
1. Животноводство	73,9	86,4
2. Растениеводство	15,1	13,6
3. Звероводство	3,4	0
4. Пчеловодство	10,3	4,5
5. Птицеводство	31,3	4,5

Данные табл. 3 показывают, что фактическое число граждан, осуществляющих самозанятость в животноводстве, больше предполагаемого. Анализ показал, что люди стали осуществлять самозанятость в ЛПХ благодаря созданным условиям в местах их поселения, а именно: им предоставлена объективная помощь приобретать молодняк крупного рогатого скота, овец, птицу (это отметили 18,2 % респондентов), кроме того, они указали, что владеют хозяйственными постройками для содержания скота (31,8 %), для хранения техники, инвентаря, кормов, семян (22,7 %), а также у 18,2 % респондентов есть земельный надел.

Относительно необходимой помощи получены следующие результаты (табл. 4). Данные табл. 4 демонстрируют, что необходимая помощь в разрезе отдельных видов ранжируется как незанятыми гражданами, так и начинающими предпринимателями практически одинаково, хотя и отличается по процентным распределениям. Они больше всего нуждаются в кредитах, налоговых льготах, обучении основам предпринимательства, во внимании к их проблемам со стороны государственных органов села и района.

Таблица 4

Помощь, необходимая для перехода к предпринимательской деятельности

Виды помощи	В % к опрошенным	
	Незанятое население, желающее открыть свое дело	Предприниматели, открывшие свое дело
1. Денежные кредиты	57,5	33,8
2. Налоговые льготы	45,2	38,3
3. Получение необходимых знаний, навыков	39,6	21,7
4. Поддержка со стороны государственных органов села, района	36,3	37,2
5. Психологическая поддержка окружающих	5,8	2,2
6. Возможность кооперации с другими жителями	4,8	1,7
7. Возможность переработки продукции и ее хранения	6,3	1,7

Завершив сравнительный анализ, перейдем к более детальному рассмотрению предпринимателей, открывших свое дело под патронажем службы занятости, и начнем с рассмотрения социально-демографических показателей.

По гендерному признаку распределение в выборке следующее: мужчины в выборке составляют 51 %, женщины – 49 %. Мы видим, что сейчас уже нельзя писать о безработице «с женским лицом», как это было в начале перестройки (по нашим ранним исследованиям данное соотношение, например, 1995 г. составляло 30 и 70 % соответственно). Следует признать, что сейчас распределение безработных по данному признаку несколько выровнялось.

Возраст имеет немаловажное значение в предпринимательской деятельности, так как у людей разного возраста отличаются ценности и ценностные ориентации, они по-разному относятся к труду, имеют разную социальную активность, одни возрастные группы быстрее других адапти-

руются к меняющейся ситуации, что очень важно при ведении бизнеса. Одновременно с этим разным возрастным группам присущи общие свойства и отношения.

Какие возрастные группы представлены в опросе? Меньше всего среди незанятых граждан занялись предпринимательством люди старшего возраста от 56 лет (4 %), затем идет молодежь до 30 лет (19 %). Основную долю в выборке занимают люди среднего трудоспособного возраста (от 30 до 49 лет) – 68,3 %. Это наиболее работоспособная группа населения. Низкий уровень предпринимателей среди старших возрастных групп можно объяснить тем, что их социализация осуществлялась много лет назад. А в то время было другое отношение к жизни и предпринимательству, были иными их ценности. Раньше предпринимательство, если мягко сказать, не поощрялось. С переходом к новым условиям люди вынуждены были менять не только сформировавшиеся ценности и свои социальные позиции, но и образ жизни, что затруднительно для людей старшего поколения. Не секрет, что человеку в возрасте затруднительно менять свои привычки и убеждения.

Настораживает тот факт, что безработная молодежь неохотно идет в предпринимательство. Следует учитывать, что эта возрастная группа находится только в самом начале своего жизненного пути, у них происходит отбор и формирование ценностей, установок, поведенческих моделей. А между тем у них отсутствует социальный статус, а наоборот, присутствует чувство обиды и ненужности. Мы полагаем, что с этими молодыми людьми службам занятости надо особо работать, учить их основам предпринимательства и малого бизнеса и допускаем, что со временем они изменят свою точку зрения и задумаются о переходе из статуса безработных к открытию своего дела. Ведь в сельской местности практически невозможно найти наемную работу.

Более половины опрошенных предпринимателей – люди с высшим образованием (52 %), треть респондентов имеют среднее профессиональное образование. Этот факт может способствовать успешному развитию предпринимательской деятельности. Эти люди умеют учиться и им легче освоить особенности ведения бизнеса, составление бизнес-плана, выявления ниши на рынке, ведь они имеют определенный набор базовых знаний.

Значение семьи в жизнедеятельности людей трудно переоценить, а особенно в такие периоды, как потеря работы. В этот момент для человека очень важны понимание и поддержка, особенно, если он решил попробовать себя в бизнесе.

Семейное положение людей, открывших свое дело, следующее: 75 % опрошенных имеют семью и практически все они указывают, что семья их поддерживает, относится с пониманием, успокаивает. Но в то же время примерно у пятой части опрошенного незанятого населения обстановка в семье стала напряженной. 80,5 % опрошенных имеют детей. Респонденты (54,2 %) показывают, что уже сейчас их дети принимают активное участие в семейном бизнесе, а 36 % говорят о том, что дети откликаются на их просьбы помочь в ведении бизнеса. Все это является большим стимулом для усиления и активизации деятельности на уровне предпринимательства и сплочения нескольких поколений родных вокруг общего дела.

Предприниматели открыли свое дело в различных типах поселений: в городах области живут 47,3 %, в районных поселках – 32,8, в селах 19,9 %. В целом 92 % предпринимателей возглавляют дело сами, остальные (8 %) организовали его совместно с 2–3 другими предпринимателями. Для ведения дела 19,9 % респондентов имеют производственно-складские помещения, 21 – офисные помещения, 17,6 – торговые помещения, 58,5 % – производственное оборудование.

У 80,6 % предпринимателей нет наемных работников. Оставшиеся 19,4 % респондентов для оплаты труда наемных работников довольно широко используют теневую оплату труда, из них 30,8 % респондентов-предпринимателей платят полностью заработную плату «в конверте», 38,5 % – платят часть заработной платы официально, а часть «в конверте». Лишь 30,8 % респондентов платят официальную заработную плату. Применение теневой оплаты труда действующие предприниматели объясняют следующими причинами: уходом от уплаты налогов (50 % респондентов), от отчислений в пенсионный фонд (25 %), от отчислений в страховой фонд (12,5 %), а также возможностью увольнения неугодного работника в любое время и тем фактом, что работник становится более лояльным к руководству (12,5 %).

Из существующих систем налогообложения большинство предпринимателей (47,8 %) используют упрощенную систему налогообложения с объектом налогообложения, доходы и единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности (23 % респондентов). Несмотря на то, что респонденты пишут о необходимости налоговых льгот (табл.4), для 42 % из опрошенных сумма налогов не является отягощающей, 31 % респондентов ответили, что сумма налогов время от времени их тяготит, для 19 % – сумма налогов скорее является отягощающей и лишь для 7,6 % респондентов сумма налогов является непосильной.

Анализ результатов опроса незанятого населения в части их материального положения показывает, что основные каналы поступления доходов у данной группы населения следующие: заработная плата жены или мужа и пособие по безработице (50 % респондентов), пенсия родителей (13,2 %), доходы от личного подсобного хозяйства (12,6 %). Такая структура доходов позволяет незанятым людям владеть довольно жалкое существование и не более. О каком качестве жизни может идти речь, если дети живут на пенсию родителей? Так уж сложилось, что родители продолжают опекать уже совершеннолетних детей, у которых не совсем удачно происходит трудовой процесс.

Известно, что потеря работы снижает материальное благополучие, возможности не снижать качество своей жизни. На вопрос, как оценивают незанятые граждане свое материальное положение, получены следующие результаты: материальные затруднения есть у 45,7 % незанятых людей, 30,8 % респондентов экономят даже на самом необходимом, а 13,1 % – реально живут в бедности и нищете. Респондентов существенно спасает наличие личного подсобного хозяйства. Для 12,6 % опрошенных доходы от личного подсобного хозяйства служат основным источником.

После открытия своего дела у большинства респондентов материальное положение меняется в лучшую сторону. Так, 46 % из них указывает, что

после того как стали предпринимателями, зарабатываемых денег стало хватать на приобретение еды и предметов первой необходимости, 37 % – говорят о том, что у них появилась возможность для покупки бытовой техники, а 4,4 % – считают, что получаемых доходов достаточно, в том числе и на покупку дорогих товаров (автомобиль, квартира). В то же время 12,2 % респондентов отмечают, что получаемых средств им не хватает на нормальное существование.

Мы посчитали необходимым определить, как у незанятого населения после перехода к предпринимательской деятельности меняются социально-психологические характеристики и установки на общественно-полезную деятельность. Резюмируя результаты ранжирования неудовлетворенности безработицей, отметим основные причины неудовлетворенности людей своим положением: отсутствует реальная возможность найти работу по своей специальности (49,8 % респондентов), невысокий уровень пособия по безработице (43,8 %), чувство ненужности (25,2 %), потеря квалификации (24,9 %), чувство обиды, несправедливости (21,6 %). Следует также обратить внимание на недостаточную адаптированность людей к смене административно-командной системы управления. Россия заявила о переходе к новым условиям в середине 1980-х гг., а уже довольно длительный период времени, адаптированность незанятых граждан к рыночным условиям оставляет желать много лучшего. Так, 51,1 % опрошенных незанятых граждан по-прежнему считают, что государство должно обеспечить поддержку всем членам общества и лишь 16,1 % респондентов думают, что каждый человек должен сам заботиться о себе, о своем благополучии.

Исследование показывает, что при переходе к предпринимательской деятельности у респондентов существенно меняется их социально-психологическое состояние.

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос:
«Как изменилось Ваше социально-психологическое состояние
после открытия собственного дела?»**

Вариант ответа	В % к опрошенным
1. Значительно улучшилось	9,3
2. Улучшилось	42,6
3. Не изменилось	39,9
4. Ухудшилось	6,6
5. Значительно ухудшилось	1,6

Из приведенных данных табл. 5 видим, что более чем у половины граждан улучшилось социально-психологическое состояние, примерно у 40 % оно не изменилось, а у 8,2 % наоборот ухудшилось. Можно предположить, что это граждане, у которых предпринимательская деятельность не задалась. Раскрывая конкретные изменения в своем сознании и жизни, 30,8 % респондентов отмечают, что у них повысилась самооценка, 26,7 % говорят о повышении активности, 18,6 % – о появлении ощущения своей полезности семье и обществу, 10,5 % – об улучшении условий жизни (питания, от-

дыха), 5,8 % – перестали ощущать незащищенность и нестабильность. В то же время 7,6 % отметили, что стало еще хуже, так как бизнес развалился.

В связи с вышесказанным уместным показался вопрос о том, что мешает респондентам в их непростой деятельности, какие проблемы, сдерживают развитие малого бизнеса? Ответы респондентов на этот вопрос представлены в табл. 6.

Таблица 6

Основные проблемы, препятствующие развитию малого предпринимательства

Вариант ответа	В % к опрошенным
1. Административные барьеры	46,1
2. Коррупция в органах государственной власти и местного самоуправления	22,2
3. Недостаточная поддержка органов государственной власти и местного самоуправления	21,1
4. Конкуренция на рынке	13,3
5. Высокая налоговая нагрузка и обязательные платежи	12,2
6. Криминальная обстановка	11,7
7. Высокая арендная плата	4,4

Данные табл. 6 показывают, что на первое место респонденты ставят административные барьеры, к основным из которых они отнесли оформление большого количества документов (15 %), сложность решения отдельных вопросов, связанных с бизнесом (12 %), бюрократизм чиновников (8 %), постановку на учет в большом количестве организации (7,5 % респондентов). На втором месте находится коррупция в органах государственной власти и местного самоуправления, которая несмотря на борьбу с ней, оказалась очень живуча. На третье место респонденты поставили проблему, связанную с недостаточной поддержкой органов государственной власти и местного самоуправления.

Следует заметить, что хотя респонденты отмечают необходимую помощь в кредитах, аренде, но нерешенных проблем в этих направлениях они не выделяют. Более того, например, 82 % респондентов отметили, что они не обращались и не сталкивались с проблемами при обращении в финансово-кредитные организации.

Относительно недостаточной поддержки органов государственной власти и местного самоуправления следует отметить, что она является довольно значимой для начинающих предпринимателей, и они отмечают, что их в основном поддерживают службы занятости. На высокий уровень поддержки указывают 53,6 % респондентов, 23 % говорят о минимальной поддержке, 15 % респондентов отмечают, что служба занятости их не поддерживает вообще.

О поддержке акционерными обществами (бывшими совхозами, колхозами) говорят 2,3 % респондентов, а 79 % указали, что эти общества их не поддерживают. Об активной поддержке администраций сел и поселков говорят 9,6 % респондентов, а 69 % респондентов указывают, что эти службы их вообще не поддерживают. Практически такое же положение с поддерж-

кой начинающих предпринимателей районными органами, соответственно 10,8 и 68 %.

Удовлетворенность сменой деятельности является важнейшим показателем предпринимательской деятельности, оказывающим огромное влияние на психологическое самочувствие предпринимателя, его активность и инициативность (табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворяют ли Вас в целом условия ведения бизнеса в Вашем городе/районе?»

Вариант ответа	В % к опрошенным
1. Удовлетворяет	34,4
2. Скорее удовлетворяет	30,1
3. Частично удовлетворяет, частично нет	20,5
4. Скорее не удовлетворяет	8,1
5. Не удовлетворяет	5,9
6. Рассматриваю эту занятость как временное занятие	1,1

Приведенные данные в табл. 7 показывают, что в целом условия ведения бизнеса удовлетворяют и скорее удовлетворяют 64, % респондентов. Частично удовлетворена пятая часть респондентов, а 14 % респондентов условия ведения бизнеса скорее не удовлетворяют или полностью не удовлетворяют.

Самооценка предпринимательской деятельности тесно связана с самооценкой личности, с оценкой людьми своего места в обществе и является важнейшим фактором ее дальнейшего успеха. В связи с этим мы попросили респондентов оценить функционирование их бизнеса. Результаты представлены в табл. 8.

Таблица 8

Самооценка бизнеса предпринимателями

Вариант ответа	В % к опрошенным
1. Процветающий	5,9
2. Конкурентоспособный	14
3. Развивающийся	41,9
4. Выживающий	24,7
5. Угасающий	5

Данные табл. 8 показывают, что немногим меньше половины респондентов рассматривают свой бизнес как развивающийся, а процветающим и конкурентоспособным считают свой бизнес пятая часть предпринимателей. Однако не всем людям, решившим себя попробовать на ниве предпринимательства, удалась деятельность в данной сфере. Обращает на себя внимание тот факт, что пятая часть респондентов считают свой бизнес выживающим, а у 5 % новообращенных предпринимателей бизнес угасает. На это влияют как личностные факторы (самостоятельность, активность,

организованность, творческий подход и т.д.), так и внешние условия, о которых мы поинтересовались у респондентов. Четверть респондентов оценили высоко условия для развития предпринимательства в местах их проживания, они отметили, что чувствуют себя комфортно, половина респондентов оценили условия для развития бизнеса как средние, а четверть – как неблагоприятные.

Следует отметить, что сам характер предпринимательской деятельности оказался для данной категории граждан привлекательным: 78,7 % опрошенных планируют активно развиваться в дальнейшем, 15,7 % иногда задумывались о прекращении своей предпринимательской деятельности, 3,4 % – думают о смене предпринимательской формы деятельности и лишь 2,2 % респондентов указывают, что «это не мое, буду искать работу по найму».

В дальнейшем респонденты (44,7 %) планируют увеличение объемов производства, обновление ассортимента продукции (20,6 %), внедрение нового оборудования и/или технологии (17,6 %), создание новых рабочих мест (15,9 %), освоение новых видов деятельности (15,3 %), поиск новых рынков сбыта (11,2 %), поиск партнеров (8,8 %).

Подводя итог, можно сказать о том, что развитие самозанятости и предпринимательства как вариантов активного содействия занятости и уменьшения количества безработных имеет очень хорошие перспективы и высокую социальную ценность. Подавляющее большинство тех (более 80 %), кто выбрал этот вариант трудоустройства для себя, выразили желание продолжать свою деятельность именно в этом направлении.

Также хотелось бы отметить высокую социальную значимость предпринимательства: у большинства респондентов-предпринимателей реально повысились доходы, существенно улучшилось социально-психологическое состояние: повысилась самооценка, активность, появилось ощущение стабильности, уверенность в будущем. И несмотря на то, что респонденты начали свою предпринимательскую деятельность вынужденно, большинство из них удовлетворены своим статусом, считают свой бизнес конкурентоспособным и процветающим и более двух третей респондентов планируют в дальнейшем развиваться.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что первоначальные гипотезы о том, что в первую очередь необходимы незанятому населению налоговые и кредитные льготные условия, не подтвердились. Основной причиной сложностей, по мнению предпринимателей из числа бывших безработных, является бюрократический формализм, недостаток знаний и коррупция. То есть это проблемы организационного взаимодействия, и в основном локального характера, которые могут и должны быть решены на месте общими усилиями служб занятости и соответствующих министерств и ведомств. В качестве рекомендуемых можно предложить: проведение бизнес-семинаров по порядку регистрации и оформления документов, необходимых для начала собственного дела, проведение семинаров по обмену опытом с уже действующими предпринимателями и потенциальными из числа безработных, закрепление кураторов со стороны службы занятости за период первых двух месяцев открытия собственного бизнеса для оперативного решения вопросов, организация отдельной бесплатной горячей линии юридической поддержки и т.д.

Это также помогло бы решить вопросы и с правильным выбором сферы деятельности, которая подходит конкретным людям в конкретном районе или селе, так как ответы-желания незанятого населения и ответы-реалии действующих предпринимателей не всегда совпадают, так как, выбрав эту стезю, предприниматели столкнулись с другими реалиями. И именно на уровне региона могут быть проведены дополнительные исследования, какие именно сферы деятельности будут востребованы в данной местности и предложены в качестве вариантов незанятому населению для организации собственного дела.

В заключение хотелось бы отметить, что развитие малого предпринимательства и самозанятости в качестве комплексного подхода к решению проблем содействия трудоустройству и появлению новых и дополнительных рабочих мест заслуживает большего внимания и поддержки, поскольку помогает и изменять сложившиеся стереотипы о занятости у населения, формирует иные ценностные ориентации и мотивы поведения и способствует общему росту благосостояния населения и снижению социальной напряженности в обществе.

Литература

1. *Абрамова Е.А.* Самозанятость населения как ступень подъема экономики в период преодоления кризиса // *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение.* 2010. № 1. С. 5–11.
2. *Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В.* Мониторинг возможностей развития самозанятости в Новосибирской области // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* 2016. № 4. С. 130–143. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.7
3. *Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В., Иноземцева А.В.* Незанятое население и самозанятость в Сибирском регионе // *Социологические исследования.* 2015. № 5. С. 52–60.
4. *Воловская Н.М.* Самостоятельная занятость в России: выживание или свободный выбор. 2-е изд. Новосибирск: НГУЭУ, 2005. 300 с.
5. *Грабова О.Н., Суглобов А.Е.* Проблемы выхода «из тени» самозанятых лиц в России: риски и пути их преодоления // *Экономика. Налоги, право.* 2017. Т. 10. № 6. С. 108–117.
6. *Гучек А.С.* Самостоятельная занятость населения: подходы к изучению, методы исследования // *Труды Карельского научного центра Российской академии наук.* 2012. № 6. С. 196–199.
7. *Заславская Т.И.* Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // *Общественные науки и современность.* 1995. № 1. С. 17–32.
8. Конвенции и рекомендации МОТ (1957–1990): в 2 т. / Международное бюро труда. Женева, 1991. 2045 с.
9. *Радаев В.В.* Экономическая социология. Курс лекций: учеб. пособие. М., 1997. 368 с.
10. *Boden R.J.* Flexible working hours, family responsibilities, and female self-employment: Gender differences in self-employment selection // *Amer. j. of economics a. sociology.* N.Y., 1999. Vol. 58. № 1. P. 71–83.
11. *Carrasco R.* Transition to and from self-employment in Spain: an empirical analysis // *Oxford bull of economics a. statistics.* Oxford, 1999. Vol. 61. № 3. P. 315–441.
12. *La Porta R., Shleifer A.* The Unofficial Economy and Economic Development // *Brookings Papers on Economic Activity.* 2008. P. 275–352.

13. *Herb J. Schuetze*. Profiles of Tax Non-Compliance among the Self-Employed in Canada // *Canadian Public Policy / Analyse de Politiques*. 2002. № 2. P. 219–238.
14. *Taylor M.P.* Survival of the fittest? An analysis of self-employment duration in Britain // *Econ. j. Cambridge etc.*, 1999. Vol. 109. № 454. P. 140–155.
15. *Albarran P., Carrasco R., Martinez-Granado M.* Inequality for Wage Earners and Self-Employed: Evidence from Panel Data. [Электронный ресурс]. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1468-0084.2009.00549.x> (дата обращения: 21.09.2018).
16. *Falter J.-M.* Self-employment and earning inequality. [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.567.9722&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 21.09.2018).
17. *Parker S.C.* The inequality of employment and self-employment incomes: a decomposition analysis for the U.K // *Rev. of income a. wealth*. New Haven, 1999. Ser. 45. № 2. P. 263–274. URL: <http://www.roi.w.org/1999/263.pdf> (дата обращения: 21.09.2018).
18. *Taylor M.* Self-employment in Britain: When, who and why // *Swedish Economic Policy Review* 11 (2), 2004. P. 141–173. URL: <http://repository.essex.ac.uk/7894/1/e266c74d.pdf> (дата обращения: 21.09.2018).
19. В Госдуме приняли закон о правовом статусе самозанятых граждан. [Электронный ресурс] / Новая газета. 14 июля 2017. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2017/07/14/133498-v-gosdume-prinyali-zakon-o-pravovom-statuse-samozanyatyh-grazhdan> (дата обращения: 21.09.2018).
20. *Греф Г.* Доля малого бизнеса в экономике РФ уже 15 лет держится на «заколдованном» уровне 20 %. [Электронный ресурс] // Вести. Экономика. URL: <http://tass.ru/vef-2017/articles/4540242> (дата обращения: 21.09.2018).
21. Минюст России предлагает закрепить в законодательстве РФ правовой статус самозанятых граждан. [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/53836.html/> (дата обращения: 21.09.2018).
22. 2018 год будет Годом предпринимательства // Credinform. [Электронный ресурс]. URL: <https://credinform.ru/ru-RU/news/details/7f7edb379cfc> (дата обращения: 21.09.2018).

Bibliography

1. *Abramova E.A.* Samozanjatost' naselenija kak stupen' pod#ema jekonomiki v period preodolenija krizisa // *Sovremennye naukoemkie tehnologii*. Regional'noe prilozhenie. 2010. № 1. P. 5–11.
2. *Volovskaja N.M., Pljusnina L.K., Rusina A.V.* Monitoring vozmozhnostej razvitiya samozanjatosti v Novosibirskoj oblasti // *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2016. № 4. P. 130–143. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.7
3. *Volovskaja N.M., Pljusnina L.K., Rusina A.V., Inozemceva A.V.* Nezanjatoe naselenie i samozanjatost' v Sibirskom regione // *Sociologicheskie issledovanija*. 2015. № 5. P. 52–60.
4. *Volovskaja N.M.* Samostojatel'naja zanjatost' v Rossii: vyzhivanie ili svobodnyj vybor. 2-e izd. Novosibirsk: NGUJeU, 2005. 300 p.
5. *Grabova O.N., Suglobov A.E.* Problemy vyhoda «iz teni» samozanjatyh lic v Rossii: riski i puti ih preodolenija // *Jekonomika. Nalogi, pravo*. 2017. Vol. 10. № 6. P. 108–117.
6. *Guchek A.S.* Samostojatel'naja zanjatost' naselenija: podhody k izucheniju, metody issledovanija // *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 2012. № 6. P. 196–199.
7. *Zaslavskaja T.I.* Biznes-sloj rossijskogo obshhestva: sushhnost', struktura, status // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 1995. № 1. P. 17–32.
8. Конвенции и рекомендации МОТ (1957–1990): в 2 т. / Международное бюро труда. Женева, 1991. 2045 p.
9. *Radaev V.V.* Jekonomicheskaja sociologija. Kurs lekcij: ucheb. posobie. M., 1997. 368 p.

10. *Boden R.J.* Flexible working hours, family responsibilities, and female self-employment: Gender differences in self-employment selection // *Amer. j. of economics a. sociology*. N.Y., 1999. Vol. 58. № 1. P.71–83.
11. *Carrasco R.* Transition to and from self-employment in Spain: an empirical analysis // *Oxford bull of economics a. statistics*. Oxford, 1999. Vol. 61. № 3. P. 315–441.
12. *La Porta R., Shleifer A.* The Unofficial Economy and Economic Development // *Brookings Papers on Economic Activity*. 2008. P. 275–352.
13. *Herb J. Schuetze.* Profiles of Tax Non-Compliance among the Self-Employed in Canada // *Canadian Public Policy / Analyse de Politiques*. 2002. № 2. P. 219–238.
14. *Taylor M.P.* Survival of the fittest? An analysis of self-employment duration in Britain // *Econ. j. Cambridge etc.*, 1999. Vol. 109. № 454. P. 140–15.
15. *Albarran P., Carrasco R., Martinez-Granado M.* Inequality for Wage Earners and Self-Employed: Evidence from Panel Data. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1468-0084.2009.00549.x> (data obrashhenija: 21.09.2018).
16. *Falter J.-M.* Self-employment and earning inequality. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.567.9722&rep=rep1&type=pdf> (data obrashhenija: 21.09.2018).
17. *Parker S.C.* The inequality of employment and self-employment incomes: a decomposition analysis for the U.K // *Rev. of income a. wealth*. New Haven, 1999. Ser. 45. № 2. P. 263–274. URL: <http://www.roiweb.org/1999/263.pdf> (data obrashhenija: 21.09.2018).
18. *Taylor M.* Self-employment in Britain: When, who and why // *Swedish Economic Policy Review* 11 (2). 2004. P. 141–173. URL: <http://repository.essex.ac.uk/7894/1/e266c74d.pdf> (data obrashhenija: 21.09.2018).
19. V Gosdume prinjali zakon o pravovom statuse samozanjatyh grazhdan. [Elektronnyj resurs] / *Novaja gazeta*. 14 ijulja 2017. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2017/07/14/133498-v-gosdume-prinyali-zakon-o-pravovom-statuse-samozanyatyh-grazhdan> (data obrashhenija: 21.09.2018).
20. *Gref G.* Dolja malogo biznesa v jekonomike RF uzhe 15 let derzhitsja na «zakoldovannom» urovne 20 %. [Elektronnyj resurs] // *Vesti. Jekonomika*. URL: <http://tass.ru/vef-2017/articles/4540242> (data obrashhenija: 21.09.2018).
21. Minjust Rossii predlagaet zakrepiť v zakonodatel'stve RF pravovoj status samozanjatyh grazhdan. [Elektronnyj resurs] / *Konsul'tantPljus*. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/53836.html/> (data obrashhenija: 21.09.2018).
22. 2018 god budet Godom predprinimatel'stva // *Credinform*. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://credinform.ru/ru-RU/news/details/7f7edb379cfc> (data obrashhenija: 21.09.2018).

УДК 316

МЕТОДЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ: ОПЫТ МЕДИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Богдан И.В., Гурылина М.В., Чистякова Д.П.

Научно-исследовательский институт
организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы
E-mail: bogdaniv@zdrav.mos.ru, mariya_gurylina@mail.ru,
darya.chistyakova93@bk.ru

Сегодня в связи с влиянием на здоровье человека негативных социальных и экологических факторов вопрос распространения установок на здоровый образ жизни приобретает особую актуальность. Укрепление здоровья – результат скоординированной работы отдельного человека, медицинского работника, сферы здравоохранения и органов государственного управления. При этом медицинский работник выступает в качестве связующего звена, транслирующего научные медицинские достижения обществу. Обзор отечественной и зарубежной литературы, а также проведенные с участием авторов статьи социологические исследования позволили выявить четыре группы методов распространения ЗОЖ среди населения. К ним относятся: личный пример, индивидуальная беседа, информационно-наглядная пропаганда, экспертная работа. В рамках каждого из методов предложены рекомендации.

Ключевые слова: общественное здоровье, здоровый образ жизни, компоненты здорового образа жизни, методы распространения ЗОЖ, медицинский работник, самосохранительное поведение.

METHODS OF HEALTHY LIFESTYLE PROMOTION BY MEDICAL STAFF BASED ON MEDICAL SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Bogdan I.V., Gurylina M.V., Chistyakova D.P.

Research Institute for Healthcare Organization
and Medical Management of Moscow Healthcare Department
E-mail: bogdaniv@zdrav.mos.ru, mariya_gurylina@mail.ru,
darya.chistyakova93@bk.ru

Considering numerous social and environmental negative tendencies in the contemporary life the topic of promoting a healthy lifestyle becomes very acute. Health promotion is the result of coordinated work of an individual, healthcare system and public governing bodies. Medical staff is the coordinator of this process. Based on the literature review and our research four groups of methods by which medical staff can promote a healthy lifestyle among the population were revealed. These groups are personal example, person-to-person conversation, expert work, visual and information activities (e.g. booklets, sites, posters). The specific recommendations were provided.

Keywords: public health, healthy lifestyle, healthy lifestyle components, health promotion, medical staff, healthy behavior.

Введение. Сегодня необходимость сохранения и укрепления здоровья связана с негативными тенденциями в сфере образа жизни человека, в том числе гиподинамией, наличием вредных привычек и нездорового питания [2, с. 158]. В связи с этим идея распространения здорового образа жизни (ЗОЖ) как определяющего фактора здоровья человека приобретает особую актуальность.

Концепция ЗОЖ как одной из важнейших областей здоровья впервые официально прозвучала в докладе М. Лалонда «Новая перспектива здоровья канадцев» 1974 г. В нем были определены детерминанты здоровья человека, к которым автор отнес «биологию человека, окружающую среду, образ жизни и организацию здравоохранения» [13, р. 31]. Изложенная в докладе концепция также определила тон для дискурса и практики общественного здравоохранения в последующие десятилетия [25, р. 7].

Впоследствии задача «укрепления здоровья» стала выходить за рамки сферы здравоохранения. Так, в принятой в 1986 г. Оттавской хартии по укреплению здоровья подчеркивается, что «решение этой задачи требует скоординированных действий всех заинтересованных сторон: правительства, сектора здравоохранения и других социально-экономических секторов, неправительственных и общественных организаций, местных органов государственного управления, производственной сферы и средств массовой информации» [2, с. 2]. В этой связи перед работниками здравоохранения (помимо других включенных в процесс лиц) ставится ответственная задача – «выступить в качестве посредников, добиваясь согласования различных общественных интересов во имя улучшения здоровья людей» [Там же]. Происходит перераспределение ответственности за здоровье населения между отдельным человеком, медицинскими работниками, системой здравоохранения и органами государственного управления. Одним из основных процессов становится развитие личностных навыков индивида в вопросах укрепления здоровья и ЗОЖ. Построенная таким образом модель здравоохранения должна опираться на медицинскую научную базу, а медицинские работники, в свою очередь, должны способствовать распространению данного знания среди населения, являясь связующим звеном между достижениями медицинской науки и обществом.

В связи с этим возникает вопрос: каким образом медицинские работники должны участвовать в распространении установок на ЗОЖ?

Методология. Исследование роли медицинского работника в распространении ЗОЖ проведено на основании обзора литературы и экспертного мнения врачей. Эмпирической базой послужили данные количественного и качественного социологических исследований.

В декабре 2017 г. – январе 2018 г. был проведен опрос сотрудников городских медицинских учреждений г. Москвы методом анкетирования. Использовалась случайная кластерная (гнездовая) выборка. Для формирования ее структуры были изучены данные Центра медицинской статистики ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ». В итоге было отобрано 10 организаций – 2 больницы, 5 взрослых и 3 детские поликлиники. Общее количество опрошенных сотрудников (после удаления некорректно заполненных анкет) – 603 человека.

В июне–июле 2018 г. ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ» были проведены две фокус-группы: в первом исследовании участвовали заведующие отделениями стационарного и амбулаторного звена, во втором – врачи отделений. В каждой дискуссии принимали участие 8 медицинских работников различного пола, возраста и медицинского профиля.

Результаты и обсуждение. На основе проведенного обзора литературы и анализа данных социологических исследований авторами статьи были выявлены основные компоненты ЗОЖ:

1. Правильное питание (качественное, без переедания, как профилактика ожирения и авитаминоза) или диета (как метод лечения уже существующей болезни).

2. Физическая активность, в том числе активный отдых.

3. Отказ от вредных привычек (курение, алкоголь, наркотики).

4. Планирование и соблюдение режима труда и отдыха, нормальный сон.

5. Рациональная медицинская активность (вакцинация, своевременное посещение медицинских работников и соблюдение их рекомендаций).

6. Соблюдение принципов психического здоровья (умение противостоять стрессу, расслабляться).

7. Соблюдение правил гигиены (проведение гигиенических процедур, гигиена жилища, рабочего места и т.д.).

8. Закаливание.

9. Рациональное половое поведение и охрана репродуктивного здоровья (стоит отметить, что по результатам авторского исследования это единственный пункт, который ни разу не упоминался медицинскими работниками как составляющая часть ЗОЖ).

По мнению медицинских работников, сейчас они в значительной степени вовлечены в мероприятия по профилактике неинфекционных заболеваний и распространению установок на ЗОЖ у населения. В целом 20–30 % респондентов участвуют в такой деятельности время от времени, а треть и более – регулярно. На данный момент чаще проводится работа в области правильного питания и лишнего веса, в несколько меньшей степени – в сфере вредных привычек.

Методы формирования установок на ЗОЖ. Анализ литературы, посвященной роли медицинских работников в распространении ЗОЖ, а также проведенный медико-социологический анализ позволили выявить ряд методов, которые может использовать в своей практике медицинский работник: личный пример, индивидуальная беседа, наглядно-информационная пропаганда, а также экспертная работа специалиста.

Личный пример. Исследования, направленные на изучение методов воздействия на пациентов, уделяют особое внимание необходимости «создания модели для подражания» [26, р. 17]. В основе данного метода лежит положение о том, что врач, медсестра и другие сотрудники медицинских организаций, занимающиеся пропагандой ЗОЖ, сами должны соблюдать его принципы [1, с. 12]. В этом случае, согласно зарубежным исследованиям, медицинские работники воспринимаются пациентами как более надежные и способные мотивировать их к выбору в пользу ЗОЖ [12, р. 43].

В этой связи исследования так или иначе затрагивают вопросы само-сохранительного поведения медицинских работников (врачей, медсестер

и т.д.). При этом данные очень разнятся. Часть исследователей [10, 11] утверждают, что медицинские работники, ввиду наличия большего количества информации о последствиях нездорового образа жизни, будут эффективнее бороться с вредными привычками и вести ЗОЖ. В этой связи подчеркивается роль собственного примера медицинского работника в формировании установок на ЗОЖ у пациента [16, р. 443]. Личный пример дает возможность лучше понимать то, как привносить ЗОЖ в свою жизнь, какие реальные, а не теоретические проблемы существуют в этой области, приводить соответствующие примеры и т.д.

Результаты других исследований говорят о том, что представители медицинских профессий ничем не отличаются от других в плане образа жизни [9, 10]. Однако отказ от соблюдения принципов ЗОЖ медицинскими работниками, в отличие от представителей других профессий, способен подорвать их авторитет и, как следствие, доверие к их предписаниям. Пациенты вряд ли будут воспринимать рекомендации по похудению от медицинского работника, страдающего избыточным весом.

Более того, опыт ведения нездорового образа жизни, наличие вредных привычек негативно сказывается не только на восприятие пациентами, но и на отношении медицинских работников к вопросу формирования ЗОЖ у населения. Исследования показывают связь между мотивацией сотрудников влиять на курение у пациентов и тем, являются ли они курильщиками. Например, курящие врачи реже спрашивают о курении у пациентов и предлагают помощь в преодолении данной привычки [7, с. 9].

Индивидуальная беседа. Результаты исследования показали, что личное общение с конкретным пациентом является наиболее эффективным для формирования установок на ЗОЖ [26, р. 17]. Метаанализ данных 2013 г., включающий более 205 000 пациентов, показал положительные эффекты, которые имел разговор медицинского работника с пациентом об установках на ЗОЖ, в частности, о весе пациента [24]. Исследователи обнаружили связь между полученными рекомендациями и большей потерей веса пациентов и, как следствие, улучшением здоровья.

Безусловно, владение пациентом информацией о ведении ЗОЖ не означает, что он автоматически будет следовать ей. Однако информированность может сформировать позитивное отношение к концепции ЗОЖ, на основе которого может возникнуть желание следовать его принципам. При наличии такого желания, медицинским работникам проще осуществить помощь в планировании перехода на ЗОЖ. Таким образом, реализуется модель изменения поведения пациента: «знаю – хочу – могу – делаю» [19].

Участники фокус-групп высказывали мнение о том, что получение установок на ЗОЖ именно от медицинского работника увеличивает вероятность мотивации пациента к их соблюдению. По их мнению, это связано с наличием у медицинских работников большего объема знаний по формированию здоровых привычек и возможностью проводить беседу в контексте особенностей здоровья конкретного пациента. Постоянно растущий объем исследований на данную тему также фиксирует имеющиеся преимущества влияния медицинских работников на пациента в отношении ЗОЖ (в первую очередь, за счет коммуникации). Это не только улучшает физическое состояние пациента, но и повышает его удовлетворенность и

уровень комплаентности (за счет выстраивания более доверительных отношений) [24].

Стоит заметить, что у медицинских работников есть большой кредит доверия. По данным опросов, 70 % граждан считают их главным источником медицинской информации [18]. Кроме того, соотнесение данных по результатам проведенных ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ» исследований и всероссийского социологического опроса, выполненного по заказу и при поддержке Министерства здравоохранения РФ в рамках оценки эффективности рекламно-информационной кампании «Здоровая Россия» [4] говорит о том, что представления о компонентах ЗОЖ у медицинских работников и населения в целом схожи. В связи с этим участие медицинских работников в распространении ЗОЖ может иметь ощутимый практический эффект.

Принципы построения диалога с пациентом. В целях увеличения эффективности разъяснительной беседы исследователями предлагается соблюдение некоторых принципов. Так, ряд исследователей рекомендуют начинать беседу с медицинского обоснования необходимости соблюдения ЗОЖ, например, с обсуждения результатов лабораторных исследований, недавно выявленных хронических заболеваний и т.д. [8, р. 244; 15, р. 260], другие – с проявления интереса к пациенту, выявления его потребности в обучении («изучении его интересов и объема уже имеющихся знаний» [22, с. 53]).

Следующий этап – информирование и разъяснение. Согласно рекомендациям Американской академии семейных врачей, беседа медицинского работника с пациентом о ЗОЖ должна строиться по следующим принципам [26, р. 18–20]:

1. Оценка текущего уровня активности, здорового питания, эмоционального благополучия пациента и его готовности к изменениям.

2. Помощь пациенту в постановке разумных целей. Цель должна быть достижима для пациента. Так, например, рекомендации по увеличению физической активности пациента должны быть реализуемыми. Речь должна идти не о спорте высоких достижений, а о постепенном увеличении двигательной активности хотя бы на 5–10 мин в день: выбора в пользу лестницы, а не лифта, парковка машины подальше от входа и т.д. Основная идея – дать возможность пациенту поверить в себя. Аналогично в вопросах питания пациентам рекомендуется не столько следовать жестким диетам, сколько более осознанно подойти к вопросу оценки своего состояния, в том числе с точки зрения ощущения чувства голода. Впоследствии пациент подстраивает приемы пищи исходя из потребностей организма (того же чувства голода). Также в ходе беседы медицинскому работнику необходимо подчеркнуть, что эмоциональное благополучие является одним из решающих моментов в формировании установок на ЗОЖ, поскольку усиливает мотивационную сферу и вдохновляет на изменения.

3. Обязанность в наблюдении за соблюдением рекомендаций, чтобы не допустить рецидива. Последующее наблюдение может происходить по телефону или по электронной почте медсестрой, диетологом или другим медицинским сотрудником. В составленном индивидуальном плане пациента, который передается пациенту на руки, также должны быть перечислены контакты необходимых для него организаций (например, центры

физической активности, группы психологической помощи, медицинские организации и т.д.).

Важным аспектом в проведении беседы с пациентом является применение психологических приемов, которые позволят установить атмосферу доверия и сотрудничества. Так, разговорный стиль общения, проявление эмпатии и ориентация беседы на личностные особенности пациента улучшают восприятие им информации. При убеждении не надо оказывать агрессивного психологического давления, надо информировать, предоставляя пациенту свободный выбор [5, с. 48].

Сегодня пропаганда ЗОЖ, а также рекомендации по его соблюдению зачастую строятся на запугивании пациента [19, с. 6] и запретительных мерах [17, с. 6]. Однако исследования показывают, что данные способы не самые эффективные и нередко дают противоположный эффект. Особенно это актуально для молодежи, которая в меньшей степени осознает важность сохранения имеющегося запаса здоровья, а также в силу возрастных особенностей проявляет типичные реакции негативизма по отношению к рекомендациям взрослых [3, с. 116]. С подростками лучше вести дискуссию, в ходе которой их не поучают, а приглашают к обсуждению и сотрудничеству [6, с. 41]. Аналогична ситуация и для детей. Их запугивание, в том числе картинками, не рекомендуется [22, с. 25]. К схожим последствиям может привести поучительный тон беседы. В этой связи, возможно, не самый быстрый, зато в долгосрочном плане более эффективный «позитивный» подход представляется более приоритетным [19, с. 6]. Лучше прививать положительные эмоции, связанные с ЗОЖ, чем отрицательные с последствиями его отсутствия.

Информационно-наглядная пропаганда. Медицинские работники могут быть включены в работу по созданию и распространению информационно-наглядных материалов по ведению ЗОЖ. К ним относятся газеты, плакаты, брошюры, листовки, книги, памятки, календари и т.д. В интернете наглядный материал может быть реализован в формах сайтов, разделов FAQ, форумов, отдельных статей. Тематика информационных материалов может быть выбрана, исходя из анализа и выявления наиболее встречающихся факторов риска у населения [20, с. 152]. Причем для более эффективного воздействия, данные материалы должны отвечать ряду требований: быть максимально наглядными, язык должен быть простой и понятный [Там же], а представленная информация, подобранная из учебников и статей, должна быть адаптирована для целевой аудитории [23, с. 6].

Участники фокус-групп также упоминали необходимость проведения данной формы пропаганды. По их мнению, эффективным инструментом распространения ЗОЖ среди населения является демонстрация агитационных видеороликов, которые пациенты могли бы просматривать в период ожидания в очередях, а также на сайте и на страницах в социальных сетях, посвященных работе медучреждения.

Экспертная работа медицинского работника. Данный вид деятельности по формированию установок на ЗОЖ среди населения может быть реализован в форме:

1) участия в просветительских передачах в СМИ (в радиовыступлениях, в «познавательных» телепередачах и т.д.);

2) проведения просветительских лекций, викторин, конференций и выступлений, в том числе в учреждениях других ведомств – школах, библиотеках;

3) участия в массовых медицинских мероприятиях (акциях с бесплатными обследованиями, мероприятиях по борьбе с вредными привычками). Они могут быть организованы в рамках молодежных советов (в качестве примера может выступать проект «ЗОЖ через молодежь!», организованный членами молодежного совета Департамента здравоохранения г. Москвы), а также существующих школ здоровья;

4) передачи собственного опыта работы с ЗОЖ, путем чтения лекций, участия в форумах, выступлений для своих коллег или специалистов близких специальностей – педагогов, соц. работников и т.д.;

5) участия в разработке локальных программ по распространению ЗОЖ в качестве эксперта.

В том числе работа специалиста может быть направлена на борьбу с медицинскими мифами, связанными с распространением недостоверной информации по вопросам ведения ЗОЖ.

Выводы. Сегодня вопросы по распространению ЗОЖ приобретают особую актуальность по причине влияния на здоровье человека негативных социальных и экологических факторов. Укрепление здоровья населения является приоритетной задачей, которая должна реализовываться как на общегосударственном, так и индивидуальном уровне. Одну из основных ролей в данном вопросе можно отвести именно медицинским работникам, которые являются главным источником актуальной медицинской информации, а также имеют возможность непосредственной коммуникации с населением. Задача медицинских работников в этой связи состоит в трансляции научных знаний населению, обосновании важности ведения ЗОЖ и мотивировании к нему пациентов. На основании обзора литературы, а также проведенных исследований ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ» были выявлены группы методов распространения установок на ЗОЖ, которые могут быть использованы сотрудниками медицинских организаций в своей работе: личный пример, индивидуальная беседа, наглядно-информационная пропаганда, а также экспертная работа специалиста.

В заключение стоит отметить, что эффективное распространение установок на ЗОЖ среди населения возможно только как результат скоординированной работы врачей, среднего медицинского персонала и немедицинских работников. Несмотря на признание особой роли медицинских работников в вопросах формирования ЗОЖ, комплексное взаимодействие медицинских организаций с организациями других ведомств (социальная защита, образование, экономика и т.д.) представляется наиболее продуктивным.

Литература

1. *Алексеев С.Н.* Проблемы формирования здорового образа жизни в медицинской образовательной среде // Кубанский научный медицинский вестник. 2012. № 4 (133). С. 10–14.
2. *Гавриченко Е.А.* Роль средств массовой информации в формировании здорового образа жизни // Молодой ученый. 2018. № 18. С. 157–161.

3. Гусейнов А.Ш. Протест как фактор деструктивного поведения подростков и молодежи // Вестник СПбГУ. 2011. № 2. С. 116–121.
4. Ермолаева П.О., Носкова Е.П. Основные тенденции здорового образа жизни россиян // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 120–129.
5. Жилыева Е.П., Нечаев В.С., Ефремов Д.В. Роль врача общей практики в пропаганде здорового образа жизни // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2010. № 1. С. 47–49.
6. Организация работы по пропаганде здорового образа жизни, профилактике наркомании и диагностике поведенческих установок населения: методические рекомендации / под ред. Е.Н. Байковой, Л.И. Архарова, В.А. Горнова (рук. авт. колл.), О.А. Лыкова, Ю.Е. Надточий, Э.В. Самарина, О.В. Теняева. Рязань: Пресса, 2013.
7. Серёгин В.И. Отношение к табакокурению медицинских работников акушерско-гинекологической службы // Социальные аспекты здоровья населения. 2016. № 5. 14 с.
8. ACOG Committee Opinion N 423: Motivational interviewing: a tool for behavior change // Obstetrics & Gynecology. 2009. Vol. 113(1). P. 243–246. doi:10.1097/AOG.0b013e3181964254.
9. Dubnov-Raz G., Berry E.M., Shemer O., Constantini N.W. Who will take care of the caretaker? Lifestyle recommendations for physicians // Harefuah. 2011. Vol. 150(7). P. 583–587.
10. Fair J.M., Gulanick M., Braun L.T. Cardiovascular risk factors and lifestyle habits among preventive cardiovascular nurses // Journal of Cardiovascular Nursing. 2009. Vol. 24(4). P. 277–286. doi: 10.1097/JCN.0b013e3181a24375.
11. Frank E., Wright E.H., Serdula M.K., Elon L.K., Baldwin G. Personal and professional nutrition-related practices of US female physicians // The American Journal of Clinical Nutrition. 2002. Vol. 75(2). P. 326–332. doi: 10.1093/ajcn/75.2.326.
12. Hash R.B., Munna R.K., Vogel R.L., Bason J.J. Does physician weight affect perception of health advice? // Prev Med. 2003. Vol. 36(1). P. 41–44.
13. Lalonde M. A new perspective on the health of Canadians. A working document. Ottawa: Government of Canada, 1974. 77 p.
14. McElligott D., Siemers S., Thomas L., Kohn N. Health promotion in nurses: is there a healthy nurse in the house? // Applied Nursing Research. 2009. Vol. 22(3). P. 211–215. doi: 10.1016/j.apnr.2007.07.005.
15. Polacsek M., Orr J., Letourneau L. et al. Impact of a primary care intervention on physician practice and patient and family behavior: Keep ME Healthy – the Maine Youth Overweight Collaborative // Pediatrics. 2009. Vol. 123(5). P. 258–266. doi: 10.1542/peds.2008-2780C.
16. Profis M., Simon-Tuval T. The influence of healthcare workers' occupation on Health Promoting Lifestyle Profile // Industrial Health. 2016. Vol. 54(5). P. 439–447. doi: 10.2486/indhealth.2015-0187.
17. AIPM. Рекомендации к разработке и внедрению корпоративных программ по поддержке здорового образа жизни сотрудников предприятий: обобщенный анализ вторичных данных, результатов личных интервью с руководителями предприятий и фокус-групп с работниками. [Электронный ресурс]. Москва, 2013–2014. URL: http://www.aipm.org/upfile/doc/AIPM_IFPMA_NCD_research_brochure_2014_RUS_ENG.pdf (дата обращения: 27.10.2018).
18. Индекс здоровья будущего. Отчет по России. [Электронный ресурс] / FutureHealth Index. 2017. 12 с. URL: <http://incenter.medical.philips.com/doclib/enc/14842152/FHI-report-2017-Russia.pdf%3ffunc%3ddoc.Fetch%26nodeid%3d14842152> (дата обращения: 27.10.2018).
19. Методические рекомендации по пропаганде здорового образа жизни, противодействию распространения наркомании, алкоголизма и табакокурения в молодежной среде, по организации волонтерских отрядов профилактической направленности: информационно-методический сборник. [Электронный ресурс] / сост.

- И.В. Ермолаева, О.В. Хурчак, Ю.П. Киселев, А.Г. Коленченко, А.И. Белоглазов. Волгоград, 2010. URL: www.volgmed.ru/uploads/files/2011-2/3600-metodichka_fdo.doc (дата обращения: 27.10.2018).
20. Назарова С.К., Хасанова М.И., Абдупаттаева К.О., Миркаримова М.Б. Роль медицинских сестер первичного звена при внедрении здорового образа жизни среди населения. [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2014. № 5. С. 151–153. URL: <https://moluch.ru/archive/64/10052/> (дата обращения: 28.09.2018).
 21. Оттавская хартия по укреплению здоровья. [Электронный ресурс] / Всемирная организация здравоохранения. 1986. 5 с. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0009/146808/Ottawa_Charter_R.pdf (дата обращения: 31.10.2018).
 22. Пилипенко А.А. Роль сестринского персонала в формировании здорового образа жизни детей. [Электронный ресурс]: диплом. работа. Алтайский гос. мед. университет. Барнаул, 2018. URL: https://asmu.ru/upload/medialibrary/080/Pilipenko_Alena_Aleksandrovna.pdf (дата обращения: 23.10.2018).
 23. Садуллаева Х.А., Шарипова С.А. Подготовка врачей общей практики к формированию у населения основ здорового образа жизни. [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2017. № 23.2. С. 5–7. URL: <https://moluch.ru/archive/157/44483/> (дата обращения: 28.09.2018).
 24. Berger K. Teaching Patients About Healthy Lifestyle Behaviors: Communication is the First Step. [Electronic resource] // Harvard T.H. Chan School of Public Health. 2015. URL: <https://www.hsph.harvard.edu/ecpe/teaching-patients-about-healthy-lifestyle-behaviors-communication-is-the-first-step/> (accessed: 23.10.2018).
 25. Kumar S., Preetha G.S. Health Promotion: An Effective Tool for Global Health. [Electronic resource] // Indian Journal Community Medicine, 2012. Vol. 37(1). P. 5–12. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3326808/> (accessed: 31.10.2018).
 26. McAndrews J.A., McMullen S., Wilson S.L. Four Strategies for Promoting Healthy Lifestyles in Your Practice. [Electronic resource] // Family Practice Management. 2011. Vol. 18 (2). P. 16–20. URL: <https://www.aafp.org/fpm/2011/0300/p16.html> (accessed: 23.10.2018).

Bibliography

1. Alekseenko S.N. Problemy formirovaniya zdorovogo obraza zhizni v medicinskoj obrazovatel'noj srede // Kubanskij nauchnyj medicinskij vestnik. 2012. № 4 (133). P. 10–14.
2. Gavrichenkova E.A. Rol' sredstv massovoj informacii v formirovanii zdorovogo obraza zhizni // Molodoj uchenyj. 2018. № 18. P. 157–161.
3. Gusejnov A.Sh. Protest kak faktor destruktivnogo povedeniya podrostkov i molodezhi // Vestnik SPbGU. 2011. № 2. P. 116–121.
4. Ermolaeva P.O., Noskova E.P. Osnovnye tendencii zdorovogo obraza zhizni rossijan // Sociologicheskie issledovaniya. 2015. № 4. P. 120–129.
5. Zhiljaeva E.P., Nechaev V.S., Efremov D.V. Rol' vracha obshhej praktiki v propagande zdorovogo obraza zhizni // Problemy social'noj gigieny, zdavoohraneniya i istorii mediciny. 2010. № 1. P. 47–49.
6. Organizacija raboty po propagande zdorovogo obraza zhizni, profilaktike narkomanii i diagnostike povedencheskih ustanovok naselenija: metodicheskie rekomendacii / pod red. E.N. Bajkovej, L.I. Arharova, V.A. Gornova (ruk. avt. koll.), O.A. Lykova, Ju.E. Nadtochij, Je.V. Samarina, O.V. Tenjaeva. Rjazan': Pressa, 2013.
7. Serjogin V.I. Otnoshenie k tabakokureniju medicinskih rabotnikov akushersko-ginekologicheskoj sluzhby // Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija. 2016. № 5. 14 p.
8. ACOG Committee Opinion N 423: Motivational interviewing: a tool for behavior change // Obstetrics & Gynecology. 2009. Vol. 113(1). P. 243–246. doi:10.1097/AOG.0b013e3181964254.

9. *Dubnov-Raz G., Berry E.M., Shemer O., Constantini N.W.* Who will take care of the caretaker? Lifestyle recommendations for physicians // *Harefuah*. 2011. Vol. 150(7). P. 583–587.
10. *Fair J.M., Gulanick M., Braun L.T.* Cardiovascular risk factors and lifestyle habits among preventive cardiovascular nurses // *Journal of Cardiovascular Nursing*. 2009. Vol. 24(4). P. 277–286. doi: 10.1097/JCN.0b013e3181a24375.
11. *Frank E., Wright E.H., Serdula M.K., Elon L.K., Baldwin G.* Personal and professional nutrition-related practices of US female physicians // *The American Journal of Clinical Nutrition*. 2002. Vol. 75(2). P. 326–332. doi: 10.1093/ajcn/75.2.326.
12. *Hash R.B., Munna R.K., Vogel R.L., Bason J.J.* Does physician weight affect perception of health advice? // *Prev Med*. 2003. Vol. 36(1). P. 41–44.
13. *Lalonde M.* A new perspective on the health of Canadians. A working document. Ottawa: Government of Canada, 1974. 77 p.
14. *McElligott D., Siemers S., Thomas L., Kohn N.* Health promotion in nurses: is there a healthy nurse in the house? // *Applied Nursing Research*. 2009. Vol. 22(3). P. 211–215. doi: 10.1016/j.apnr.2007.07.005.
15. *Polacsek M., Orr J., Letourneau L. et al.* Impact of a primary care intervention on physician practice and patient and family behavior: Keep ME Healthy – the Maine Youth Overweight Collaborative // *Pediatrics*. 2009. Vol. 123(5). P. 258–266. doi: 10.1542/peds.2008-2780C.
16. *Profis M., Simon-Tuval T.* The influence of healthcare workers' occupation on Health Promoting Lifestyle Profile // *Industrial Health*. 2016. Vol. 54(5). P. 439–447. doi: 10.2486/indhealth.2015-0187.
17. AIPM. Rekomendacii k razrabotke i vnedreniju korporativnyh programm po podderzhke zdorovogo obraza zhizni sotrudnikov predpriyatij: obobshhennyj analiz vtorichnyh dannyh, rezul'tatov lichnyh interv'ju s rukovoditeljami predpriyatij i fokus-grupp s rabotnikami. [Elektronnyj resurs]. Moskva, 2013–2014. URL: http://www.aipm.org/upfile/doc/AIPM_IFPMA_NCD_research_brochure_2014_RUS_ENG.pdf (data obrashhenija: 27.10.2018).
18. Indeks zdorov'ja budushhego. Otchet po Rossii. [Elektronnyj resurs] / FutureHealth Index. 2017. 12 p. URL: <http://incenter.medical.philips.com/doclib/enc/14842152/FHI-report-2017-Russia.pdf%3ffunc%3ddoc.Fetch%26nodeid%3d14842152> (data obrashhenija: 27.10.2018).
19. Metodicheskie rekomendacii po propagande zdorovogo obraza zhizni, protivodejstviyu rasprostraneniya narkomanii, alkogolizma i tabakokurenija v molodezhnoj srede, po organizacii volonterskih otrjadov profilakticheskoy napravlenosti: informacionno-metodicheskij sbornik [Elektronnyj resurs] / sost. I.V. Ermolaeva, O.V. Hurchak, Ju.P. Kiselev, A.G. Kolenchenko, A.I. Beloglazov. Volgograd, 2010. URL: www.volgmed.ru/uploads/files/2011-2/3600-metodichka_fdo.doc (data obrashhenija: 27.10.2018).
20. *Nazarova S.K., Hasanova M.I., Abdupattaeva K.O., Mirkarimova M.B.* Rol' medicinskih sestjor pervichnogo zvena pri vnedrenii zdorovogo obraza zhizni sredi naselenija. [Elektronnyj resurs] // *Molodoj uchenyj*. 2014. № 5. P. 151–153. URL: <https://moluch.ru/archive/64/10052/> (data obrashhenija: 28.09.2018).
21. Ottavskaja hartija po ukrepleniju zdorov'ja. [Elektronnyj resurs] / Vsemirnaja organizacija zdavoohraneniya. 1986. 5 p. URL: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0009/146808/Ottawa_Charter_R.pdf (data obrashhenija: 31.10.2018).
22. *Pilipenko A.A.* Rol' sestriinskogo personala v formirovanii zdorovogo obraza zhizni detej. [Elektronnyj resurs]: diplom. rabota. Altajskij gos. med. Universitet. Barnaul, 2018. URL: https://asmu.ru/upload/medialibrary/080/Pilipenko_Alena_Aleksandrovna.pdf (data obrashhenija: 23.10.2018).
23. *Sadullaeva H.A., Sharipova S.A.* Podgotovka vrachej obshhej praktiki k formirovaniju u naselenija osnov zdorovogo obraza zhizni. [Elektronnyj resurs] // *Molodoj uchenyj*. 2017. № 23.2. P. 5–7. URL: <https://moluch.ru/archive/157/44483/> (data obrashhenija: 28.09.2018).

24. *Berger K.* Teaching Patients About Healthy Lifestyle Behaviors: Communication is the First Step. [Electronic resource] // Harvard T.H. Chan School of Public Health. 2015. URL: <https://www.hsph.harvard.edu/ecpe/teaching-patients-about-healthy-lifestyle-behaviors-communication-is-the-first-step/> (accessed: 23.10.2018).
25. *Kumar S., Preetha G.S.* Health Promotion: An Effective Tool for Global Health. [Electronic resource] // Indian Journal Community Medicine, 2012. Vol. 37(1). P. 5–12. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3326808/> (accessed: 31.10.2018).
26. *McAndrews J.A., McMullen S., Wilson S.L.* Four Strategies for Promoting Healthy Lifestyles in Your Practice. [Electronic resource] // Family Practice Management. 2011. Vol. 18 (2). P. 16–20. URL: <https://www.aafp.org/fpm/2011/0300/p16.html> (accessed: 23.10.2018).

УДК 316-053.88: 004.ч38.5

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПРЕОДОЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Прохорова Л.В.

Новосибирский государственный технический университет

E-mail: pr271@yandex.ru

В последние годы выросла популярность Интернета среди пожилых людей. Пенсионеры получили новые возможности для удовлетворения социальных потребностей через социальные сети, таких как: улучшить разнообразные социальные отношения через использование компьютерно-опосредованной коммуникации, расширить возможности получения современных знаний, возможность своевременно получать актуальную информацию. Здесь важным является определение роли социальных сетей в преодолении социальной эксклюзии в современном обществе.

Ключевые слова: пожилые люди, социальная эксклюзия, социальные сети, онлайн-группы в социальной сети «ВКонтакте» для пожилых людей.

THE ROLE OF SOCIAL NETWORKS IN OVERCOMING SOCIAL EXCLUSION OF ELDERLY PEOPLE IN MODERN SOCIETY

Prokhorova L.V.

Novosibirsk State Technical University

E-mail: pr271@yandex.ru

In recent years, the popularity of the Internet has significantly grown among the elderly. Retired people have got new opportunities to meet their social needs through social networks such as: to improve various social relations via the use of computer-mediated communication, to expand the opportunities for obtaining up-to-date knowledge and relevant information. In the article is considered the importance of the role of social networks in overcoming social exclusion in modern society.

Keywords: the elderly, social exclusion, social networks, on-line groups in social network «Vkontakte» for the elderly.

В конце XX и начале XXI в. человек столкнулся с фундаментальными изменениями во многих сферах жизнедеятельности, поскольку на смену индустриального общества пришло постиндустриальное или информационное общество.

Информационное общество обладает рядом признаков: ориентация на знания, цифровая форма представления объектов, виртуализация производства, инновационная природа развития, интеграция и глобализация, широкое и разнообразное применение Интернета и т.д. Безусловно, с изменением общества претерпевают изменения и его социальная структура, механизмы интеграции и дифференциации, система ценностей.

Трансформация общества перестраивает статусно-ролевые позиции, что заметно влияет на личностное содержание современного человека, на формирование его социальной идентичности [10].

В.И. Игнатьев считает, что «в современном мире информация своим потоком привносит в действительность личности хаос и дезориентацию в значениях моментов бытия. Человек сегодня не только стремительно утрачивает связь с целым, но и обретает неподлинное бытие в условиях технологичной реальности...» [2, с. 133].

Известно, что пожилой человек является консервативным существом. В зрелом возрасте человек редко стремится изменить свой образ жизни, привычки, адаптационные стратегии, в результате чего он попадает в уникальную для него по степени сложности и непривычности ситуацию неопределенности. Человеку приходится самостоятельно вырабатывать требования к своему поведению, в чем и заключается одна из трудностей жизни в условиях выхода на пенсию.

Современное общество обеспечивает лишь минимальный уход, необходимый для выживания пожилых людей, но не учитывает их социальные потребности. В результате сегодня пожилые люди находятся полностью или частично в состоянии социальной эксклюзии. Социальная эксклюзия – процесс исключения пожилых людей как традиционно «стигматизированной» группы из направленной системы социальной деятельности по причине возраста.

Основными критериями социальной эксклюзии можно считать: разрушение социальных связей; уменьшение социального пространства, уменьшение социального капитала и возникновение проблемы доверия в отношениях с социумом, утрату активности [6, с. 139].

Для человека, некогда имеющего широкую систему социальных связей и ведущему активный образ жизни, снижение активности воспринимается достаточно болезненно. Для того чтобы восстановить социальную активность, человек с возрастом стремится к закреплению системы социальных связей в прежнем состоянии. Такая система позволяет за счет современных социальных инструментов, а не физиологических запасов организма, достигать поставленных целей, удовлетворять потребность увеличить социальный капитал. Здесь также необходимо отметить, что «социальный капитал позволяет различным группам внутри неоднородного общества объединяться друг с другом, чтобы защитить свои интересы» [9, с. 33]. Система социальных связей, по большому счету, есть следствие сложного устройства социальной системы, но ее динамика имеет и простое жизненное объяснение. С выходом на пенсию человек теряет часть связей, относящихся, прежде всего, к институциональному ресурсу. И даже наличие неинституционального ресурса (нормальной семьи и большого круга друзей) не может восполнить утраченное. Не удивительно, что с восстановлением социальных связей человек восстанавливает и социальную активность.

В настоящее время социальные институты, общество, сами пожилые люди находятся в поиске способов восстановления социальных связей, социального капитала, утраченных после выхода на пенсию.

Актуальность исследования социальных сетей в преодолении социальной эксклюзии пожилых людей обусловлена тем, что с возникновением и активным развитием социальных сетей, интернет-сообществ происходит трансформация не только коммуникативной, но и социальной, культурной реальности в целом. Происходит новая дифференциация социума по кри-

терию включенности или невключенности в сетевые интернет-сообщества [4]. Соответственно процесс роста социальной значимости социальных сетей требует социологического осмысления, так как появляются новые, ранее не известные науке и практике социально-структурные элементы, носящие виртуальный характер, но обладающие значительным потенциалом для преодоления социальной эксклюзии пожилых людей.

В настоящее время понятие «социальные сети» не имеет строго однозначного определения. «Исследования отечественной и зарубежной литературы позволили определить несколько траекторий экспликации понятия «социальные сети». Социальные сети осмысливаются как социальный механизм, механизм социального взаимодействия, адекватный современному социокультурному развитию» [5, с. 148].

Социальные сети, интернет-сообщества занимают все большее место в жизни современного общества, растет количество как самих сетей, так и зарегистрированных в них пользователей. В настоящее время, по статистике различных исследований, самыми популярными среди российских пользователей являются социальные сети: «ВКонтакте», «Одноклассники», «You Tube». Мессенджеры «Skype», «WhatsApp» не являются социальными сетями, но эти приложения пользуются большой популярностью для обмена текстовыми, видеосообщениями. Исследование, посвященное социальным сетям и влиянию интернета на жизнь человека, провел Всероссийский центр исследования общественного мнения (ВЦИОМ) в 2015 г. Инициативные всероссийские опросы ВЦИОМ проведены 21–22 марта и 6–7 июня 2015 г. Опрошено (за один опрос) 1600 человек в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Данное исследование показало, что двум пятым интернет-пользователям (44 %) сеть необходима, прежде всего, для общения с друзьями и знакомыми в чатах, на форумах и социальных сетях. Наиболее посещаемыми онлайн сервисами для общения являются «ВКонтакте» – 55 % (в 2012 – 51 %) и «Одноклассники» – 54 % (в 2012 – 61 %) [11]. Не являются исключением и пожилые люди. Пенсионеры стремятся изучить компьютерную грамотность преимущественно для коммуникации со своими родственниками, друзьями, а также для расширения круга общения. При опросе слушателей Народного факультета НГТУ (в опросе участвовали 98 человек), 47 респондентов ответили, что общаются с помощью социальных сетей с родственниками, друзьями и 50 респондентов хотели бы вступить в социальные сети [7, с. 192]. В.И. Игнатьев считает, что «Помимо общения, сети обеспечивают: большую мобильность, более гибкую и полную адаптацию к социальной среде, большую скорость обработки информации, привлечение и использование наилучших ресурсов, знаний и способностей с наименьшими временными затратами» [2, с. 240].

С выходом на пенсию человек приобретает другие социальные роли, ожидания. «Чаще всего предписанной ролью пожилых людей становится уход от дел по мере ослабления сил и возможностей, а основной функцией в последующей жизни оказывается только поддержание собственного здоровья и способность к самообслуживанию. Социальные практики выстроены таким образом, что предопределяют сужение системы социальных связей и снижение социальной активности. Мы фактически наблюдаем

социальное основание для социальной эксклюзии, поскольку предельной ситуацией при разрушении системы социальных связей становится именно исключение человека из общества» [6, с. 220].

Человек активизирует свой потенциал на протяжении всей своей жизни посредством различных социальных связей и отношений. Благодаря этим связям, через обмен информацией и знаниями, жизнь человека усложняется, определяет конкурентоспособность, что в конечном счете влияет на распределение социальных благ. «Различные ресурсы индивида образуют реальный потенциал для преодоления сложных жизненных ситуаций и событий. Знание об условном наличии таковых уже придает уверенность человеку, поддерживает его идентичность как важнейший механизм социальной адаптации».

Эмпирическим исследованием данной статьи являются онлайн-группы (добровольные объединения пользователей) в социальной интернет-сети «ВКонтакте», объединяющие пожилых людей.

«Платформа «ВКонтакте» представляет разные формы и способы интеракции пользователей и формирования социальных связей, которые реализуются следующими опциями:

1. Участие в онлайн-группе реализуется через официальное членство (вступление в группу) и/или разнообразные возможности коммуникации, включая публикацию постов, комментариев, сообщений в тематических ветвях обсуждений и отметок «мне нравится» (лайков). Эти виды активности являются вкладом контента и внимания в поддержание жизни сообщества и его развитие, которые поддаются точному измерению.

2. Установление отношения знакомства и взаимного признания между участниками реализуются с помощью опции добавления пользователей в список «друзей друг друга» [8, с. 110].

Преимущественно возникновение сетевых интернет-сообществ происходит следующим образом – создается страничка (сообщество), группа, позволяющая осуществлять коммуникацию, затем происходит наполнение контентом (контент – информационное содержание ресурса: текстовые или видеоматериалы, аудиозаписи, картинки и пр.), а потом на этом ресурсе регистрируются участники. Группа возникает для того, чтобы обслуживать интересы своих членов, делиться информацией.

При проведении тестовой загрузки случайной выборки групп с ключевым словом «пенсионер» на момент проведения тестовых загрузок на сервере «ВКонтакте» существовало порядка 2273 групповых страниц. Количество участников групп разнообразное. Так, например, в группе «Пенсионный фонд Российской Федерации» зарегистрировано 113 946 участников, а в группе «Молодые пенсионеры» – 12 участников. Группы для пенсионеров становятся площадками для всех видов деятельности – не только для персонального общения с родственниками и друзьями, но и для электронной коммерции, образования, творческой креативности, советов по здоровому образу жизни, площадкой для консультаций по различным вопросам. С помощью социальных сетей пожилые люди получают полезную, практическую информацию о всевозможных акциях, социальных проектах, о встречах с единомышленниками. М. Кастельс считает, что социальные сети – это живые пространства, в которых пересекаются все измерения

человеческого опыта. Это видоизменяет культуру, потому что общение в сети требует небольших эмоциональных затрат, сберегает усилия и энергию. Пользователи преодолевают границы времени и пространства, производя при этом контент, создавая веб-ссылки и соединяя в сети различные практики [3, с. 21]. Таким образом, пожилые люди живут своей жизнью и при этом все больше включаются в разнообразие социальных сетей.

90 % анализируемых публичных групп для пенсионеров «ВКонтакте» содержат коммуникативный, обучающий, новостной контент.

В современных условиях пожилые люди испытывают потребности в образовании, страх отстать от общего жизненного потока и оказаться смешным в своем незнании элементарных вещей (новые технологии очень быстро становятся элементарными в современном обществе и вплетаются в социальные практики) вызывает тревожность у пенсионеров [6, с. 153]. Группы с обучающим, новостным видами контента могут частично удовлетворить данную потребность у современных пенсионеров. Эти типы контента рассчитаны на тех участников, которые ищут информацию на интересующие вопросы, темы. Примером обучающих, новостных постов данных групп выступают короткие видео, ссылки на тексты, законодательные акты, учебные пособия, книги, комментарии специалистов в той или иной области. Так, например, публичная группа «Пенсионный фонд Российской Федерации» (ПФР) размещает новостные и графические материалы деятельности ПФР. Участники группы могут задавать вопросы, участвовать в обсуждениях, получать квалифицированную консультацию сотрудников ПФР.

Пенсионеры охотно изучают иностранные языки. В социальной сети «ВКонтакте» имеются открытые группы с наглядными, информационными, видеоматериалами для желающих дистанционно изучать иностранные языки с различным уровнем подготовки. Пенсионеры активно знакомятся и вступают в группы в качестве участников, получают на свою новостную ленту обучающие материалы. Большой популярностью пользуются группы по интересам, такие как «Вязание», «Уроки живописи», «Шитье, выкройки» и т.д. Пожилые люди вступают в группы в социальной сети «ВКонтакте», где могут развить свое хобби, освоить новые виды творчества. Формирование у пожилого человека новых интеллектуальных способностей – свидетельство возникновения у него не только познавательных мотивов, но главное – нового типа отношения к миру, новой системе ценностей, нового отношения к себе [1, с. 86].

В пожилом возрасте обычно достигает максимального развития диалогическая компетентность личности: умение устанавливать и поддерживать диалогические отношения с другим человеком. Диалогические отношения являются способом разрешения многих проблем социальной эксклюзии и занимают важное место в активности человека, сравнимое с его физическим состоянием и здоровьем [6, с. 161]. С выходом на пенсию, сменой жительства социальные связи переходят на другой уровень. Пожилые люди страдают от недостатка общения.

Большая часть сообществ в социальной сети «ВКонтакте» содержит коммуникативный контент. Такие группы вовлекают пользователей в общение на разнообразные темы, что важно для людей пожилого возраста.

Ю.Н. Макаров в своей работе «Особенности воздействия интернет-коммуникаторов на социальные процессы в современном российском обществе (на примере блогов и социальных сетей)» приводит данные проведенного социологического исследования. Так, социальная сеть «ВКонтакте» играет важную роль в процессе общения большинства респондентов с окружающими (55,4 %). Наиболее популярным мотивом посещения социальной сети «ВКонтакте» является поиск друзей (38,9 %). На втором месте – поиск пары (25,1 %). Также достаточно популярными мотивами выступают поддержание контактов с друзьями, знакомыми «на расстоянии» (16,7 %) [4, с. 24].

Пожилые люди, вступая в социальные группы, преследуют те же мотивы. С помощью групп с коммуникативным контентом пенсионеры «возвращаются» в прошлое, вспоминая моменты молодости, музыку тех лет, кинофильмы, социальные события прошлого. Хорошим примером групп, использующих данный контент, являются «Пенсионеры ВКонтакте», «Пенсионеры-онлайн», «Народный факультет НГТУ» и т.д., где размещаются рецепты, истории из жизни участников групп, музыкальные подборки, кинофильмы, объявления, тематические новости.

«Существует в высшей степени позитивная взаимосвязь между Интернетом и паттернами социализации: чем общительнее люди, тем больше они пользуются Интернетом, тем общительнее они как в сети, так и вне ее, тем выше их уровень гражданского участия, тем интенсивнее их семейные и дружеские связи во всех культурах» [3, с. 18].

Большинство пожилых людей создают публичный профиль «ВКонтакте», выбирая при этом не анонимность, а самопрезентацию. Открытость личной информации помогает устанавливать связи с другими реальными людьми. Пожилые люди наполняют свои профили контентом из своей жизни: фотографии из своих путешествий, достижения в творческой деятельности. Для пенсионеров, которые увлекаются поэзией, социальные сети становятся своеобразной площадкой. С помощью своих личных страниц пенсионеры находят поклонников и ценителей своего литературного творчества, что влияет на самооценку пожилого человека. Посредством включения в сеть других людей пенсионеры формируют свои сообщества. В дальнейшем виртуальные друзья становятся друзьями в реальной жизни. М. Кастельс считает, что существует тесная связь между виртуальными сетями и сетями в реальной жизни. Это гибридный мир, реальный мир; не виртуальный или изолированный мир. Таким образом, люди живут своей физической жизнью и при этом все больше включаются в бесконечное разнообразие социальных сетей [3, с. 21].

Другими словами, пожилые люди через освоение социальных сетей имеют возможность «возвращения» в мейнстрим, в основное течение современной жизни. С помощью разнообразных социальных сетей пожилые люди преодолевают границы социальной эксклюзии, общение посредством социальных сетей порождает чувство сплоченности, общности; это очень важно, поскольку именно благодаря этим чувствам пенсионеры преодолевают страх отчужденности, страх одиночества, информационную изоляцию.

Литература

1. *Анциферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 740 с.
2. *Игнатьев В.И., Владимирова Т.В., Степанова А.Н.* Социальная система как информационное взаимодействие: коллективная монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. 308 с.
3. *Кастельс М.* Власть коммуникации / пер. с англ. Н.М. Тыличева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 591 с.
4. *Макаров Ю.Н.* Особенности воздействия интернет-коммуникаторов на социальные процессы в современном российском обществе (на примере блогов и социальных сетей): автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Краснодар, 2016. 27 с.
5. *Общество сетевых структур: монография* / под общ. ред. М.В. Ромма, И.А. Вальдмана. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. 327 с.
6. *Прохорова Л.В., Осмук Л.А., Пономарев В.Б.* Самореализация пожилых людей как преодоление социальной эксклюзии: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012. 232 с.
7. *Прохорова Л.В.* Компьютерная грамотность в пожилом возрасте: опыт народного факультета НГТУ // Проблемы современного педагогического образования: сб. научных трудов. Сер. Педагогика и психология. Ялта: РИО ГПА, 2017. Вып. 55. Ч. 3. С. 185–204.
8. *Рыков Ю.Г.* Структура социальных связей в виртуальных сообществах: сравнительный анализ онлайн-групп социальной сети «ВКонтакте»: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. М., 2016. 196 с.
9. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв / пер. с англ.; под общ. ред. А.В. Александровой. М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. 474 с.
10. *Иноземцева Е.А.* Проблемы социальной трансформации человека в современном обществе // Вестник ВГТУ. 2012. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sotsialnoy-transformatsii-cheloveka-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 04.07.2018).
11. Соцсети – окно в мир или виртуальная ловушка? Пресс-выпуск № 2860 ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115294> (дата обращения: 04.07.2018).

Bibliography

1. *Ancyferova L.I.* Razvitie lichnosti i problemy gerontopsihologii. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2004. 740 p.
2. *Ignat'ev V.I., Vladimirova T.V., Stepanova A.N.* Social'naja sistema kak informacionnoe vzaimodejstvie: kollektivnaja monografija. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2009. 308 p.
3. *Kastel's M.* Vlast' kommunikacii / per. s angl. N.M. Tylicheva. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2017. 591 p.
4. *Makarov Ju.N.* Osobennosti vozdejstvija internet-kommunikatorov na social'nye processy v sovremennom rossijskom obshhestve (na primere blogov i social'nyh setej): avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk: 22.00.04. Krasnodar, 2016. 27 p.
5. *Obshhestvo setevykh struktur: monografija* / pod obshh. red. M.V. Romma, I.A. Val'dmana. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2011. 327 p.
6. *Prohorova L.V., Os'muk L.A., Ponomarev V.B.* Samorealizacija pozhihlyh ljudej kak preodolenie social'noj jekskljuzii: monografija. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2012. 232 p.
7. *Prohorova L.V.* Komp'juternaja gramotnost' v pozhilom vozraste: opyt narodnogo fakul'teta NGTU // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija: sb. nauchnykh trudov. Ser. Pedagogika i psihologija. Jalta: RIO GPA, 2017. Vyp. 55. Ch. 3. P. 185–204.

8. *Rykov Ju.G.* Struktura social'nyh svyazej v virtual'nyh soobshhestvah: sravnitel'nyj analiz onlajn-grupp social'noj seti «VKontakte»: dis. ... kand. sociol. nauk: 22.00.04. M., 2016. 196 p.
9. *Fukujama F.* Velikij razryv / per. s angl.; pod obshh. red. A.V.Aleksandrovoj. M.: OOO «Izdatel'stvo AST»; ZAO NPP «Ermak», 2004. 474 p.
10. *Inozemceva E.A.* Problemy social'noj transformacii cheloveka v sovremennom obshhestve // Vestnik VGTU. 2012. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sotsialnoy-transformatsii-cheloveka-v-sovremennom-obschestve> (data obrashhenija: 04.07.2018).
11. Socseti – okno v mir ili virtual'naja lovushka? Press-vypusk № 2860 VCIOM. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115294> (data obrashhenija: 04.07.2018).

УДК 316

ОПЫТ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЧЕЛОВЕКА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Нагайцев В.В., Пустовалова Е.В.

Алтайский государственный университет

E-mail: nvvv@yandex.ru, alenawalera@yandex.ru

В статье рассматриваются различные подходы к осмыслению феномена социального пространства человека. Анализируются междисциплинарные возможности изучения отдельных свойств социального пространства. Авторами предпринята попытка выявить сущностные характеристики социального пространства, которые могут представлять интерес для междисциплинарных исследований. Их анализ позволил охарактеризовать специфику организации социального пространства, определить проблемы его изучения с применением эмпирических процедур, обозначить перспективы дальнейших междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: социальное пространство, методология, общество, личность, свойства пространства.

THE EXPERIENCE OF RESEARCH METHODOLOGY OF HUMAN SOCIAL SPACE: INTERDISCIPLINARY APPROACH

Nagaytsev V.V., Pustovalova E.V.

Altai State University

E-mail: nvvv@yandex.ru, alenawalera@yandex.ru

The article considers various approaches to apprehension of the human social space phenomenon. The interdisciplinary possibilities of research of certain properties of the social space are analyzed. The authors attempted to reveal essential characteristics of the social space which might be of interest for interdisciplinary studies. The analysis of these characteristics made it possible to describe the particularity of organization of the social space, define the problems of research with empiric procedures and set out the outlook for further interdisciplinary studies.

Keywords: social space, methodology, society, personality, properties of space.

Социальное пространство человека становится предметом пристального внимания современных исследователей. Это связано с усилением сетевого взаимодействия социальных субъектов в обществе, развитием глобализационных процессов в мире и, как следствие, изменением пространственных, временных и других динамических характеристик действий человека. Изменяются границы социальных групп и локальных социумов, структура общественных отношений, их глубина, устойчивость социальных связей и т.п. Процессы подобного рода актуализируют поиски новых теоретических подходов к анализу социального пространства человека.

В последнее время отчетливо можно заметить попытки ученых не только дать современное толкование понятия «социальное пространство человека», выявить его сущностные черты, но и активно разрабатывать достаточно новое направление социологии – социологию пространства [15].

К исследованию данного феномена обращаются представители разных областей социально-гуманитарного знания. Л.А. Беляева в своей работе «Социальное пространство: от теоретических построений к эмпирическому изучению» отмечает, что в современном социогуманитарном знании наблюдается «поворот», связанный с усилением внимания ученых к данному феномену [3].

В социально-философском дискурсе, социальное пространство человека понимают как «нечто, что возникает исключительно на волне какого-то усилия со стороны человека по отношению к другому» [6, с. 31]; «как непрерывный процесс диалогического взаимодействия» [7, с. 8]. При этом социальное пространство рассматривают, как правило, в единстве с временными характеристиками человека и многомерно, следуя принципам пространственно-временного континуума теории относительности А. Эйнштейна. Так, Н.Ф. Марусидзе и С.А. Сиротинский отмечают тесную связь пространства и времени человека в социуме, обращая внимание на то, что социальное время является той необходимой мерой, которая позволяет определять изменчивость общественных процессов. Социальное пространство, с их точки зрения, достаточно символично. Оно отражает жизненные стили поведения людей, которые объективированы их социальным статусом и субъективно воспринимаются в личностных и общественных оценках [11].

В политологии феномен социального пространства трактуется в контексте категории общественной полезности, классовой соразмерности и т.д. и определяется как «пространство обеспечения основ жизнедеятельности индивидов и социальных общностей, пространство формирования, развития, укрепления и сохранения их человеческого потенциала» [9, с. 102]. В качестве важнейшего свойства социального пространства политологи отмечают его способность к трансформации в зависимости от социально-политических условий.

Не отвергая естественную эволюцию социального пространства-времени, большое внимание авторами уделяется анализу причин и поиску объективных и субъективных факторов, влияющих на его состояние. Как правило, в качестве одних из самых значительных сегодня факторов, определяющих развитие социального пространства, называют глобализационные и миграционные процессы в мире [8]. Особое внимание политологи обращают на проблему трансформации социального пространства человека в российском обществе, анализируют факторы, определяющие направление развития этих процессов. В современной России именно социально-политические преобразования становятся причиной деформации социального пространства человека и определяющим образом влияют на механизмы функционирования социальных систем и институтов. При этом существует также и обратная зависимость: интенсивность политических процессов во многом определяется структурой их пространственных особенностей: отношениями центра и периферии, характером горизонтальных и вертикальных связей субъектов, концентрацией социальных, политических, экономических, идеологических сил и факторов, действующих в сфере мирового (глобального), международного, национального, регионального и локального пространства [13, с. 84].

В социальной психологии анализ социального пространства человека проводится, как правило, в контексте исследования условий и специфики развития отдельной личности. Основное внимание авторов сосредоточено на содержании процесса социализации личности, в том числе с учетом конкретного социального пространства, в котором она происходит. Они отмечают необходимость изучения процесса самоформирования человека в контексте окружающего его социального пространства, а также его влияния на становление личности. Анализируются возможности освоения социальных образцов, существующих в пространстве общества; изучается их роль в развитии социального пространства человека [10, 12, 16].

Социологическое знание также предлагает большое количество вариантов осмысления сущности, специфических черт и характеристик социального пространства. В классической социологии его рассматривают как многомерный социальный феномен. Связывают его, как правило, с большой вариативностью социальных признаков, служащих основанием пространства человека, таких как его профессия, национальность, вероисповедание и т.д. [14]; в контексте многообразия социальных полей, связанных с занимаемой позицией в системе экономических координат [5, с. 190] и т.п.

В отечественной социологии в последние время появился целый ряд работ, направленных на поиск универсального социологического определения социального пространства человека как особого феномена. Так, А.Ю. Барковская в своей работе «Социологическая интерпретация категории “социальное пространство”», в результате тщательного анализа существующих подходов к истолкованию данного понятия, предлагает следующее его определение. «Социальное пространство – это форма развития общества, многомерное пространство социальных процессов, социальных отношений, социальных практик, социальных позиций, функционально взаимосвязанных между собой, взаимосоотнесенных с физическим пространством, и социальная характеристика самого пространства как места» [1, с. 54]. Кроме того, в современном социологическом дискурсе, по мнению В.Н. Бузина, исследователей интересует не только социальное пространство как таковое, но и проблемы, связанные с его организацией и функционированием, что требует поиска новых эмпирических решений [4].

А.М. Бекарев и К.Э. Бурнашев отмечают важность понимания «человеко-размерности» мира и, как следствие, необходимость осмысления и эмпирического поиска функциональных особенностей феномена социального пространства в этом контексте. Они ставят «во главу угла» то обстоятельство, что для человека социальное пространство – это его единственное пространство и обобщение до цивилизационного уровня не входит в его задачи. Авторы предпринимают попытку поиска возможностей универсализации понятия и выявления новых ресурсов, способных управлять организацией социального пространства. Отмечают необходимость разработки новых измерительных процедур и сложность такой задачи для современного социума.

Представителями разных областей знания сегодня изучен достаточно широкий круг проблем, связанных с формированием и развитием социального пространства человека. Вместе с тем существует необходимость осмысления данного феномена в междисциплинарном ключе для получения более целостного представления о его сущностных характеристиках и роли в эволюции общественных отношений.

Для более глубокого понимания сущности социального пространства человека необходимо, на наш взгляд, обратиться к основным онтологическим свойствам пространства, разработанным еще в социальной философии (протяженность, трехмерность, однородность, изотропность, структурность и сосуществование элементов). Они могут послужить ключевыми аспектами его дальнейшего, междисциплинарного изучения. Протяженность социального пространства человека отсылает нас к географии его общественных взаимодействий и наличию их границ. Еще совсем недавно определить эти границы было довольно просто. Достаточно было представить топографически круг знакомств человека и очертания его социального пространства будут обозначены. Сегодня этих данных недостаточно. Мир погрузился в виртуальную реальность и возможности сети Интернет существенно расширили границы личностных взаимодействий. Вместе с тем анонимность интернет-контактов, невозможность установить истинную географическую и другую принадлежность контактирующих субъектов не позволяет достоверно обрисовать границы социальных сетей человека. Кроме того, сама система социальных сетей предполагает бесконечное расширение контактов, что еще больше осложняет задачу установления границ социального пространства человека.

П. Бурдьё, анализируя в своих работах феномен социального пространства, отмечал его сложную природу и структуру. С его точки зрения, рожденному в сознании как ментальная структура, социальному пространству требуется реализация в пространстве физическом. Человек стремится актуализировать свои социально-экономические отношения через конкретные физические действия, связанные, прежде всего, с распределением благ и услуг в рамках накопленного социального капитала [5]. По сути, это способ придания социальному пространству трехмерности, которая позволила бы его эмпирически измерить. Трехмерность в любом контексте предполагает наличие трех векторов измерения, как правило, связанных с определением физических свойств объекта, таких, как длина, ширина и высота. Применительно к феномену социального пространства, видимо, необходимо несколько уточнить эти характеристики, исходя из нематериальности объекта рассмотрения и учитывая его социальную природу. Так, длина должна быть соотнесена с границами закрепленных в социальном капитале связей и отношений, отражать географические характеристики, связанные с местоположением социальных субъектов. Ширина может представлять собой целый спектр возможных коммуникативных каналов, которые использует человек для осуществления социального взаимодействия с другими людьми, посредством которых происходит накопление его социального капитала и реализация благ и услуг. Высота, очевидно, связана с качеством этих взаимодействий и определением их устойчивости и непрерывности. Она призвана обеспечивать в социальном пространстве человека необходимый уровень поддержания социальных связей, выстроенный в определенной иерархии.

Однородность можно рассматривать как равенство всех точек пространства, анализируя социальные взаимодействия человека с точки зрения их равнозначности или иерархичности. Преобладание одной из характеристик позволит судить о том, насколько однородным является социальное

пространство человека. Изотропность как равноправие направлений социальных действий человека в пределах его социального пространства является важнейшим свойством данного пространства. Интернет оставил в прошлом возможность ссылаться на место пребывания человека как характеристику его социальных отношений и коммуникативных связей. Поэтому изотропность можно считать имманентной характеристикой социального пространства современного человека. Структурность как характеристика социального пространства предполагает наличие взаимосвязи элементов, которые обеспечивают человеку его существование в социуме и помогают быть его активной частью, а также придают его пространству индивидуальные черты.

Сосуществование этих элементов, их качественное взаимодействие, позволяют пространству быть заполненным, завершенным и органичным человеку и его потребностям, что обеспечивает возможность его присутствия на всех уровнях общественных отношений. Онтологические свойства социального пространства человека находят свое отражение и в его специфических свойствах. Специфические свойства данного вида пространства определяет, прежде всего, его социальная природа. Стратификация общества порождает многослойность социального пространства общества и наличие иерархии входящих в него связей и отношений. Человек в процессе социализации занимает определенное место в общественной системе, что оказывает влияние на его социальное пространство. При этом он не может обойтись без определения значимости и расстановки приоритетов своих многочисленных социальных связей. Следуя логике П. Бурдьё, ранжирование связано, как правило, с возможностью получения благ и услуг [5]. Очевидно, что в большинстве случаев родственные связи получают в иерархии безусловный приоритет.

Кроме того, социальное пространство человека можно рассматривать как многоуровневый социальный феномен. Следует отметить наличие в нем макроуровня, основанного на протяженности общественных взаимодействий больших социальных групп. Существует некий мезоуровень, базирующийся на связи между различными субкультурами и различными социальными группами, локализованными по определенному признаку. И, конечно, есть микроуровень социального пространства личности, основанием которого является весь комплекс его общественных взаимодействий как в реальном, так и в виртуальном мире. При этом он, очевидно, как часть целого представлен и на других уровнях, где индивидуальное микропространство органично включено в более объемное, притягивающее свою самобытность и специфические черты.

Еще одним свойством, характерным для социального пространства является отсутствие у него четких границ. Любое физическое пространство всегда располагается в определенных границах. Социальное же пространство как феномен субъективный в статике существовать не может. Человек регулярно подвергает переоценке свои связи и отношения в социуме, что «размывает» границы пространства. Это явление естественно для общественных взаимодействий, без них невозможно само существование социального пространства. Определить его границы, таким образом, не представляется возможным, что делает проблематичным применение эмпирических процедур к изучаемому объекту.

Таким образом, можно отметить, что методология феномена социального пространства представлена широким диапазоном исследований в разных областях социогуманитарного знания. На основании их результатов можно получить довольно целостное представление о его природе и содержании. Есть и определенный потенциал для дальнейшего исследования социального пространства человека, который обусловлен эволюцией социальных отношений. Просматривается необходимость его солидарного изучения представителями разных научных дисциплин для формирования более четкого представления о свойствах и границах социального пространства человека и, что особенно важно, обеспечения возможности проведения эмпирических исследовательских процедур. Их результаты позволили бы более точно выявить не только проблемы формирования пространства человека, но и механизмы его оптимизации при взаимодействии с другими людьми и обществом в целом.

Литература

1. Барковская А.Ю. Социологическая интерпретация категории «Социальное пространство» // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Сер. 7. Философия. 2013. № 1 (19). С. 49–55.
2. Бекарев А.М., Бурнашев К.Э. Многомерность социального пространства: организационно-управленческий контекст // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 4. С. 312–316.
3. Беляева Л.А. Социальное пространство: от теоретических построений к эмпирическому изучению // Философские науки. 2012. № 6. С. 22–35.
4. Бузин В.Н. Социальное пространство в социологическом дискурсе // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 4. С. 23–34.
5. Бурдые П. Социология политики / пер. с фр. Н.А. Шматко; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
6. Бурнашев К.Э. Социальное пространство как социально-философская проблема // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 29–32.
7. Виноградова Н.Л. Социальное пространство как пространство взаимодействия субъектов // Известия Волгоградского государственного технического университета. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. 2005. № 6. С. 7–9.
8. Волочаева О.Ф. Глобализация как источник новой политической составляющей социальных пространств // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 104–107.
9. Иванов О.И. Вызовы социальному пространству современной России в условиях нестабильной международной политической ситуации // Развитие экономики в нестабильной международной политической ситуации / под ред. Л.П. Совершаевой. СПб: ГУАП, 2016. С. 102–105.
10. Кашин В.В., Мирошникова О.В. Онтологические основания социализации личности // Вестник ОГУ. 2013. № 1 (150). С. 32–36.
11. Марусидзе Н.Ф., Сиротинский С.А. Социальное пространство как организованная по законам дифференциации символическая система // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 2 (118). С. 148–151.
12. Мороденко Е.В. Социально-психологическая адаптация и дезадаптация в процессе социализации личности // Вестник ТГПУ. 2009. № 8. С. 108–111.

13. Писачкин В.А. Политические преобразования как фактор трансформации социального пространства современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2015. Вып. 2. С. 81–85.
14. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
15. Филиппов А.Ф. Теоретические основания социологии пространства: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.01. М.: Изд-во МГИМО, 2003. 40 с.
16. Чечулина С.Н. Социальное пространство развития личностного потенциала // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 3 (03). С. 163–167.

Bibliography

1. *Barkovskaja A.Ju.* Sociologicheskaja interpretacija kategorii «Social'noe prostranstvo» // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo un-ta. Ser. 7. Filosofija. 2013. № 1 (19). P. 49–55.
2. *Bekarev A.M., Burnashev K.Je.* Mnogomernost' social'nogo prostranstva: organizacionno-upravljencheskij kontekst // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2009. № 4. P. 312–316.
3. *Beljaeva L.A.* Social'noe prostranstvo: ot teoreticheskikh postroenij k jempiricheskomu izucheniju // Filosofskie nauki. 2012. № 6. P. 22–35.
4. *Buzin V.N.* Social'noe prostranstvo v sociologicheskom diskurse // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. 2010. № 4. P. 23–34.
5. *Burd'e P.* Sociologija politiki / per. s fr. N.A. Shmatko; sost., obshh. red. i predisl. N.A. Shmatko. M.: Socio-Logos, 1993.
6. *Burnashev K.Je.* Social'noe prostranstvo kak social'no-filosofskaja problema // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2012. № 7 (21): v 3-h ch. Ch. III. P. 29–32.
7. *Vinogradova N.L.* Social'noe prostranstvo kak prostranstvo vzaimodejstvia sub#ektov // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Ser. Problemy social'no-gumanitarnogo znaniya. 2005. № 6. P. 7–9.
8. *Volochaeva O.F.* Globalizacija kak istochnik novoj politicheskoy sostavljajushhej social'nyh prostranstv // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2014. № 19. P. 104–107.
9. *Ivanov O.I.* Vyzovy social'nomu prostranstvu sovremennoj Rossii v uslovijah nestabil'noj mezhdunarodnoj politicheskoy situacii // Razvitie jekonomiki v nestabil'noj mezhdunarodnoj politicheskoy situacii / pod red. L.P. Sovershaevoj. SPB: GUAP, 2016. P. 102–105.
10. *Kashin V.V., Miroshnikova O.V.* Ontologicheskie osnovanija socializacii lichnosti // Vestnik OGU. 2013. № 1 (150). P. 32–36.
11. *Marusidze N.F., Sirotinskij S.A.* Social'noe prostranstvo kak organizovannaja po zakonam differenciacii simvolicheskaja sistema // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija. 2013. № 2 (118). P. 148–151.
12. *Morodenko E.V.* Social'no-psihologicheskaja adaptacija i dezadaptacija v processe socializacii lichnosti // Vestnik TGPU. 2009. № 8. P. 108–111.
13. *Pisachkin V.A.* Politicheskie preobrazovanija kak faktor transformacii social'nogo prostranstva sovremennoj Rossii // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Ser.: Sociologija. Politologija. 2015. Vyp. 2. P. 81–85.
14. *Sorokin P.* Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo / obshh. red., sost. i predisl. A. Ju. Sogomonov; per. s angl. M.: Politizdat, 1992. 543 p.
15. *Filippov A.F.* Teoreticheskie osnovanija sociologii prostranstva: avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk : 22.00.01. M.: Izd-vo MGIMO, 2003. 40 p.
16. *Chechulina S.N.* Social'noe prostranstvo razvitija lichnostnogo potenciala // Sovremennye issledovanija social'nyh problem, 2010. № 3 (03). P. 163–167.

УДК 316.4

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ США И РОССИИ

Щелоков Д.В.

Государственный университет управления
E-mail: dshelokov@mail.ru

Современные процессы взаимодействия характеризуются значительной степенью напряженности и разносторонности. Наиболее ярко это проявляется во взаимодействии в культурной и идеологической областях международных отношений. В контексте соответствующих процессов значительный интерес представляют процессы контактирования между Россией и Соединенными Штатами Америки. Несмотря на диаметрально противоположные устремления, указанные социальные системы при их детальном анализе обнаруживают множество общих черт. Последовательное раскрытие взаимосвязи между обозначенными элементами формулирует объективный вывод относительно близости анализируемых социальных систем.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, Россия, Соединенные Штаты Америки, культура социума, государственная идеология.

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF PUBLIC INSTITUTIONS IN THE USA AND RUSSIA

Schelokov D.V.

State University of Management
E-mail: dshelokov@mail.ru

Modern processes of interaction are characterized by a significant degree of tension and versatility. This is most evident in the interaction in the cultural and ideological of international relations. In the context of the relevant processes, the processes of contact between Russia and the United States of America are of considerable interest. Despite the diametrically opposed aspirations, these social systems in their detailed analysis reveal many common features. Consistent disclosure of the relationship between these elements forms an objective conclusion about the proximity of the analyzed social systems.

Keywords: social interaction, Russia, United States of America, culture of society, state ideology.

Представляя собой часть природы, человек выделяется из естественного окружения посредством осуществления целенаправленной деятельности. Ее результатом является достижение значимой цели наиболее оптимальными способами в контексте объективных условий. Таковыми представляются не только конкретные производственные технологии, но и правила и нормы общественного взаимодействия, соблюдение которых позволяет сделать деятельность индивидов наиболее предсказуемой. Подобное дает возможность значительно экономить различные ресурсы. Объединяя в себе значимые ценности, процедуры и нормы конкретного общества, социальный институт базируется на специфических культурных элементах. Последние есть наиболее ценные для членов данного общества символические и утилитарные аспекты социальной реальности. Несмотря

на то, что они различны в различных обществах, тем не менее между ними существуют схожие черты. Таковыми являются индивидуальная природа возникновения и существования социальных институтов, формирование на их основе порядка в какой-либо сфере взаимодействия, выделение ценностей из множества объектов окружающей реальности, создание предпосылок для организации повседневных практик и входящих в них кодексов. Существенным условием также является наличие баланса между формальными и неформальными практиками взаимодействия, которые реализуются в рамках процессов социального контактирования.

Наиболее ярким мыслителем, исследовавшим проблематику взаимодействия Америки и России, является наш соотечественник П.А. Сорокин. В своей работе «Россия и Соединенные Штаты» (1944 г.) он проводил сравнительный анализ соответствующих социумов с различных позиций. Его результатом является обнаружение множества сходных черт, таких, например, как множество базовых психологических, культурных, а следовательно, и социальных ценностей. Подобное основывается на общности географо-климатических условий, которые будучи достаточно схожими оказывают существенное влияние на социальную организацию, склад ума и культуру данных обществ. Также важнейшей общей чертой представляется тот неоспоримый факт, что рассматриваемые страны являются своеобразными «плавивыми котлами», в которых под влиянием объективных исторических условий перемешиваются «различные расовые, этнические, национальные и культурные группы и народы» [3, с. 38]. Проявляясь как единство в многообразии, в США и России у наций сформировался широкий кругозор, что позволило им впоследствии более тонко реагировать на различные внешние или внутренние трансформации социального порядка. Следует отметить, что подобной возможности лишены те страны, в которых существует и/или главенствует одна нация.

Совокупность указанных факторов детерминирует сходство между некоторыми социальными институтами и ценностями сравниваемых социумов. К таковым относятся повседневная практичность, рациональность экономического мышления, гибкость управленческих моделей. Это нашло свое выражение в почти одновременном отмене рабства в США и крепостного права в России (1865 г. и 1861 г. соответственно), последовавшими за этим множественными преобразованиями в каждом из социумов в области государственного управления. Последовавшие трансформационные процессы в России были прерваны революционными событиями 1917 г., в то время как Америка продолжала реализовывать начатые изменения. Также негативное влияние на развитие отечественных социальных институтов оказали события 1941–1945 гг., тогда как США не только не понесли схожего по масштабу социально-экономического ущерба, но и оказались в более выигрышном положении с экономических позиций в послевоенные годы.

Схожие идеи наличествуют и в научном творчестве А. Тойнби. Этот британский историк и социолог, живший в то же время, что и П.А. Сорокин, разработал теорию локальных цивилизаций [2]. Согласно ее постулатам на основе двух критериев, религия и характеристики территории проживания, правомерно выделить 21 цивилизацию. Среди них существуют западная и

православная христианская в России. Каждая из 21 цивилизации проходит одинаковые жизненные стадии, которые представляют собой ответы (реакции) на внешние глобальные вызовы, характерные для того или иного исторического отрезка времени. Достаточно ярким примером, иллюстрирующим данные процессы, по мнению А. Тойнби, является история России. Основным вызовом в ходе ее развития представляется постоянное внешнее давление: сначала со стороны кочевников, затем со стороны Тевтонского ордена и Католической церкви и т.д. Под воздействием этих и сопутствующих факторов происходили трансформации в социальной организации, которые позволяли наиболее эффективным способом отвечать на внешние вызовы. Следует отметить, что схожие процессы происходили и на Американском континенте. Вызовом здесь явилось обнаружение запасов золота и последовавшая Золотая лихорадка. В ходе ее развития произошло массовое вторжение на континент представителей иных культур. Коренные жители не смогли дать достойный ответ по причине наличия существенных различий, в ценностных ориентациях, что привело в последующем к почти полному их уничтожению. Сформировавшаяся на подобной основе новая цивилизация имела своей целью достижение результативности в различных жизненных сферах и в первую очередь в тех, которые касаются материального обеспечения. Противопоставлением этому является христианская цивилизация, в центре которой после падения Византии находится Россия, которая выдвигает необходимость превалирования духовного обогащения над материальным. Это детерминируется изначальным наличием сплоченности славянских, в отличие от индейских, племен, что предполагало существование социальной организации как Ответа на Вызов.

Наличествующая в настоящее время международная обстановка детерминируется актуальными интересами основных акторов соответствующих процессов. Таковыми, на наш взгляд, являются Соединенные Штаты Америки (далее – США), Китай, Россия, в некоторой степени – Великобритания. Однако, следует заметить, что наиболее активными участниками взаимодействия на межкультурном уровне представляются США и Россия. Несмотря на наличие различных целей развития указанных социальных систем, тем не менее используемые при этом тактики и способы регулирования практик общественного взаимодействия обнаруживают множество схожих черт. Подобное способствует схожести управленческих моделей, реализуемых в указанных социумах. В то же время лежащие в основе соответствующих форм организации повседневной жизни нормы, ценности и правила общественного поведения представляют собой специфические элементы общественного бытия. Они выкристаллизовывают те особенности процессов развития различных элементов конкретного социума, которые являются наиболее функциональными в контексте внешнего, нередко агрессивного окружения.

Подобная постановка проблемы представляется, на наш взгляд, наиболее актуальной в контексте процессов в отечественном социуме. Последовательное ретроспективное изучение формирования общественных институтов в России позволяет объективно выделить две составляющие – внешнюю и внутреннюю. Первая представляет собой совокупное множе-

ство факторов, которые являются независимыми по отношению к целям и задачам развития российского общества. К таковым относятся потребности, моральные и формальные нормы повседневной жизни тех социумов, которые имели наиболее частые и качественные соприкосновения с отечественным обществом, в особенности на начальном этапе его становления. Формализовавшиеся под влиянием реальных враждебных обстоятельств базовые установки, нормы и ценности были ориентированы в первую очередь на организацию таких поведенческих и управленческих моделей, которые бы позволяли любому члену общества действовать максимально результативно в наличествующих обстоятельствах. Важным аспектом здесь представляется упор именно на достижение конечного результата, поскольку в географо-климатических условиях России достаточно сложно реализовывать программы долгосрочного планирования. Причем это относится как к первоначальному, так и к современному этапу жизнедеятельности отечественного социума.

Несколько иные обстоятельства повлияли на формирование социальных институтов в Соединенных Штатах Америки. Таковыми представляются перемещения больших групп людей на Американский континент во времена Золотой лихорадки (1799–1840 гг.). И если на первоначальном этапе (1799–1828 гг.) она проходила относительно спокойно, поскольку запасы золота еще не были разведаны, то последующий этап (1828–1840 гг.) отличался массовым прибытием в Америку авантюристов различных масштабов и с различными возможностями. Хищническое отношение к окружающей среде, ориентация на результат и отсутствие во многих конкретных случаях моральных принципов повлияло на формирование общесоциальной модели поведения. Кроме того, существенным фактором, позволившим значительно сэкономить наличествовавшие ресурсы и направить их на внутренние процессы, являлось отсутствие внешних врагов. Указанные условия детерминировали развитие прагматической поведенческой модели, которая опиралась на протестантскую мораль и соответствующую совокупность религиозных воззрений. Здесь наиболее ярко проявилась та практическая составляющая протестантизма, которая была актуализирована в научном контексте в 1905 г. М. Вебером в его произведении «Протестантская этика и дух капитализма» [1]. Специфическое понимание рациональности, реализуемое в конкретных природно-исторических условиях, определяет экономическое поведение приверженцев указанного направления христианской религии. Оно отличается ориентацией на увеличение собственного благосостояния, но не за счет хаотической деятельности, а на основе детально продуманной поведенческой модели.

Несколько иное значение в жизни российского социума имела религия. Поскольку изначально у каждого славянского племени были свои божества, то религиозная разрозненность представлялась объективным фактом. Несмотря на кажущуюся схожесть внутренней сути верований тем не менее главенство какого-либо одного божества (стихии, зверя, растения) не позволяло разобщенным племенам объединяться в единое целое, даже при наличии достаточно постоянных контактов друг с другом. Существенным моментом в процессе формирования социума явилось крещение Руси в

983 г., что заложило единые идеологическо-религиозные основы, которые позволили урвать наличествовавшее многообразие. Следует отметить, что аналогичные процессы развивались и в Европе во времена расцвета Священной Римской империи, однако они отличаются масштабами применения организованной военной силы при подавлении несогласных племен. Подобное вновь обнаруживает направленность западной цивилизации, в отличие от славянской, именно на конечный результат, а не на эффективность при его достижении. В то же время необходимо отметить, что соответствующая ориентация проявлялась в процессе управления в России в ее последующей истории. Однако это являлось скорее ответом на вызовы внешней среды и не носило характера постоянных руководящих практик.

Совокупность привычек и верований, а также наличие патриархального уклада и объективной необходимости объединения разрозненных племен явилось тем реальным основанием, которое предопределило выбор религии князем Владимиром Святославовичем в конце X в. Важно отметить, что подобный выбор не только не был спонтанным, но представлялся логичным в череде контактов между Византийской империей и Русью в IX–XII вв. Мягкость постулатов и догм православной религии (по сравнению с исламом и протестантизмом) позволяла достаточно эффективно применять их в наличествовавших реалиях Древней Руси. Это предполагало максимально возможное обращение к фундаментальным элементам формировавшегося российского социума, которые позволяют максимально объективно воспринимать и интерпретировать наличествующую реальность и происходящие в ней события. Таким образом, происходило формирование нового сплава из европейской культуры, восточного отношения к жизни, а также элементов местных разрозненных верований. Образовавшиеся на подобной основе в последующем социальные институты позволяли не только достаточно эффективно осуществлять взаимодействие российского и иных социумов, но и в различные эпохи заимствовать из них наиболее полезные элементы. Это, в частности, относится к рациональным моделям ведения хозяйственной деятельности, что наличествует в протестантизме, однако без того хищнического отношения к окружающим, примеры которого были приведены в данной статье ранее. Конечно, существуют и исключения, одним из примеров которого является присоединение Сибири к Руси во второй половине XVI в. Однако они представляются скорее вынужденными мерами, когда были исчерпаны все возможности мирных переговоров с местными племенами или же в тех случаях, когда экспедиции встречали изначально жесткий отпор со стороны коренных народов. Но даже в этих случаях покорители оставляли за покоренными право совмещения элементов национальной и государственной (российской) культур в отличие от тех, кто осваивал американский континент. Подобные процессы предполагали взаимное проникновение культур, что, в частности, отразилось на формировании модели восприятия власти, а также использования его ресурсов для достижения тех целей, которые представляются наиболее значимыми для российского социума в конкретный исторический период.

Последовавшее развитие анализируемых в нашей статье социумов объективно детерминировалось заложенными в их основах ценностными

ориентациями, что предопределяло актуализацию различных социально-экономических проблем. Так, например, проблема коррупции не была изначально характерной для российского социума, поскольку сама идея подкупа ответственных за какое-либо дело лиц противоречила православным установкам. Она получила практическую актуализацию в те времена, когда чиновничий корпус развился в нашей стране до значительных масштабов. Наиболее значимый толчок соответствующим процессам был дан Петром I, когда он повелел государевым служащим самим искать недостающее жалование различными законными способами. Поскольку в те времена не существовало таких понятий, как взятка, подкуп, коррупция и т.п., то соответствующая деятельность не являлась противозаконной. Следует заметить, что и в контексте установок протестантской этики взяточничество не поощряется, но моральный аспект данного социального явления существенно снижается в угоду достижения значимой для индивида или группы лиц целей. В то же время такая жизненно важная проблема, как безопасность, в различных интерпретациях соответствующего термина представлялась ранее и остается до сих пор существенно значимой для любого индивида в любом обществе вне зависимости от господствующих религиозных взглядов. И в этом направлении социальные институты США и России обнаруживают множество схожих черт с той лишь разницей, что существуют значительные отличия в нормативно-правовой базе, которая регулирует совокупность соответствующих отношений. Так, например, подобные отличия обнаруживаются при сравнительном анализе меры строгости наказания за одинаковые преступления. Наиболее показательным примером в данном контексте является отношение государства к смертной казни, на которую в нашей стране наложен запрет и которая активно применяется в 38 из 50 американских штатов. Если же обратиться к истории применения данного вида наказания в нашей стране, то становится очевидным, что оно применялось крайне редко (наиболее известные примеры – Е. Пугачев, декабристы Муравьев-Апостол, Каховский, Рылеев). В стороне от этих событий стоят процессы 1935–1937 гг., когда смертная казнь как наказание приобрела массовый характер. Однако следует заметить, что многие социальные институты и входящие в них практики того исторического периода представляются нехарактерными для отечественного социума, поскольку реализовывались без опоры на многовековые культурно-религиозные традиции. Именно этот аспект является существенным отличием российских социальных институтов от подобных американских образований. Дискретность традиций развития многих социальных процессов неоднократно оказывала негативное влияние на преемственность практик общественного взаимодействия в отечественном социуме, чего нельзя сказать про американское общество. Конечно, за более чем 200-летнюю историю государственности и в Америке произошли изменения, однако их было не так много, и их характер не носил таких глубины и размаха, как в России. Причинами подобных процессов явилась разница в нормативно-правовых сферах. Она заключается в значительной ориентации американской юстиции на правоприменительные практики, что влечет существенную корректировку реально используемой нормативно-правовой

базы. Подобное также представляется отражением идеолого-религиозной основы протестантизма, которая имеет непосредственную ориентацию на достижение конкретного результата. Несмотря на наличествующие условия, в которых совершено противоправное деяние и выносится приговор, российская юстиция строилась изначально на гуманистических основах. Причиной этого являются те социальные установки, которые заложены в православном христианстве и имеют ориентацию скорее на профилактику противоправных деяний, чем на суровость наказания для устрашения остальных членов социума. Наиболее ярким примером является соотношение смертных приговоров, вынесенных во времена правления якобы самого жестокого российского правителя Ивана Грозного, в России и Западной Европе. В затрагиваемом контексте существенное значение приобретает культура в целом, которая в России хотя и характеризуется определенной строгостью, но тем не менее оставляет больший простор для творчества и выражения естественных человеческих эмоций, чем культура западно-европейских стран. Подтверждением этого является вольное содержание многочисленных берестяных грамот, найденных во время раскопок на территории Новгородской области и тех регионов нашей страны, в которых были развиты торговля и культурные, а также основанные на них связи с другими княжествами. В то же время подобные находки на территориях европейских государств практически не встречаются, а если и обнаруживаются, то исключительно на месте тех городов, которые являлись сосредоточием торговых путей.

Еще одним важным аспектом функционирования общественных институтов, который есть следствие вышеописанных процессов, представляется модель реализации властных отношений. Имея в своей основе различное понимание сути процессов взаимоотношений между руководителем и подчиненными, она формирует совокупность соответствующих форм взаимодействия. Так, например, поскольку в западном обществе в целом, и американском в частности, восприятие окружающей реальности базируется на идеологии протестантизма, то все действия и формы организации взаимодействия имеют своей конечной целью эффективное достижение значимого результата. Подобное понимание предполагает максимально рационализированное использование наличествующих ресурсов в контексте конкретной ситуации. Однако следует заметить, что наиболее полно это можно реализовать в том случае, когда наличествует полнота информации, а также когда ситуация представляется достаточно стабильной. В условиях Американского континента особенно после почти полного уничтожения коренного населения подобное не являлось актуальной проблемой, что позволило направить многие значимые ресурсы на качественное улучшение различных аспектов повседневной жизни. Соответственно выстраивалась и управленческая модель – развитие партнерских отношений в стабильной ситуации позволяет вырабатывать несколько возможных моделей дальнейшего поведения и производить выбор наиболее приемлемого варианта. Совсем в других условиях происходило становление и развитие управленческой модели в России. Поскольку как природно-климатические, так и социально-экономические условия представлялись достаточно

суровыми, то государство на этапе своего становления было вынуждено тратить большой объем ресурсов как на удержание подвластного населения в своих границах, так и на создание наиболее приемлемых условий для его проживания на конкретной территории. По этим, а также схожим причинам управленческая модель имела ярко выраженную деспотическую направленность. Следствием этого явилась концентрация ресурсов в руках верховного правителя и его управленческого аппарата, что лишало возможности свободно действовать местным представителям государственной власти.

Наличие деспотической компоненты в управленческой модели отделило властные структуры от социума. По этой причине власть стала восприниматься в контексте ее функциональности в рамках конкретных исторических и природно-климатических условий. Такое понимание управленческих структур объективно актуализировало необходимость наличия специфического элемента социума – бюрократии. Формирующие его механизмы сословной принадлежности создали специфический социальный слой, представители которого, имея доступ к значимым ресурсам, перестали реализовывать возложенные на него задачи, и занимался исключительно удовлетворением собственных интересов. Справедливости ради необходимо заметить, что бюрократическая система существует и в США, где она также нередко способствует обогащению включенных в нее индивидов. Однако в американском социуме данная система представляется изначальным следствием логики протестантизма, которая предполагает максимально возможную рационализацию действий. Именно поэтому бюрократический аппарат в США выражается гражданами как одно из благ цивилизованного общества.

Таким образом, становится очевидным, что обозначенные ранее причины различий социальных институтов США и России представляются существенным препятствием для их взаимного внедрения. И действительно, как показали исторические события начала 90-х гг. в нашей стране, прямой (революционный) способ заимствования институтов из другого социума имеет своим прямым следствием возникновение и нарастание конфликтной ситуации. Таковая становится возможной по причине существенного несоответствия наличествующих и прививаемых ценностных систем. Последствия подобного процесса могут быть самыми разнообразными, начиная с отторжения внедряемых элементов и заканчивая разрушением социума – реципиента или его отдельных частей. Чтобы избежать последнего и достигнуть максимального эффекта от процесса внедрения, необходимо реализовывать трансплантационный вариант. Таковой предполагает осуществление управляемого заимствования и внедрение различных институциональных аспектов. Содержательной стороной данного процесса является реализация значимых для достижения желаемого результата по заранее разработанному плану. Его успешность детерминруется такими существенными характеристиками, как изначальные условия, совокупность социокультурных показателей и применяемые технологии. Показателем успешности данного процесса является актуализация интегративных институциональных процессов, которые минимизируют негативный эф-

фект от внедрения новых элементов в систему. Задействование при этом различных компенсаторных механизмов (прямой, косвенный, перекрестный) позволяет значительно снизить влияние возможных негативных факторов. И именно это не было сделано при реализации «шокового сценария» в 1992 г. в России. Результатом реализации подобной непродуманной политики явился кризис 1993 г., когда чуть было не произошел возврат к ранее существовавшему укладу социально-политического регулирования общественных отношений. Возникший в таких условиях ценностный вызов разделил российское общество на два класса: те, кто поддерживал и по возможности способствовал формированию новых социальных институтов, и те, кто всячески сопротивлялся или попросту не поддерживал подобные трансформации общественного жизненного уклада.

В этой связи правомерно говорить об интерпретации актуализированной проблематики через понятийный аппарат структурного функционализма. Согласно данной позиции, развитие социальной системы может быть успешно реализовано только тогда, когда институциональная составляющая имеет свою максимальную ценность в контексте внутрисистемных условий. Это предполагает, что при наличествующем нестабильном внешнем окружении, что означает его высокую сложность, адаптивность системы осуществляется тем успешнее, чем более развитой представляется институциональная составляющая. Для успешного достижения необходимого состояния следует не только реализовать, но и успешно распространить специализацию институциональных ролей и соответствующих им общественных функций. В результате уровень внутренней интеграции достигает такого состояния, при котором уменьшаются помехи при выполнении каждой функции, что имеет своим непосредственным результатом уменьшение затрат значимых ресурсов при повышении качества внутрисистемных процессов.

В контексте актуализированной в статье проблематики вышесказанное означает, что в России всегда присутствовала недостаточная дифференциация в управленческой иерархии. Это представляло собой объективный тормоз в развитии внутрисистемных отношений, что оказывает непосредственное влияние на внешние реакции системы. Такое положение детерминировалось жесткой иерархизацией уровней подчинения, и не предполагало свободы выбора при выработке и реализации управленческих решений. Несколько иная ситуация наличествовала в американском социуме. Представляя собой результат влияния внешних условий на индивидов, внутренняя иерархия и соответствующая ей управленческая модель изначально формировались как достаточно пластические социальные конструкции. В этом нашли отражение надежды и ожидания переселенцев на Американский континент, которые вынуждены были подстраивать свои поведенческие модели под жесткие условия конкурентного взаимодействия. Особым условием здесь является тот факт, что подобные процессы развивались не только в направлении коренного населения, но и относительно таких же покорителей Америки. Подобное создавало ситуацию борьбы всех против всех с той лишь разницей, что осуществлялась она больше на межгрупповом, чем межиндивидуальном уровне.

Из указанного положения вытекают значимые свойства социальных институтов как системообразующих структур каждого из рассматриваемых обществ. Относительно России таковыми представляются самодержавие и его следствие – патриархальная поведенческая модель, экспансионизм, ограниченный нормами православия, ортодоксальность иерархической управленческой модели. В американском социуме соответствующими элементами являются предприимчивость и связанная с ней активность как следствие реализации постулатов протестантизма, главенство принципа эффективности при достижении значимой цели, множественные свободы в процессе реализации функций управленческой модели. Совокупность указанных факторов оказывает существенное влияние на поведение элит каждого из социумов, что сказывается на многих внутрисистемных процессах. Так, например, происходит качественная трансформация норм и правил общественного взаимодействия, связанных с ними поведенческих моделей, а также процессов социального контактирования в целом. Качественным изменениям подвергаются также и внешние реакции социальных систем на соответствующие сигналы.

Несколько иная ситуация отмечается в Америке. В данном социуме, за исключением времен Великой депрессии, не существовало критических исторических моментов, которые повлекли бы за собой качественные трансформации ценностных ориентаций. Подобное положение позволяет сохранять основные общественные нормы в относительно стабильном состоянии. В тех случаях, когда происходят изменения в их структурах, в соответствии с наличествующей ситуацией, трансформации не являются столь кардинальными и всеобъемлющими. Это становится возможным по причине содержания протестантских постулатов, которые допускают принятие новых членов общества из других социумов, если те могут быть функционально полезными. Следует отметить, что в последнее время (начиная с 50-х гг. XX в.) отмечается отход от данного положения, что незамедлительно негативно отразилось на качественном составе американского социума.

Во времена существования в России советской власти отношения с США детерминировались исключительно политическими аспектами. Это предполагало главенство и столкновение идеологических систем и их элементов нередко в ущерб реальным экономическим и культурным отношениям. Культивируемая в таких условиях конфликтная модель взаимодействия между социумами актуализировала как положительные, так и отрицательные аспекты подобного процесса. Первыми являлись новые правила и нормы осуществления международных контактов, внутренние регуляторы системных процессов как в США, так и в России, которые являлись, по сути, Ответом на внешний Вызов со стороны потенциального соперника. Постоянно совершенствуясь, соответствующие элементы новой социальной реальности развивали многие внутрисистемные процессы. К таковым относятся: выработка новых образов внешнего врага, изменение воспитательных процессов, трансформация системы распределения экономических доходов между общественными и производственными сферами, модификация ценностно-нормативных и культурных аспектов социальной реальности. Негативной стороной данных и схожих с ними процессов пред-

ставляется неравномерное распределение значимых ресурсов внутри социальной системы в контексте реальных исторических условий. Следствием этого представляются перекосы во внутрисистемных процессах, ярким примером чего является остаточный принцип финансирования культурной и социальной сфер в Советском Союзе в отличие от оборонной и связанной с ней научной областями. Необходимо заметить, что и в США актуализация милитаристской компоненты оказала негативное влияние на трансформацию социальных институтов. С экономических позиций краткосрочные экономические выгоды от повышения военной составляющей при наличии не вовлеченных в оборот значимых ресурсов нивелируются в долгосрочной перспективе общесистемными последствиями. Это, например, увеличение числа безработных на тех предприятиях, которые не связаны с оборонной отраслью. Подобное приводит к понижению у таких индивидов социального статуса, что при росте их доли относительно общего числа населения негативно сказывается на характеристиках структуры конкретного социума. Совокупность рассматриваемых факторов актуализирует необходимость анализа указанных процессов в контексте проблемного поля социологии конфликта как специфической области научных знаний.

Вся ранее изложенная информация представляется наглядным доказательством того, что между социальными институтами Америки и России существует много общих черт. Таковыми, например, является ориентация правил и норм поведения на имеющиеся в конкретном социуме культурные особенности. Последние, будучи результатом преломления постулатов господствующей религии в контексте наличествующих исторических условий, представляют собой те опорные точки, которые определяют каркас наиболее эффективных моделей поведения. В подобном контексте социальные институты как в США, так и в России ориентируют входящих в них индивидов на такое поведение, которое позволяет с наименьшими потерями улучшить качество жизни. Существенным условием, которое отличает соответствующие социумы, является ориентация имеющихся у них правил и норм на пути достижения конечного результата. В случае американской модели наличествует ориентация именно на результативность, в то время как российская модель предполагает учет множества факторов, что ориентирует ее на эффективность. Хотя следует заметить, что в некоторые исторические моменты в нашей стране существовала ориентация на достижение результата любой ценой, тем не менее такие примеры представляются скорее исключениями из правил. Существенным моментом является отношение к материальному в целом, которое обнаруживает свои основания в религиозных догмах и культурных образцах. Не один народ не может иметь исключительно материальный или духовный интерес – каждый из указанных элементов преобладает в той степени, которую детерминируют объективные условия. И не последнюю роль в подобных процессах играет влияние органов государственной власти на формирование наиболее приемлемых образцов поведения с позиций полезности для конкретного социума. Разрабатываемая и реализуемая ими политика в культурной сфере общественного взаимодействия должна ориентироваться не только на этапе первоначального прививания членам социума приемлемых стандартов

общественной жизни, но и на их реализацию в различных ситуациях повседневного взаимодействия. Успешность данного процесса детерминируется тщательностью проработки соответствующих государственных программ, а также соотнесенностью их с базовыми культурными и религиозными ценностями, в контексте которых предполагается реализация содержания подобных документов. Наиболее яркий пример этого – законотворческая деятельность, которая хотя и имеет разную ориентацию при реализации, но базируется на культурных особенностях конкретного социума. Подобная трактовка вновь актуализирует значимость религии и культуры как элементов общественного бытия, взаимосвязь и влияние которых на процессы повседневной жизнедеятельности в США и России были раскрыты нами во всем предыдущем материале.

Литература

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / 2-е изд., доп. и испр. М.: РОССПЭН, 2006.
2. Тойнби А. Постижение истории: сборник / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. 640 с.
3. Sorokin P. Russia and United States. 1944.

Bibliography

1. Veber M. Protestantskaja jetika i duh kapitalizma / 2-e izd., dop. i ispr. M.: ROSSPJeN, 2006.
2. Tojnbi A. Postizhenie istorii: sbornik / per. s angl. E.D. Zharkova. M.: Rol'f, 2001. 640 p.
3. Sorokin P. Russia and United States. 1944.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

УДК 330.88, 338.5, 519.86

ВЕРОЯТНОСТНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ. ОСНОВНЫЕ АКСИОМЫ, КОНЦЕПЦИИ И ПРИНЦИПЫ

Кондратенко А.В.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: anatolykon@gmail.com

Логачева О.М.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»,
Сибирский государственный университет геосистем и технологий
E-mail: omboldovskaya@mail.ru

Логачев А.В.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»,
Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
Институт математики им. С.Л. Соболева СО РАН
E-mail: avlogachov@mail.ru

Современная рыночная экономика – это не просто сложная, динамическая, неравновесная, но еще и вероятностная система. Очевидная аналогия между много-агентными экономическими и многоатомными физическими системами используется в работе для развития вероятностной экономической теории с помощью формальных методов и подходов теоретической физики. Эта теория строится на базе пяти главных принципов, которые определяют главные действующие силы на рынке и основные особенности рыночной структуры и динамики.

Ключевые слова: физическая экономика, вероятностная экономика, агентный подход, функции спроса и предложения, рыночная цена, стационарные и нестационарные экономики.

PROBABILISTIC ECONOMIC THEORY. GENERAL AXIOMS, CONCEPTS AND PRINCIPLES

Kondratenko A.V.

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: anatolykon@gmail.com

Logachova O.M.

Novosibirsk State University of Economics and Management,
Siberian State University of Geosystems and Technologies
E-mail: omboldovskaya@mail.ru

Logachov A.V.

Novosibirsk State University of Economics and Management,
Siberian State University of Geosystems and Technologies,
Institute of Mathematics named after S.L. Sobolev
E-mail: avlogachov@mail.ru

The modern market economy is not just complex, dynamic, non-equilibrium, but also probabilistic system. The obvious analogy between the many-agent economic and many-atom physical systems is used to develop probabilistic economic theory with the help of formal methods and approaches of theoretical physics. This theory is constructed on the basis of the five general principles, which determine the main driving forces in markets and principal features of market structures and dynamics.

Keywords: physical economics, probability economics, agent-based approach, supply and demand functions, market price, stationary and non-stationary economies.

1. ВВЕДЕНИЕ

Как устроен наш экономический рыночный мир на микроуровне, а именно на уровне индивидуумов и корпораций, выступающих в своей главной роли на рынке, в роли покупателей и продавцов различных товаров и услуг? Как работает рыночный механизм и к чему стремится рынок как единая структура, т.е. все сообщество его участников или игроков? А как функционирует вся рыночная экономика, включающая все рынки, государство, других стейкхолдеров, а также другие государства и их рынки и т.п.? Согласно каким законам и правилам люди и корпорации принимают свои решения относительно цен и количеств покупаемых и продаваемых ими товаров? Как устанавливается рыночная цена и может ли по этой цене на рынке каждый год регулярно продаваться один и тот же объем товаров? Как и почему на самом деле эта регулярность меняется со временем, иными словами, как и почему рынок постоянно растет и падает? Мы попытаемся ответить на эти и многие другие подобные вопросы в рамках новой экономической дисциплины, а именно физической экономики (ФЭ), использующей формальные методы физики для решения экономических проблем [6, 7, 9, 12–15].

На концептуальном уровне не все, но многие затронутые выше вопросы достаточно хорошо освещены в работах многих экономистов-классиков. В наиболее компактном и завершенном виде на качественном, можно сказать, эвристическом уровне ответы на эти вопросы можно найти в работах австрийской школы в политической экономии, прежде всего в фундаментальных работах К. Менгера [2] и Л. фон Мизеса [3], которые из самых общих принципов человеческой деятельности получили ответы на них с помощью логического метода. Но другие вопросы требуют от нас большего, чем просто качественного понимания, а именно количественных оценок рыночных процессов и прогнозов их развития. Как все эти ответы классической экономической теории могут быть выражены в терминах точных

наук, например, на языке физики и математики? С целью ответа на этот вопрос в данной работе по аналогии с физической теорией мы будем развивать математический аппарат экономической теории для аналитической и вычислительной работы с экономическими системами, их структурой и динамикой. В случае успеха это позволит нам говорить о дальнейшем развитии количественной экономической теории.

Не вызывает сомнения тот факт, что современная реальная экономика – это сложная, неравновесная, динамическая система. Поэтому можно и необходимо активно изучать ее структуру и динамику различными способами и с различных точек зрения. Наша точка зрения такова, что мы смотрим на экономику главным образом как на множество огромного количества разумно мыслящих и активно действующих людей, каждый из которых «не только *homo sapiens*, но и в не меньшей степени *homo agens*» [3, с. 17]. Для решения проблем и достижения целей эти действующие люди или, точнее, рыночные агенты вынуждены под воздействием постоянно изменяющихся жизненных и деловых обстоятельств принимать новые важные решения, связанные с покупкой и продажей товаров и услуг, производством, маркетингом, логистикой, контролем персонала и т.д. Как люди разумные они пытаются принимать такие решения, которые принесут наибольшую выгоду и отдачу от своих приложенных усилий. Такие рациональные решения могут быть приняты только на базе имеющейся в распоряжении достаточной информации относительно факторов, затрагивающих их интересы и решения. Поэтому люди постоянно находятся в процессе поиска и обработки важной для них новой рыночной информации. Но так устроен реальный мир и мы в том числе, что мы полностью никогда не обладаем достаточной и достоверной информацией об интересующих нас вещах, прежде всего из-за временных ограничений. Кроме того, в силу ограниченности наших умственных и технических способностей мы не всегда в состоянии правильно обрабатывать и интерпретировать даже ту информацию, которой располагаем в нужное время и в нужном месте.

Мы глубоко убеждены, что человеческая природа, а также природа рыночных экономических систем такова, что все наши знания о рынках только приблизительные, поэтому все наши рыночные решения могут быть только примерно правильными и оптимальными. Более того, в своей практической деятельности мы явно или неявно осознаем этот факт и учитываем его в процессе принятия решений и оценке их последствий. Выражаясь более строго, наши рыночные решения могут быть только вероятностными по своей природе. А поскольку, согласно нашему взгляду на рыночную экономику, все экономические процессы и явления – это исключительно результат действий всех агентов в экономике, то из всего вышесказанного неизбежно следует, что все экономические процессы и явления в рыночной экономике тоже в некоторой степени вероятностные по своей природе. Следовательно, остается только один шаг для получения фундаментального вывода, что рыночная экономика – это не просто сложная, динамическая, неравновесная, но она еще и вероятностная система [1, 3, с. 101; 4, с. 17, 81; 7, 8, 11, 12]. Поэтому для того чтобы дать достаточно полное описание таких сложных вероятностных систем, соответствующая экономическая теория должна также быть в значительной степени вероятностной. Для

этого, как минимум, необходимо включить в экономическую теорию концепцию неопределенности и вероятности на подходящем математическом уровне, т.е. развивать вероятностную экономическую теорию (ВЭ теория), более кратко, *вероятностную экономику* (ВЭ), достаточно адекватную современной экономической реальности. Наше исследование посвящено в основном достижению этой цели.

2. КОНЦЕПЦИЯ ФЭ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Концептуальное моделирование в экономике имело и продолжает иметь в наши дни большое значение. Например, первые и наиболее известные концепции неоклассической экономики – это концепции *спроса и предложения* (supply and demand, ниже *S&D*). В австрийской экономике одно из центральных мест по праву занимает так называемый метод идеальных или воображаемых конструкций [3, с. 223].

В теоретической физике не принято акцентировать внимание на использовании моделей, так как теоретическая физика сама по себе справедливо может рассматриваться как концептуальное математическое моделирование физических систем. Итак, в настоящей работе глубокие структурные и динамические аналогии между физическими многоатомными системами и многоагентными экономическими системами используются для того, чтобы концептуальные, аналитические и численные методы из теоретической физики перенести в теоретическую экономику. Этот перенос осуществляется с помощью метода ФЭ моделирования, концепция которого базируется на известных принципиальных идеях классической экономической теории, прежде всего австрийской экономики. Далее они объединяются и в конечном итоге с помощью дополнительных концепций из физики преобразуются в ВЭ. Это объединение организовывается с помощью формальных подходов и методов, заимствованных из теоретической физики, начиная с введения в экономическую теорию понятия формального экономического пространства, траекторий движения в нем рыночных агентов и всего рынка в целом, и заканчивая обоснованием принципиальной возможности использовать в экономической теории метода уравнений движения. Во избежание недоразумений подчеркнем еще раз, что роль теоретической физики состоит здесь только в предоставлении аппарата для построения ВЭ, которая шаг за шагом, с учетом одного принципа за другим, создает все более сложные ФЭ модели (ФЭМ), что неоднократно будет проиллюстрировано ниже на рисунках и графиках.

3. АКСИОМЫ И ПРИНЦИПЫ ВЕРОЯТНОСТНОЙ ЭКОНОМИКИ

Вообще говоря, наш подход к проблеме адекватного количественного описания поведения агента на рынке, а также поведения рынка в целом базируется на двух достаточно простых аксиомах очень общего характера.

1. Аксиома агентной идентичности. *Все рыночные агенты одинаковы, только спрос и предложение у них различны.* Эта аксиома является отправной точкой ВЭ. Она говорит, что все рыночные агенты имеют общие или одинаковые свойства, зависящие главным образом от доходов и

расходов агентов, или, более строго, от их $S\&D$ на товары и услуги рынка. Именно $S\&D$ агентов главным образом определяют их рациональное экономическое поведение на рынках и в конечном итоге поведение всех рынков. Она указывает на возможность построения достаточно общих и точных моделей поведения агентов на рынке и, следовательно, всего рынка в целом. Она выводит нас на правильный путь для выяснения и определения общих свойств поведения рыночных агентов, что, в свою очередь, дает нам возможность выявить общие закономерности в ходе рыночных процессов. Это дает нам надежную основу для построения теоретических экономических моделей на довольно высоком научном уровне, используя физические и математические методы. Мы убеждены, что только эти типы общих рыночных явлений и процессов справедливо являются главными вопросами любого достаточно точного научного экономического исследования. Другими словами, эта аксиома заставляет нас фокусироваться на построении экономической теории как достаточно точной науки, на базе исследования поведения индивидуальных агентов (см. принцип методологического индивидуализма в [3, с. 42]) с точки зрения их $S\&D$.

2. Аксиома агентного различия. *Все рыночные агенты различны.* Грубо говоря, эта аксиома работает, когда первая аксиома неверна. Таким образом, вторая аксиома определяет те аспекты поведения агентов на рынках, которые являются предметом исследования других наук более прикладной направленности, таких как маркетинг, поведенческая наука, управленческая экономика, психология, политика и др. Эти социальные науки имеют дело со специфическими нюансами и особенностями в поведении конкретных людей и сообществ в различных ситуациях и на различных рынках. Эти нюансы важны, конечно, при исследовании процесса принятия рыночных решений конкретными людьми в конкретных ситуациях, планирования их рыночных намерений и стратегий.

Здесь важно отдавать себе отчет, что в отличие, скажем, от неоклассической экономики, ВЭ строится не на основе намерений или планов действий рыночных агентов, а, скорее, на основе реальных рыночных решений и реальных действиях этих агентов на рынках. В этом принципиальном моменте, кстати, ВЭ смыкается с австрийской экономикой, особенно в интерпретации Л. фон Мизеса [3, с. 244].

Главной парадигмой ВЭ является для нас следующее утверждение: все рынки состоят из людей, покупателей некоторых товаров и одновременно продавцов других товаров. Все, что делает рынок, делают эти люди, и именно действие всех этих людей на рынке определяет все результаты работы этого рынка [3]. Аналогичное утверждение было сделано в свое время Р. Фейнманом относительно физических многоатомных систем [5]. Именно это обстоятельство позволяет нам установить аналогию между многоагентными рыночными экономическими системами и многоатомными физическими системами и переносить физические подходы и язык в экономическую теорию. На базе этой главной парадигмы ВЭ и с тщательным учетом всех основных особенностей человеческой деятельности, детально исследованных в [3], мы сформулировали пять принципов ВЭ.

1. Агентный принцип. Это наиболее важная концепция, касающаяся рынков. Она заключается в следующем: каждый рынок состоит из ры-

ночных агентов, покупателей и продавцов, достаточно сильно взаимодействующих друг с другом, причем склонных не только к конкуренции друг с другом, но и к взаимовыгодной социальной кооперации. Нет на рынках никаких других рыночных сил, кроме сил взаимодействия рыночных агентов между собой. Все, что происходит на рынках, делают взаимодействующие рыночные агенты, и поэтому только агентные модели (*agent-based models*) могут обеспечить разумную и надежную основу для любой современной экономической теории.

2. *Институциональный и средовой принцип.* Рынки никогда не бывают полностью закрытыми и свободными. Все рыночные агенты находятся под непрерывным влиянием со стороны многочисленных как внутренних, так и внешних сил и факторов. Наиболее важными из них являются, конечно, институты различного рода, такие как, например, государство, профсоюзы, законы, инновации и т.д. Не меньшую роль могут играть и такие силы и факторы внешней среды, как другие рынки и экономики, включая иностранные, а также природные и техногенные процессы и т.д. Влияние, оказываемое каждой из этих сил и факторов на структуру рыночных цен и на поведение рынка, может быть сопоставимо с эффектом от взаимодействия рыночных агентов друг с другом. Таким образом, влияние институциональных и средовых факторов должно быть адекватно принято к рассмотрению в моделях одновременно со взаимодействием между рыночными агентами.

3. *Динамический и эволюционный принцип.* Современные рынки – это сложные нелинейные неравновесные динамические системы, так как все рыночные агенты находятся в постоянном движении в поиске выгодных связей друг с другом для покупки или продажи товаров и услуг. Покупатели стремятся купить так дешево, насколько это возможно, а продавцы хотят получить наибольшую возможную цену. Математически мы можем описать этот зависящий от времени динамический и эволюционный рыночный процесс как движение в некотором формальном экономическом пространстве рыночных агентов, действующих согласно объективным экономическим законам. Поэтому это движение имеет в некоторой степени детерминированный характер, а само рыночное движение или эволюция рыночной системы во времени может быть приближенно описано с помощью уравнений движения, аналогичных уравнениям движения в физике, например, уравнениям Лагранжа или Шредингера.

4. *Принцип максимизации торговли.* На относительно свободных рынках покупатели и продавцы сознательно и намеренно вступают в торговые сделки друг с другом, так как они заключают сделки только на таких условиях, по которым они получают некоторую выгоду, которая устраивает каждого из них. Совсем не обязательно, что они будут стремиться максимизировать свою прибыль в каждой заключаемой сделке, так как они понимают, что сделки могут быть только взаимовыгодными. Но они пытаются обычно увеличить свою финансовую выгоду с помощью заключения максимально возможного числа таких взаимовыгодных сделок. Таким образом, можно утверждать, что рынок в целом стремится к заключению максимально возможного объема сделок за определенный период времени, причем максимального объема сделок или торговли в денежном выражении, так как агенты, естественно, стремятся увеличить именно свою прибыль

в деньгах. Следовательно, рыночная динамика может быть приближенно описана (и даже могут быть получены приближенные уравнения движения для рыночных агентов) с помощью применения принципа максимизации торговли к рыночной системе в целом.

5. *Принцип неопределенности и вероятности.* Неопределенность и вероятность – существенные части человеческой деятельности на рынках. Это обусловлено самой природой человеческих рассуждений, а также фундаментальной человеческой неспособностью точно предсказывать будущее состояние рынков. Более того, состояние рынка и итоги его работы согласно агентному принципу есть результат непрерывных действий многочисленных агентов, и, кроме того, согласно институциональному и средовому принципу рынки постоянно находятся под действием различных институтов и факторов внешней среды. По этим причинам все рыночные агентные решения и действия, а, следовательно, и все рыночные процессы и явления по своей природе являются вероятностными, поэтому они могут быть адекватно описаны только путем применения вероятностных математических методов и моделей.

Мы полагаем, что на базе этих пяти принципов принципиально возможно достаточно полно и адекватно описывать основные структурные и динамические свойства рыночных экономических систем и рыночных процессов в них.

4. КЛАССИЧЕСКИЕ ФИЗИЧЕСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

4.1. **Двухагентная нестационарная экономика.** Ниже при построении ФЭМ будем последовательно вводить в них концепции и принципы ВЭ, на базе которых будем строить каркасы моделей, которые, в свою очередь, будем шаг за шагом наполнять новым конкретным содержанием. Начнем с построения простейших ФЭМ с помощью аналогий и формальных методов классической механики. Такие классико-механические модели мы будем для краткости ниже называть классическими экономиками. Естественно, в построении будут использоваться только первые четыре принципа, так как только они имеют аналоги в классической механике.

Итак, на рис. 1 изображена типичная условная графическая ФЭМ экономической системы. Основной структурный элемент ФЭМ – это экономическая подсистема, или, проще говоря, рынок, состоящий из определенного количества взаимодействующих между собой покупателей и продавцов. Этот рынок не является замкнутой или закрытой системой, поскольку он находится также непременно под непрерывным воздействием его институциональной и внешней окружающей среды. Для краткости такие открытые ФЭМ будем называть просто экономикой. Далее с целью получения возможности математически описывать динамику экономики, по аналогии с физикой поместим экономику в некие специальным образом сконструированные искусственные, или формальные, экономические пространства «цены-количества» (PQ -пространства), соответствующие двум наборам независимых переменных, цен P и количеств Q для всех торгуемых на рынке товаров (рис. 1). Для ясности, названия независимых переменных и соответствующих им осей координат обозначим большими буквами. Несмотря

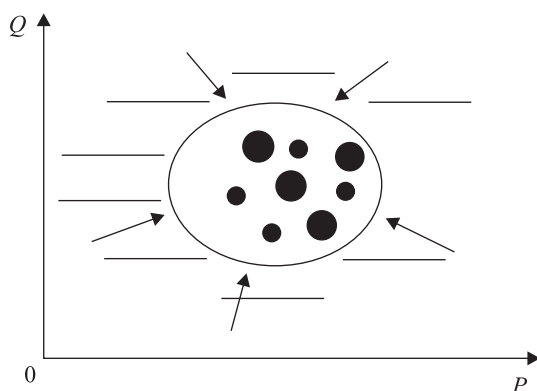

Рис. 1. Графическая модель многоотварной многоагентной рыночной экономики в экономическом многомерном пространстве «цена–количество». Оно схематично изображено в обычной прямоугольной многомерной координатной системе $[P, Q]$, где P и Q на координатных осях обозначают цену и количество для всех товаров. Наша модель экономики состоит из рынка и институциональной и внешней среды. Рынок состоит из покупателей (маленькие точки) и продавцов (большие точки), покрытых условной сферой. Очень много людей, институтов, естественных других факторов могут представлять внешнюю среду (заштрихованная область за сферой) рынка, которая оказывает влияние на рыночных агентов (это влияние отмечено стрелками, направленными из внешней среды вовнутрь сферы)

на свою кажущуюся простоту введенная нами концепция многомерного экономического PQ -пространства имеет большое значение в ВЭ, так как она дает принципиальную возможность описывать динамику экономических систем на математическом и графическом языках так, как это давно принято делать в физике.

Давайте опишем такой подход к изучению динамики или эволюции экономики в рамках ВЭ на примере простейшей ФЭМ, а именно однотоарной двухагентной экономики, т.е. экономики с одним покупателем и одним продавцом, торгующим одним товаром, например, зерном. Пусть функции $p^D(t)$ и $q^D(t)$ обозначают цену и количество товара для покупателя, желаемые или выставляемые им во время переговоров с продавцом о купле-продаже в определенный момент времени t . Аналогично функции $p^S(t)$ и $q^S(t)$ будут обозначать цену и количество товара, предлагаемые или выставляемые продавцом во время переговоров с покупателем на рынке. По своему смыслу введенные выше значения цен и количеств есть основное содержание агентных заявок на покупку или продажу товара. Для краткости будем называть эти желаемые или предлагаемые значения цен и количеств просто котировками покупателя и продавца. А такую линию поведения агентов на рынке будем называть точечной стратегией, поскольку в каждый момент времени t эти котировки представляются одной точкой в двумерном PQ -пространстве, например, точкой с координатами $p^D(t)$, $q^D(t)$ для покупателя и т.д. Эти котировки выставляются, конечно, с учетом всех обстоятельств, влияющих на работу рынка: институтов и т.п. При этом они могут быть, а могут и не быть публично заявлены покупателем и продавцом, в зависимости от установленных правил работы на рынке. На наш взгляд, выставления этих котировок рыночными агентами – суть наиболее

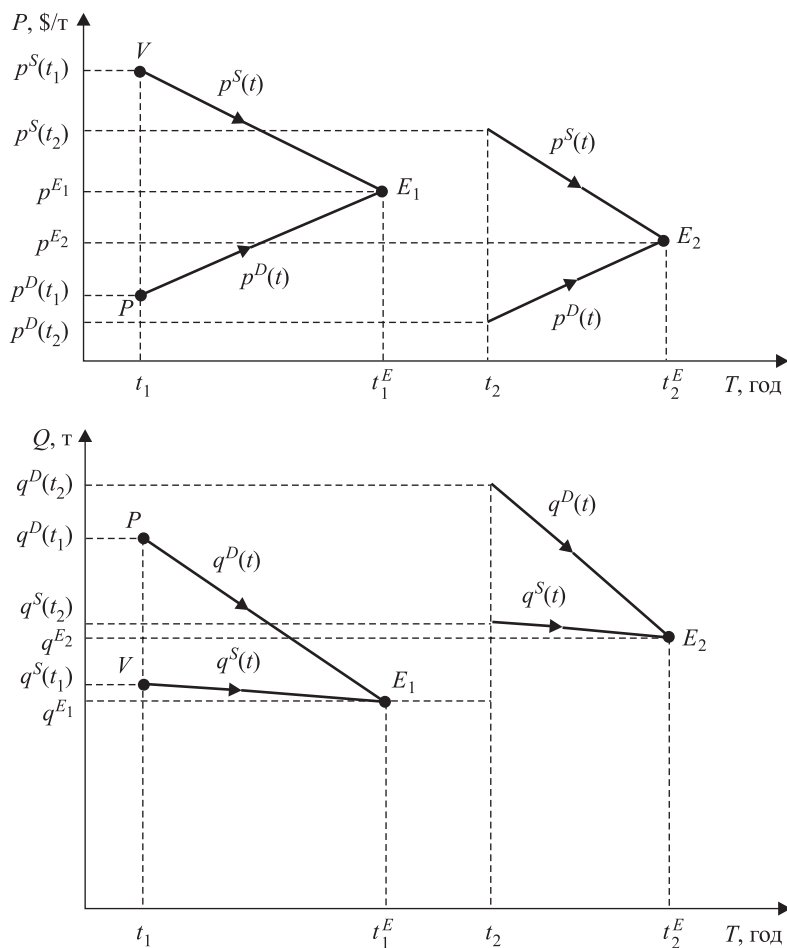

Рис. 2. Диаграмма траекторий движения покупателя и продавца изображает динамику классической двухагентной рыночной экономики в экономическом пространстве цены (сверху) и экономическом пространстве количества (снизу). В совокупности обе части представляют эволюцию экономики во времени в двумерном PQ -пространстве. Размерность времени T – год, размерность переменной цены P – $\$/\text{т}$ (долл. за т), размерность переменной количества Q – т

главного рыночного феномена в реальной жизни рыночной, а именно рыночного процесса [3, с. 313], приводящего в конечном итоге к конкретным актам выборов и действий рыночных агентов, которые реализуются покупателями и продавцами путем заключения между собой сделок купли-продажи. Графически изобразим эти котировки как траектории движения агентов в PQ -пространстве. В реальной рыночной жизни эти котировки являются дискретными функциями от времени, но для простоты изобразим их графически (так же как и функции $S\&D$) как непрерывные прямые линии. Такое приближение не приводит в данном случае к потере общности, поскольку эти функции призваны здесь только иллюстрировать самые общие детали механизма работы рынка (рис. 2).

Будем говорить для краткости об этом совокупном движении агентов как о поведении рынка, а иногда как об эволюции экономики во времени.

Все эти термины являются, по сути, синонимами в данном контексте обсуждения. Таким образом, выставляя желаемые цены и количества, покупатели и продавцы принимают участие в рыночном процессе и действуют как люди, участвующие в торговых переговорах (*homo negotians*), стремящиеся выторговать для себя наилучшие условия при заключении сделки и достичь осуществления своих рыночных целей, отражением которых являются их рыночные котировки. Пусть t_1^E – первый момент времени, в который пересекаются графики функций $p^D(t)$ и $p^S(t)$, $q^D(t)$ и $q^S(t)$. Тогда цена

$$p^{E_1} = p^D(t_1^E) = p^S(t_1^E)$$

называется первой рыночной равновесной ценой. Аналогично количество

$$q^{E_1} = q^D(t_1^E) = q^S(t_1^E)$$

называется первым рыночным равновесным количеством. Таким образом, в момент времени t_1^E интересы покупателя и продавца оптимально удовлетворены и, следовательно, заключается сделка. При этом агентами, естественно, в ходе рыночного процесса (переговоров и изменения котировок) неявным образом принималось во внимание влияние внешней окружающей среды и институциональных факторов на этом и других рынках, т.е. во всей экономике в целом. Здесь можно заметить схожесть в движении многоагентной экономической системы в экономическом пространстве (описываемом с помощью траекторий покупателя $p^D(t)$, $q^D(t)$ и траекторий продавца $p^S(t)$, $q^S(t)$) и в движении соответствующей многоатомной физической системы в физическом пространстве (описываемом траекториями частиц $x(t)$), которые также являются объектом определенного физического принципа максимизации, а именно принципа наименьшего действия. На рис. 2 дается графическое представление этих траекторий движения агентов в зависимости от времени с помощью подходящих систем координат время–цена (T, P) и время–количество (T, Q) , аналогично тому, как происходит построение траекторий частиц в классической механике. Заметим, что на рис. 2 отражается определенная стандартная ситуация на рынке, в которой покупатель и продавец намеренно встречаются в момент времени t_1 и начинают обсуждать потенциальную сделку путем взаимного изменения информации об их условиях, прежде всего желаемых цен и желаемого количества товаров. Во время переговоров они непрерывно меняют свои котировки до тех пор, пока не соглашаются на окончательные условия по цене p^{E_1} и количеству q^{E_1} в момент времени t_1^E . Такая простейшая «переговорная» рыночная модель применима, например, для экономики вымышленного острова, на котором, скажем для определенности, раз в году путем переговоров происходит торговля зерном между фермером и охотником. Для определенности будем считать, что для расчетов используется американский доллар.

На рис. 2, как и на последующих, используются стрелки для отражения направления движения агентов во время рыночного процесса.

Итак, в нашей переговорной ФЭМ вплоть до момента t_1 рынок находится в простейшем состоянии покоя, здесь нет торговли вообще. В момент

времени t_1 на рынке появляются покупатель и продавец зерна, которые устанавливают свои начальные желаемые цены и количество зерна $p^D(t_1)$, $p^S(t_1)$ и $q^D(t_1)$, $q^S(t_1)$. Точки P и V на графике показывают положение покупателя и продавца в начальный момент времени t_1 , когда начинаются торговые переговоры. Естественно, пожелания покупателя и продавца сразу не совпадают, покупатель хочет низкую цену, но продавец борется за более высокую. Однако оба желают заключения сделки, в противном случае фермер и охотник будут иметь трудный следующий год. Переговорный процесс продолжается, рыночный процесс изменения агентами их котировок отражает его ход. Как результат позиции рыночных агентов сходятся и они совпадают в момент времени t_1^E , который соответствует точке пересечения траекторий E_1 на графиках.

На взаимовыгодных условиях в момент времени t_1^E осуществляется добровольная сделка. Далее рынок снова погружается в состояние покоя до следующего урожая и выставления его на продажу в следующем году в момент времени t_2 . Урожай в новом сезоне вырос, поэтому $q^S(t_2) > q^S(t_1)$. В этом случае продавец, очевидно, вынужден сразу установить стартовую цену ниже, $p^S(t_2) < p^S(t_1)$, пока покупатель, воспользовавшись возможностью, также понижает свою цену и увеличивает свое количество зерна: $p^D(t_2) < p^D(t_1)$ и $q^D(t_2) > q^D(t_1)$. В этом случае естественно ожидать, что траектории покупателя и продавца будут немного отличаться, и соглашение между покупателем и продавцом будет достигаться с другими параметрами, чем в предыдущий раунд торгов.

Условно будем описывать ситуацию на рынке в каждый момент времени с помощью множества реальных рыночных цен и количеств реальных сделок, которые действительно происходят на рынке. Как видим на рис. 2, в нашей модели пока реальные сделки происходят на рынке только в моменты t_1^E и t_2^E , когда справедливы следующие условия рыночного равновесия (точки E_i):

$$p^D(t_i^E) = p^S(t_i^E) = p^{E_i}, \quad q^D(t_i^E) = q^S(t_i^E) = q^{E_i},$$

$$D^0(t_i^E) = S^0(t_i^E) = MTV(t_i^E), \quad i = 1, 2.$$

В этих формулах используются несколько новых понятий и определений, смысл которых требует объяснения. Дадим их довольно подробно, поскольку это важно для понимания последующего изложения ВЭ. Во-первых, в современной экономической теории концепция $S\&D$ играет одну из центральных ролей. Интуитивно, на качественном описательном уровне все экономисты понимают, что означает эта концепция. Сложности и расхождения появляются только на практике при попытках дать математическое толкование этим понятиям и развить адекватный метод их вычисления и измерения. Для этой цели были развиты различные теории, содержащие различные математические модели $S\&D$. В этих теориях различные функции $S\&D$ используются для формального определения и количественного описания $S\&D$.

В этой работе будем также неоднократно давать различные математические представления этой концепции в рамках ВЭ, дополняющих друг

друга. Например, в рамках нашей двухагентной классической экономики определяем полные функции $S\&D$ следующим образом:

$$D^0(t) = p^D(t) \times q^D(t), \quad S^0(t) = p^S(t) \times q^S(t). \quad (1)$$

В (1) определили в каждый момент времени t полную функцию спроса покупателя, $D^0(t)$, и полную функцию предложения продавца, $S^0(t)$, как произведение их котировок цены и количества. Эти функции легко могут быть изображены в системе координат времени и $S\&D$, а именно $[T, S\&D]$, как это сделано на рис. 3, где показана диаграмма полных функций $S\&D$.

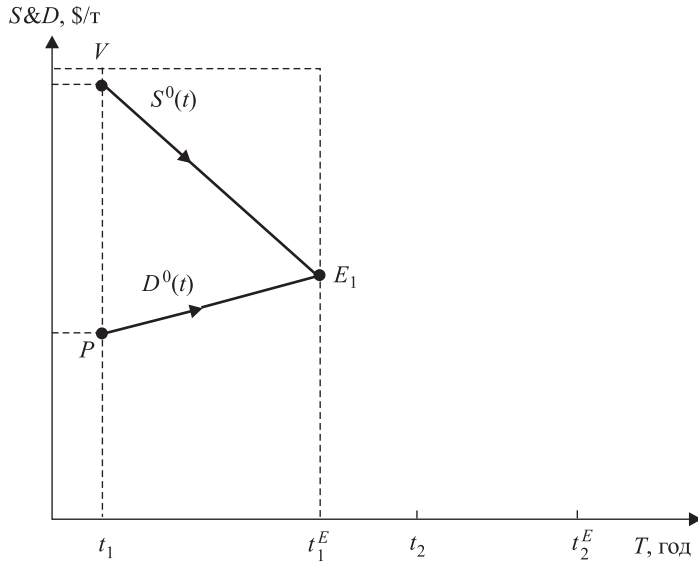

Рис. 3. Диаграмма полных функций $S\&D$, отражающая динамику классической двухагентной рыночной экономики в системе координат $[T, S\&D]$ в первом временном интервале $[t_1, t_1^E]$

Как и ожидалось, полные функции $S\&D$ тоже пересекаются в равновесной точке E_1 . Более строго, равновесная точка по своему определению – это именно такая точка на диаграмме, где котировки цены и количества покупателя и продавца равны. То, что полные функции $S\&D$ тоже равны в этой точке, является простым следствием определения их и равенства цен и количеств в ней.

Последнее замечание здесь касается формулы для оценки объема торговли на рынке, $MTV(t_i^E)$, между покупателем и продавцом, где они приходят к взаимному пониманию и заключению сделки в равновесной точке E_i . Ясно, что для получения торгового оборота (общего объема всех сделок в этом случае) можно просто перемножить равновесные значения цены и количества, что следует из вышеприведенной формулы. Размерность торгового оборота является результатом произведения размерностей цены и количества; в этом примере это \$. То же справедливо и для размерностей полных функций $S\&D$, а именно $D^0(t)$ и $S^0(t)$. Из рис. 3 можно сделать очевидный вывод, что именно в точке равновесия объем продаж достигает максимального значения. Этот самоочевидный и тривиальный в данном

случае результат имеет, на наш взгляд, довольно общий и принципиальный характер: из него можно вывести предположение, что рынки стремятся к достижению равновесия, в котором достигается максимальный объем продаж в денежном выражении. Можно сформулировать это утверждение по-другому, в виде следующей гипотезы: рынки стремятся к максимальному объему продаж, которое достигается в условиях равновесия, что согласуется с принципом максимизации торговли.

Далее также по аналогии с классической механикой можем рассматривать эти цены и количества котировок как траектории движения рыночных агентов в двухмерном экономическом PQ -пространстве с использованием системы координат $[P, Q]$ так, как это показано на рис. 4.

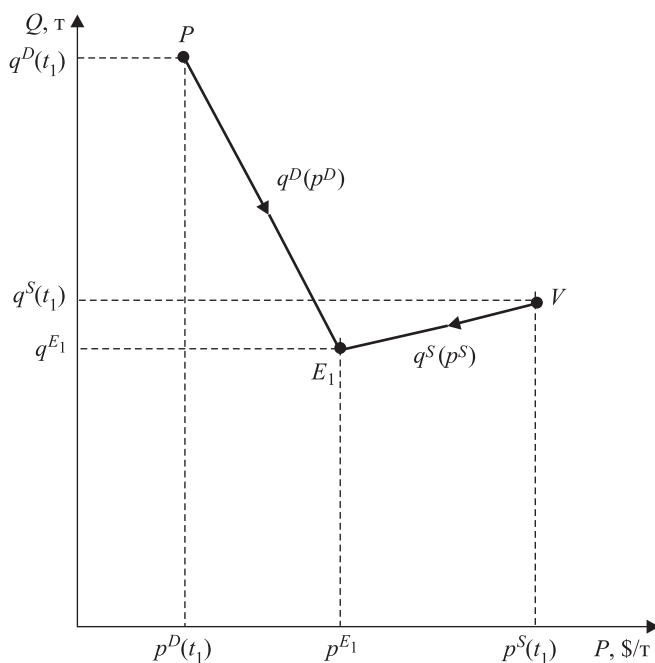

Рис. 4. Динамика классической двухагентной рыночной экономики в двумерном экономическом пространстве «цены–количества» в первом временном интервале $[t_1, t_1^E]$

Уточним, что время t в этом параметрическом представлении функций $S&D$ является неявным параметром. В принципе, это параметрическое представление не дает ничего нового по сравнению с рис. 2 и 3. Тем не менее здесь есть один интересный нюанс – сходство этой диаграммы с традиционной картиной в неоклассической модели $S&D$, а именно с крестом Маршалла. Коснемся этого вопроса подробно в других работах. А сейчас разберем некоторые особенности на рис. 4. Во-первых, как это показывают стрелки, покупатель и продавец движутся в направлении друг друга относительно цены, продавец ее снижает, а покупатель, наоборот, повышает. Таким образом, отражаются нормальные рыночные переговорные процессы. Во-вторых, обычно во время переговоров котировки количества снижаются обоими, и покупателем, и продавцом. Ясно, что все агенты хотят купить или

продать меньшее количество товаров по компромиссной рыночной цене, чем по желаемым ценам, заявленным ими в начале торговли. Эти факторы в совокупности определяют то, что наклон кривой спроса $q^D(p^D)$ отрицательный, а наклон кривой предложения $q^S(p^S)$ положительный, как и «положено» функциям $S \& D$ в неоклассической модели.

Перейдем от простейшей экономики к более развитой экономике, в которой фермер и охотник постепенно переходят от дискретной торговой системы (одна сделка в год) к непрерывной торговой системе на рынке. Вообще говоря, переговоры в такой экономике по определению ведутся непрерывно и сделки заключаются непрерывно, в зависимости от нужд покупателя и продавца. Это может продолжаться много лет. Принимая во внимание этот новый долгосрочный взгляд, целесообразно изменить кое-что в методе описания работы рынка. Под котировками количества товаров сейчас более удобно представлять количество товаров в конкретный приемлемый период времени, например, год, если исследования связаны с работой рынка за очень длительный период. В этом случае размерность количества представляется как т/год.

На рис. 5, 6 показано, как графически возможно представить работу рынка за длительный промежуток времени. Ранее мы видели, что установление равновесия происходило в точке E ; конечно, заключались сделки и

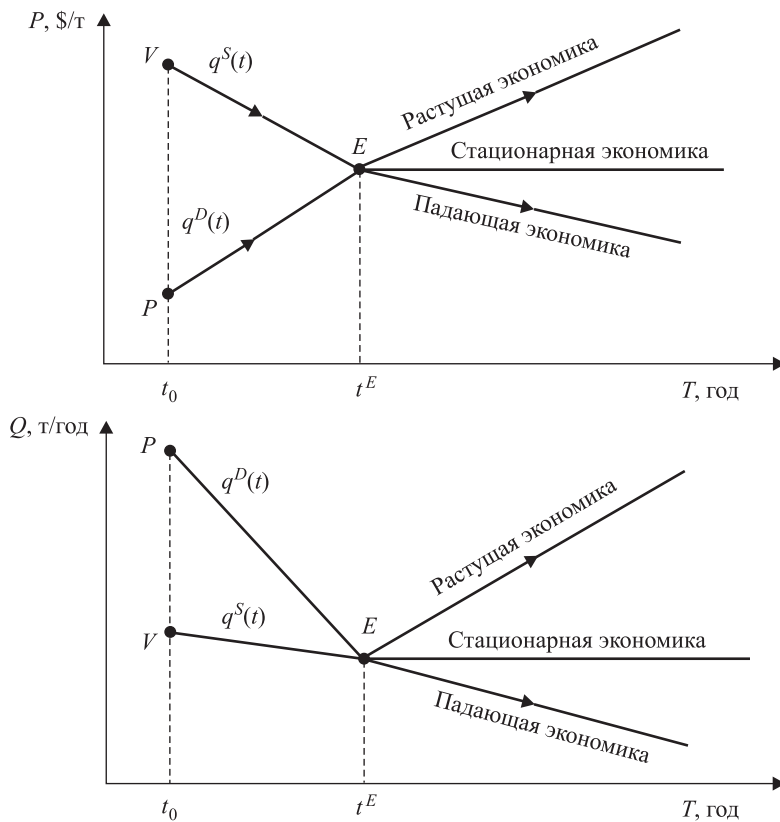

Рис. 5. Классические стационарная и нестационарные двухагентные рыночные экономики в координатных системах $[T, P]$ и $[T, Q]$ в системе координат $[P, Q]$.

до этого положения, но это не приносило максимального удовлетворения участникам рынка. Это побуждало агентов продолжать искать долгосрочные компромиссы в ценах и количествах. После достижения равновесия объем торговли достигает максимума и поэтому участники рынка пытаются и дальше поддерживать это равновесие.

Здесь в теории появляется следующее разветвление (рис. 6, 7).

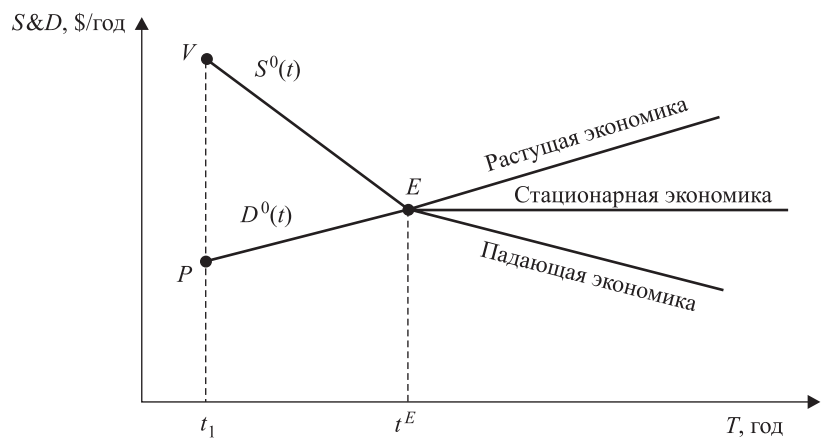

Рис. 6. Классические стационарная и нестационарные двухагентные рыночные экономики в координатной системе $[T, S\&D]$

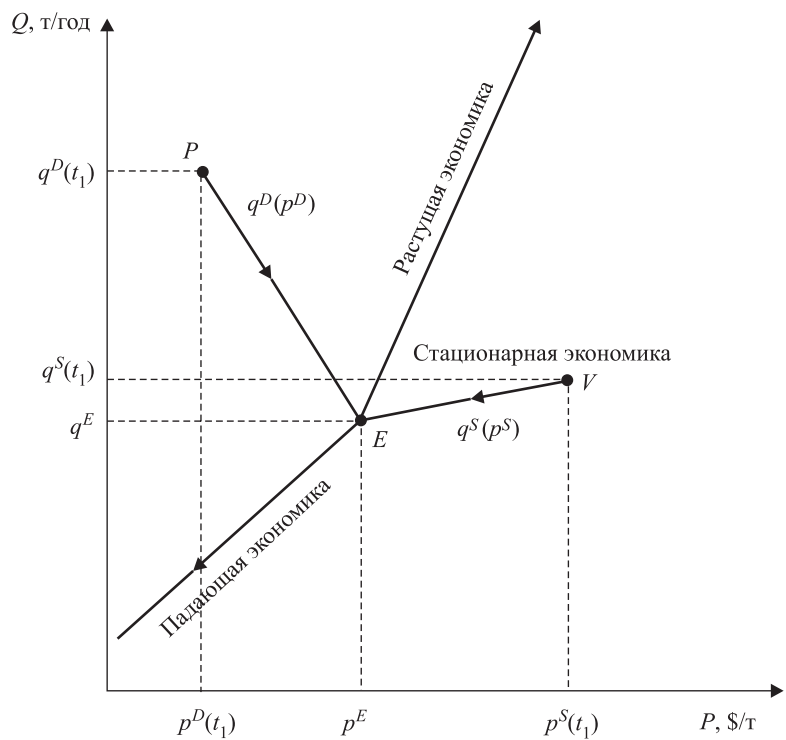

Рис. 7. Классические стационарная и нестационарные двухагентные рыночные экономики в экономическом пространстве «цены–количества»

Если котировки прекращают меняться, то экономика переходит в стационарное состояние, в котором как бы совсем исчезает зависимость от времени. Это особенно заметно на рис. 7, где этот вид стационарного состояния описывается одной точкой E . Будем называть экономику в стационарном состоянии просто стационарной экономикой.

Но в том случае, если в экономике котировки меняются со временем, то такую экономику будем называть зависящей от времени или нестационарной экономикой. Именно такие классические нестационарные экономики изучали до сих пор в этой статье. На рис. 6, 7 такая экономика представлена двумя линиями, исходящими из равновесной точки E , в зависимости от ее поведения. Если равновесное количество растет, то экономика – растущая, а если убывает, то экономика – падающая (рис. 6). Как правило, в этих случаях, полные $S&D$ ведут себя одинаково (рис. 6). Отметим, что в данной слегка измененной модели размерности полных $S&D$ также изменились на \$/год.

4.2. Многоагентная одотоварная экономика. Несколько усложним модель классической экономики путем включения в нее нескольких покупателей и продавцов. Понятно, что каждый рыночный агент будет иметь свою траекторию в PQ -пространстве. В принципе, они могут существенно отличаться. Тем не менее есть основания считать, что поведение всех покупателей в целом будет очень похожим. Конечно, это справедливо и для продавцов. Причина этого явления в следующем: существует интенсивный информационный обмен на рынке, посредством которого достигается координация действий между покупателями, между продавцами, а также между покупателями и продавцами. Эта координация направлена на то, чтобы помочь рынку достичь максимального объема торговли, поскольку именно во время процесса торговли ставится последняя точка в длительном процессе предварительных бизнес-операций: производства, финансирования, логистики и т.д. Это в точности то, о чем упоминалось ранее, как социальное сотрудничество рыночных агентов. Например, естественно ожидать, что все покупатели ведут себя на рынке примерно одинаково, так как все они руководствуются в своем поведении на рынке одним и тем же принципом: купить как можно дешевле столько, сколько нужно или чуть больше. То же самое справедливо и для продавцов, для которых основной принцип: продать как можно дороже весь товар.

Следовательно, можно сделать важный вывод: траектории всех покупателей в P -пространстве будут близки друг к другу. Поэтому совокупность всех траекторий покупателей может быть графически представлена в виде относительно узкой «трубки», в которой будут построены траектории всех покупателей. Также возможно представить все траектории цен покупателей с помощью отдельной усредненной траектории, $p^D(t)$, что мы сделаем ниже. То же самое можно сделать и для продавцов; их отдельную усредненную траекторию обозначим как $p^S(t)$.

Совершенно другую ситуацию имеем с траекториями количеств, так как каждый рыночный агент может иметь очень разные величины количества, но при этом поведение кривых покупателей (продавцов) может быть относительно похожим друг на друга. Рассуждая таким образом, мо-

жем установить некоторые закономерности в поведении рынка в целом, руководствуясь здравым смыслом и логическим методом. Так как котировки количества реальны или действительны в классических моделях, можем сложить их для того, чтобы получить котировки количества всего рынка, т.е. для агрегированных $S\&D$ на рынке, $q^D(t)$ и $q^S(t)$. Следует сделать это отдельно для покупателей и продавцов:

$$q^D(t) = \sum_{n=1}^N q_n^D(t), \quad q^S(t) = \sum_{m=1}^M q_m^S(t), \quad (2)$$

где суммирование котировок количества происходит формально для рынка, состоящего из N покупателей и M продавцов.

Из формулы (2) следует, что в момент времени t усредненные цены покупателей и продавцов, другими словами, средние цены агрегированного спроса и предложения на рынке, могут быть найдены следующим очевидным образом:

$$p^D(t) = \frac{D^0(t)}{q^D(t)} = \frac{\sum_{n=1}^N D_n^0(t)}{q^D(t)} = \frac{\sum_{n=1}^N q_n^D(t) p_n^D(t)}{q^D(t)},$$

$$p^S(t) = \frac{S^0(t)}{q^D(t)} = \frac{\sum_{m=1}^M S_m^0(t)}{q^D(t)} = \frac{\sum_{m=1}^M q_m^S(t) p_m^S(t)}{q^D(t)},$$

где $D_n^0(t)$ и $S_m^0(t)$ – полные функции $S\&D$ для n -го покупателя и m -го продавца соответственно, а $D^0(t)$ и $S^0(t)$ есть, по определению, полные функции $S\&D$ для всего рынка в целом, т.е. полные агрегированные функции $S\&D$.

В данном приближении для многоагентного рынка можно, в принципе, начертить рисунки типа рис. 2–7, но они, конечно, выглядеть будут уже совсем по-другому, поскольку торговый процесс на многоагентном рынке значительно отличается от торгового процесса путем прямых переговоров на двухагентном рынке.

5. ВЕРОЯТНОСТНАЯ ЭКОНОМИКА

Наступил самый интригующий момент в изложении ВЭ – необходимо включить в теорию пятый принцип – принцип неопределенности и вероятности. Будем включать его в теорию таким образом, чтобы, во-первых, была хорошо видна аналогия с теоретической физикой (процедура квантового продолжения или перехода от классической механики к квантовой механике), и, во-вторых, чтобы не потерять ключевые аспекты описания экономического, т.е. осмысленного и рационального, поведения агентов на рынке. Последнее касается, прежде всего, процесса принятия решения агентов о стратегии поведения на рынке, а также метода математического представления их рыночных действий, реализующих эти решения агентов. Ограничимся в данной работе описанием только двухагентной однотоварной стационарной экономики в пространстве цены. Очевидно, что учет

принципа неопределенности и вероятности должен тем или иным способом привести нас от точечной стратегии агентов к некоторой непрерывной стратегии. Математически сделаем этот переход ровно так же, как в теоретической физике делается переход от временных траекторий частиц к распределениям вероятности нахождения частиц в пространстве. А именно перейдем от описания временных ценовых траекторий $p(t)$ в классической экономике к рассмотрению непрерывных распределений вероятностей цен $D(p)$ и т.д. Остановимся еще раз кратко на обосновании такого подхода в рамках ФЭ моделирования. Рыночные агенты, вынужденные постоянно работать на рынке в условиях непрерывно изменяющейся на ней ситуации, осознают, что заявленных ими в рамках точечной стратегии цен и количеств может не быть на рынке в данный период времени. На основе предыдущего опыта работы на рынке они прекрасно осведомлены о том, что им не может быть точно известна ситуация на рынке в данный момент времени, и тем более, они не могут точно знать о том, как сложится ситуация с ценами и количествами на рынке даже в ближайшем будущем. Они уже привыкли работать в условиях большой неопределенности на рынке, несущей с собой высокие риски и обусловленные ими потенциальные издержки. Как результат они осознают, что на рынке следует всегда рассматривать все свои решения и действия как возможные с определенной степенью вероятности. Это вероятностный аспект процесса принятия рыночных решений имеет огромное значение для понимания поведения агентов на рынке и всего рынка в целом [3, 10]. Рыночные агенты думают и действуют как *homo oscillans* (человек колеблющийся). Поэтому они выходят на рынок в реальности не с точечными, а с вероятностными стратегиями, которые могут быть представлены непрерывными распределениями вероятностей с определенными ширинами, коррелирующими с величиной неопределенности в рыночной ситуации в данный период времени. Схематически такие вероятностные функции S и D для некоторой двухагентной стационарной экономики представлены на рис. 8.

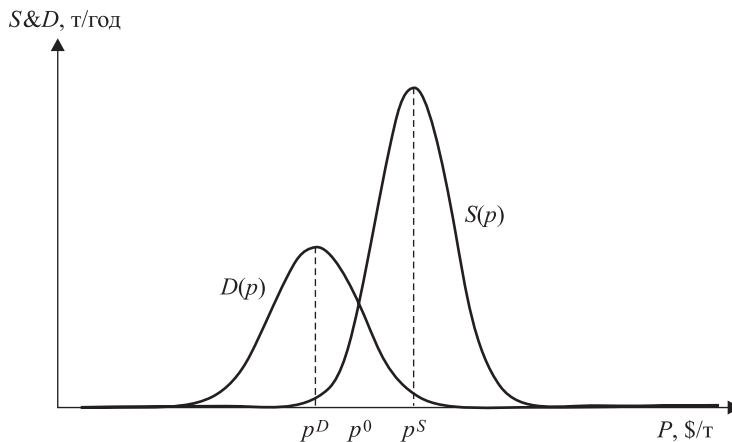

Рис. 8. Вероятностные функции спроса покупателя $D(p)$ и предложения продавца $S(p)$ для двухагентной стационарной экономики с одним торгуемым товаром

На рис. 8 изображены агентные вероятностные функции спроса $D(p)$ и предложения $S(p)$, нормированные следующим очевидным образом:

$$\int_{-\infty}^{+\infty} D(p)dp = D^0, \quad \int_{-\infty}^{+\infty} S(p)dp = S^0,$$

где D^0 и S^0 – полный спрос и предложение покупателя и продавца соответственно:

$$D^0 = p^D \cdot q^D, \quad S^0 = p^S \cdot q^S.$$

Очевидно, что эти агентные вероятностные функции S & D непременно пересекутся в некоторой равновесной точке p^0 , находящейся между наиболее вероятными ценами покупателя и продавца (P^D и P^S соответственно). Очевидно также, что в первом приближении эту равновесную цену p^0 можно принять за рыночную цену в данный период времени. Более подробно вероятностные функции S & D будут исследованы и описаны нами в последующих работах.

Литература

1. Вальтух К.К. О разработке вероятностной экономической теории // Вестник Российской академии наук. 2008. Т. 78. № 1. С. 28–41.
2. Менгер К. Избранные работы. Основания политической экономии. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 496 с.
3. Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. 878 с.
4. Нейман Д., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970. 708 с.
5. Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. Т. 1. М.: Мир, 1976. 440 с.
6. Чернавский Д.С., Старков Н.И., Щербаков А.В. О проблемах физической экономики // УФН. 2002. Т. 172. № 9. С. 1045–1066.
7. Ball P. Physical Modelling of Human Social Systems // Complexus. 2003. Vol. 1. P. 190–206.
8. Farjoun E., Machover M. Laws of Chaos: a Probabilistic Approach to Political Economy. London: Verso Editions and NLB, 1983. 266 p.
9. Farmer J.D., Shubik M., Smith E. Is Economics the Next Physical Science? // Physics Today. 2005. Vol. 58. № 9. P. 37–42.
10. Gilboa I., Postlewaite A.W., Schmeidler D. Probability and Uncertainty in Economic Modeling // Journal of Economic Perspectives. 2008. Vol. 22. № 3. P. 173–188.
11. Keynes J.M. A Treatise on Probability. London: Macmillan & Co, 1921. 466 p.
12. Kondratenko A.V. Physical Modeling of Economic Systems. Classical and Quantum Economies. Novosibirsk: Nauka, 2005. 27 p.
13. Kondratenko A.V. Probabilistic Economic Theory. Novosibirsk: Nauka, 2015. 305 с.
14. Mantegna R.N., Stanley H.E. An introduction to Econophysics: Correlations and Complexity in Finance. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999. 148 p.
15. Richmond P., Mimkes J., Hutzler S. Econophysics and Physical Economics. Oxford: Oxford University Press, 2013. 272 p.

Bibliography

1. Val'tuh K.K. O razrabotke veroyatnostnoj jekonomicheskoy teorii // Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk. 2008. Vol. 78. № 1. P. 28–41.
2. Menger K. Izbrannyye raboty. Osnovaniya politicheskoy jekonomii. M.: Izdatel'skij dom «Territorija budushhego», 2005. 496 p.

3. *Mizes L.* Chelovecheskaja dejatel'nost': Traktat po jekonomicheskoy teorii. Cheljabinsk: Socityum, 2005. 878 p.
4. *Nejman D., Morgenshtern O.* Teorija igr i jekonomicheskoe povedenie. M.: Nauka, 1970. 708 p.
5. *Fejnman R., Lejton R., Sjends M.* Fejnmanovskie lekicii po fizike. Vol. 1. M.: Mir, 1976. 440 p.
6. *Chernavskij D.S., Starkov N.I., Shherbakov A.V.* O problemah fizicheskoy jekonomiki // UFN. 2002. Vol. 172. № 9. P. 1045–1066.
7. *Ball P.* Physical Modelling of Human Social Systems // Complexus. 2003. Vol. 1. P. 190–206.
8. *Farjoun E., Machover M.* Laws of Chaos: a Probabilistic Approach to Political Economy. London: Verso Editions and NLB, 1983. 266 p.
9. *Farmer J.D., Shubik M., Smith E.* Is Economics the Next Physical Science? // Physics Today. 2005. Vol. 58. № 9. P. 37–42.
10. *Gilboa I., Postlewaite A.W., Schmeidler D.* Probability and Uncertainty in Economic Modeling // Journal of Economic Perspectives. 2008. Vol. 22. № 3. P. 173–188.
11. *Keynes J.M.* A Treatise on Probability. London: Macmillan & Co, 1921. 466 p.
12. *Kondratenko A.V.* Physical Modeling of Economic Systems. Classical and Quantum Economies. Novosibirsk: Nauka, 2005. 27 p.
13. *Kondratenko A.V.* Probabilistic Economic Theory. Novosibirsk: Nauka, 2015. 305 c.
14. *Mantegna R.N., Stanley H.E.* An introduction to Econophysics: Correlations and Complexity in Finance. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999. 148 p.
15. *Richmond P., Mimkes J., Hutzler S.* Econophysics and Physical Economics. Oxford: Oxford University Press, 2013. 272 p.

УДК 656.075

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СТАНЦИЙ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ АВТОМОБИЛЕЙ

Ашуров С.А.

Таджикский технический университет имени академика М.С. Осими

E-mail: Sayod.ashurov@mail.ru

В этом исследовании рассматриваются факторы развития станций технического обслуживания автомобилей. В условиях качественных преобразований экономики в Республики Таджикистан и всей системы общественных отношений проблема создания современных станций технического обслуживания автомобилей приобретает особую актуальность. Она органически связана с основными задачами, стоящими перед предприятиями автомобильного транспорта и является весомой составляющей эффективности хозяйственной деятельности. В настоящее время станции технического обслуживания автомобилей приходится разрешать противоречия, обусловленные несовершенством структурных отношений. Наблюдается высокая степень изношенности оборудования, нехватка собственных источников финансирования, недоступность кредитов ввиду высокой платы за их предоставление, низкая покупательная способность сдерживает спрос на реализацию услуг. В сложившейся ситуации станции технического обслуживания автомобилей изыскивают внутренние возможности, оптимизируют их использование. Лидирующее место занимает проблема эффективного использования потенциала. От решения этой проблемы зависит определение управляемых факторов, влияющих на деятельность станций технического обслуживания автомобилей, выработка рекомендаций по их реструктуризации, совершенствованию внутренней структуры и механизма управления. Решающее значение при этом принадлежит управлению факторами, во многом определяющему стратегию и пути развития станций технического обслуживания автомобилей.

Ключевые слова: станции технического обслуживания автомобилей, развитие, внутренний фактор, внешний фактор, эффективность факторов развития, традиционные факторы, новые факторы, человеческий потенциал.

DEVELOPMENT FACTORS OF CAR MAINTENANCE STATIONS

Ashurov S.A.

Tajik Technical University named after academician M.S. Osimi

E-mail: Sayod.ashurov@mail.ru

This study examines the factors behind the development of a car service station. In the conditions of qualitative transformations of the economy in the Republic of Tajikistan and the entire system of public relations, the problem of creating modern car service stations is of particular relevance. It is organically connected with the main tasks facing automobile transport enterprises and is a significant component of the efficiency of economic activity. Currently, car maintenance stations have to resolve contradictions caused by imperfect structural relationships. There is a high degree of equipment depreciation, a shortage of own sources of financing, unavailability of loans due to high fees for their provision, low purchasing power hinders the demand for the sale of services. In the current situation, car service stations are seeking internal capabilities, optimizing their use. The leading place

is occupied by the problem of effective use of potential. The decision of this problem depends on the definition of controlled factors affecting the activities of the car maintenance station, the development of recommendations for their restructuring, improvement of the internal structure and control mechanism. The crucial factor here is the management of factors, which largely determines the strategy and ways for the development of a car service station.

Keywords: car maintenance stations, development, internal factor, external factor, efficiency of development factors, traditional factors, new factors, human potential.

На эффективность развития станций технического обслуживания автомобилей (СТОА) существенное влияние оказывают разнообразные факторы внешней и внутренней среды. В целом под факторами производства понимаются «элементы, необходимые для реализации услуг». Согласно распространенной классификации факторы производства делятся на средства производства, материалы и труд в смысле целенаправленной деятельности.

При этом следует исходить из сущности организации производства и труда на СТОА как процесса потребления рабочей силы и производственных средств. Результаты организации производства и труда будут тем выше, чем эффективнее, экономнее используются средства производства, чем совершеннее орудия труда, чем лучше организован процесс производства, чем выше степень искусства работников и чем лучше используется рабочее время, чем лучше удовлетворен рыночный спрос. Эффективность развития СТОА следует рассматривать с двух позиций:

- как эффективность поддержания необходимых показателей функционирования (эффективность текущая);

- как эффективность обновления, поддержания высокой конкурентоспособности (эффективность перспективная), когда выявляются и используются факторы, влияющие на работу СТОА и способность к обновлению, т.е. определяется способность СТОА к освоению в текущем периоде новых изделий, требуемых рынком в последующие периоды. В целом эффективность факторов развития СТОА может быть определена по формуле:

$$\Theta_{\Phi} = \sum_{i=1}^n \left(\frac{P_i^{\text{внт}}}{Z_i^{\text{внт}}} + \frac{P_i^{\text{внш}}}{Z_i^{\text{внш}}} \right),$$

где $P_i^{\text{внт}}$, $P_i^{\text{внш}}$ – соответственно результат, полученный от использования i -го фактора внешней или внутренней среды; $Z_i^{\text{внт}}$, $Z_i^{\text{внш}}$ – затраты, понесенные предприятием на использование i -го фактора внешней или внутренней среды.

Большое многообразие факторов затрудняет их классификацию и требует их сведения в группы. Основные группы факторов, влияющие на развитие СТОА, разделены на общие и специализированные признаки. Факторы прямого воздействия непосредственно влияют на СТОА. Факторы косвенного характера не оказывают прямого действия на деятельность СТОА, но учет их необходим для выработки правильных решений. Деления факторов на традиционные и новые весьма условно.

Традиционные факторы существуют объективно и требуют относительно незначительных государственных и частных инвестиций. Сила их влияния постепенно снижается и зависит от характера начинающегося эта-

па спада, на котором создаваемое ими преимущество нестойко, а прибыль от использования низка. Гораздо большее значение для развития СТОА имеют новые факторы, уже более высокого порядка. Для их реализации необходимы значительные, часто продолжительные по времени вложения капитала и человеческих ресурсов.

Кроме того, необходимое условие самого создания новых факторов – это использование высококвалифицированных кадров и высоких технологий. Контролируемый фактор – это фактор, который может управляться СТОА и его службами. Неконтролируемый фактор не может управляться СТОА и его службами. Внешние факторы обуславливают среду СТОА совокупностью не поддающихся контролю сил, с учетом которых оно должно обеспечивать свою деятельность. Внешние факторы среды, как правило, создают угрозы, вводят ограничения или создают условия для развития, глубоко затрагивая все стороны СТОА. В состав внешних факторов развития СТОА могут быть включены политические, государственные, экономические, социальные, научно-технические и т.д. В состав внутренних факторов, влияющих на развитие СТОА, можно включить следующие группы: факторы управления и организационной структуры; производственные; кадровые; маркетинговые; финансовые и т.д. Особая роль на СТОА принадлежит персоналу, что позволяет выделить совокупность социально-психологических факторов. Так, например, к факторам, сдерживающим эффективность мероприятий по повышению эффективности СТОА, относятся:

- низкая мотивация работников СТОА в результатах деятельности;
- отсутствие контроля качества работ;
- низкая доля квалифицированных кадров и т.д.

Направленность развития СТОА во многом определяется миссией – это генеральная цель, четко выражающая причину существования станции. Миссия определяет стратегии – центральное звено в выработке направлений действий СТОА с целью получения обозначенных миссией и системой целей результатов деятельности. Эффективность развития СТОА может также зависеть от таких факторов, как:

- коммерческие условия СТОА;
- организация сбытовой сети;
- организация технического обслуживания автомобилей крупных клиентов;
- представление потребителей о фирме, ее авторитете и репутации, ассортименте ее услуг, сервисе, воздействии товарного знака и т.д.

В современных условиях нестабильной среды повышается изменчивость факторов, влияющих на развитие СТОА. При этом возрождение СТОА связывается с использованием интенсивных факторов, т.е. на основе разработки и использования высоких технологий, с помощью которых осуществляется производство наукоемкой и конкурентоспособной услуги. Для того чтобы эти факторы в условиях глобализации экономики действительно стали движущей силой экономического развития, необходимо определить приоритеты СТОА. Это означает, что требуется сформулировать долгосрочную структурную, инвестиционную, научно-техническую политику страны, разработать экономически целесообразный механизм реструктуризации отечественных наукоемких отраслей автомобильного транспорта.

При этом структурная перестройка СТОА должна базироваться на направлениях, обладающих высоким потенциалом и восприимчивых к различным нововведениям. В этой связи следует выделить факторы, способствующие расширению способов участия работников в управлении производством, к которым относятся:

- повышение эффективности и укрепление конкурентоспособности СТОА на рынке;
- развитие человеческого потенциала, стимулирование социальной активности работников;
- создание действенной мотивации труда в условиях перехода к инновационному типу производства;
- формирование нового типа работника – высокообразованного, ответственного, инициативного, реализующего в сфере производства свои материальные и духовные потребности.

Формализация состояния станций технического обслуживания автомобилей может быть обеспечена путем выполнения следующей последовательности действий:

- анализ эффективности СТОА за предыдущий период или сопоставление с аналогичными предприятиями;
- выделение внешних и внутренних факторов, оказывающих наиболее значимое воздействие на эффективность СТОА в анализируемом периоде;
- определение количественного воздействия факторов на эффективность СТОА;
- нахождение обобщающего показателя эффективности;
- подведение итогов с выработкой рекомендаций и предложений по повышению эффективности СТОА.

При этом обеспечение эффективности развития СТОА состоит в том, чтобы минимизировать отрицательное влияние факторов внешней среды, определить, какие именно преимущества следует создавать и поддерживать для стратегического развития, поскольку именно они определяют рыночные позиции СТОА в конкурентной среде. Теоретический и практический интерес представляет проблема формирования «подражающего» рыночному лидеру с целью повышения эффективности и снижения влияния негативных факторов. При этом, конечно, следует учитывать ряд обстоятельств. Так, научно-технические факторы (например, расходы на НИОКР) у СТОА, которые в своей деятельности подражают рыночным лидерам, всегда значительно меньше, чем у СТОА лидеров. Вследствие этого другие факторы (например, производственные издержки) также значительно ниже, чем у СТОА лидеров.

Поэтому СТОА, подражающие лидерам, имеют вроде бы большие финансовые и экономические возможности в области развития других факторов СТОА (повышения качества реализуемых услуг). Однако при этом, как правило, наблюдается отставание ряда факторов (интеллектуальных, экономических, конкурентоспособности и др.) от СТОА лидеров в связи с запаздыванием выхода на рынок высокотехнологических услуг. Следствием этого является снижение возможности маневра СТОА в области сбытовой и ценовой политики. Кроме того, СТОА наукоемких отраслей объективно обязаны реализовывать конкурентоспособные услуги, сбыт которой в

условиях глобализации экономики должен быть ориентирован на национальный и мировой рынок. Следовательно, чужие направления изменений не могут выступать в качестве долгосрочной перспективы развития СТОА и должны рассматриваться только как переходная стратегия.

Естественно, что факторы, эффективные для устойчивой рыночной экономики, оказались неэффективными для условий переходной экономики.

Кроме того, научно-технический прогресс как фактор роста производства и производительной силы труда не действует автоматически: он только создает такую возможность. Чтобы превратить эту возможность в действительность, нужна большая работа по совершенствованию организации производства и труда и «подтягиванию» ее до уровня современной техники и технологии. Без этого научно-технический прогресс не может быть полным и эффективным. Таким образом, в действительности все факторы находятся в теснейшем взаимодействии, но для цели анализа и изучения их влияния на СТОА необходимо рассматривать каждый фактор отдельно. Для этого применяются разные методы и приемы – индексный метод, метод подстановки, корреляционный и регрессионный анализ и др.

Исследование характера и степени влияния каждого фактора на уровень и динамику развития СТОА позволяет вскрыть большие резервы производства, увеличения его результативности и конкурентоспособности. Эффективность факторов, влияющих на СТОА, обеспечивается за счет комплексности, создания и использования совокупности возможностей, в первую очередь, высокотехнологических, повышения инновационного потенциала СТОА вследствие возрастания доли интеллектуальной собственности в общей сумме активов СТОА, концентрации ресурсов на перспективных технологических направлениях и т.д.

Литература

1. Афанасьев А.М., Гармасар О.А., Знаменский К.Н. Научные основы регионального социально-экономического мониторинга / под ред. А.В. Ивановского, В.Е. Рохчина. СПб.: ИСЭП, 1998. 169 с.
2. Ахинов Г.А. Социальные аспекты регулирования экономики. М.: МГУ, ТЭИС, 2002. 137 с.
3. Бабич А.М., Егоров Е.В. Экономика и финансирование социально-культурной сферы. Казань, 1996. 241 с.
4. Бабич А.М., Егоров Е.В., Жильцов Е.М. Социальная сфера в условиях перехода к рынку. М.: РАУ, 1993. 170 с.
5. Бабич А.М., Павлова Л.Н. Государственные и муниципальные финансы. М.: ЮНИТИ, 2002. 687 с.
6. Бабич А.М. Основы экономики сферы услуг: монография. Алматы: Экономика, 2008. 205 с.
7. Багриновский К.А., Матюшок В.М. Экономико-математические методы и модели (микроэкономика). М.: РУДН, 1999. 184 с.
8. Баканов М.И., Шеремет А.Т. Теория экономического анализа. М.: Финансы и статистика, 2001. 416 с.
9. Балалаев С.А., Балалаева Н.К. Маркетинг транспортных услуг. Хабаровск: ДВГУПС, 2008. 175 с.
10. Балалова Е.И. Статистический анализ регионального рынка бытовых услуг: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 1999. 27 с.

11. *Баринов В.П.* Региональные проблемы управления и планирования сферы обслуживания. М.: Наука, 1989. 126 с.
12. *Басова С.Н.* Маркетинг услуг. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2008. 98 с.
13. *Березин И.С.* Маркетинговый анализ: Рынок. Фирма. Товар. Продвижение. М.: Вершина, 2007. 80 с.
14. *Бубнова И.Ю.* Формирование локального рынка автосервисных услуг и факторы, влияющие на его развитие // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 1 (51).
15. *Караев Р.Х.* Организационно-экономические аспекты развития рынка автосервисных услуг в условиях рыночной экономики (на материалах Республики Таджикистан): дис. ... канд. экон. наук. Душанбе, 2016. 163 с.
16. *Пеньшин Н.В.* Маркетинг и оценка качества на рынке автосервисных услуг // Вестник ТГТУ. 2008. Т. 14. № 1.
17. Статистический ежегодник Согдийской области Таджикистан: 25 лет государственной независимости. TAJSTAT. 640 с.
18. *Тохиров Т.И.* Особенности автомобильного транспорта в системе производственной и социальной инфраструктуры региона // Экономика природопользования. 2014. № 6. С. 25–30.
19. *Тохиров Т.И.* Организация станций технического обслуживания автомобилей // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 9 (55). С. 110–112.
20. *Чеботаренко Е.С.* Перспективные направления модернизации рынка автосервисных услуг Самарского региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Тольятти, 2011. 24 с.

Bibliography

1. *Afanas'ev A.M., Garmasar O.A., Znamenskiy K.N.* Nauchnye osnovy regional'nogo social'no-jekonomicheskogo monitoringa / pod red. A.V. Ivanovskogo, V.E. Rohchina. SPb.: ISJeP, 1998. 169 p.
2. *Ahinov G.A.* Social'nye aspekty regulirovanija jekonomiki. M.: MGU, TJeIS, 2002. 137 p.
3. *Babich A.M., Egorov E.V.* Jekonomika i finansirovanie social'no-kul'turnoj sfery. Kazan', 1996. 241 p.
4. *Babich A.M., Egorov E.V., Zhil'cov E.M.* Social'naja sfera v uslovijah perehoda k rynku. M.: RAU, 1993. 170 p.
5. *Babich A.M., Pavlova L.N.* Gosudarstvennye i municipal'nye finansy. M.: JuNITI, 2002. 687 p.
6. *Babich A.M.* Osnovy jekonomiki sfery uslug: monografija. Almaty: Jekonomika, 2008. 205 p.
7. *Bagrinovskij K.A., Matjushok V.M.* Jekonomiko-matematicheskie metody i modeli (mikrojekonomika). M.: RUDN, 1999. 184 p.
8. *Bakanov M.I., Sheremet A.T.* Teorija jekonomicheskogo analiza. M.: Finansy i statistika, 2001. 416 p.
9. *Balalaev S.A., Balalaeva N.K.* Marketing transportnyh uslug. Habarovsk: DVGUPS, 2008. 175 p.
10. *Balalova E.I.* Statisticheskij analiz regional'nogo rynka bytovyh uslug: avtoref. dis. ... kand. jekon. nauk: 08.00.05. M., 1999. 27 p.
11. *Barinov V.P.* Regional'nye problemy upravlenija i planirovanija sfery obsluzhivanija. M.: Nauka, 1989. 126 p.
12. *Basova S.N.* Marketing uslug. Khabarovsk: RIC HGAJeP, 2008. 98 p.
13. *Berezin I.S.* Marketingovyj analiz: Rynok. Firma. Товар. Prodvizhenie. M.: Vershina, 2007. 80 p.
14. *Bubnova I.Ju.* Formirovanie lokal'nogo rynka avtoservisnyh uslug i faktory, vlijajushhie na ego razvitie // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 1 (51).

15. *Karaev R.H.* Organizacionno-jekonomicheskie aspekty razvitija rynka avtoservisnyh uslug v uslovijah rynochnoj jekonomiki (na materialah Respubliki Tadjhikistan): dis. ... kand. jekon. nauk. Dushanbe, 2016. 163 p.
16. *Pen'shin N.V.* Marketing i ocenka kachestva na rynke avtoservisnyh uslug // Vestnik TGTU. 2008. Vol. 14. № 1.
17. Statisticheskij ezhegodnik Sogdijskoj oblasti Tadjhikistan: 25 let gosudarstvennoj nezavisimosti. TAJSTAT, 640 p.
18. *Tohirov T.I.* Osobennosti avtomobil'nogo transporta v sisteme proizvodstvennoj i social'noj infrastruktury regiona // Jekonomika prirodopol'zovanija. 2014. № 6. P. 25–30.
19. *Tohirov T.I.* Organizacija stancij tehničeskogo obsluzhivaniya avtomobilej // Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy. 2013. № 9 (55). P. 110–112.
20. *Chebotarenko E.S.* Perspektivnye napravlenija modernizacii rynka avtoservisnyh uslug Samarskogo regiona: avtoref. dis. ... kand. jekon. nauk. Tol'jatti, 2011. 24 p.

УДК 369.04

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РЕФОРМИРОВАНИЯ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ: ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Терентьева И.В.

Муромский институт (филиал) Владимирского государственного
университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

E-mail: terentieva-murom@yandex.ru

Национальные пенсионные системы подвержены процессу реформирования ввиду влияния как социально-экономических, так и демографических факторов. В преобладающей степени реформы направлены на снижение обязательств государства перед пенсионерами за счет повышения пенсионного возраста, поощрения более позднего выхода на пенсию, ограничения по выплатам пенсии работающим пенсионерам. В статье представлена оценка результатов реформирования российской пенсионной системы на современном этапе с позиций уровня пенсионного обеспечения граждан в сопоставлении с аналогичными показателями зарубежных стран. Оценены перспективы ожидаемых направлений реформирования распределительной и накопительной составляющих пенсионной системы.

Ключевые слова: пенсионная реформа, реформирование пенсионной системы, пенсионное обеспечение.

THE CURRENT STAGE OF PENSION SYSTEM REFORM IN RUSSIA: ASSESSMENT OF RESULTS AND PROSPECTS

Terentyeva I.V.

Murom Institute (branch) of the Vladimir State University
named after Alexander G. and Nicholas G. Stoletovs

E-mail: terentieva-murom@yandex.ru

National pension systems are subject to reform because of the impact of both socio-economic and demographic factors. The reforms are mainly aimed at reducing state obligations to pensioners by raising the retirement age, stimulating later retirement, and abolishing the indexation of pensions for working pensioners. The article presents an assessment of the results of the pension system reform in Russia at the present stage. The achieved level of pension provision in Russia is compared with similar indicators of foreign countries. The prospects of the expected directions of pension system reform are evaluated.

Keywords: pension reform, pension system reform, pension provision.

С необходимостью проведения реформ сталкиваются все национальные пенсионные системы. Реформирование пенсионных систем приобрело масштабный характер в период с 2009 по 2013 г. В последующие годы темпы пенсионных реформ несколько замедлились, что связывают с улучшением состояния государственных финансов, усталостью населения от реформ, а также политической нестабильностью. Во многих странах пенсионные реформы проводились по следующим направлениям: повышение пенсионного возраста, поощрение позднего выхода на пенсию, ужесточение условий

раннего выхода на пенсию, увеличение трудового стажа, ограничения по выплатам пенсий работающим пенсионерам. То есть реформы в основном касались распределительных пенсионных систем и были направлены на снижение обязательств государства перед пенсионерами [4, с. 52].

Новые социально-экономические и демографические вызовы обуславливают необходимость реформирования и российской пенсионной системы. В связи с этим важно дать научное обоснование направлениям реформирования пенсионной системы страны. Этим вопросам уделили значительное внимание многие российские ученые. Так, проблемы и пути реформирования пенсионной системы России получили достаточно широкое освещение в трудах таких исследователей, как Е.А. Мамий, А.В. Новиков [3], В.Д. Роик [5]. В работах А.К. Соловьева [6, 7], А.Л. Кудрина, Е.Т. Гурвича [2] обсуждается повышение пенсионного возраста как направление пенсионной реформы. Изучению мирового опыта пенсионного реформирования и возможности применения его в России посвящены труды Л.С. Дегтярь [1], Е.Е. Шестаковой [8], А.В. Пудовкина [4]. Значительный интерес представляют работы зарубежных исследователей, таких как Р. Гольцман, Р. Хинз [10], Н. Барр, П. Даймонд [9].

Целью статьи является исследование результатов проведенной реформы пенсионной системы России на современном этапе с позиций уровня пенсионного обеспечения граждан в сопоставлении с аналогичными показателями стран ОЭСР, а также оценка перспектив ожидаемых направлений пенсионной реформы.

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

До 2002 г. в России применялась распределительная модель пенсионного обеспечения. В результате реформы 2002 г. был введен накопительный компонент и в России в соответствии с мировыми тенденциями была установлена комбинированная пенсионная система.

Во многих странах, применяющих комбинированную модель пенсионного обеспечения, выделяют три ее основных уровня [18, с. 86]:

1-й уровень – обязательное пенсионное обеспечение, минимально необходимое. Оно предоставляется государством и направлено на обеспечение прожиточного минимума при потере трудоспособности, на предотвращение бедности в пожилом возрасте. Бывает трех видов: базовые пенсии, минимальные пенсии, социальная помощь.

2-й уровень – обязательное пенсионное обеспечение, связанное с формированием накоплений. Может быть как государственным, так и частным. Направлено на достижение приемлемого уровня жизни при выходе на пенсию, пропорционального прежнему заработку. Различают следующие его разновидности: пенсии с установленными выплатами, пенсии с установленными взносами, балльная система, условно-накопительная система.

3-й уровень – добровольное пенсионное обеспечение, связанное с формированием накоплений. Является частным и направлено на получение дополнительного дохода пенсионеров. Различают следующие его разно-

видности: пенсии с установленными выплатами, пенсии с установленными взносами.

Рассмотрим эти три уровня применительно к пенсионной системе России.

На первом уровне пенсионной системы формируется минимальная страховая пенсия. Она назначается только при накоплении минимального количества пенсионных баллов, а также при наличии минимального страхового стажа. Работник, достигший пенсионного возраста, не может рассчитывать на получение минимальной страховой пенсии при недостатке баллов. Он должен будет продолжать трудиться до тех пор, пока не заработает необходимое количество баллов либо оформить социальную пенсию через пять лет после общеустановленного срока выхода на пенсию. Минимальная страховая пенсия не превышает 14,6 % среднего заработка работника и покрывает лишь 2/3 прожиточного минимума пенсионера (табл. 1). Размер социальной пенсии по старости еще ниже, чем минимальная страховая пенсия. В связи с этим Федеральным законом от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» за неработающим пенсионером закреплено право на получение федеральной или региональной социальной доплаты к пенсии, если общая сумма его материального обеспечения меньше прожиточного минимума пенсионера в регионе его проживания. Таким образом, минимальное пенсионное обеспечение в России соответствует прожиточному минимуму пенсионера. Его величина составляла от 21,8 до 24 % от среднего заработка работника за период 2015–2017 гг. (табл. 1). Для сравнения в странах ОЭСР средняя минимальная пенсия составляет 25,6 % от среднего заработка работника [18, с. 88].

Таблица 1

Минимальное пенсионное обеспечение в России

Наименование	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Среднемесячная зарплата работников организаций, руб.	34030	36709	39144
Минимальная страховая пенсия:			
в рублях	4854,91	5227,37	5700,92
в % от средней зарплаты	14,3	14,2	14,6
Социальная пенсия по старости:			
в рублях	4769,09	4959,85	5034,25
в % от средней зарплаты	14,0	13,5	12,9
Прожиточный минимум пенсионера:			
в рублях	7161	8803	8540
в % от средней зарплаты	21,0	24,0	21,8

Источник: составлено автором на основе [11, 16].

На 01.01.2017 г. федеральные и региональные социальные доплаты к пенсии получали 6,7 млн человек, что составляет 15,5 % от общего количества пенсионеров [16]. Реальная доля пенсионеров с минимальным пенсионным обеспечением еще выше, поскольку следует учитывать тех лиц, которые получают пенсию на уровне прожиточного минимума без социальных доплат.

На втором уровне пенсионной системы формируется страховая пенсия (сверх минимальной) и обязательная накопительная пенсия.

Страховая пенсия основана на балльной системе. Ее величина определяется как произведение количества пенсионных баллов, накопленных работником за трудовой период, на стоимость одного балла и плюс фиксированная выплата к страховой пенсии. Количество баллов, в первую очередь, зависит от размера заработка работника – чем выше заработная плата, тем большее количество баллов будет назначено работнику. При этом законодательство ограничило максимальную величину годового балла. Так, с 2021 г. – 10 баллов (6,25 баллов для тех, кто будет направлять 6 % тарифа на накопительную пенсию). Это означает, что работники с заработной платой, превышающей двойную среднюю зарплату по стране, при прочих равных условиях будут ежегодно накапливать одинаковое количество баллов. То есть балльная система предполагает низкую дифференциацию пенсий.

Стоимость пенсионного балла рассчитывается отношением суммы страховых взносов на страховые пенсии и трансфертов из федерального бюджета к общей величине пенсионных баллов получателей страховых пенсий. При этом Федеральным законом РФ от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» закрепляется норма о ежегодном увеличении стоимости пенсионного балла, которое не может быть менее индекса роста потребительских цен за прошедший год. Эта норма направлена на защиту пенсий от инфляционного обесценения. Однако в 2016 г. стоимость пенсионного балла была проиндексирована на 1,04, в то время как индекс потребительских цен составлял 1,129 (табл. 2). Соответственно реальные размеры пенсий уменьшились. Для граждан, вышедших на пенсию в 2016 г. и позже, это отразилось на размере назначенной пенсии. Например, если к моменту выхода на пенсию в 2018 г. гражданин набрал 120 баллов, то его страховая пенсия составит 14761,7 руб. ($120 \cdot 81,49 + 4982,9$), в то время как он мог бы получать 15434,81 руб. ($120 \cdot 87,10 + 4982,9$), т.е. на 673,11 руб. больше каждый месяц. И чем больше количество набранных баллов, тем выше эта разница.

Таблица 2

Сравнительный анализ фактической и расчетной стоимости пенсионного балла

Дата	Фактическая стоимость пенсионного балла, руб.	Стоимость пенсионного балла, рассчитанная по росту ИПЦ, руб.	Индекс фактический	Индекс по ИПЦ
01.01.2015	64,10	64,10		
01.02.2015	71,41	71,41	1,114	1,114
01.04.2015	71,41	71,41		
01.02.2016	74,27	80,62	1,04	1,129
01.02.2017	78,28	84,97	1,054	1,054
01.04.2017	78,58	84,97		
01.01.2018	81,49	87,10	1,037	1,025

Источник: составлено автором на основе [11].

Таким образом, стоимость пенсионного балла, а соответственно и размер страховой пенсии зависит от финансовых возможностей бюджета Пенсионного фонда РФ.

Обязательная накопительная пенсия начала формироваться с 2002 г. в размере 2 % от заработной платы ежемесячно для женщин, родившихся в 1957 г. и позже, и мужчин, родившихся в 1953 г. и позже. С 2005 г. размер взносов был увеличен до 6 %, а сама пенсия стала формироваться только для граждан, родившихся в 1967 г. и позже. Средства пенсионных накоплений формируются либо в Пенсионном фонде РФ, либо в негосударственных пенсионных фондах (НПФ) по выбору самих граждан и отражаются на их индивидуальных лицевых счетах. С 2014 г. и по настоящее время накопительную систему заморозили, т.е. весь тариф взносов на пенсионное обеспечение в размере 22 % направляется на формирование страховой пенсии. Хотя в 2014–2015 гг. гражданам 1967 г. рождения и моложе было предоставлено право выбора – продолжать с 2016 г. формировать накопительную пенсию или нет.

По показателю среднегодовой реальной доходности частных пенсионных накоплений Россия существенно отстает от стран ОЭСР. Так, за пятилетний период (с декабря 2011 г. по декабрь 2016 г.) в России реальная среднегодовая доходность была –1,1 %, в то время как в большинстве стран она была выше 2 %, а наибольшие значения доходности наблюдались у таких стран, как Канада (6,9 %), Нидерланды (6,7 %), Венгрия (6,6 %), Швеция (6,5 %), Бельгия (6,5 %) [13, 17]. Реальная среднегодовая доходность государственных пенсионных резервных фондов стран, по которым проводилось исследование ОЭСР, за пятилетний период (с 2011 по 2015 г.) была выше 1 %, при этом наибольшие значения доходности наблюдались у таких стран, как Новая Зеландия (11,8 %), Канада, СРПИВ (10,3 %), Швеция, АР4 (9,2 %) [19]. В то же время в России за соответствующий период реальная среднегодовая доходность расширенного портфеля ВЭБ была на уровне –1,7 %.

Оценим размер страховой и обязательной накопительной пенсии.

Средняя величина страховой пенсии по старости в 2017 г. превысила прожиточный минимум пенсионера в 1,6 раза и составила 35,2 % от средней зарплаты (табл. 3). В то время как в 2015 г. эти показатели составля-

Таблица 3

Средняя величина страховой и накопительной пенсии

Показатель	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Средняя величина страховой пенсии по старости:			
в рублях	12830	13172	13 762
в % от прожиточного минимума пенсионера	179,2	149,6	161,1
в % от средней зарплаты	37,7	35,9	35,2
Средняя величина накопительной пенсии:			
в рублях	758,7	802	866
в % от прожиточного минимума пенсионера	10,6	9,1	10,1
в % от средней зарплаты	2,2	2,2	2,2

Источник: составлено автором на основе [11, 14, 16].

ли соответственно 1,8 раза и 37,7 %. Накопительная пенсия вносит гораздо меньший вклад в замещение заработка при выходе работника на пенсию: в 2015–2017 гг. она покрывала только 2,2 % среднего заработка. В совокупности страховая пенсия по старости и накопительная пенсия покрывали средний заработок на уровне 39,9 % в 2015 г., снизившись до 37,4 % в 2017 г. Для сравнения в 12 странах ОЭСР с государственным и обязательным личным пенсионным обеспечением средний коэффициент замещения пенсией заработной платы составляет 56 % [18]. При этом средняя зарплата в России, рассчитанная по паритету покупательной способности, в 2,5 раза меньше аналогичного среднего показателя этих стран.

Таким образом, по уровню обязательного пенсионного обеспечения Россия существенно отстает от стран ОЭСР, а коэффициент замещения пенсий на уровне 37 % не может обеспечить приемлемый уровень жизни гражданина при выходе на пенсию.

На третьем уровне пенсионной системы формируются негосударственные пенсии в рамках добровольного пенсионного обеспечения, которое осуществляется НПФ. Негосударственная пенсия формируется за счет добровольных взносов граждан или организаций-работодателей, а также полученного от их размещения инвестиционного дохода. Добровольное пенсионное обеспечение направлено на получение дополнительного дохода пенсионеров – 3343,3 руб. в 2017 г., что составляет 8,5 % среднего заработка (табл. 4). Однако системой добровольного пенсионного обеспечения охвачены всего лишь 3,4 % пенсионеров. В странах ОЭСР добровольные пенсии в среднем увеличивают коэффициент замещения на 6 % (для восьми стран, в которых добровольное пенсионное обеспечение наиболее распространено – на 26 %) [18].

Таблица 4

Средний размер негосударственной пенсии

Показатель	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Получатели негосударственных пенсий:			
всего, тыс. чел.	1556,7	1530,8	1 484,4
в процентах от общей численности пенсионеров	3,6	3,5	3,4
Средний размер негосударственной пенсии:			
рублей за месяц	2640,7	2908,3	3343,3
в % от прожиточного минимума пенсионера	36,9	33,0	39,1
в % от средней зарплаты	7,8	7,9	8,5

Источник: составлено автором на основе [11, 12, 16].

Таким образом, в настоящее время в России основную роль в пенсионном обеспечении играет распределительная компонента. Она обеспечивает коэффициент замещения в размере 35 %, в то время как накопительная компонента добавляет только около 2 % коэффициента замещения. Однако для пенсионеров, получающих негосударственную пенсию, накопительная компонента покрывает до 10 % среднего заработка.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ

Дальнейшее реформирование распределительной составляющей пенсионной системы связано с решением Правительства РФ увеличить пенсионный возраст для мужчин до 65 лет к 2028 г., а для женщин – до 63 лет к 2034 г. Это решение обосновывается тем, что в России с каждым годом сокращается соотношение между трудоспособным населением и пенсионерами. В дальнейшем это может привести к разбалансированию пенсионной системы таким образом, что государство будет не в состоянии выполнять свои социальные обязательства. Также приводится аргумент о том, что в России в настоящее время возраст выхода на пенсию является одним из самых низких в мире. Однако следует учитывать, что в России ожидаемая продолжительность жизни на пенсии как для мужчин, так и для женщин также является одной из самых низких. Согласно исследованию ОЭСР в России средний возраст выхода на пенсию для женщин – 60,3 года, для мужчин – 63,2 года, при этом ожидаемая продолжительность жизни после выхода на пенсию составляет для женщин – 17,6 лет, а для мужчин – 13,1 года [18, с. 129]. Для сравнения в странах ОЭСР женщины выходят на пенсию в среднем в 63,6 года, а мужчины – в 65,1 года, а ожидаемая продолжительность жизни после выхода на пенсию составляет 22,5 года для женщин и 18,1 года для мужчин.

Кроме того, с повышением пенсионного возраста серьезно обострится проблема трудоустройства как людей предпенсионного возраста, так и молодежи. Это обусловлено общим состоянием экономики, недостатком рабочих мест в нужном количестве. Возросшая конкуренция на рынке труда может привести к ухудшению условий заключения трудовых договоров и снижению социальной защищенности работников. В дальнейшем роботизация и автоматизация трудовых процессов могут усилить эти негативные явления.

Ожидаемые результаты предлагаемой реформы также вызывают сомнения. Актуарные расчеты показывают, что эффект от повышения пенсионного возраста будет краткосрочным и в последующий период последует увеличение расходов на выплату пенсии в связи с ростом числа получателей с повышенным объемом пенсионных прав за счет дополнительного периода трудового стажа [7, с. 62].

Реформирование накопительной составляющей пенсионной системы связано с планами Правительства отменить обязательную накопительную пенсию и перейти на добровольные пенсионные накопления по проекту «индивидуального пенсионного капитала» (ИПК). Работодатели продолжают перечислять обязательные взносы в размере 22 % на формирование страховой пенсии своих работников. Наряду с этим предусматривается перечисление дополнительных взносов в размере от 0 до 6 % от зарплаты работника на формирование его ИПК. При этом планируется подключать граждан к новой системе на добровольной основе – по заявлению самого работника, в котором он указывает, какой процент от заработка он готов перечислять в виде взносов. Для стимулирования граждан к участию в системе предусматриваются вычеты по подоходному налогу в соответствии с величиной уплаченных взносов. Предполагается автоматический перевод пенсионных накоплений граждан, находящихся в НПФ, в систему ИПК. А

если пенсионные накопления находятся в Пенсионном фонде, то они могут быть переведены в пенсионные баллы и направлены на страховую пенсию, либо перенаправлены из Пенсионного фонда в НПФ для формирования ИПК. Окончательной концепции ИПК пока не сформировано, хотя ее реализация планируется уже с 2019 г.

Добровольная накопительная система в отличие от существовавшей ранее обязательной накопительной системы, по нашему мнению, не сможет обеспечить существенного притока пенсионных накоплений. В первую очередь, это связано с низкими доходами населения, которые не позволяют людям делать какие-либо сбережения в условиях недостатка средств на текущие нужды. Еще одним фактором является отсутствие доверия населения к постоянно реформируемой пенсионной системе, а также к финансовым институтам. Также следует учитывать недостаточную финансовую грамотность населения и отсутствие так называемой «культуры накопления» в стране. Влияние этих факторов подтверждается результатами опросов населения, в соответствии с которыми многие люди не готовы самостоятельно откладывать себе на пенсию и рассчитывают на пенсию от государства [15]. Поэтому отказ от обязательной накопительной системы и переход к добровольной системе накопления представляется преждевременным. При сохранении имеющихся тенденций это не окажет заметного влияния на размер пенсий, а также не сможет обеспечить экономику инвестиционным ресурсом для финансирования инфраструктурных проектов.

Таким образом, проводимая в настоящее время реформа пенсионной системы России в целом соответствует мировым тенденциям и связана со снижением обязательств государства перед пенсионерами: повышение пенсионного возраста, ограничения по выплатам пенсий работающим пенсионерам, поощрение позднего выхода на пенсию, «замораживание» пенсионных накоплений. Однако в странах ОЭСР эти непопулярные меры реализуются в условиях совершенно другого уровня пенсионного обеспечения граждан. В России наблюдается не только низкий уровень коэффициента замещения заработной платы пенсией, но и сам заработок, рассчитанный по паритету покупательной способности, является несопоставимо низким по сравнению со средними показателями стран ОЭСР. Ожидаемая продолжительность жизни на пенсии как для мужчин, так и для женщин за рубежом гораздо выше, чем в России. Не случайно Россия вошла в топ-5 худших в мире стран для жизни пенсионеров в соответствии с Глобальным пенсионным индексом – 2017. На наш взгляд, стабилизировать пенсионную систему за счет сокращения пенсионных обязательств в условиях, когда пенсионеры и так находятся на грани выживания, недопустимо. Необходимо искать другие резервы, если Россия позиционирует себя как социальное государство, которое способно позаботиться о старшем поколении и создать условия для достойного уровня жизни пенсионеров.

Литература

1. Дегтярь Л.С. Пенсионные реформы в развитых странах: новейшие тенденции и выводы для России // Проблемы прогнозирования. 2012. № 2. С. 101–112.
2. Кудрин А.Л., Гурвич Е.Т. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 52–79.

3. Мамий Е.А., Новиков А.В. Актуальные проблемы реформирования пенсионной системы Российской Федерации // Финансы и кредит. 2014. № 19. С. 26–32.
4. Пудовкин А.В. Мировой опыт формирования пенсионных систем и возможности его использования в России: дис. ... канд. экон. наук. М., 2017.
5. Роик В.Д. Архитектура пенсионных институтов России: состояние и перспективы // Журнал НЭА. 2015. № 3. С. 184–188.
6. Соловьев А.К. Пенсионный возраст как инструмент пенсионного обеспечения // Финансы. 2016. № 8. С. 53–57.
7. Соловьев А.К. К вопросу о повышении пенсионного возраста // Финансы. 2015. № 6. С. 58–64.
8. Шестакова Е.Е. Дольше работать, больше копить: западные рецепты решения пенсионных проблем // Россия и современный мир. 2016. № 2. С. 107–122.
9. Barr N., Diamond P. Reforming pensions: Principles, analytical errors and policy directions // International social security review. 2009. Vol. 62. № 2. P. 5–29.
10. Holzman R., Hinz R. Old-age income support in the twenty-first century: an international perspective on pension systems and reform // The World Bank, Washington D.C. 2005. Vol. 218.
11. СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.05.2018).
12. Основные показатели деятельности НПФ. [Электронный ресурс]. URL: http://cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll/ (дата обращения: 07.05.2018).
13. Пенсионные накопления России. Итоги 2016 г и промежуточные результаты 2017 г [Электронный ресурс]. URL: <http://p-a-c.ru/124237> (дата обращения: 10.05.2018).
14. Пенсионный фонд РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pfrf.ru> (дата обращения: 10.05.2018).
15. Пенсия – дело государственное! [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=900> (дата обращения: 12.05.2018).
16. Росстат. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 01.05.2018).
17. Pension Markets in Focus 2017. OECD. Paris, 2017. [Электронный ресурс]. URL: www.oecd.org/pensions/private-pensions/Pension-Marketsin-Focus-2017.pdf (дата обращения: 06.05.2018).
18. Pensions at a Glance 2017: OECD and G20 Indicators. OECD Publishing. Paris, 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://dx.doi.org/10.1787/pension_glance-2017-en (дата обращения: 02.04.2018).
19. Survey of Large Pension Funds and Public Pension Reserve Funds. OECD, 2018. [Электронный ресурс]. URL: www.oecd.org/finance/survey-large-pension-funds.htm (дата обращения: 11.05.2018).

Bibliography

1. Degtjar' L.S. Pensionnye reformy v razvityh stranah: novejschie tendencii i vyvody dlja Rossii // Problemy prognozirovaniya. 2012. № 2. P. 101–112.
2. Kudrin A.L., Gurvich E.T. Starenie naselenija i ugroza bjudzhetnogo krizisa // Voprosy jekonomiki. 2012. № 3. P. 52–79.
3. Mamij E.A., Novikov A.V. Aktual'nye problemy reformirovanija pensionnoj sistemy Rossijskoj Federacii // Finansy i kredit. 2014. № 19. P. 26–32.
4. Pudovkin A.V. Mirovoj opyt formirovanija pensionnyh sistem i vozmozhnosti ego ispol'zovanija v Rossii: dis. ... kand. jekon. nauk. M., 2017.
5. Roik V.D. Arhitektura pensionnyh institutov Rossii: sostojanie i perspektivy // Zhurnal NJeA. 2015. № 3. P. 184–188.
6. Solov'ev A.K. Pensionnyj vozrast kak instrument pensionnogo obespechenija // Finansy. 2016. № 8. P. 53–57.

7. *Solov'ev A.K.* K voprosu o povyshenii pensionnogo vozrasta // *Finansy*. 2015. № 6. P. 58–64.
8. *Shestakova E.E.* Dol'she rabotat', bol'she kopit': zapadnye recepty reshenija pensionnyh problem // *Rossija i sovremennyy mir*. 2016. № 2. P. 107–122.
9. *Barr N., Diamond P.* Reforming pensions: Principles, analytical errors and policy directions // *International social security review*. 2009. Vol. 62. № 2. P. 5–29.
10. *Holzman R., Hinz R.* Old-age income support in the twenty-first century: an international perspective on pension systems and reform // *The World Bank*, Washington D.C. 2005. Vol. 218.
11. SPS «Konsul'tant Pljus». [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashhenija: 01.05.2018).
12. Osnovnye pokazateli dejatel'nosti NPF. [Elektronnyj resurs]. URL: http://cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll/ (data obrashhenija: 07.05.2018).
13. Pensionnye nakoplenija Rossii. Itogi 2016 g. i promezhutochnye rezul'taty 2017 g. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://p-a-c.ru/124237> (data obrashhenija: 10.05.2018).
14. Pensionnyj fond RF [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.pfrf.ru> (data obrashhenija: 10.05.2018).
15. Pensija – delo gosudarstvennoe! [Elektronnyj resurs]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=900> (data obrashhenija: 12.05.2018).
16. Rosstat. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.gks.ru/> (data obrashhenija: 01.05.2018).
17. Pension Markets in Focus 2017. OECD. Paris, 2017. [Elektronnyj resurs]. URL: www.oecd.org/pensions/private-pensions/Pension-Marketsin-Focus-2017.pdf (data obrashhenija: 06.05.2018).
18. Pensions at a Glance 2017: OECD and G20 Indicators. OECD Publishing. Paris, 2017. [Elektronnyj resurs]. URL: http://dx.doi.org/10.1787/pension_glance-2017-en (data obrashhenija: 02.04.2018).
19. Survey of Large Pension Funds and Public Pension Reserve Funds. OECD, 2018. [Elektronnyj resurs]. URL: www.oecd.org/finance/survey-large-pension-funds.htm (data obrashhenija: 11.05.2018).

ОБ АВТОРАХ

Авров Андрей Петрович, кандидат экономических наук, профессор кафедры статистики и оценки, Казахский экономический университет им. Т. Рыскулова, Алматы, Республика Казахстан. E-mail: andreyavrov@mail.ru

Апенько Светлана Николаевна, доктор экономических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия. E-mail: apenkosn@omsu.ru

Ашуров Сайёд Абдукаюмович, ассистент, кафедра автомобиля и управление на транспорте, политехнический институт, Таджикский технический университет имени академика М.С. Осими, Душанбе, Республика Таджикистан. E-mail: Sayod.ashurov@mail.ru

Белоусова Светлана Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Иркутский научный центр СО РАН, Иркутск, Россия. E-mail: belousova-@mail.ru

Богдан Игнат Викторович, кандидат политических наук, главный специалист, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Россия. E-mail: bogdaniv@zdrav.mos.ru

Васильева Нина Сергеевна, старший преподаватель, кафедра корпоративного управления и финансов, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: vasilekns@mail.ru

Великороссов Владимир Викторович, доктор экономических наук, профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия. E-mail: Kulapov.MN@rea.ru

Воловская Нина Михайловна, доктор социологических наук, профессор, кафедра маркетинга, рекламы и связей с общественностью, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: n.m.volovskaya@nsaem.ru

Воронина Наталья Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, Сибирская академия финансов и банковского дела, Новосибирск, Россия. E-mail: nata_vni@mail.ru

Глинский Владимир Васильевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: s444@ngs.ru

Гулакова Ольга Игоревна, младший научный сотрудник, ассистент, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия. E-mail: o.gulakova@g.nsu.ru

Гурылина Мария Владимировна, аналитик, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Россия. E-mail: mariya_gurylina@mail.ru

Иноземцева Анна Валерьевна, старший преподаватель, кафедра маркетинга, рекламы и связей с общественностью, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: a.v.inozemceva@nsuem.ru

Карякин Александр Михайлович, доктор экономических наук, профессор, Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, Иваново, Россия. E-mail: karyakin@economic.ispu.ru

Кисельников Александр Андреевич, доктор экономических наук, профессор, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области (Новосибирскстат), Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: s444@ngs.ru

Коломак Евгения Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия. E-mail: ekolomak@academ.org

Кондратенко Анатолий Васильевич, доктор химических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: anatolykon@gmail.com

Кулапов Михаил Николаевич, доктор экономических наук, профессор, директор Образовательно-научного Центра Менеджмент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия. E-mail: Kulapov.MN@rea.ru

Логачёва Ольга Михайловна, кандидат физико-математических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия. E-mail: omboldovskaya@mail.ru

Логачёв Артем Владимирович, кандидат физико-математических наук, доцент, кафедра статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Институт математики им. С.Л. Соболева СО РАН, Новосибирск, Россия. E-mail: omboldovskaya@mail.ru

Максимова Галина Васильевна, доктор экономических наук, профессор, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия. E-mail: buh_ut@bgu.ru

Маркеев Александр Иванович, кандидат юридических наук, доцент, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Новосибирск, Россия. E-mail: markeev@siu.ranepa.ru

Нагайцев Виктор Валентинович, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой эмпирической социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия. E-mail: nvvv@yandex.ru

Надеждина Светлана Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, кафедра информационно-аналитического обеспечения и бухгалтерского учета, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: nadejdina2010@yandex.ru

Никольская Екатерина Николаевна, аспирант, Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, Иваново, Россия. E-mail: karyakin@economic.ispu.ru

Петровская Юлия Александровна, кандидат социологических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия. E-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru

Пичугина Евгения Петровна, магистрант, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: evgeniya_pichugina.nsk@mail.ru

Плюснина Лидия Константиновна, доктор социологических наук, профессор, кафедра маркетинга, рекламы и связей с общественностью, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: l.k.plyusnina@nsuem.ru

Прохорова Лариса Владиславовна, доцент, кафедра социальная работа и социальная антропология, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия. E-mail: pr271@yandex.ru

- Пустовалова Елена Валерьевна**, доцент, кафедра эмпирической социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия. E-mail: alenawalera@yandex.ru
- Пьянкова Любовь Михайловна**, кандидат экономических наук, доцент, Сибирская академия финансов и банковского дела, Новосибирск, Россия. E-mail: nata_vni@mail.ru, lmpian@mail.ru
- Русина Анастасия Викторовна**, кандидат социологических наук, доцент, кафедра маркетинга, рекламы и связей с общественностью, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: a.v.rusina@nsuem.ru
- Романенко Михаил Алексеевич**, кандидат экономических наук, докторант, кафедра инновационное и проектное управление, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия. E-mail: apenkosn@omsu.ru
- Серга Людмила Константиновна**, кандидат экономических наук, профессор кафедры статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: s444@ngs.ru
- Сумская Татьяна Владимировна**, кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: t.v.sumskaya@ngs.ru
- Терентьева Ирина Викторовна**, кандидат экономических наук, доцент, Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Муром, Россия. E-mail: terentieva-murom@yandex.ru
- Туманянц Карэн Авакович**, кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории, мировой и региональной экономики, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия. E-mail: tka210@gmail.com
- Фишер Ольга Владимировна**, кандидат экономических наук, доцент, кафедра теории финансов, кредита и налогообложения, Волгоградский государственный университет, Контрольно-счетная палата Волгограда, Волгоград, Россия. E-mail: olgafisher@yandex.ru
- Храмцова Татьяна Георгиевна**, доктор экономических наук, профессор, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: s444@ngs.ru
- Цукерблат Дмитрий Миронович**, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия. E-mail: kki@spsl.nsc.ru
- Чистякова Дарья Павловна**, аналитик, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Россия. E-mail: darya.chistyakova93@bk.ru
- Шолбан Любовь Хертековна**, аспирант, кафедра информационно-аналитического обеспечения и бухгалтерского учета, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: Lyuba.sholban@yandex.ru
- Щекина Ирина Викторовна**, сотрудник, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия. E-mail: irina.shekina@mail.ru
- Щёлоков Денис Викторович**, кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и психологии управления, Государственный университет управления, Москва, Россия. E-mail: dshelokov@mail.ru
- Ярославцева Людмила Петровна**, кандидат экономических наук, доцент, кафедра статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия. E-mail: stat@nsuem.ru

OUR AUTHORS

- Avrov Andrey P.** PhD in Economics, Professor of Department of Statistics and Evaluation, Ryskulov Kazakh Economic University, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: andreyavrov@mail.ru
- Apenko Svetlana N.**, Doctor of Economics, Professor, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia. E-mail: apenkosn@omsu.ru
- Ashurov Sayod A.**, Assistant, Department of Automobiles and Transport Management, Polytechnic Institute, Tajik Technical University named after academician M.S. Osimi, Dushanbe, Republic of Tajikistan. E-mail: Sayod.ashurov@mail.ru
- Belousova Svetlana V.**, PhD in Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Irkutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia. E-mail: belousova-@mail.ru
- Bogdan Ignat V.**, Candidate of Political Science, Chief Specialist, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department, Moscow, Russia. E-mail: bogdaniv@zdrav.mos.ru
- Vasilyeva Nina S.**, Senior Lecturer, Department of Corporate Governance and Finance, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: vasilyekns@mail.ru
- Velikorossov Vladimir V.**, Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian Economic University, Moscow, Russia. E-mail: Kulapov.MN@rea.ru
- Volovskaya Nina M.**, Doctor of Sociology, Professor, Department of Marketing, Advertising and Public Relations, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: n.m.volovskaya@nsaem.ru
- Voronina Natalya I.**, PhD in Economics, Associate Professor, Siberian Academy of Finance and Banking, Novosibirsk, Russia. E-mail: nata_vni@mail.ru
- Glinitskiy Vladimir V.**, Doctor of Economics, Professor, Head of Department of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: s444@ngs.ru
- Gulakova Olga I.**, Junior Researcher, Assistant, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russia. E-mail: o.gulakova@g.nsu.ru
- Gurylina Mariya V.**, analyst, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department, Moscow, Russia. E-mail: mariya_gurylina@mail.ru
- Inozemtseva Anna V.**, Senior Lecturer, Department of Marketing, Advertising and Public Relations, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: a.v.inozemceva@nsuem.ru
- Karyakin Aleksander M.**, Doctor of Economics, Professor, Ivanovo State Energy University named after V.I. Lenin, Ivanovo, Russia. E-mail: karyakin@economic.ispu.ru
- Kiselnikov Aleksander A.**, Doctor of Economics, Professor, Territorial Authority Federal State Statistics Service for the Novosibirsk Region, Novosibirsk State University of Economics and Management Novosibirsk, Russia. E-mail: s444@ngs.ru
- Kolomak Evgeniya A.**, Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russia. E-mail: ekolomak@academ.org

- Kondratenko Anatoliy V.**, Doctor of Chemical Sciences, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: anatologykon@gmail.com
- Kulapov Mikhail N.**, Doctor of Economics, Professor, Director of the Educational and Scientific Center of Management, Plekhanov Russian Economic University, Moscow, Russia. E-mail: Kulapov.MN@rea.ru
- Logachova Olga M.**, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russia. E-mail: omboldovskaya@mail.ru
- Logachov Artyem V.**, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Department of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Institute of Mathematics named after S.L. Sobolev, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia. E-mail: omboldovskaya@mail.ru
- Maksimova Galina V.**, Doctor of Economics, Professor, Baikal State University, Irkutsk, Russia. E-mail: buh_ut@bgu.ru
- Markeev Aleksander I.**, Candidate of Law, Associate Professor, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia. E-mail: markeev@siu.ranepa.ru
- Nagaytsev Victor V.**, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Empirical Sociology and Conflictology, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: nvvv@yandex.ru
- Nadezhdina Svetlana D.**, Doctor of Economics, Professor, Department of Information and Analytical Support and Accounting, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: nadejdina2010@yandex.ru
- Nikolskaya Ekaterina N.**, Post-Graduate Student, Ivanovo State Energy University named after V.I. Lenin, Ivanovo, Russia. E-mail: karyakin@economic.ispu.ru
- Petrovskaya Yuliya A.**, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia. E-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru
- Pichugina Evgeniya P.** Undergraduate, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: evgeniya_pichugina.nsk@mail.ru
- Plyusnina Lidiya K.**, Doctor of Sociology, Professor, Department of Marketing, Advertising and Public Relations, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: l.k.plyusnina@nsuem.ru
- Prokhorova Larisa V.**, Associate Professor, Department of Social Work and Social Anthropology, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia. E-mail: pr271@yandex.ru
- Pustovalova Elena V.**, Associate Professor, Department of Empirical Sociology and Conflictology, Altai State University, Barnaul, Russia. E-mail: alenawalera@yandex.ru
- Pyankova Lyubov M.**, PhD in Economics, Associate Professor, Siberian Academy of Finance and Banking, Novosibirsk, Russia. E-mail: lmpian@mail.ru
- Rusina Anastasiya V.**, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Marketing, Advertising and Public Relations, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: a.v.rusina@nsuem.ru
- Romanenko Mikhail A.**, PhD in Economics, Doctoral Student, Department of Innovation and Project Management, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia. E-mail: apenkosn@omsu.ru
- Serga Lyudmila K.**, PhD in Economics, Professor of Department of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: s444@ngs.ru
- Sumskaya Tatyana V.**, PhD in Economics, Associate Professor, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosi-

birsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: t.v.sumskaya@ngs.ru

Terentyeva Irina V., PhD in Economics, Associate Professor, Murom Institute (branch) of the Vladimir State University named after Alexander G. and Nicholas G. Stoletovs, Murom, Russia. E-mail: terentieva-murom@yandex.ru

Tumanyants Karen A., PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economic Theory, World and Regional Economics, Volgograd State University, Volgograd, Russia. E-mail: tka210@gmail.com

Fisher Olga V., PhD in Economics, Associate Professor, Department of Theory of Finance, Credit and Taxation, Volgograd State University, Control and Accounts Chamber of Volgograd, Volgograd, Russia. E-mail: olgafisher@yandex.ru

Khramtsova Tatyana G., Doctor of Economics, Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: s444@ngs.ru

Tsukerblat D.M., Candidate of Pedagogical Sciences, Leading Researcher, State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia. E-mail: kki@spsl.nsc.ru

Chistyakova Darya P., analyst, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department, Moscow, Russia. E-mail: darya.chistyakova93@bk.ru

Sholban Lyubov Kh., Post-Graduate Student, Department of Information and Analytical Support and Accounting, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: Lyuba.sholban@yandex.ru

Shekina Irina V., Employee, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia. E-mail: irina.shekina@mail.ru

Schelokov Denis V., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Psychology of Management, State University of Management, Moscow, Russia. E-mail: dshelokov@mail.ru

Yaroslavtseva Lyudmila P., PhD in Economics, Associate Professor, Department of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia. E-mail: s444@ngs.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК НГУЭУ»

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные авторские материалы – научные статьи, обзоры, рецензии, научные сообщения, соответствующие тематике журнала.

2. В редакцию следует направлять авторские материалы, включающие следующие элементы: индекс УДК, название публикуемого материала, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова, текст публикуемого материала, список литературы. Название публикуемого материала, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова необходимо представлять в редакцию на русском и английском языках. Объем авторского оригинала не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами). Вместе с оригиналом статьи автор должен представить заявление-анкету.

3. Требования к оформлению статьи.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Word. Шрифт Times New Roman, размер 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный, гарнитура нормальная. Поле верхнее – 2, нижнее – 2, левое – 3, правое – 1. Если статья содержит графические иллюстрации, то они должны быть дополнительно представлены в виде отдельных графических файлов формата JPEG. Статья должна быть сверстана в виде единого целого, чтобы при необходимости была возможна распечатка файла статьи. Страницы статьи не должны быть пронумерованы.

Аннотация (500–600 знаков) предшествует основному тексту статьи и представляется в текстовом редакторе Word. Шрифт Times New Roman, размер 10 пунктов. Аннотация сопровождается ключевыми словами (5–6 слов).

Ссылки на источники в тексте статьи даются только в квадратных скобках (без цитирования [12], при цитировании или пересказе авторского текста [12, с. 29]). Нумерация ссылок в статье производится по порядковому номеру источника в пристатейном списке литературы. Первыми в списке даются источники на русском языке, затем на иностранных языках и последними – источники электронные и удаленного доступа. Каждая группа выстраивается в алфавитном порядке.

При использовании в статье источников из электронных ресурсов или удаленного доступа (Интернета) в списке литературы приводится библиографическая запись источника и ссылка на сетевой ресурс с полным сетевым адресом в Интернете (см. Образец оформления статьи). Также необходимо указывать дату обращения к ресурсу.

Перед аннотацией приводятся инициалы и фамилия автора, полное название места его работы и электронный адрес.

Использованная литература приводится на последней странице текста статьи. Оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1–2003. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.

4. Регистрация авторов и отправка электронной версии статьи в редакцию осуществляется через он-лайн систему <http://nsuem.elpub.ru>. Статьи, не зарегистрированные в программе, не рассматриваются.

5. Принятые материалы публикуются бесплатно.

УДК 332.1

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Сумская Т.В.

Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН
E-mail: sumscay@ieie.nsc.ru

Рассмотрены противоречия, обусловленные организационно-правовой моделью местного самоуправления в России, определены особенности формирования и направления использования средств местных бюджетов в зависимости от типов муниципальных образований. Выявлены недостатки преобразований, проводимых в сфере местного самоуправления, и показано, что развитие межбюджетных отношений в части региональных и местных бюджетов должно опираться на прочную финансовую базу, которая во многом определяется соответствующим законодательством, закрепляющим правовые гарантии финансовой самостоятельности местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, местный бюджет, текущие нужды муниципальных образований, дифференциация социально-экономического развития, механизм регулирования межбюджетных отношений.

PROBLEMS OF FORMING LOCAL SELF-GOVERNMENT BUDGETS

Sumskay T.V.

Institute of Economics and Industrial Engineering
of the Siberian Branch of the RAS
E-mail: sumscay@ieie.nsc.ru

The article considers contradictions of organizational and legal model of local self-government in Russia, peculiarities of forming of intergovernmental fiscal relations model in Russia. The ways of formation of local governments' budgets corresponded to the types of municipality are described. Weaknesses of local self-government reforms are discovered. The author has shown, that the development of intergovernmental fiscal relations should rely on fundamental financial base. This base is determined by the law, which guarantees financial independence of local self-government.

Keywords: local self-government, local budget, intergovernmental fiscal relations.

Муниципальное образование, в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ, – это городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ либо внутригородская территория города федерального значения. В бюджетной системе страны, как главной финансовой базе деятельности и государственных органов власти, и органов местного самоуправления, связанной с экономическим и социальным развитием соответствующих территорий, местные бюджеты – самые многочисленные. К настоящему времени проблема их формирования и укрепления остается одной из наиболее острых и насущных в межбюджетных отношениях, что требует охвата процессами реформирования взаимоотношений не только Центра и субъектов Федерации, но и внутри субъектов РФ. Это возможно при условии выработки единой стратегии оздоровления всей системы общественных финансов...

При этом нельзя отрицать необходимости выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований «сверху» путем привлечения средств вышестоящих бюджетов. Однако во избежание формирования иждивенчества со стороны территорий федеральная помощь должна оказываться лишь при условии недостаточности налогового потенциала на подведомственной территории, в основе которой лежат объективные причины. В целом лишь опора на собственные силы представляется надежным залогом повышения эффективности механизма регулирования межбюджетных отношений, достижения действительной самостоятельности местных бюджетов.

Литература

1. Бухвальд Е. Проблемы переходного периода муниципальной реформы и пути ее решения // Федерализм. 2007. № 3. С. 95–110.
2. Гельман В. От местного самоуправления к вертикали власти // Pro et Contra. 2007. № 1. С. 6–18.
3. Завьялов Д. Ю. Доходы муниципальных образований в аспекте межбюджетных отношений // Финансы. 2007. № 3. С. 22–25.
4. Киреева Е. В. О финансовых основах местного самоуправления // Финансы. 2005. № 12. С. 66–68.
5. Лобкин А. И. Бюджетное и налоговое регулирование экономики муниципальных территориальных образований // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 6 (45). С. 124–131.

ЗАЯВЛЕНИЕ-АНКЕТА

В журнал «Вестник НГУЭУ» от автора

Направляю Вам подготовленную мной статью _____

(название статьи)

для рассмотрения и публикации.

С условиями публикации согласен (а). Статья ранее не публиковалась. Против воспроизведения данной статьи в других средствах массовой информации (включая электронные) не возражаю.

В случае публикации статьи авторский экземпляр журнала прошу выслать по адресу: _____

(почтовый индекс, адрес)

АНКЕТА (СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ)

1. Фамилия, имя, отчество _____

2. Телефон: домашний _____ Рабочий _____
мобильный _____ E-mail _____

3. Место работы (учебы) _____

4. Должность _____

5. Ученая степень, звание _____

6. Страна, населенный пункт _____

Автор: _____

(подпись) (фамилия и инициалы)

«_____» _____ 20__ г.

Научный журнал
«ВЕСТНИК НГУЭУ»
2018 • № 4

Подписано в печать 05.12.2018. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 70×108/16.
Усл. п. л. 17,5. Тираж 500 экз.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
630099, Новосибирск, ул. Каменская, 56.
Тел. 243-95-34